

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет психологического консультирования

Никольская Ольга Сергеевна

**АФФЕКТИВНАЯ СФЕРА
КАК СИСТЕМА СМЫСЛОВ,
ОРГАНИЗУЮЩИХ СОЗНАНИЕ
И ПОВЕДЕНИЕ**

**Москва
МГППУ
2008**

УДК 159.9
ББК 88.37
Н 63

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-06-160360**

Никольская О.С.

Н 63 Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. – М.: МГППУ, 2008. – 462с.

ISBN 978-5-94051-041-3

Многолетнее изучение особенностей психического дизонтогенеза при детском аутизме и осмысление результатов психокоррекционной работы позволили автору по новому подойти к пониманию структуры и функций аффективной сферы человека в норме. Она рассматривается как многоуровневая система, организующая решение задач адаптации и саморегуляции. Реконструируются уровни регуляции поведения и сознания, каждый из них имеет уникальный жизненно важный смысл. Соответствующая ему структура переживания выступает как механизм формирующий мироощущения и поведения. Взаимодополняющие разноуровневые механизмы вступают в отношения иерархии, согласования и реципрокной организации, что обеспечивает системе целостность и управляемость. Выделены этапы ее онтогенеза, варианты индивидуального и культурного развития, признаки дисбаланса и патологических изменений, среди которых определено место детского аутизма. Предложены принципы выбора средств коррекции отклонений в аффективном развитии.

УДК 159.9
ББК 88.37

ISBN 978-5-94051-041-3

© Никольская О.С., 2008
© Московский городской психологический
педагогический университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
ГЛАВА 1. Взгляд сквозь призму детского аутизма.....	10
ГЛАВА 2. Уровни аффективной организации сознания и поведения.....	44
Уровень пластичности.....	45
Организация адаптации к внешнему миру.....	45
Вклад первого уровня в процессы саморегуляции.....	58
Культурное развитие первого уровня.....	66
Уровень аффективных стереотипов.....	79
Особенности адаптации к внешнему миру.....	79
Вклад второго уровня в саморегуляцию.....	99
Культурное развитие второго уровня.....	110
Уровень экспансии.....	117
Организация адаптации к внешним условиям.....	117
Вклад третьего уровня в саморегуляцию.....	140
Культурное развитие третьего уровня.....	146
Уровень эмоционального контроля.....	153
Организация адаптации к внешней среде.....	153
Вклад четвертого уровня в процессы саморегуляции.....	175
Культурное развитие четвертого уровня.....	184
ГЛАВА 3. Система аффективной организации сознания и поведения.....	200
Особенности и функции системы.....	200
Уровни в системе аффективной организации поведения.....	203
Структура переживания как аффективный механизм организации адаптивного поведения.....	210
Ступени усложнения информационной структуры переживания.....	212
Структура переживания как механизм смысловой организации сознания.....	217
Системная организация сознания и поведения.....	223
Развитие функциональных систем аффективной	229

организации сознания и поведения.....	
Культурное развитие системы аффективной организации поведения и сознания.....	239
Взаимодействие культуры и индивидуального сознания.....	242
Воспроизведение уклада.....	248
Личность как присвоение произвольных форм аффективной организации поведения и сознания.....	250
ГЛАВА 4. О шагах становления системы аффективной организации сознания и поведения в онтогенезе.....	253
Самый ранний период развития.....	256
Кризис первого года.....	291
Ранний возраст (между кризисами года и трех лет).....	297
Кризис трех лет.....	314
Между кризисами трех лет и подросткового возраста.....	320
Подростковый возраст.....	326
ГЛАВА 5. Конфигурации культуры как акцентуации в развитии системы аффективной организации сознания.....	334
«Иначе организованные души».....	334
Традиционные культуры.....	337
Культура нравственных ценностей.....	356
Культура Нового времени.....	371
Культура интуитивного сознания.....	391
Индивидуальность культуры.....	413
ГЛАВА 6. Индивидуальные различия и отклонения в развитии системы аффективной организации сознания и поведения.....	430
Изменения системы сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня аффективной пластичности.....	433
<i>Особенности развития системы сознания, обусловленные увеличением выносливости первого уровня.....</i>	433
<i>Особенности развития системы сознания, связанные с повышением чувствительности первого уровня.....</i>	446
Изменения в системе сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня аффективных стереотипов.....	465
<i>Особенности системы сознания, обусловленные</i>	465

<i>увеличением выносливости второго уровня.....</i>	476
<i>Особенности развития системы сознания, связанные с увеличением чувствительности второго уровня.....</i>	
Изменения системы сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня экспансии.....	491
<i> Особенности системы сознания, обусловленные увеличением выносливости третьего уровня.....</i>	491
<i> Особенности развития системы сознания, связанные с увеличением чувствительности уровня экспансии.....</i>	501
Изменения системы сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня эмоционального контроля.....	515
<i> Особенности развития системы сознания, обусловленные увеличением выносливости четвертого уровня.....</i>	515
<i> Особенности развития системы сознания, связанные с увеличением чувствительности уровня эмоционального контроля.....</i>	
	526
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	546
ЛИТЕРАТУРА.....	556

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая читателю, является переработкой монографии, изданной в 2000 году¹, а та, в свою очередь, стала развитием темы, захватившей нас еще в 1980-е годы². Тогда нам показалось, да и сейчас кажется, что решение загадки детского аутизма может не только помочь таким детям, но и открыть что-то очень важное в общем знании о человеке.

В то время мы чувствовали себя ретроградами. В изучении проблемы детского аутизма клинические описания и классификации начинали активно тесниться психологическими работами. Трудности установления контакта с такими детьми рассматривались в контексте более общих проблем организации взаимодействия с миром, общее признание получало мнение, что детский аутизм надо рассматривать прежде всего как особый тип нарушения психического развития; менялись суждения о первопричинах аутистического дизонтогенеза. Если классические клинические исследования в большей степени акцентировали аффективные проблемы детей, то экспериментально-психологические – сосредоточивались на особенностях их когнитивного развития. Была выявлена первазивная³ недостаточность таких детей, проявляющаяся, как выяснилось, прежде всего, в их особом стиле организации информации. Мнения

---

¹ Никольская О.С. Аффективная сфера человека. Взгляд сквозь призму детского аутизма. М., 2000.

² Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция». М., 1990.

³ Термин «*pervasive disorders*» часто переводится как «общее нарушение», нам кажется, что это не отражает его содержания, точнее будет – «вспроникающая недостаточность».

ПРЕДИСЛОВИЕ

об исходных причинах формирования аутизма уверенно склонялись в сторону дефицитарности когнитивной сферы.

Вот этого последнего шага вслед за всеми мы не могли заставить себя сделать. Нам казалось, что такое заключение – это всего лишь часть правды о детском аутизме, которая не может объяснить всех проблем такого ребенка, и в том числе его тяжелого и хронического дискомфорта в отношениях с миром. К тому же вскоре стало понятно, что и сам особый когнитивный стиль детей с аутизмом связан с дефицитом возможности активной организации и гибкой реорганизации информации, а проблемы развития психических функций – с трудностями реализации существующих у ребенка возможностей, так же как социальная дезадаптация – с практическим использованием уже имеющихся знаний и навыков. Все это могло свидетельствовать о нарушении возможности активного взаимодействия таких детей с миром, возможности вести диалог с меняющимися обстоятельствами, и давало основание для предположения о том, что психический дизонтогенез при детском аутизме исходно может быть обусловлен крайне малой выносливостью ребенка в контактах с миром, которая, с одной стороны, проявляется как нарушение активности, с другой – как снижение порога дискомфорта.

Мы предположили, что подобная «невыносливость» может стать причиной системного нарушения психического развития, обуславливающего проблемы и когнитивные, и социально-эмоциональные. Понимание специфики такого дизонтогенеза позволило бы раскрыть и конкретизировать мысль Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта. Попытками это сделать мы и занимались все эти годы, и как нам кажется, за это время и многие другие исследователи отошли от гипотез, рассматривающих лишь одну из сторон дефицитарности при аутизме.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аномален не сам стиль восприятия информации, с помощью которого аутичный ребенок выстраивает свою картину мира, а его жесткость и радикальная ограниченность. Трудно представить себе, что в норме существует лишь один, «правильный» способ организации информации. Мы думаем, что он должен меняться в зависимости от адаптивного смысла ситуации и определяться нашей аффективной оценкой, характером переживания происходящего с нами. Таким образом, мы приходим к тому, что функцией нормальной аффективной сферы является организация соответствующих адаптивному смыслу форм сознания и поведения, а механизмом такой организации и реорганизации – меняющаяся структура переживания.

Опыт, который дает работа с проблемами развития аутичных детей, позволяет представить нормальную аффективную сферу как систему разноуровневых переживаний, контролирующих решение задач адаптации – систему адаптивных смыслов, организующую, в соответствии с ними, поведение и сознание человека. Соответственно, аффективное развитие можно рассматривать не с точки зрения подчинения аффектов высшим, эмоциональным и личностным инстанциям, а как культурное развитие всей системы смыслов, этапы которого отражают шаги становления индивидуальности и социализации ребенка.

В связи с этим, нам кажется целесообразным ввести в обиход понятие *аффективный возраст* (наряду с интеллектуальным возрастом и эмоциональной зрелостью ребенка) и поставить задачу выработки общих ориентиров, а возможно и шкал его определения. Это позволило бы более точно квалифицировать проблемы психического развития детей и даже в самых тяжелых случаях находить возможности организации взаимодействия. Рассмотрение линий

ПРЕДИСЛОВИЕ

развития отдельных уровней аффективной сферы и становления их системного взаимодействия позволяет уточнить соотношение понятий аффективного и эмоционального, определить новый подход к пониманию закономерностей смены сензитивных периодов в становлении психических функций и соответственно их использования в психологической помощи ребенку.

В этой публикации представлено развитие всех направлений на этом этапе исследования. В наибольшей степени переработана часть, касающаяся онтогенеза аффективной сферы, существенные изменения внесены в главу III «Система аффективной организации сознания и поведения», и главу VI «Индивидуальные различия и отклонения в развитии системы аффективной организации сознания и поведения».

Необходимость прояснения и исправления неточностей в изложении, открытие новых направлений стимулировались вопросами студентов МГППУ и РГГУ, которым были прочитаны курсы лекций по теме «Аффективное развитие ребенка», и я благодарю их за сотрудничество.

И, конечно, признательность и память учителям, коллегам по работе, домашним – всем, без кого все теряет всякий смысл.

ГЛАВА 1

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕТСКОГО АУТИЗМА

Предметом обсуждения в этой монографии будет аффективная сфера как одна из основных систем организации сознания и поведения. Нас интересует аффективное в качестве целостного класса явлений, охватывающего и примитивные влечения, и сложные формы эмоциональной жизни, все они рассматриваются здесь как необходимое условие реализации жизненной программы индивида. Поэтому понятия *аффект*, *аффективное* не могут отождествляться нами с примитивными формами психической жизни и противопоставляться высшим – рациональным, эмоциональным, личностным, связываться исключительно с патологическими состояниями, дезорганизующими человека.

В рассуждениях мы будем опираться на разработанную психологическую традицию понимания конструктивной роли аффекта. Как известно, Л.С. Выготский (1982 *a, б*; 1983 *a, б*; 1984) проводит мысль о единстве интеллекта и аффекта в организации и самых простых, и самых сложных форм психической жизни. С.Л. Рубинштейн (1946, 1957) считает, что единица психического всегда включает в себя интеллектуальный и аффективный компоненты. Достигнутое понимание того, что с помощью аффективного переживания потребности сохраняют контроль за человеческой деятельностью. Аффект обеспечивает активность, наличное мотивационное состояние; побуждает, контролирует и направляет поведение. Он связан с различными состояниями сознания и определяет его избирательность, организует восприятие и память, интеллекту-

альную деятельность, адекватное поведение в ситуации успеха и неуспеха (*Обуховский*, 1972; *Симонов*, 1975; *Вилюнас*, 1976; *Изард*, 1980 и др.).

Нашей целью не является введение в этот список какого-то нового значения аффективной сферы. Тем не менее, мы обращаемся к этой проблеме, потому что имели возможность взглянуть на аффективную сферу с необычной точки зрения, с которой, как нам кажется, совершенно по-особому предстают уже известные феномены, яснее понимаются ее функции, структура, системное строение, по-новому видится ее онтогенез, биологические основы и культурное развитие, здоровье и нарушения. Такую возможность мы получили благодаря работе с детьми, страдающими детским аутизмом. В течение многих лет мы старались понять патопсихологическую структуру этого клинического синдрома и найти способы помочь таким детям в их социализации.

Детский аутизм (*Kanner*, 1943; *Wing*, 1976; *Rutter*, 1978 и др.), возможно, самый загадочный тип нарушения психического развития. Оно захватывает все сферы психической жизни ребенка и одной из его характернейших черт является противоречивость, неоднозначность проявлений. Среди аутичных детей встречаются и глубоко умственно отсталые, и одаренные высокоинтеллектуальные дети, и даже один и тот же ребенок может быть и неуклюжим, и моторно ловким; мутичным и неожиданно произнести сложную фразу, он может накапливать энциклопедические знания и проявлять полную неосведомленность в самых насущных областях жизни. В отечественной литературе такой дизонтогенез определяется как искаженное психическое развитие (*Лебединский*, 1985).

В настоящее время общепризнанно, что это нарушение развития не психогенное, но обусловлено особой биологической дефицитар-

ностью ребенка. Большинство специалистов, работающих с такими детьми, утверждают, что потребность в общении у них исходно не нарушена. Проблема не в том, что они не хотят, а в том, что не могут взаимодействовать с людьми. Но если для клиницистов центральное место среди феноменов синдрома традиционно занимает врожденная неспособность к установлению аффективного контакта с другими людьми, то опыт психологических исследований и практики психокоррекционной работы скорее говорит о более широкой неспособности таких детей к организации контактов с окружающим миром.

В попытке выделить первичное нарушение синдрома внимание исследователей в последние десятилетия поочередно сосредоточивалось на трудностях в развитии всех психических функций. Но каждый раз, вслед за выявлением фактов дефицитарности сенсомоторной, речевой или интеллектуальной области обнаруживалась группа типично аутичных детей, которая именно такой специфической трудности не имела. Безусловно общей же для всех аутичных детей является неспособность использовать свои знания и умения в реальной жизни, гибко переносить усвоенные навыки в новые условия. В этом смысле показательна история развития одной из последних гипотез, согласно которой важное место в дезадаптации аутичного ребенка занимают трудности символизации (Wing, 1981), ослабленная способность к обобщению, центральному объединению информации (Frith, 1989). С этим связывалась типичная при аутизме фрагментарность картины мира, конкретность, буквальность в восприятии окружающего, неспособность к генерализации навыка. В конечном итоге, однако, мнения склоняются к тому, что отсутствует, собственно, не сама способность выделять общее, а, скорее, тенденция обобщать, не сама способность к сим-

волизации, а возможность использовать символ в разных смысловых контекстах.

Стремление жить в постоянных условиях и пользоваться только стереотипными способами контакта с окружающим, нарушения избирательности и страхи, агрессивность, особые влечения и интересы, проявляющиеся как одержимость, позволяют предположить у аутичного ребенка тяжелую дезорганизацию всей системы адаптации. Эта дезорганизация касается не только механизмов социализации, но и более глубоких слоев регуляции поведения.

Наряду с нарушением эмоционального контакта страдает развитие адекватных форм самосохранения, изменено пищевое поведение, не формируется ориентировочно-исследовательская деятельность. Представляется, что и предпосылки интеллектуального развития такого ребенка не могут быть адекватно реализованы, поскольку мышление всегда мотивировано, всегда психологически обусловлено, приводится в движение и направляется аффективным побуждением (*Выготский, 1983 б*). Нарушено развитие самих смысловых систем, определяющих динамику психического поля, заставляющую нас действовать и лежащую в основе организации интеллектуальных процессов.

В попытке выстроить патопсихологическую структуру синдрома мы исходили из необходимости и возможности выявления закономерности искаженного развития, построения его целостной картины, в которой разноречивость проявлений сможет обрести устойчивый порядок. Мы отталкивались от того, что целостность и адаптационный смысл являются неотъемлемыми свойствами любой живой системы. Психическая система даже в патологических условиях остается живой системой. Она может ограничить глубину и активность контактов с миром, редуцировать систему адаптаци-

онных задач, но, по своей сущности, в отличие от поврежденного механизма, останется целостной и целесообразно самоорганизующейся в соответствии со стоящей перед ней адаптационной задачей. Поэтому, анализируя особенности поведения аутичного ребенка, даже самые нелепые и вычурные, мы вправе ставить перед собой вопросы: какие адаптационные цели он преследует и с помощью каких средств решаются поставленные задачи. Стремясь ответить на них, мы пытались развести проявления ограниченных возможностей ребенка и специально разработанных им приемов защиты и гиперкомпенсации (*Никольская, 1985; Лебединская, Никольская, 1988; Лебединский, Никольская, Баенская, Либлинг, 1990*).

В патопсихологической структуре этого клинического синдрома как первичное условие, наиболее близкое к биологической дефицитарности, мы выделяем характерное для всех аутичных детей стойкое сочетание двух факторов: нарушение активности и снижение порога аффективного дискомфорта во взаимодействии со средой. Безусловно, на психофизиологическом уровне можно было бы рассматривать факторы чуткости и выносливости как две стороны одного и того же нарушения интегральной функции реагирования на интенсивность среды (*Теплов, 1961, 1963; Небылицын, 1966; Данилова, Крылова, 1989*). Однако в данном случае нам важно подчеркнуть специфический вклад каждого из них в формирование психического дизонтогенеза.

Нарушение активности во взаимоотношениях со средой проявляется у аутичных детей в разных формах: как явная недостаточность психического тонуса – общая вялость, пассивность, или как резкие перепады в распределении активности – «то бежит, то лежит», что особенно типично для раннего возраста аутичного ребенка. Подростковый период тоже часто характеризуется выра-

женной вялостью, пассивностью такого ребенка, она может проявиться даже в нарастающем нежелании подниматься с постели и включаться в самую простую домашнюю жизнь.

Особый, характерный для таких детей «когнитивный стиль», выявленный в экспериментальных психологических исследованиях (*Hermelin, O'Connor, 1970; Hermelin, 1976; Frith, 1989* и др.) также может рассматриваться в связи с трудностью активного восприятия и переработки информации. Детям трудно активно оперировать информацией (сукцессивно кодировать, редуцировать, переводить из одной модальности в другую), поэтому они стремятся механически воспроизвести ее в одной, раз и навсегда заданной извне форме.

Точно так же недостаток активности такого ребенка проявляется в неумении гибко выстраивать адаптивное поведение, в стремлении оставаться в привычных условиях, где можно использовать навыки, модели поведения только в исходно заданном им виде. Всех аутичных детей отличает «отсутствие энтузиазма» в исследовании среды (*Wing, Attwood, 1887*), отказ от преодоления трудностей, тормозимость в социальных контактах, крайняя сложность организации наиболее энергоемких диалогических и произвольных форм поведения.

Снижение порога аффективного дискомфорта в контактах со средой проявляется у большинства таких детей в сенсорной ранности по отношению к звуку, запаху, свету, цвету, прикосновению. Характерно, что снижение порога дискомфорта может проявляться не только в особой чувствительности к интенсивности сенсорных воздействий, но и в слишком чутком, гораздо более чутком, чем в норме, внимании к признакам витальной угрозы, в выделении этиологических сигналов опасности в обычных бытовых ситуациях.

Например, в паническом восприятии резких встречных движений, малейшей задержки ворота при одевании через голову, перекрывании дыхания при умывании. Все это особенно характерно для раннего возраста аутичного ребенка. И самое важное, что для такого ребенка типична тенденция долго фиксироваться на неприятных впечатлениях, формировать жесткую отрицательную избирательность в контактах с миром: множественные ограничения, запреты, страхи. Возможно быстрое пресыщение даже приятными впечатлениями, резкая смена положительной окраски контакта переживанием дискомфорта.

Оба эти фактора – стойкий дискомфорт и нарушение активности, – действуя в одном направлении, создают предпосылки для формирования вторичных признаков дизонтогенеза. Прежде всего, это выражается в оформлении в течение первых 2 – 2,5 лет жизни основных феноменов клинического синдрома детского аутизма: аутизма и стереотипности в отношениях с миром и людьми.

Аутизм развивается, во-первых, как результат дискомфорта, легко возникающего у такого ребенка в контактах с человеком, который, как известно, является для него наиболее этологически значимым фактором среды. Доказано (*Hermelin, O'Connor, 1985*), что в свободной, неформальной ситуации аутичный ребенок, так же, как и другие дети, предпочитает человека другим элементам среды, однако он значительно менее выносив в контакте, время фиксации им лица человека значительно меньше, чем в норме. Это создает особый загадочный паттерн поведения ребенка – не просто сензитивности и тормозимости, но постоянного сверхдозирования – приближения и ускользания от контакта. Особенно явно, по воспоминаниям родителей, это может проявляться на первом году жизни таких детей и значительно затрудняет развитие эмоционального контакта.

Во-вторых, аутистические тенденции закрепляются в поведении такого ребенка в результате трудностей организации его взаимодействия со взрослым, которое требует большой активности: длительной концентрации внимания, произвольного сосредоточения, возможности принимать и учитывать новую информацию, преодолевать трудности. Наиболее ярко аутизм уже как активный негативизм, уход от контакта начинает проявляться, как правило, именно после двух лет на фоне первых настойчивых попыток близких организовать поведение ребенка.

Стереотипность в контактах со средой также двояко обусловлена. С одной стороны, ребенок скрупулезно требует сохранения постоянства в окружающем, потому что иначе чувствует себя дискомфортно. Он вырабатывает особую избирательность в сенсорных контактах, фиксирует в быту множество неприятных, страшных для него моментов, жестко отстаивает соблюдение привычных способов удовлетворения потребностей и начинает бояться самой возможности изменения жизненной среды. С другой – стремится жить в уже освоенных им стереотипных коридорах и потому, что не способен активно и гибко приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Любая новизна вызывает панику, так как неминуемо ведет к дезадаптации.

Таким образом, мы видим, что вместо форм активного взаимодействия с миром развиваются средства отстранения и защиты от него. Устанавливается неадекватная дистанция в контактах; не создается система положительной избирательности, определяющая своих потребностей и, наоборот, детально разрабатывается система отрицательной избирательности, фиксируются многочисленные страхи, запреты, защитные действия, ритуалы, предотвращающие опасность.

У таких детей не развивается исследовательское поведение, уверенность в себе, позволяющая конструктивно взаимодействовать с препятствием, зато разрабатываются формы стереотипного поведения, помогающие избежать трудностей, не допустить в свою жизнь новые обстоятельства. Недоразвитие живого эмоционального контакта, произвольного взаимодействия сочетается со стремлением ограничить общение стереотипными штампами, педантически соблюдаемыми социальными нормами.

В условиях исходного нарушения активности и дискомфорта и вторичной сенсорной и эмоциональной депривации у всех аутичных детей развивается тенденция дополнительной аутостимуляции приятными впечатлениями. Эти впечатления поддерживают необходимый минимум психического тонуса и заглушают дискомфорт, страхи ребенка. Однако даже аутостимуляция у такого ребенка развивается в механической, стереотипной форме, новизна не допускается даже в качестве приятного разнообразия.

Сенсомоторные, речевые, интеллектуальные формы аутостимуляции крайне значимы для аутичного ребенка, монотонность его однообразного поведения окрашена напряженной страстью. Эта «захваченность», погруженность в стереотипы аутостимуляции усиливается при возникновении угрозы: изменении обстановки, появлении объекта страха, попытке взрослого произвольно организовать ребенка.

Дисбаланс в развитии средств защиты и активного контакта с миром, способов реальной адаптации и саморегуляции определяет искажение в формировании психических функций. Они развиваются преимущественно как средства разрешения задач аутостимуляции.

Поэтому двигательное развитие аутичного ребенка – это не столько развитие моторных навыков реальной адаптации к миру,

сколько накопление арсенала стереотипных способов извлечения приятных вестибулярных, проприоцептивных, тактильных, мышечных ощущений. Глубокая задержка развития бытовых навыков, неловкость, неуклюжесть при выполнении любого предметного действия сочетается с почти цирковой ловкостью движений в стереотипе аутостимуляции. Такой ребенок часто годами не в состоянии научиться простейшим навыкам самообслуживания, но может выкладывать сложные узоры из мелких предметов, ловко карабкаться, передвигаться по комнате, крутя тарелку на пальце вытянутой руки, избирательно напрягать и расслаблять отдельные мышцы, сосредоточиваясь на возникающих ощущениях. Впечатления, которые в норме составляют ориентировочную основу для построения целенаправленного действия, здесь приобретают самоценность.

Перцептивное развитие также отличается сочетанием одаренности и беспомощности. Наряду с задержкой формирования реальной бытовой картины мира характерно особое внимание к отдельным ощущениям и «чистым» перцептивным формам. Разрабатываются приемы механического раздражения уха и глаза, стимуляция себя отдельными звуками, одержимое пристрастие к музыке, раннее выделение цветов и форм. Так, двухлетний ребенок по непонятным для окружающих перцептивным признакам безошибочно выделяет из груды других любимую пластинку, видит окружающие предметы составленными из шаров. Возможно раннее увлечение стереотипным составлением рядов-орнаментов, первые слова таких детей могут отражать эти пристрастия – «бледно-золотистый», «параллелепипед».

Речевое развитие аутичных детей также своеобразно. Наряду с нарушением коммуникации и трудностью построения активного целенаправленного и гибко адресуемого речевого действия (вместо

этого дети используют штампы, «попугайную речь», называют себя во втором или третьем лице), у них часто отмечается особое чувство языка. Они стереотипно играют отдельными звукосочетаниями, словами, фразами, рифмуют, поют, одержимо декламируют стихи. Таким образом, то, что в норме является материалом для организации целенаправленного речевого действия, у аутичных детей становится объектом особого внимания, средством стереотипной аустостимуляции.

Дети произносят изощренные звуки, но их вокализация не обязательно становится лепетом фонетически близким родному языку, часто она напоминает щебет, скрип, звучание музыкальных инструментов. Они могут напряженно повторять отдельные сложные, аффективно звучащие слова: «суперримперриализм» и оставаться мутичными в ситуации общения. В других случаях аграмматизмы, смазанность, трудность произвольной организации речи, невозможность диалога сочетаются со сложной правильной речью при аустостимуляции.

Развитие мышления обнаруживает те же тенденции. При конкретности, буквальности и фрагментарности в понимании окружающего аутичные дети в рамках стереотипной игры могут проявлять способность к символизации, одержимо выполнять отдельные сложные мыслительные операции. Иногда это могут быть не по возрасту трудные математические вычисления, стереотипное построение схем движения транспорта и устройства электроприборов, проигрывание типичных шахматных композиций.

Эти стереотипные интеллектуальные игры могут быть достаточно изощренны, но в действительности не являются настоящим активным взаимодействием со средой. Они служат средством воспроизведения одного и того же приятного впечатления, в данном

случае – искусственного осуществления одной и той же интеллектуальной операции.

Такой ребенок получает наслаждение от определения дней недели среди дат отдаленных лет, но в реальной жизни практически не соотносит прошлое и будущее; в стереотипной игре он представляет себя виноградной лозой, но в ответ на вопрос, о том, что ему напоминает золотой купол, отчаянно кричит: «Ни что ни на что не похоже, ни что ни на что не может быть похоже»; самозабвенно проигрывает знакомые композиции из учебника по шахматам и не может ответить на простейший ход реального противника в реальном взаимодействии.

Нам представляется, что такое понимание психического дизонтогенеза при аутизме вбирает в себя типичные черты синдрома и позволяет объяснить противоречия его клинической картины. Психическое развитие здесь происходит в условиях нарушения возможности адекватного активного взаимодействия с окружением, что изменяет нормальную иерархию адаптивных задач: защита и саморегуляция становятся более важными, чем активная адаптация к миру, именно это и обуславливает искажение в развитии психических функций.

Ситуации аутостимуляции и решения реальных адаптивных задач принципиально различны для каждого аутичного ребенка, поэтому он закономерно проявляет то одаренность, то полную беспомощность в контактах с людьми и средой. Этого могут не понимать даже близкие люди и, ориентируясь на высшие достижения ребенка в ситуации аутостимуляции, они закрепляют его аутистические тенденции.

Вместе с тем, при едином типе искаженного развития аутичные дети значительно отличаются между собой. Можно выделить ха-

рактерные модели поведения таких детей, в рамках которых формируется единство доступных ребенку средств активного контакта со средой и окружающими людьми, с одной стороны, и форм защиты и аутостимуляции, с другой.

Согласно этим специфическим образцам поведения мы выделяем четыре основных группы аутичных детей, которые отличаются тяжестью и характером аутизма, степенью дезадаптации и мерой искажения развития, возможностями социализации. В процессе психокоррекционной практики мы можем наблюдать, как при успешной работе ребенок в определенном порядке поднимается по этим ступеням и, наоборот, при ухудшении состояния прослеживается обратный процесс.

В приведенном ниже описании выделенных групп для нас важно представить именно единство типа аутистического барьера и доступных ребенку форм взаимодействия с миром, хотя внешне, безусловно, самыми яркими, лежащими на поверхности признаками групп служат типы аутистической защиты.

В первой группе, объединяющей самые тяжелые случаи дезадаптации, аутизм предстает как полная отрешенность от окружающего. Для этих детей недоступны активные формы контакта со средой, они практически не имеют точек целенаправленного взаимодействия с окружающим.

Такие дети как бы не видят и не слышат, часто не реагируют на боль, холода и голод (хотя в раннем возрасте именно они проявляют наиболее выраженный сенсорный дискомфорт). Они не защищаются от воздействий среды, а ускользают, уходят от них. При попытке их удержать стараются вырваться, кричат, но, как только их оставляют в покое, снова становятся отрешенными. Кажется, что их главной целью является достижение покоя, и поведение полностью

направлено на самосохранение. Видимо, задачи самосохранения столь актуальны для такого ребенка, что решаются им радикально: он жестко устанавливает такую дистанцию в контактах с миром, которая устраняет все точки соприкосновения с ним.

Не имея точек активного соприкосновения с миром, дети этой группы не проявляют ни к чему избирательного внимания, больше пользуются рассеянным периферическим, а не центральным зрением, не имеют указательного жеста. Они ничего не боятся и ничего не любят. У них нет пристрастий, привычек в этом мире, на их лицах вы не увидите выражения какого-либо чувства, они самодостаточны и благородно невозмутимы, – истинное «лицо принца», как и описывает их выделивший синдром Л. Каннер (*Kanner, 1943*).

Если у них и возникает мимолетный интерес к чему-то, то они дотрагиваются до объекта кончиком ноги. Рука, протянутая к предмету, чаще всего повиснет, не дотянувшись, или предмет тут же выпадает из разжавшейся ладони, настолько быстро наступает пресыщение избирательного внимания, и ребенок продолжает свое бесцельное полевое движение. Характерно его принципиальное отличие от полевого поведения ребенка-«органика». В последнем случае ребенок может по-полевому хватать все, манипулировать объектами, в первом – мимо всего скользит. Представляется, что пресыщение является механизмом, с помощью которого аутичный ребенок уходит от интенсивности среды еще до наступления осознанного дискомфорта.

Понятно, что отсутствие избирательности означает невозможность совершения направленного действия, как моторного, так и речевого. Такой ребенок не только не в состоянии сосредоточиться на чем-то произвольно, но даже спонтанно, для собственного удовольствия. Несмотря на ловкость и грациозность рассеянного поле-

вого движения (они замечательно распределяют, вписывают себя в пространство, никогда не теряют равновесия, не ушибутся, не сделают неточного движения), такие дети не овладевают направленными полезными навыками самообслуживания.

Как уже упоминалось, аутичные дети, относящиеся к первой группе, пользуются в основном периферическим зрением, воспринимая происходящее в целом, и почти не фиксируют взгляд на объекте с помощью центрального зрения. Тем не менее, они могут походя, одним движением дополнить, завершить конструкцию, успешно разрешить сенсомоторную задачу, если ключ от ее решения лежит в зрительном поле, и замкнуть ее можно одним «тыком». Совершив подобное действие, они чаще всего никогда не повторяют достижение.

Такие дети мутичны, хотя известно, что многие из них внезапно могут, ни к кому не обращаясь, повторить сложное слово или даже самостоятельно прокомментировать происходящее. Однако эти слова являются лишь пассивным эхом увиденного или услышанного. Слова, фразы, так же как и успешные решения задач, как бы внезапно всплывают и бесследно уходят.

Не имея точек активного соприкосновения с миром, они не развиваются и активных форм аутостимуляции, защиты от среды. Разряды стереотипных движений, так же как и эпизоды самоагрессии, проявляются у них лишь на короткое время и только в особенно напряженные моменты нарушения покоя, в частности, при нажиме со стороны взрослых, когда ребенок не в состоянии немедленно ускользнуть от них.

Тем не менее, мы все-таки можем выделить и у них характерный тип аутостимуляции. Существуют пассивные способы впитывания внешних впечатлений, поддерживающих и подпитывающих

состоение комфорта. Дети получают их, бесцельно перемещаясь в пространстве – лазая, кружась, перепрыгивая, карабкаясь. Вместе с тем они могут и неподвижно сидеть на подоконнике, бесцельно созерцая мелькание огней, движение ветвей, облаков, потока машин, и особенное удовлетворение испытывают у окна движущегося транспорта. Пассивно используя складывающиеся возможности, они получают однотипные впечатления, связанные с восприятием движения в пространстве, двигательными и вестибулярными ощущениями, что также придает их поведению оттенок стереотипности и монотонности.

В целом это наиболее таинственные из всех аутичных детей. Они грациозны в движениях, их лицо выражает углубленную в себя интеллигентность. Они позволяют близким обслуживать себя и пассивно подчиняются им в ситуациях ухода, не возражают, даже любят, если их подбрасывают, кружат, однако быстро пресыщаются и строго дозируют время контакта. Впрочем, это вряд ли можно действительно назвать контактом, так как нет элемента сопереживания, общей радости, по-видимому, дети просто используют возможность получить приятное впечатление. Они смотрят сквозь человека, могут карабкаться по нему, как по мебели, опираясь о его лицо.

Тем не менее, нельзя сказать, что такие дети совсем не выделяют человека из окружающей обстановки. Внешне они не разделяют своих и чужих, но пространственная дистанция со своими у них меньше, чем с посторонними. Такой ребенок чаще приближается к близкому человеку и, наоборот, предпочитает находиться подальше от постороннего и держаться к нему спиной, выключая его из своего зрительного поля. Именно с взрослым эти дети проявляют максимум доступной им избирательности: иногда они могут взять за руку, подвести к нужному им объекту и положить на него руку

взрослого. Так же, как и нормальные, эти глубоко аутичные дети вместе с взрослым оказываются способными к более сложной организации поведения, к более активным способам аутостимуляции.

Вторая группа включает детей, находящихся на следующей по тяжести ступени аутистического дизонтогенеза. Эти дети делают первый шаг в развитии активных взаимоотношений со средой. Сам аутизм проявляется здесь уже как активное отвержение мира, а аутостимуляция как стереотипные действия – избирательное стремление к привычным и приятным сенсорным ощущениям. Этим детям доступно активное взаимодействие со средой в коридорах немногих освоенных ими стереотипных ситуаций, в форме привычных действий и слов. Для них характерна речь штампами, в инфинитиве или во втором и третьем лице, использование цитат из книг, отставленной эхолалии.

Среди других аутичных детей они кажутся наиболее страдающими, часто испытывают физический дискомфорт, могут быть предельно избирательны в еде, более других отягощены страхами. В привычных условиях они спокойны и довольны, но при малейшем изменении обстановки или обычного порядка действий их лицо искажается гримасой страха, движения становятся судорожными, они закрывают руками глаза и уши, кричат, генерализованно, хаотически отбиваются руками и ногами.

Тем не менее, их основной адаптационной задачей является уже не просто тотальное устранение от мира, как это было характерно для детей первой группы. Дети второй группы вступают в избирательные отношения со средой, выделяют для себя приятные и неприятные контакты, фиксируют свои пристрастия и антипатии, конкретные способы достижения удовольствия и избавления от опасности. Поэтому их адаптационная цель состоит в установлении

оптимального стереотипа жизни, определенности, аффективного контроля над своими отношениями с миром.

Патологические условия развития заставляют детей решать эту задачу слишком радикально: формировать особую избирательность и сверхжесткий контроль. Большинство воздействий среди они фиксируют как неприятные. Избирательность в контактах с миром развивается здесь не столько как система связей, сколько как системы защиты, запретов, ограничений. Немногие положительные выборы фиксируются очень жестко, любое изменение, задержка, неопределенность, препятствие в удовлетворении потребности расцениваются как катастрофа.

Такие дети изобретают активные изощренные способы аутостимуляции, заглушающие неприятные воздействия внешнего мира. Для них наиболее характерны моторные и речевые стереотипы, вызывающие одно и то же искомое ощущение. Извлекая приятные ощущения прежде всего из своего тела, ребенок стремится с их помощью «перекричать» неприятный внешний мир. Стереотипное напряжение определенных мышц и суставов, взмахи рук, прыжки, механическое раздражение органов зрения и слуха, онанизм, обнюхивание и облизывание, трясение, верчение объектов, хлопки, разрывание, расслоение материала, вокализация, скандированное повторение определенных аффективно заряженных слов, фраз, стереотипная декламация, пение – все это усиливается при изменении обстановки, при обращении к ребенку. В ситуации панического ужаса самораздражение, нарастаю по интенсивности, переходит в серьезную, действительно опасную для ребенка самоагgressionю.

Безусловно, это глубоко дезадаптированные дети, но в то же время их реальный контакт с миром гораздо более активен и сложен, чем у детей первой группы. Они избирательно относятся к

среде, усваивают небольшое число навыков, связанных с определенными жизненными ситуациями. И, хотя эти навыки используются стереотипно, ребенок чувствует себя относительно уверенно в нескольких коридорах окружающего мира. Он усваивает навыки самообслуживания, пользуется стереотипными речевыми штампами. Этот набор, однако, оказывается несостоятельным при малейшем изменении привычной ситуации, новое всегда оценивается как изменение к худшему. Дети именно этой группы в наибольшей степени требуют сохранения постоянства в окружающем.

Как уже упоминалось выше, это самые страдающие дети, их лица чаще всего напряжены, искажены страхом, они также скованы в движениях. Сжавшись и пригнувшись, они рывком перебегают «опасное» пространство. Благодаря обилию стереотипных движений их пластика вычурна, манерна, характерны застывания в определенных позах, прислушивание к своему телу. Они проявляют замечательную ловкость в стереотипных действиях аутостимуляции, но, если движения детей первой группы грациозны в целом, то здесь мы чаще видим напряженное скованное тело и ловкие движения какой-то одной его части. Произвольное сосредоточение возможно лишь на короткий миг и чаще всего – в ситуации жесткого насилия со стороны взрослых и страха ребенка. Новые навыки усваиваются с огромным трудом и не переносятся в другую ситуацию.

Ребенок, относящийся к этой группе, как правило, устанавливает примитивную, лишенную эмоциональной взаимозависимости аффективную связь с близким. Как правило, он выделяет мать как основное условие своего физического существования и начинает жестко контролировать ее поведение, требует постоянного присутствия, протестует при попытке изменить стереотип контакта. Такие застывшие примитивные симбиотические отношения часто достав-

ляют страдания и ребенку, и его родителям. Контакт с чужим человеком однозначно вызывает у ребенка ужас.

У *детей третьей группы* аутизм проявляется как захваченность собственными переживаниями. Характерной формой аутостимуляции становится стереотипное воспроизведение ситуации пережитого и отчасти десенсибилизированного страха или дискомфорта. Оно воспринимается окружающими, как извращенное стремление к страшному, грязному, на деле же служит средством установления контроля над потерянным душевным равновесием и стимулирует переживание избавления от страха, контролируемости, «прирученности» неприятной ситуации. Взаимодействие такого ребенка с миром строится как разворачивание собственной поведенческой программы – моторной и речевой. Эта сложная программа, однако, реализуется только в форме монолога, без учета обстоятельств, вне диалога со средой и людьми.

Представляется, что основной адаптационной задачей таких детей является установление контроля над степенью риска в отношениях со средой и обеспечение успеха в реализации программы. Патологические условия развития обусловливают и в этом случае сверхрадикальное решение задачи. Дети пытаются вступить в более активные отношения со средой, допустить в свою жизнь неопределенность, сбой в ее порядке (что было абсолютно невозможно для ребенка второй группы). Они стремятся к достижению, к преодолению препятствия, но им требуется полная гарантия успеха: максимальное устранение неопределенности ситуации и защита от сбоев в собственной программе.

Нормальный ребенок разрабатывает гибкую оценку своей возможности справиться с неопределенными обстоятельствами. Она формируется в опыте реальных достижений и неудач, в ходе ос-

воения и обследования мира, и при этом ему доставляет удовольствие новизна, риск, процесс борьбы с обстоятельствами. Для аутичного ребенка третьей группы важен не процесс, а, прежде всего, результат, подтверждение своей доминирующей позиции над обстоятельствами, поэтому реально он никогда не обследует среду, принимает лишь ограниченное число доступных ему задач и стереотипно проигрывает их разрешение. Все другие задачи отвергаются.

Так развивается особый тип аутостимуляции: ребенок однообразно возвращается к одним и тем же ситуациям, связанным с прошлым испугом. Теперь эти ситуации находятся под контролем, он сам дозирует «страшное», например, с хохотом на секунду заглядывает в темный подвал, или подходит постоять рядом с работающим отбойным молотком. Характерны стереотипные фантазии на темы страшного. Как известно, в фантазиях ребенок получает относительный контроль над испугавшими его впечатлениями и наслаждается этим ощущением. Годами такой ребенок продолжает проговаривать, проигрывать, прорисовывать одни и те же сюжеты: пожары, кладбища, крысы, бандиты, автомобильные катастрофы и т.п. Часто такие дети испытывают удовольствие, когда их ругают. Они как будто специально дразнят своих близких, провоцируя их на выражение отрицательных эмоций, взрывы гнева. Как правило, это происходит на людях, когда это приключение наиболее безопасно для ребенка.

Реальная адаптация таких детей к жизни значительно более успешна, чем в случаях двух предыдущих групп. Они также испытывают огромные трудности в диалоге с обстоятельствами, но способны к монологу: их собственное активное обращение к миру уже развернуто и не является односложным блоком, что характерно для детей второй группы. Такие дети более нормальны в своих при-

вычках, менее избирательны в еде, система их запретов не так тщательно разработана, они меньше страдают от нарушения постоянства в окружающем. Для них непереносимо скорее нарушение собственной логики поведения, здесь они неспособны на компромиссы.

Эти дети осваивают больший набор житейских ситуаций, более успешны в усвоении бытовых навыков. Часто они имеют не только хороший запас слов, но и правильную, развернутую фразовую речь, которая производит впечатление блестящей, хотя и слишком взрослой, фонографической. При желании можно проследить прохождение многих ее блоков, используемых ребенком без самостоятельной трансформации.

Интеллектуальное развитие таких детей часто производит блестящее впечатление. Они могут рано проявить интерес к отвлеченным знаниям и накопить энциклопедическую информацию по астрономии, ботанике, электротехнике, генеалогии, не имеющую никакой связи с их реальной жизнью. Они получают удовольствие от самого выстраивания информации в ряды, ее систематизации. Такие стереотипные умственные действия становятся для них родом аутостимуляции. Дети могут производить впечатление «ходячих энциклопедий», однако, без специальных коррекционных усилий эти знания не используются в реальной жизни.

Гибкое взаимодействие со средой, диалог с людьми представляют для них главную проблему. Их произвольное сосредоточение возможно только на очень короткий срок. В раннем возрасте они оцениваются как сверхдаренные, но затем обнаруживается, что научить их чему-то направленно очень трудно, они предпочитают учиться сами.

Внешне дети также выглядят достаточно характерно: они несколько спокойнее и менее напряжены, чем дети второй группы,

движения их не так судорожны. Их мимика отражает уже не отрешенность или страх, а какой-то особый энтузиазм. Характерны застывшая улыбка, блестящие глаза, экзальтированные жесты и громкая, быстрая, захлебывающаяся речь. Они могут смотреть прямо в лицо собеседнику, но не отслеживают его реакцию, и их аффективно напряженный монолог разворачивается вне учета слушателя.

Эти дети не столь витально зависят от близких, как дети второй группы, но с трудом устанавливают эмоциональные контакты. Их стремление неуклонно следовать своей логике поведения затрудняет организацию произвольного взаимодействия и приводит к частому возникновению конфликтов, стойкой недоброжелательности по отношению к определенным людям. Они часто начинают дразнить родителей (специально совершают неправильные поступки, ругаются) и получают удовольствие от их аффективного взрыва; становятся искусными провокаторами, фиксируют слабые места. Отрицательные переживания близкого могут стать для них постоянным средством аутостимуляции, что часто становится большой проблемой семьи.

Аутизм детей четвертой группы наименее глубок. Он выступает уже не как защитная установка, а как трудности организации общения. Такие дети не развиваются и активных изощренных средств аутостимуляции, им доступны нормальные способы поддержания активности, они нуждаются в постоянной поддержке, одобрении и ободрении близких. Среди всех аутичных детей только они пытаются вступить в диалог с миром и людьми (единственный и речевой), но имеют огромные трудности в его организации.

Парадоксально, но кажется, что основной адаптационной задачей этих аутичных детей является именно поддержание взаимосвязи с близкими. Патологические условия, однако, и здесь ведут к

сверхрадикальности в ее разрешении. Ребенок стремится строить свои отношения с миром только опосредованно через взрослого человека. С его помощью он пытается и защититься от окружающего мира, и контролировать свои сенсорные контакты со средой, и обрести устойчивость в нестабильной ситуации. Аугостимуляция зависит от готовности близких к эмоциональному донорству, к постоянному ободрению, подтверждению правильности действий ребенка. Если дети второй группы зависимы от близких примитивно-симбиотически, то в этом случае ребенок нуждается в непрестанной эмоциональной поддержке.

Понятно, что в этих условиях ребенок особенно чувствителен к нарушению контакта, отрицательной оценке взрослого. Потеряв связь с эмоциональным донором, переводчиком смыслов происходящего вокруг, такой ребенок останавливается в развитии и может даже регressировать к уровню, характерному для второй группы.

Психическое развитие таких детей идет с более равномерным отставанием. Характерны неловкость крупной и мелкой моторики, некоординированность движений, трудности усвоения навыков самообслуживания; задержка становления речи, ее нечеткость, неартикулированность, бедность активного словарного запаса, поздно появляющаяся, аграмматичная фраза; медлительность, неровность в интеллектуальной деятельности.

В целом, по сравнению с «блестящими», интеллектуально заинтересованными детьми третьей группы, они производят неблагоприятное впечатление: кажутся туповатыми, рассеянными, растерянными. Педагогическое обследование часто обнаруживает у них состояние, пограничное между задержкой психического развития и умственной отсталостью. Однако необходимо учитывать, что дети четвертой группы находятся в невыгодном положении: они в меньшей

степени используют готовые стереотипы поведения – пытаются говорить и действовать спонтанно, вступать в речевой и действенный диалог со средой. Именно в этих прогрессивных попытках общаться, подражать, обучаться они и проявляют свою неловкость. При адекватном коррекционном подходе именно эти дети имеют наилучший прогноз психического развития и социальной адаптации.

Хотя отношения такого ребенка с миром тоже остаются чрезвычайно косными, но имеют качественно иной характер. Контакты ребенка со средой строятся уже с помощью не индивидуальных аффективных стереотипов, а эмоциональных правил – ритуалов контакта с миром, усвоенных в готовом виде от близких людей. В привычных условиях эти сверхправильные, педантичные дети производят тяжелое впечатление своей пунктуальностью, они стремятся ригидно воспроизводить знакомые программы поведения и страдают от малейшего вынужденного отступления от них. В то же время, в ситуации, не определенной для него близкими взрослыми, вне выработанного стереотипа поведения такие дети могут быть импульсивны, они легко перевозбуждаются – показывают крайнюю эмоциональную незрелость.

Внешне это несколько заторможенные, патологически застенчивые дети. Они почти не могут смотреть в глаза, стараются отвернуться, закрыться, но, тем не менее, очевидно и их особое внимание к людям, интерес, с которым они иногда сами смотрят на человека. Эта принципиальная возможность инициативы в установлении глазного контакта говорит об их некоторой активности в организации общения. Поражает пронзительная младенческая открытость этих коротких взглядов.

Движения их скованы и неровны, моторные стереотипии минимальны, появляются только в особенно напряженных ситуациях и исчезают в комфортной обстановке. Кроме того, они не изощрены,

не вычурны, как у детей второй группы. Обычно это просто покачивания, перебирание случайно подвернувшихся предметов, подергивание плечами, вообще некоторая излишняя суетливость в движениях. Выражение лица часто застывшее или растерянное, в то же время возможны минуты адекватной мимики, хотя и немного утрированной, механистической. Голос тихий, интонации затухающие, но иногда приобретающие характер скандированной эмоциональной выразительности.

Завершая описание выделенных групп, мы должны еще раз подчеркнуть, что при самобытности каждой из них они не изолированы друг от друга. Мы не раз имели возможность видеть, например, как ребенок первой группы, устанавливая избирательные контакты со средой, приобретал и модель поведения ребенка второй группы. У него появлялись страхи, активные формы аутостимуляции, более выраженным становилось стремление к сохранению постоянства в окружающем, но в то же время он оказывался в состоянии выработать устойчивые типы адекватного приспособительного поведения, использовать речевые стереотипы.

Понятно, что каждый ребенок, в том числе и аутичный, находится в развитии, поэтому описанные паттерны нужно рассматривать не как застывшие формы, а скорее как основные ориентиры, к которым тяготеют типичные образцы его поведения. Важно отметить при этом, что при переходе к более сложным способам взаимоотношения с миром аутичный ребенок прежде всего осваивает активные приемы защиты и аутостимуляции. Так, например, у ребенка первой группы при этом можно отметить появление более выраженного негативизма и активных моторных стереотипий, а у ребенка второй группы в дополнение к простым моторным и речевым стереотипным действиям появляется стремление к игровому воспроизведению пугающих впечатлений, прежде вызывавших у

него только страх. Только вслед за этим начинается освоение сложных способов реальной адаптации к миру – появляется возможность установления стереотипного контакта, или, во втором случае, способность быть более гибким, дозировано принимать новизну.

Выделение групп-ориентиров очень помогло нам в практике психокоррекции. Стало легче диагностировать тяжесть нарушения развития, выделять доступные для ребенка формы контакта. И самое главное, перед нами отчетливо предстала перспектива рабочих задач, разрешая которые, мы можем вести ребенка ко все более сложным отношениям с миром: от выработки избирательности, через попытки впустить в жизнь неопределенность к установлению произвольного взаимодействия.

* * *

Таким образом, выделенные группы представляют не только разные по тяжести степени аутизма и разные уровни дезадаптации, но и ступени включения возможности детей входить в активное взаимодействие со средой, шаги постепенного углубления контактов с миром, овладения более сложными формами организации адаптивного поведения, способами саморегуляции.

Важна также просматривающаяся закономерность внутренней организации выделенных моделей поведения и, в частности, устойчивое единство характерных форм адаптации и саморегуляции. Нам представляется, что динамическим фактором, организующим это единство, является адаптационная задача, на разрешении которой сосредоточиваются дети.

Мы постарались выстроить эту последовательность шагов углубления и активизации контактов с миром:

– задача самосохранения, необходимость уберечь себя от сверхинтенсивных воздействий среды;

- задача установления порядка, выработки избирательного аффективного стереотипа в удовлетворении индивидуальных потребностей;
- задача организации процесса достижения индивидуально значимой цели в неопределенной среде;
- задача установления эмоционального взаимодействия с другими людьми.

Следует признать, что эти задачи актуальны и для нормального психического развития. Отличием аутичного ребенка, видимо, является то, что он сосредоточивается преимущественно на разрешении только одной, сверхактуальной для него задачи, в то время как в норме мы имеем дело со всеми этими задачами одновременно. Патологическое сосредоточение аутичных детей лишь на одной из задач позволяет выявить, хотя и в искаженной форме, уровни организации адаптации в обычных условиях, скрытые в целостном акте поведения.

Целью нашей дальнейшей работы стала реконструкция уровней организации поведения в норме, которые выстраивались нами вокруг организующей их адаптационной задачи. В работе мы опирались на логику адаптации аутичных детей соответствующей группы, однако, мы учитывали и необходимость соответствующих поправок. Во-первых, аутичный ребенок демонстрирует дисбаланс в развитии средств реальной адаптации и саморегуляции. Тенденция развития средств аутостимуляции может доминировать, чего не бывает в норме, где процессы подъема и поддержания активности, стабилизации внутренних аффективных состояний должны обслуживать, создавать оптимальные условия реальной адаптации во внешней среде.

Во-вторых, аутичный ребенок даже на доступном ему уровне адаптации развивает преимущественно формы защиты от мира в

ущерб активному взаимодействию с ним. Реконструируя же уровни организации поведения в норме, мы должны помнить, что каждый уровень работает и на защиту, и на контакт с миром. Это понимание пришло к нам не сразу, и наша публикация 1991 года отражает ошибку реконструкции уровня преимущественно по защитной стороне адаптационной задачи. Далее мы постараемся исправить это заблуждение и по возможности определить обе стороны адаптации.

Таким образом, характеризуя каждый уровень, мы ставили перед собой задачу ответить на вопросы: каков его адаптационный смысл; каков тип впечатлений, к которому должен быть сенсибилизирован данный уровень, каковы должны быть адекватные формы ориентировки в окружающем; какие формы приспособительно-го поведения им организуются.

Возможно, основным для нас было стремление понять, какой механизм является приводным ремнем, трансформирующими адаптивную задачу в адаптивное поведение. Мы определили его как *механизм аффективного переживания*, опираясь на предложение Л.С. Выготского выделить переживание в качестве основной единицы сознания. Определенная, соответствующая каждому уровню структура аффективного переживания организует соответствующую картину мира и соответствующие формы жизни в нем. Именно поэтому мы будем говорить в дальнейшем об *уровнях аффективной организации сознания и поведения*.

На примере аутичных детей мы видели, что при отсутствии необходимого переживания соответствующий тип поведения не формируется. Так, только при наличии яркого переживания удовольствия и неудовольствия у детей второй группы складывается система избирательных контактов с миром, фиксируются порядок, привычки, навыки жизни в нем. Только при появлении у детей третьей

группы минимальной способности к принятию переживания риска, к получению удовольствия от нарушения равновесия возникает возможность организации развернутых форм целенаправленного поведения. Сосредоточение на препятствии, как на захватывающей задаче, а не досадной помехе позволяет ребенку организовать интеллектуальную работу активного взаимодействия с обстоятельствами.

Мы попытались ответить на вопрос, каковы типы переживания, формирующие сознание и поведение каждого уровня. Стارались понять, как они различаются субъективно, как организуется структура переживания, как она развивается при переходе к более сложным и активным формам взаимодействия со средой, как разные типы переживаний взаимодействуют друг с другом. Исходя из особенностей переживания, нам хотелось определить характер основных психологических составляющих организуемого им сознания.

Рассматривая организацию каждого уровня, мы, конечно, должны были обратиться и к формам присущей ему саморегуляции. Здесь мы также сочли необходимым проанализировать две стороны задачи: во-первых, обеспечение подъема активности, поддержание аффективного тонуса, соответствующего классу данной адаптационной задачи и, во-вторых, необходимость внести свой вклад в стабилизацию самих процессов аффективных переживаний, защиту стеничной установки от деструктивных переживаний в контактах с миром.

Работая над реконструкцией уровней, мы понимали, что каждый уровень аффективной организации поведения, исходно нацеленный на витальные, биологически обусловленные задачи, в онтогенезе совершает культурное развитие. При этом каждый уровень имеет свой, адресованный только ему слой культурной жизни сообщества.

ва, формирующий структуру его переживания и предлагающий ему средства организации адаптации и саморегуляции. Культура, таким образом, и в этом случае предстает, как жизненно необходимый инструмент организации индивидуального сознания и поведения.

Последовательно отвечая на поставленные вопросы, мы не могли не обратить внимание на то, насколько сложны и динамичны должны быть отношения между разными уровнями в условиях, когда индивид одновременно разрешает полярные задачи и использует, казалось бы, взаимоисключающие способы адаптации. Возникло предположение, что законы складывающейся в этих условиях структуры соответствуют основному алгоритму организации живой системы, выделенному Н.А. Бернштейном на примере системы организации движений.

Уровни аффективной организации поведения складываются в единую саморегулирующуюся систему со сложными иерархически организованными взаимоотношениями. Целостность, управляемость системы обеспечивается множественными внутренними оппозициями, реципрокными отношениями уровней. Конечно не отдельные уровни, а вся система аффективной организации поведения и сознания совершают свое культурное развитие в онтогенезе.

Видимо, можно говорить о культурном развитии аффективной сферы, так же, как о культурном развитии отдельных психических функций. Мы попытались проследить на примере известных феноменов детской психологии и явлений культуры линии этого развития. Таким образом, начав с реконструкции отдельных уровней, мы пришли к необходимости реконструкции всей системы и закономерностей ее развития.

Безусловно, зайдя так далеко в теоретической спекуляции, мы испытывали потребность в дополнительной поддержке, проверке

выстроенной системы гипотез косвенными доказательствами. Отчасти нас поддерживало то, что рассматриваемое нами развитие системы в онтогенезе согласовывалось с известными представлениями о психическом развитии ребенка и даже, на наш взгляд, делало их более объяснимыми.

Также для нас было важно то, что в структуре культурного сознания явно просматривались отдельные уровни, обращенные соответствующим уровням индивидуальной аффективной сферы. Понятно, что и взаимоотношения между этими уровнями культуры должны воспроизводить внутренние взаимосвязи в системе индивидуального сознания. Напрашивалось предположение, что строение систем сознания и культуры изоморфно, что давало надежду найти косвенные свидетельства правильности сделанных нами заключений в закономерностях, описанных в работах культурологов.

В связи с этим, мы решились сопоставить модели сознания наиболее ярких, известных типов культуры с акцентуацией в развитии отдельных уровней индивидуального сознания. Мы искали аналогии там, где могли предположить родство адаптационных задач отдельного уровня сознания и основной адаптационной направленности культуры сообщества. Так, например, мы попытались сравнить третий уровень, отвечающий за адаптацию к новой, неопределенной среде с идеальным сознанием культуры Нового времени, как известно, также нацеленной прежде всего на поиск, экспансию, преодоление. В случае выявления изоморфности идеальных моделей сознания разных культур формам акцентированного развития отдельных уровней индивидуального сознания мы получили бы еще одно косвенное доказательство верности описанной нами теоретической модели.

Также мы рассмотрели и теоретически возможные варианты дисбаланса и поломки индивидуальной системы организации соз-

нания и поведения. Мы не преследовали в этом случае цель «привязать» их к конкретным формам существующей клинической классификации патологии аффективной сферы. Однако при узнавании в реальных клинических феноменах вариантов конструируемой нами модели возникновения нарушений – дисбаланса, деформации и поломки в развитии аффективной сферы, мы также получили бы некоторую поддержку наших гипотез. Для нас важно, что при этом мы снова смогли вернуться к началу нашего пути к теме раннего детского аутизма и определить его место среди отклонений в развитии аффективной сферы.

Содержание книги, таким образом, отражает весь пройденный нами путь. Во второй главе дается описание отдельных уровней организации поведения и сознания; третья посвящена реконструкции модели их целостной системы; в четвертой делается попытка рассмотреть закономерности развития этой системы в онтогенезе. В пятой главе возможные индивидуальные акцентуации развития отдельных уровней сознания сопоставляются с известными типами развития культурного сознания; в шестой обсуждаются индивидуальные различия, варианты одаренности и патологического дисбаланса, деформации и поломки системы. Заключение посвящено обсуждению выдвинутых гипотез, делаются практические выводы о возможности использования представленной модели для профилактики нарушений аффективного развития и в психологической коррекционной практике.

ГЛАВА 2

УРОВНИ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Выделение групп детского аутизма как ступеней в развитии отношений аутичных детей со средой позволило выстроить ряд адаптационных задач, встающих перед нами по мере активизации взаимодействия. Мы уже говорили, что этот ряд стал для нас стержнем реконструкции соответствующих уровней взаимодействия со средой в норме.

Следуя адаптационному смыслу, мы пытались воссоздать характерную целостность в работе каждого уровня и понять внутренние закономерности ее возникновения. Для этого мы старались описать сочетание присущих данному уровню форм адаптации к внешним условиям и саморегуляции, а также представить особенности ориентировки и эfferентных поведенческих инструментов, адекватных для разрешения стоящих перед ним задач. Далее нашей целью была попытка выделить аффективные механизмы, определяющие именно данный тип взаимодействия субъекта со средой. В названии каждого уровня мы стремились прежде всего подчеркнуть специфику выстраиваемых им отношений с миром.

Начнем попытку реконструкции с самого глубинного слоя организации поведения и сознания, защитную сторону которого удалось выявить у наиболее «тяжелых» аутичных детей, решающих по преимуществу, лишь одну базальную адаптационную задачу сохранения себя от непереносимой интенсивности окру-

жающей среды. В норме же он, по-видимому, осуществляет не только самую радикальную защиту, но и обеспечивает максимально возможное, индивидуально допустимое приятие мира: наиболее полное восприятие информации и оптимальное «вписывание» субъекта в его окружение.

Уровень пластиичности

1. Организация адаптации к внешнему миру

Этот уровень аффективной организации поведения вероятно генетически связан с наименее активными формами психической адаптации. Вместе с тем, он решает насущно важную задачу общей преднастройки субъекта к активному контакту с миром. Его приспособительный смысл можно определить, с одной стороны, как защиту от разрушающей интенсивности среды, с другой – как выбор оптимального режима в контакте с меняющимся миром. Таким образом, идет процесс не только оценки самой возможности контакта, определения допустимой дистанции, но и постоянного выбора позиции, позволяющей, во-первых, сохранить комфорт и безопасность, во-вторых – настроиться на наиболее полное восприятие окружающего. С помощью этого уровня мы наиболее полно и объективно воспринимаем информацию, оптимально вписываемся в складывающиеся обстоятельства, предвосхищаем намечающиеся возможности и ускользаем от возможной опасности.

В первую очередь этот уровень должен быть связан с организацией сенсомоторной адаптации к реальному предметному миру, с решением непосредственных пространственных задач, но, как будет рассмотрено ниже, также участвует в освоении речевой и социальной среды, вносит существенный вклад в развитие самых

сложных психических процессов и в интуитивное разрешение самых запутанных ситуаций⁴.

Понятно, что фоновое значение этого уровня чрезвычайно велико, но выйти на первый план и стать самостоятельно смыслообразующим он может лишь в исключительных обстоятельствах или, как мы видели, в случаях глубокой патологии. Поэтому работа первого уровня проявляется нечасто, и в обыденной жизни мы лишь догадываемся о его существовании, поражаясь мысли, которая «сама пришла в голову», само собой сложившемуся пониманию происходящего или, спрашивая себя, каким образом, задумавшись и не обращая ни на что внимания, благополучно миновали оживленный перекресток, хотя совершенно не помним, как это произошло.

Рассмотрим **особенности ориентировки, необходимой для решения адаптационных задач этого уровня**. Поскольку его базальная задача – защита от разрушения, то понятно, что *ориентировка здесь должна определять не качество, а интенсивность воздействия*. Витально важно здесь постоянно отслеживать и оценивать динамику интенсивности среды, и *ключевыми, запускающими такую ориентировку впечатлениями должны выступать моменты нарушения равновесия, изменения в соотношении действующих на нас сил*. Именно в этом случае встает необходимость оценить, насколько опасно и разрушительно происходящее изменение.

Понятно, что при этом особый аффективный смысл для субъекта приобретают сигналы дистантных анализаторов и вестибуляр-

---

⁴ К.Г. Юнг связывает интуицию с необходимостью для человека предвосхищать развитие событий, приспосабливаясь к изменениям, непредсказуемым из существующего опыта: «Вещи имеют свое прошлое и будущее, они откуда-то появляются, куда-то убывают, и трудно с уверенностью сказать, откуда они возникли и куда скроются; и все же у человека есть некое чувство, которое <...> называют предчувствием...» (2007, с.19).

ные ощущения, дающие информацию о своем движении и положении среди других движущихся тел. Существенной также должна быть оценка пространственного расположения объектов относительно друг друга и субъекта и их собственных пропорций, поскольку именно эти данные заключают в себе информацию о потенциальной возможности их трансформации, направлении возможного движения. Пространственные соотношения сообщают нам о степени устойчивости существующего равновесия, возможности свободного отхода, обзора, гарантиях защищенности ближними объектами от неожиданного движения дальних. Признаки «хорошей», безопасно организованной среды и мест дискомфортных, опасных, по нашему мнению, должны входить в фонд врожденных аффективно значимых признаков, организующих поведение и человека, и животного.

Для ориентировки этого уровня, обеспечивающего преднастройку к контакту, видимо, характерно и то, что она должна осуществляться вне активного избирательного контакта со средой. Она не может опираться на избирательную оценку силы одного значимого для нас ощущения или их отдельной последовательности. Адекватным в данном случае является лишь симультанное отражение всей целостной структуры силовых воздействий среды в динамике ее становления и развития. Именно такая информация и дает возможность занять оптимальную позицию в среде, вписаться в нее, построив опережающее движение (*Бернштейн, 1947*), и именно этот тип ориентировки мы видим у глубоко аутичных детей, адаптивной задачей которых, как мы уже обсуждали, является исключительно обеспечение защиты от интенсивности среды. Эти дети идеально рассчитывают свои движения и, балансируя, вписываясь в пространство, как правило, не падают, не ушибаются и не промахиваются, хотя и не фиксируют объекты и вообще, как из-

вестно, используют для своей ориентировки преимущественно периферическое зрение.

Тип поведения, который характерен для этого уровня организации отношений с миром, на первый взгляд, чрезвычайно примитивен. В попытках его обозначения мы перебираем термины «психический тропизм», «полевая реактивность», «эхо-реакции» или описания скольжения по силовым линиям поля, пластичное вписывание в обстоятельства. Все они в какой-то степени определяют характер движения субъекта как пассивный дрейф взвешенной частицы психического поля.

Вместе с тем необходимо помнить, что даже если иметь в виду адаптацию к физической предметной среде, то за внешне пассивным вписыванием в пространство стоит активнейшая работа сенсомоторной функции. В этом случае особое аффективное значение имеют данные дистантных анализаторов, а также вестибулярные и кинестетические ощущения, которые несут нам информацию о себе как о теле, движущемся среди других движущихся тел, и позволяют оптимально вписаться в пространство. Идет непрерывный процесс аффективной корректировки позиции, что позволяет, по Н.А. Бернштейну (1990, с.22-23), используя «свежие следы» данного мига, воспринять сенсорные синтезы и построить *упреждающее движение вписывания вечно меняющуюся среду*. Понятно, что выделение и фиксация отдельного впечатления, избирательное сосредоточение на нем разрушает этот тип адаптации.

В более широком смысле мы можем говорить здесь о едином процессе восприятия и действия, который, видимо, и является здесь основным инструментом психической адаптации, позволяющим нам предугадать изменения и вписаться в обстоятельства.

На первый план в значении этих форм поведения обычно, прежде всего, выступает защитная функция. Так Б.Ф. Поршнев (1974)

рассматривает эхо-реакции как первые базальные формы защиты, ухода от опасности. А. Валлон (1956) также отмечает, что эхо-реакции могут появляться при снижении уровня сознания вместе с реакциями избегания в ответ на изменение или появление нового объекта в зрительном поле. Выше мы уже упоминали об особой форме полевого поведения, надежно ограждающей глубоко аутичных детей от любого соприкосновения с миром, – пластичном ускользании от контакта со средой и людьми и защитных эхо-реакциях.

В то же время для нас явно и конструктивное значение этого типа поведения, обеспечивающего не только защиту, но и условия вхождения в мир. Именно эхо-реакции становились в нашей коррекционной работе с аутичными детьми основой развития других, более активных форм избирательных отношений с миром. Психическое развитие нормального ребенка, появление дифференцированного, целенаправленного взаимодействия со средой и людьми тоже опирается на ранние формы пластичности в контактах с миром (Валлон, 1956, 1967; Выготский, 1984).

А. Валлон (1956, с.65, 86) называет подобный тип адаптации «динамической интуицией», предполагающей способность симultanно впитывать структуру организации пространства и, вписываясь, использовать ее. Более того, наряду с «динамической интуицией пространства» и «динамической интуицией пространственных отношений» – основой сенсомоторного интеллекта – он говорит и о «динамической интуиции языка» (1956, с.210) – возможности ориентироваться на целостные структуры языка и предугадывать правильный порядок и соотношение слов в предложении. Он рассматривает эхолалию, эхомимию и эхопраксию маленького ребенка – первые формы миметического подражания другому человеку – как ситуативное слияние с ним (*там же*, с.138-139).

Представляется, что и описываемый нами тип интуитивно организуемого поведения тоже можно определить как *пластичное уподобление меняющейся среде* через усвоение ее ритмов и формы: положительного уподобления – притяжания и слияния, и отрицательного – отражения и ускользания. Можно сказать, что в основе организации такого поведения лежит принцип «все или ничего».

Мы предполагаем, что внутренним аффективным механизмом, организующим разрешение адаптивных задач, определяющим и тип ориентировки, и форму адаптивного поведения является соответствующее данному уровню переживание. С одной стороны, оно организует целостное адаптивное поведение с его афферентной и эфферентной сторонами, а с другой – определяет структуру сознания. Мы проследим далее, как с усложнением адаптивной задачи качественно меняется содержание и структура переживания, а вместе с ним – формы мироощущения и взаимодействия со средой.

Рассмотрим характер аффективного переживания этого уровня. Субъективно оно еще не содержит яркой положительной или отрицательной оценки и связано лишь с общим ощущением комфорта, полноты покоя или дискомфорта, смутной тревоги. Переживание комфорта сохраняется, если динамика внешних сил оценивается как допустимая и таким образом подтверждает возможность принять и усвоить форму внешних воздействий. Ощущение дискомфорта, беспокойства возникает мимолетно, оно нестойко, потому что должно мгновенно вызывать реакцию, способствующую переходу субъекта в положение комфорта, и смутно переживается лишь как сам миг ее инициации.

Неслучайно, видимо, дети с тяжелыми формами аутизма чаще всего находятся в состоянии глубокого покоя, отрешенности, само достаточности. Как уже говорилось, в клинике для этих случаев даже существует специальный термин: «лицо принца» (Kanner, 1943).

Такие дети могут испытывать дискомфорт (особенно, если кто-то пытается удержать их), но не фиксируют его, как не фиксируют и не выражают определенно страх, удовольствие, даже страдание от боли, холода или голода.

Переживания покоя или беспокойства могут быть достаточно глубокими, но поскольку они нестойки, то не имеют определенной формы выражения. При попытке отразить их вербально максимум, что мы можем сделать – это сказать: «Что-то заставило меня обернуться...», или «Здесь чувствуешь себя удивительно легко...», или «Чем-то мне это место (этот человек) сразу не понравились». Необходимо также отметить, что действие этой аффективной оценки ограничено непосредственной ситуацией, ее данным мигом, и она редко определяет наше последующее поведение. Видимо, это и есть то самое смутное «первое впечатление», за неследование которому мы позже так часто себя упрекаем.

Как известно, Л.С. Выготский (1984) рассматривал переживание как единицу сознания, определяющую его свойства. Можно сказать, что это нестойкое аффективное переживание формирует **своеобразный тип периферического сознания**, несфокусированно отражающего динамику среды. Переживаются только покой или дискомфорт этого непосредственно длящегося момента времени, они не существуют одновременно, не связываются и не фиксируются – существуют или как плюс, или как минус.

Таким образом, это наименее организованный, то есть наиболее пластичный слой сознания. Как неравновесная, неустойчивая динамическая система он получает возможность установления простейшей, но наиболее чуткой коммуникации с внешними условиями, невозможной для более активно организованных и устойчивых систем сознания высших уровней. Спонтанной адаптивной организацией такой системы, как известно, является подстройка ее к

внешним флюктуациям, усвоение внешних ритмов, динамики мира (Пригожин, 1986).

Субъект такого сознания еще слит с окружающим и непосредственно переживает его дыхание. А. Бергсон (1914) называет такое восприятие мира непосредственной интуицией. Субъект сливаются с каждым данным мигом происходящего в его становлении, поэтому пространство и время еще не дифференцируются и выступают как единое динамичное настоящее. Видимо, с этим уровнем сознания можно сопоставить ощущение времени, которое А. Бергсон называет живым, длящимся; а также соотнести переживание, определяемое И. Пригожиным как овремливание пространства. Отчасти также подобный тип сознания допустимо связать и с описываемым Ф.Е. Василюком (*Василюк, 1984*) внешне легким и внутренне простым жизненным миром, где субъект безоглядно погружается и растворяется в жизненных отношениях.

Мы видим, что на этом уровне сознания создаются простые и экономичные способы защиты: в силу целостности воспринимаемой энергетической структуры внешней среды происходит как бы «выдавливание» субъекта в точку наименьшего действия сил. С другой стороны, именно в этой точке будут сходиться все воздействия, и восприятие информации в ней будет наиболее полным. Субъекта можно сравнить с частицей, движущейся в воде внутри сдавливающей пластиковой сферы – он всегда будет выскальзывать в сторону наименьшего давления. И именно пассивность субъекта, отсутствие собственных активных установок, позволяет ему чутко откликаться на внешнее движение – плыть, скользить, используя силовые потоки среды, оптимально вписываться в жизненные обстоятельства.

Необходимо отметить, что внутренняя пластичность не обязательно внешне проявляется как вялость. Энергия движения, ус-

кользания субъекта здесь определяется усвоенной силой внешних воздействий, а течение жизни, которому он следует, может быть достаточно бурным, и защитная реакция резкой, например, в тот момент, когда он отшатывается от летящего навстречу предмета.

Защитная реакция субъекта возникает в миг переживания дискомфорта, который связан, видимо, еще не с конкретным, неприятным или болевым ощущением, а с его предвосхищением. Такое предвосхищение возможной неприятности можно связать с переживанием психического пресыщения, – термин используется нами, как он задан К. Левином (*Levin, 1935, 1936; Левин, 2001*). Как известно, именно пресыщение предупреждает развитие физиологического истощения, представляющего реальную опасность для организма. Оно может включаться сразу, в ответ на резкое приближение к порогу дискомфорта, или накапливаться постепенно – в любом случае, как пишет В.В. Лебединский (*Лебединский, Никольская, Баенская, Либлинг, 1990, с.8*), «система эмоциональной регуляции “держит руку на пульсе” энергетического баланса организма».

В условиях комфорта, покоя спонтанная подстройка системы к внешним флуктуациям обеспечивает этому уровню сознания оптимальную пластичность в усвоении ритмов среды, несущих субъекту энергию и информацию (*Пригожин, 1986*). Как мы будем обсуждать дальше, эта способность неустойчивой динамической системы к коммуникации с миром, спонтанной организации порядка из хаоса в ответ на флуктуации среды может лежать не только в основе процессов непосредственной динамической интуиции, но также участвовать и в организации процессов творчества.

Мы видим, что переживание, формирующее этот тип сознания, опирается на сенсомоторную функцию, впечатление остается как бы внутри ее и связывает восприятие и действие. Именно эта

функция стоит, как мы знаем, в центре сознания в ранний период развития психики (*Выготский*, 1984; *Валлон*, 1956, 1967). Другие психические функции обслуживаются основную – адаптивную – и проявляются поэтому в своем особом качестве. Внимание рассеянное, несфокусированное, память выступает как непосредственное узнавание; речь как комментарий, непосредственное отражение, сопровождающее восприятие и действие; мышление здесь тоже принимает вид прямого «усмотрения» нужного хода и совершается непосредственно «внутри» акта восприятия и действия.

Индивидуальные вариации в организации этого уровня должны определяться разной чувствительностью к флюктуациям среды, разной выносливостью в усвоении ритмов мира. В первую очередь это обуславливает формирование различий в дистанции в отношениях с миром; в устойчивости и комфорте во взаимоотношениях с ним; в способности к пластичному вписыванию в обстоятельства, а также в возможности усматривать в них новый порядок, новую структуру – в непосредственной интуиции действия и мысли.

Как уже отмечалось, самостоятельное, смыслообразующее проявление этого уровня в поведении человека должно быть чрезвычайно ограничено. Возможно, он играет значительную роль в организации поведения ребенка в период его внутриутробной жизни, по крайней мере, его следы остаются и в период новорожденности, хотя способность реагировать движением катастрофически уменьшается. Известно, что первые реакции ребенка – это реакции тонической защиты на изменение положения тела и на надвигающийся на него объект, а первые четко различимые аффективные проявления – это реакции дискомфорта, связанные с резким возбуждением лабиринта (*Валлон*, 1967). Известно, что у ребенка до двух месяцев преобладает выражение именно отрицательного аффекта, и лишь затем положительные переживания уравниваются с ним в активно-

сти и постепенно начинают преобладать в связи с развитием других, более дифференцированных форм поведения (*Выготский, 1984; Валлон, 1967*).

Остановимся подробнее на работе первого уровня как фонового, обслуживающего организацию более активного и сложно организованного поведения. Нет, наверное, такого типа психической адаптации, который не включал бы в себя контроль интенсивности и оценку общей структуры ситуации. Наиболее очевиден вклад этого уровня в решение конкретных ежедневных бытовых задач, когда «интуиция пространственных отношений» позволяет нам машинально вписывать себя в «топографию пространства», а свою руку «в деталь предмета» (*Валлон, 1956*). Первый уровень, несомненно, во многом определяет и общий пространственный рисунок нашего поведения, то, как мы организуем жилую среду: расставляем мебель в комнате, скамейки во дворе (она просится на это место), какой маршрут выберем для прогулок с ребенком, где остановимся отдохнуть, гуляя по парку.

Следы работы этого уровня обнаруживаются и в самых простых, и в наиболее развитых процессах психической адаптации. Так, в приспособлении к протеканию внутренних соматических процессов можно выделить тот момент, когда мы еще не способны четко дифференцировать и локализовать болезненное ощущение, выразить словами, что мы чувствуем, но безошибочно принимаем идеальную позу, щадящую больной орган. Известно, что еще не дифференцированная актуализация соматической потребности создает ощущение беспокойства, побуждающего нас к увеличению общей двигательной активности, что увеличивает шансы встречи с объектом, в котором потребность может узнать себя (*Симонов, 1975; Хайнд, 1975*).

Что касается более сложных форм поведения, то, как мы уже упоминали, А. Валлон (1956, с.210) предполагает существование у ребенка начальной «интуиции языка», которая позволяет почувствовать правильное соположение слов в пространстве, предугадать их верный порядок, – способности, которая позже может подавляться усвоенными речевыми автоматизмами. В случаях же особой лингвистической одаренности у взрослых мы тоже говорим об особом чувстве структуры языка.

Безусловен вклад первого уровня в организацию процессов общения, где он, определяя допустимую дистанцию и полноту контакта, обеспечивает индивидуу безопасность и эмоциональный комфорт. Получены многочисленные экспериментальные данные о зависимости вегетативных показателей, мышечного тонуса человека, его субъективной оценки состояния от дистанции контакта, о поведенческих реакциях изменения ориентации лицом к лицу, отведения взгляда, ухода от контакта при нарушении индивидуально комфортной дистанции общения (Хейдмяйтс, 1979). Пространственная дистанция, которую человек устанавливает между собой и другими людьми, является индивидуально стабильной величиной и влияет на процесс формирования важнейших личностных установок, связанных с экстра- и интроверсией.

Особенно интересно было бы определить вклад низшего уровня аффективной организации поведения в сложные процессы творческой деятельности. Б.М. Теплов (1961) и П.В. Симонов (1975), анализируя механизм появления творческих гипотез, отмечают неподвластность его волевому импульсу, более того, их возникновение обычно как раз при уходе от активной работы над задачей, в момент отдыха, замещающей деятельности, предохраняющей мозг от утомления – при раскуривании трубки, на прогулке, при раскладывании пасьянса, в моменты пробуждения. Об этом свидетельствует

опыт многих людей, испытавших моменты озарения – Гельмгольца, Менделеева, Гаусса, Тимирязева.

Подсказка как бы сама приходит к человеку (не я придумал, а мне пришло в голову), и решение воспринимается как данное извне озарение. С другой стороны, все авторы подчеркивают и важность затраты сил в предыдущей работе над задачей. А. Валлон (1956) подчеркивает значение для возникновения внезапного решения опыта неудач, аффективного неблагополучия как почвы для возникновения пресыщения, которое и позволяет ликвидировать стереотипы старых представлений и привычных способов действия и тем самым очистить место для возникновения новых связей.

Безусловно, творчество не может быть сведено к работе одного из уровней организации сознания, важны и личностные установки, и уровень владения знанием, навыками. Вместе с тем процесс нагнетания неудовлетворенности результатами работы, аффективного дискомфорта ведет именно к пресыщению как к возможности на какое-то время утерять привычную почву под ногами, чтобы затем обрести ее в другой точке и посмотреть на проблему под другим углом зрения, дающим возможность образования нового гештальта. И именно выход в неструктурированный уровень сознания позволяет, как мы помним, по И. Пригожину (1986), пластиично усвоить структуру воздействий окружающей среды.

Все это говорит об особом вкладе в процессы творчества именно низшего, первого уровня аффективной организации. Тесная связь с базальными системами, возможно, объясняет характерные для творчества элементы непредсказуемости, неосознанности, слабости произвольной организации, ощущения наития, заданной извне формы, а также то, почему первым сигналом верности возникающего решения, как правило, является переживание его целостной гармонии и красоты.

Выполняя свои функции организации адаптации к миру, первый уровень входит, таким образом, в сложные взаимоотношения с высшими формами поведения, не исчезая и не растворяясь в них. Он обеспечивает нам возможность вписаться в среду: наиболее полно впитать в себя поток информации и уберечься от разрушающего влияния окружающего мира.

Информация, которую дает этот уровень, наиболее объективна, потому что не опосредована никакой субъективной избирательностью. Обеспечиваемая им защита самая радикальная, так как она тоже не избирательна и направлена на редукцию любой интенсивности, превышающей порог дискомфорта. З. Фрейд (1989), как известно, такую задачу дозирования контакта с энергией внешнего мира представляет как первичную, даже по отношению к действию знаменитого принципа удовольствия, и относит механизмы защиты к низшей, базальной психической инстанции.

2. Вклад первого уровня в процессы саморегуляции

Как и более высокие структуры, первый уровень системы аффективной организации вносит свой вклад в процессы ее саморегуляции. Выступая в качестве низшего уровня, организующего самые неэнергоменные формы поведения, он должен осуществлять и *наименее избирательную регуляцию психического тонуса – его общую неизбирательную гармонизацию*. Это поддержание его индивидуально оптимальных параметров усвоением ритмов, флюктуаций среды, ее «дыхания» и пресыщением слишком сильными впечатлениями.

Воздействия среды, не достигающие порога дискомфорта, также, как и равновесные, этологически «хорошие» пространственные пропорции, свидетельствуя нам о безопасности окружающего, снова и снова стимулируют переживания комфорта и покоя. Эти пере-

живания не побуждают нас к активности, а, наоборот, предоставляя возможность усвоить внешнюю форму, раствориться в ней, погружают в состояние завороженного покоя, позволяют ощутить глубокое эстетическое чувство полноты и завершенности данного мига жизни, единства с миром.

Ж.Ж. Руссо (цит. по *Леви-Стросу*, 1994, с.27) называет такое переживание самым «драгоценным чувством» из всех, потому что оно так редко и неопределенно. Описывая возвращение сознания после глубокого обморока, он пишет: «Мне казалось, что я наполняю своим легким существованием все воспринимаемые мной предметы, <...> у меня не было никакого отчетливого ощущения своей личности, <...> я чувствовал во всем моем существе дивное спокойствие и всякий раз, как вспоминаю о нем, не могу подыскать ничего равного среди всех изведанных мною наслаждений».

Такие переживания редко фиксируются и осознаются, но восприятие гармонии мира, усвоение ритмов является одним из основных источников поддержания нашего психического тонуса в оптимальном режиме. При этом используются и внешние, и внутренние ритмы. Теряя активность и нуждаясь в «скорой помощи» в борьбе с пресыщением, мы начинаем напевать, ритмично покачиваться, постукивать ногой, включаем музыку. Многие могут вспомнить, например, как хорошо думается «на ходу», ритм движения тела может стимулировать движение мысли, придать ее течению размеренность, складность, так же, как нам часто помогает в этом стук колес поезда, мелькание картин за его окном. Наряду с необходимым подъемом тонуса, ритмы служат и для его снижения, успокоения: каждому, наверное, когда-нибудь советовали монотонно считать, если не засыпается. Мы укачиваем детей, поем им колыбельные, и сами они часто, когда не могут заснуть, тоже начинают раскачиваться или крутить головой.

Наряду с прямым вкладом в регуляцию психического тонуса, первый уровень ярко проявляет себя и в области психической защиты от реально неустранимых травмирующих переживаний. Эта защита также неизбирательна: уровень охраняет человека от всех чересчур интенсивных переживаний. Механизм аффективного пресыщения позволяет «срезать» слишком сильные и положительные, и отрицательные переживания. Таким образом, происходит стабилизация аффективных процессов в режиме комфорта.

Особое значение для саморегуляции имеет также то, что на этом уровне происходит освобождение от непереносимого, но реально неустранимого аффективного впечатления. Можно предположить, что переживание этого уровня является одним из основных составляющих механизма вытеснения, позволяющего человеку выжить и сохранить аффективную стабильность даже в, казалось бы, невыносимых условиях.

Поддержание аффективных процессов в режиме комфорта осуществляется благодаря впечатлениям, несущим переживания покоя, комфорта, гармонии, равновесия в окружающем. Одним из источников таких впечатлений является бесцельное движение по силовым линиям поля – «куда глядят глаза», «куда несут ноги». Растворяясь в потоке окружающего, ощущая себя его частицей, мы плывем по течению, огибаем препятствия, ускользаем от опасностей, даже не замечая их. Наверное, многим знакомо это чувство умиротворения и, одновременно, полноты жизни, которое мы получаем от таких прогулок, «купаясь» во впечатлениях, бродя зевакой в толпе, просто шатаясь и глазея.

Подобное, а может быть, даже более глубокое чувство покоя, слияния с окружающим мы переживаем не в собственном движении, а, наоборот, застыв на месте, впитывая в себя динамику окружающего: легкое движение листьев, рябь на воде, колебания воз-

духа, освещения, теней. Как писал об этом переживании В.В. Розанов (1990, с.501): «Все религии мира пройдут, а это останется: просто – сидеть на стуле и смотреть вдаль».

Обращаясь к аффективному опыту читателя, мы рассчитываем, что каждый может вспомнить свою зачарованность в детстве движением пылинок в солнечном луче или снежинок в свете уличного фонаря, мельканием теней от решетки забора, орнаментом обоев, движением по узору плиток тротуара. Каждый знает об умиротворяющем действии прогулок у воды, в парке, созерцания движения ветвей и облаков, ритма морского прибоя, голосов птиц и журчания ручья; эти же впечатления мы получаем, когда бездумно стоим у окна, рассеянно глядя на далекую суету улицы. Когда нам не по себе, мы часто подходим к окну или бродим по улице.

Очень точно об этом пишет Г.С. Уланова: «Когда бывала усталая, расстроенная, садилась в автобус, <...> выбирала место у окна и вот так ехала туда и обратно, не выходя, бездумно смотрела на дома, улицы, людей. Так я отдыхала. Не думалось, конечно, для чего это делаешь, чем вызвано, на что влияет, просто мне так хотелось, очевидно – присутствовать при жизни, но от нее отвлекаясь» (1985, с.116). Сходным образом и героиня повести А.П. Чехова «Три года» чувствует в безысходных обстоятельствах, что если бы можно было бы «ездить целый день по Москве от утра до вечера и при очень быстрой езде дышать прохладным воздухом, то, пожалуй, она не чувствовала бы себя такой несчастной».

И, конечно, мы достигаем покоя, гармонии душевной жизни, усваивая не только легкое дыхание мира, но и его гармонические пропорции, удовлетворяющие наше эстетическое чувство. Как пишет И. Бродский, «красота есть место, где глаз отдыхает. Эстетическое чувство – двойник инстинкта самосохранения» (1992, с.200).

«Глаз продолжает следить за реальностью при любых обстоятельствах, даже когда в этом нет нужды. Спрашивается “почему?”, и ответ: потому, что окружение враждебно. Взгляд есть орудие приспособления к окружающей среде, которая остается враждебной, как бы хорошо к ней не приспособиться <...> Короче, глаз ищет безопасности <...> Этим объясняется тяга глаза к красоте, как и само ее существование. Ибо красота утешает, поскольку она безопасна» (*там же*, с.199).

До сих пор мы более подробно говорили о генерализованном, тоническом влиянии первого уровня на сохранение режима комфорта нашей душевной жизни, но вместе с тем, мы знаем и о его возможности оказания «скорой помощи», немедленного устранения переживания травматической, разрушающей силы. Качество травматического впечатления – физическое отвращение, унижение, потеря близкого – определяется, как мы будем обсуждать ниже, на более высоких уровнях, но пресыщение этими непереносимыми переживаниями происходит на первом.

В самых явных случаях мы просто физически отстраняемся от травмирующего впечатления – механизмы этого уровня заставляют нас отшатнуться, отвернуться, зажмуриться, заткнуть уши, зажать нос. Такие реакции особенно типичны для ребенка и, что характерно, защищается он от всех сверхсильных впечатлений – и плохих, и хороших; вспомним:

«Раздается звонок, голоса приближаются: Скрябин.
О, куда мне бежать от шагов моего божества!»

Б. Пастернак, «Девятьсот пятый год»

Конечно, такая реакция возможна и у взрослого человека, но все же чаще мы совершаем подобные действия во внутреннем плане и,

как это описал З. Фрейд (1990), многое «случайно» забываем, пропускаем мимо ушей, не обращаем внимания на очевидное. Как известно, мы не в состоянии длительно сосредоточиться, например, на мысли о смерти (Л.С. Выготский даже привлек этот феномен для иллюстрации утверждения того, что за движением мысли в конечном итоге всегда стоит аффект – 1983, с.249). Мы не помним родовой боли и часто парадоксально не можем восстановить в памяти черты самых дорогих лиц: при попытке сосредоточиться они расплываются и ускользают из памяти. В экстремальных случаях, когда выйти из травмирующей ситуации невозможно, а оставаться невыносимо, защитное движение ухода может обернуться импульсивным суициdalным действием.

Наряду с внешним или внутренним уходом от ранящего впечатления в пространстве, может иметь место и отстранение от него во времени. Мы можем внешне не выходить из напряженной ситуации, правильно воспринимать события, адекватно действовать, но при этом не оценивать их в полной мере и возвратиться к их подлинному переживанию значительно позже, когда реально их интенсивность уменьшится. Это отставленное переживание тоже очень характерно для маленького ребенка, когда реальный испуг, обида, шумный и яркий праздник могут оставить его внешне почти безучастным, и лишь через некоторое время он начнет вспоминать событие в деталях, радоваться, удивляться или огорчаться. Становится понятным, почему обычно маленький ребенок не может сразу поделиться тем, что его поразило, но со временем оказывается в состоянии рассказать о нем.

То же возможно в экстремальных ситуациях и для взрослого. Как часто мы говорим: «Я испугался, только когда все уже кончилось», или удивляемся, почему сразу не переживаем во всей полно-

те сверхрадостное или горестное для нас событие, даже упрекаем себя в равнодушии. В.В. Розанов писал об этом тоже, как бы оправдываясь: «У меня есть затяжность души: событием я буду – и глубоко как немногие, жить через три года, через несколько месяцев после того, как его видел. А когда видел – ничего решительно не думал о нем. А думал (страстно и горячо) о том, что было еще три года назад. Это всегда у меня, с юности, с детства» (1990, с.501).

Стойкое игнорирование постоянно присутствующих, жизненно важных для субъекта обстоятельств, как известно, может привести к устойчивой деформации, искажению смыслового восприятия своего жизненного пространства. Функция защиты может вступить здесь в противоречие с нуждами реальной адаптации. Так, у Л.Н. Толстого Долли удивляется тому, что Анна не предпринимает необходимых шагов для развода: «“Но как же она сама не думает?” – сказала Дарья Александровна, вдруг почему-то при этом вспомнивая странную новую привычку Анны щуриться. И ей вспомнилось, что Анна щурилась именно тогда, когда дело касалось задушевных сторон жизни. «Точно она на свою жизнь щурится, чтобы не все видеть”» (Толстой, 1928, с.175). Известно, что в ответ на экстремальное воздействие, благодаря работе защитного механизма, субъект может оказаться в ирреальном пространстве. Это тоже ярко описано Толстым в эпизоде, связанном со смертью Пети Ростова, как «... мать, отказываясь верить в то, что она могла бы жить, когда убит цветущий жизнью ее любимый мальчик, спасалась от действительности в мире безумья» (Толстой, 1929, с.154).⁵

---

⁵ Сходно в житии Блаженной Ксении Петербургской рассказывается, как после смерти мужа она называет себя Александром Ивановичем и одевается в мужское платье, веря в то, что он выжил, а умерла она сама.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что такое взаимоисключение защиты и реальной адаптации в норме возникает только в экстремальных условиях. Обычно же обе функции не мешают друг другу, и при господстве принципа реальности мы имеем достаточные возможности «прищуриться» и сохранить свой душевный комфорт, что, в свою очередь, способствует сохранению конструктивности в решении тех же самых реальных жизненных проблем. Как часто мы понимаем, что выжить нам позволило именно «бесчувствие», поразившее нас в экстремальной ситуации.

И, как мы уже говорили, первый уровень вносит чрезвычайно важный вклад в саморегуляцию благодаря возможности канализировать отрицательный аффект. Эта истинно целительная способность позволяет нам не только пережить несчастье, но и выйти из него, обретя новые поддерживающие нас жизненные смыслы. Так ребенок, выплакав свое горе, заново ощущает сладость от встречи с жизнью. Однако эта возможность представляется только в том случае, если мы действительно сможем, не уклонившись, принять страдание и пресытиться им. Подобное пресыщение позволяет потерять почву под ногами, временно стереть старые, уже не поддерживающие нас связи и смыслы, что, в свою очередь, дает шанс обрести новую, более прочную смысловую опору. Момент принятия, активного насыщения переживанием горя является одним из важнейших в работе сознания по обретению нового смысла жизни, дающего возможность выжить в трагической ситуации. Таким образом, мы можем говорить об адаптивной функции переживания страдания в широком смысле. Даже дезорганизуя поведение субъекта в данный момент, оно подготавливает его возвращение к активной жизни.

Напрашивается сопоставление подобного механизма освобождения от аффекта с введенным Аристотелем пониманием катарсиса

как очищающего переживания (Аристотель, 1927, гл.6). Вклад первого уровня в переживание трагического катарсиса, видимо, аналогичен его вкладу в процессы творчества, только во втором случае он позволяет усмотреть новую смысловую структуру вовне, а в первом – новую структуру внутренних эмоциональных смыслов. Благодаря работе более высоких уровней аффективной организации создается возможность не уклониться и принять травмирующее переживание, а также определяется качество возникающей для его осмыслиения новой эмоциональной структуры. Однако без участия первого уровня невозможен сам процесс очищающего переживания.

3. Культурное развитие первого уровня

Система аффективной организации поведения обеспечивает разрешение витальных задач адаптации к внешнему миру и саморегуляции. Вместе с тем, как и всякая психическая система человека, она должна получить культурное развитие, то есть стать высшей психической функцией (как это понимал Л.С. Выготский, 1983). Мы знаем, что с помощью особых стимулов-средств культурное сообщество получает возможность активно влиять на процессы переживаний, определять мироощущение, формы отношений с миром и внутренней душевной жизни. Психотехнические средства произвольной организации переживания усваиваются субъектом по мере его вхождения в культурный уклад жизни. Рассмотрим, как вместе со всей системой происходит культурное развитие и ее низшего уровня аффективной пластиности.

Проследим, как усваиваются культурные средства организации переживания по двум направлениям: непосредственной адаптации к внешнему миру и поддерживающей ее саморегуляции. Интересно, что подобным образом разделяет области культуры

О. Шпенглер (1991). Он выделяет в культуре сферу родового бытия, осуществления вожделения – навыков борьбы, жизни и работы – и сферу развития духа, дающую нам, как он говорит, возможность борьбы со страхом. Первую он связывает с развитием средств цивилизации, решения реальных жизненных задач, вторую – с развитием «чистой» культуры и искусства. Поясняя это разделение, Шпенглер сравнивает, например, функциональное развитие формы ручки рабочего инструмента, дающее все большее удобство, дополнительные возможности в его использовании и совершенствование орнамента, украсившего эту ручку.

Для себя мы тоже будем различать в культуре, с одной стороны, развитие средств аффективной организации в утилитарной области – при решении насущных задач нашего приспособления к внешнему миру, и, с другой, развитие средств саморегуляции внутренних аффективных процессов. В то же время, следует помнить, что в конечном итоге все эти культурные средства служат организации адаптации индивида к внешнему миру, и решение утилитарных задач невозможно без поддержания внутренней стабильности и активности субъекта.

Обратимся сначала к тому, как развивается культура, психотехника организации переживания первого уровня в области «утилитарной», то есть в ходе непосредственной адаптации к внешнему миру.

A. Развитие психотехники произвольной организации переживания первого уровня в непосредственном разрешении жизненных задач

Прежде всего, она развивается как культура организации физического пространства. В одних случаях, стимулируя переживание комфорта, она позволяет человеку отодвинуть момент наступления пресыщения, дольше оставаться на одном месте, со-

средоточиваться на определенном деле; в других – прорисовывая структуру силовых линий пространства, облегчает организацию движения, провоцирует совершение действия в нужном направлении.

«Первоначально – пишет О. Шпенглер (1991, с.23) – форма дома всецело вырастает из органического чувства. Ее даже не создают. Она обладает такой же внутренней необходимостью, как раковина моллюска, как пчелиный улей, как птичьи гнезда <...> Каждый исконный вид мебели есть слепок с телесной осанки определенной породы людей, каждая рукоятка сосуда продолжает подвижную руку». Но впоследствии, мы знаем, развиваются целые системы, школы осознанных культурных приемов: наука организации входа в дом, культура интерьера, организации рабочего места, планировки пространства двора; улиц, организующих движение людских потоков (см. сб.: Человек, среда, пространство, 1979). То же происходит и с разработкой формы любой вещи, любого орудия человека – совершенствуется культура дизайна, позволяющая руке оптимально вписаться в движение инструмента, а телу принять удобную форму мебели.

В организации социального пространства человек так же закономерно переходит от естественных этологических механизмов установления дистанции в контакте с другими особями и законов иерархической организации стада к разработке правил «хорошего тона» и сложной системе социальных отношений. Требования соблюдения дистанции, рекомендации определенного ракурса «прищуривания» (то есть определение социальных приличий – чего нельзя замечать в обществе, о чем нельзя упоминать), входящие в писаные и неписаные системы этикета, позволяют субъекту сохранить систему отношений в равновесии, самому занять комфортную, удобную позицию в структуре социального про-

странства и облегчить процесс общения другим людям. Как известно, хорошее воспитание и предполагает, прежде всего, умение создать комфорт в ситуации общения. Степень и характер «церемонности» обхождения широко варьируется в разных культурных традициях, но ни одна из них не может обойтись без разработки правил общения, дающих комфорт в отношениях с различными людьми.

Наверное, самыми драматичными в истории развития человеческой культуры являются попытки найти психотехнические приемы освобождения интуиции, организации творческих процессов, способов произвольного воспроизведения моментов наития, озарения. Известно, что вдохновение присутствует в науке и практической деятельности не меньше, чем в искусстве. Озарение ученого, предпринимателя, художника качественно отличны друг от друга по смыслу и результату, но, как отмечают многие авторы, психологический процесс здесь один и тот же (*Теплов, 1961; Вебер, 1991*). Прямой путь волевого усилия здесь, как известно, неэффективен, и для того, чтобы поймать вдохновение, необходимо, как говорит Ж. Маритен (1991, с.173), «терпеливое коварство».

Момент наития, инсайта обязательно связан с потерей старой системы аффективных связей и освобождением базальных аффективных механизмов первого уровня, обеспечивающих непосредственное целостное восприятие происходящего. «Коварство» действительно необходимо для произвольного решения задачи, не решаемой произвольно по определению. Перед каждым человеком, берущим на себя труд творчества, встает вопрос: как загнать себя в угол, где теряют почву под ногами?

Психотехнику аффективной организации творческого процесса разрабатывают в любой человеческой культуре. Как известно,

наибольшее развитие методы овладения интуицией получили в восточных культурах, где она традиционно считается не столько частным моментом решения отдельных творческих задач, сколько вопросом общей организации отношений с миром. Найтие признается необходимым при организации ежедневных отношений между людьми, обычного труда ремесленника, тренировки воина.

Овладение интуицией достигается с помощью психотехники управляемой случайности (Watts, 1957, 1960). Разрабатываются специальные приемы активизации переживания периферического сознания, способы «развинчивания сознания», обучающие, как, «отпустив» свои ум, тело и чувства, человек может достичь состояния спонтанности, не скованной стереотипами творческой интуиции. Это – психотехника введения человека в непосредственное переживание конкретного чувственного момента жизни во всей его полноте и динамической неповторимости, возвращающее субъекту целостное восприятие происходящего, иначе говоря, это – психотехника непосредственной стимуляции переживания первого уровня.

Другой подход к аффективной организации процессов творчества мы видим в более привычной нам западной культуре. Основным его отличием, как нам кажется, является стремление пережить момент освобождения интуиции в рамках частной творческой задачи, сохраняя при этом во всех остальных областях жизненного пространства стабильную аффективную избирательность, устойчивые жизненные стереотипы, личностные установки. Западная традиция разрабатывает психотехнику влияния на механизмы первого уровня посредством их высвобождения в связи с временным пресыщением смыслов контролирующих их высших уровней.

Если для восточных традиций овладение интуицией означает умение привести себя в состояние покоя, расслабления, слияния

с окружающим, то западная – в сущности, предлагает насилиственно вскрыть себя как «консервную банку». Мы знаем, что как раз западными исследователями в процессе творчества подчеркивается роль дискомфорта, накопления аффективного опыта неудач. «Вдохновение в западной культуре всегда является ответом на страстное вопрошение» (*Вебер*, 1991, с.131), тем более напряженное, что момент, когда «все таково, потому что оно таково, без причин и следствий», когда «нет ни границ, ни пределов, одна упоительная свобода» (*Лорка*, 1986, с.258) может и не наступить, вспомним хотя бы отчаянье знаменитого пушкинского Сальери. Отметим также и его неприятие того, что озарение может быть дано даром человеку, который этого не заслужил. В нашей традиции момент интуиции активно готовится страстным стремлением к цели, тяжелым трудом, физическим напряжениям, утомительным самоконтролем, жертвами, лишениями, разочарованиями.

Казалось бы, в этом случае движение идет в обратном направлении, не к освобождению, а ко все большему ограничению, закрыванию себя рамками контроля и насилия, однако, именно эта сверхинтенсивность переживаний запускает, как мы знаем, охранный механизм пресыщения, спасающий от непосильного напряжения и выводящий нас в состояние особой рассеянности, расфокусированности сознания. Таким образом, это обратное движение тоже дает нам возможность озарения и новой кристаллизации, пластичного приятия совершенной формы. Напряжение, дискомфорт нагнетаются в данном случае избирательно, в связи с конкретной творческой задачей, и пресыщение прежде всего касается сложившихся вокруг нее стереотипов и смыслов. Как уже упоминалось, для западного человека важно, что озарение при этом не затрагивает других, общих устоев его жизни.

Б. Развитие в культуре средств произвольной организации переживания первого уровня, обеспечивающих саморегуляцию

Перейдем к развитию в культуре средств саморегуляции аффективных процессов первого уровня. В ходе психического развития, усложнения и активизации взаимоотношений с миром и другими людьми субъект ощущает все большую потребность в поддержании душевного равновесия, снятии нервных перегрузок. Переживания первого уровня тонизируют, стимулируют впечатления безопасности и комфорта, снимают напряжение, освобождают от тяжелых переживаний. Поэтому на их основе в каждой культуре развивается сложная система психотехнических средств, гармонизирующих и охраняющих нашу душевную жизнь.

Прежде всего, это касается развития гармонизирующей, несущей покой культуры организации пространства. Так, по мнению О. Шпенглера (1991), именно сфере культуры борьбы со страхом принадлежит расписывание и резьба дома, одежда как украшение, орнаментация оружия и мебели. Украшение, орнаментация могут развиваться на поверхности утилитарной жизни (например, роспись уже упоминавшейся рукояти орудия), так и существовать самостоятельно как произведение чистого искусства, например, собор, который, по Шпенглеру, в сущности, сам представляет орнамент в его высшем развитии.

Культурный уклад вводит в привычный обиход жизни впечатления успокаивающие, сосредоточивающие на созерцании и вслушивании: вид, открывающейся из окна или от крыльца, куст в палисаднике, фонтан в саду, цветок на окне, особым образом задрапированная и колеблющаяся занавесь, узор обоев, вышитое полотенце на стене, тлеющие в очаге угли, картина, ваза, букет на столе, движение рыб в аквариуме, певчая птица в доме.

Д.С. Лихачев приводит характерные данные о русском «законе градском», известном с XIII века и восходящем к античному градостроительному законодательству. Согласно законам «О виде на местность, которая представляется из дома», «Относительно видов на сады», «Относительно общественных памятников», «О виде на горы и море» каждый житель города имеет право не допустить строительства на соседнем участке нового дома, если он нарушает взаимосвязь его дома не только с общественными памятниками, религиозными символами, но и с природой. Древнерусское законодательство также защищало право человека видеть из окна не только церковь, но и луг, перелески, сады, реку – все это представлялось обязательным условием нормальной жизни. Как известно, одной из важных забот основателей монастыря был выбор места, где человек мог бы ощущать себя в гармонии с миром (Лихачев, 1987).

Приемы эстетической организации среды накапливаются в семейных и национальных традициях. Мы знаем, какие силы тратятся на такие, казалось бы, необязательные вещи в самом простом и тяжелом крестьянском быту, как украшение керамической посуды, резьба по дереву, роспись домашней утвари, орудий труда, вышивка одежды, орнамент в ткачестве. Традиционный уклад сосредоточивает субъекта на этих витально необходимых впечатлениях и тем самым способствует присвоению и активному использованию приемов гармонизации душевной жизни.

С развитием и усложнением культурных традиций всякое глубокое впечатление от произведения искусства сопровождается ощущением соразмерности, гармонии, которое обеспечивается стимуляцией первого уровня. Как мы уже упоминали, И. Бродский говорит: «Красота есть место, где глаз отдыхает». Вместе с тем

можно выделить и относительно самостоятельные линии развития психотехник овладения способами успокоения и гармонизации. Это искусство организации мест и церемоний, позволяющих уйти от тягот жизни и восстановить душевное равновесие.

В наибольшей степени это представлено опять же в восточных культурных традициях: в сосредоточении человека на восприятии эстетики природных явлений и обычных моментов бытовой жизни: в развитии искусства чайной церемонии, икебаны, садоводства, где важным признается не только сочетание цвета, но и очертания и соотношение пропорций веток и листьев. Во всей полноте стимуляция пропорциями проявляется в бонсеки – искусстве «выращивания камней» – создании садов из камней и песка.

Эти же тенденции мы обнаруживаем и в развитии более привычных нам форм культуры. Д.С. Лихачев (1987 г) пишет о том, что садово-парковое искусство входит необходимой частью в развитие каждого этапа культуры и в ряду других искусств является наиболее захватывающим и воздействующим на человека. Конечно, идеал сада, парка индивидуален и многогранен, однако, при всех качественных отличиях сад всегда служит для стимуляции переживания покоя, гармонического слияния человека с окружающим миром.

Сад – это культура планировки: сочетания клумб, открытых плоскостей лужаек и куп деревьев, замкнутых гротов и беседок, орнамент дорожек; это насыщение пространства впечатлениями покоя, движения и плеска воды: каскадов прудов, фонтанов, уединенного ручья; это игра пятен света и тени в листве, в мерцании фонарей, в узоре чугунной ограды на песке дорожки. Все это отражает развитие средств произвольной стимуляции, организации переживаний первого уровня и использование их для саморегуляции.

Нельзя не сказать о том, что первый уровень вносит огромный вклад и в культуру организации религиозного переживания. Приобщению к божественной гармонии служит совершенство пропорций храма, ритмы колонн, орнаментация, соразмерное членение внутреннего пространства, высокий купол, столп света, игра витражей, колебание пламени свечей, особый мерный ритм службы, ее музыкальность.

Особое место среди средств гармонизации нашей душевной жизни занимает музыкальная культура. Обращение музыки именно к этому глубинному слою организации нашей душевной жизни не вызывает сомнений. Ее восприятие может вызвать у нас ощущение гармонии момента и слияния с миром. Аристотель писал о том, что благодаря безвредной радости музыки люди получают облегчение и очищаются от аффектов (1927).

А.Ф. Лосев определяет основу воздействия музыки как переживание процесса чистого чувственного становления жизни. По Лосеву, музыкальное становление «...есть не становление мысли, но ощущения и не в области мыслительной предметности», оно «совершенно неотделимо от чувственной текучести вещей <...> только чистая музыка обладает средствами передавать эту безобразную стихию жизни, то есть ее чистое становление». Музыка дает человеку «не какой-нибудь устойчивый и неподвижный, хотя бы и прекрасный образ, но рисует ему само происхождение этого образа, его возникновение, хотя тут же и его исчезновение» (1991, с.315-335).

Лосев пишет, что если мы увидим в восприятии музыки ощущение самой чистой процессуальности жизни, покоя и динамики бесконечного движения, единства уникального, осуществляемого мгновения жизни и вечности, из которой оно возникло и в которую

возвращается, то нам сделается понятным это максимально интимное переживание. Важно отметить, что почти сходные описания переживания как живого, динамически связанного с вечностью мгновения мы встречаем при попытке объяснить сущность медитации, достигаемой совсем другими средствами, например, о разросшемся в вечность мгновении говорят участники чайной церемонии.

В становлении музыкального образа любая точка может быть началом, концом и центром, все растворяется во всем, появление и исчезновение отдельных моментов сливаются в одно целое. И «человек, никогда не мысливший о бесконечности, и никогда не понимавший бесконечного в свете конечного, при слушанье музыки вдруг начинает испытывать единство и полную нераздельность того и другого. <...> Это не может не вызвать у воспринимающего музыку некоторого состояния мудрого молчания, если не прямо слез, но уже бескорыстных и ничем не связанных с пестрой пустотой жизни» (*там же*, с.329-330).

Это слияние конечного в бесконечном ощущает и Л.Н. Толстой, когда пишет о том, как князь Андрей, слушая пение Наташи, вдруг живо осознает страшную противоположность «...между чем-то бесконечно-великим и неопределимым, бывшим в нем и, чем-то узким и телесным, чем он был сам...», и эта противоположность радует и томит его во время пения (Толстой, 1929, т.5, с.182). Мы помним также, что по Толстому переживание во время пения Наташи чего-то, что «...было независимо от всего в мире и выше всего в мире» спасает Николая Ростова от мысли о самоубийстве (*там же*, с.53-54).

До сих пор мы говорили о развитии средств гармонизации душевной жизни, обострения чувства жизни, единства с миром, но вместе с тем в культуре формируются и приемы защиты от непри-

ятных переживаний. Как и в случае обеспечения безопасной дистанции во взаимодействии с физической и социальной средой, разрабатываются средства сохранения себя в пространстве аффекта: каких впечатлений следует избегать, на что не надо смотреть, о чем нельзя слушать, о чем неприлично даже думать и, наоборот, какие впечатления рекомендуются, считаются благотворными. Каждая культура формирует свой аффективный ракурс взгляда на мир (приличие – то, к чему можно повернуться лицом), свой тип «прищуривания», который, как известно, может не совпадать в разных культурных традициях. Создание системы культурных фильтров основано на работе высших уровней, но организация самого ускользания от неприятного обеспечивается работой первого.

И, наконец, развиваются культурные средства избавления от непереносимых отрицательных переживаний, причина которых не может быть устранена в реальной жизни. Так, во всех культурных традициях специально разработаны ритуалы переживания горя. С помощью стимуляции переживаниями более высоких уровней (сопререживания других людей, ритмичной сенсорной стимуляции) субъект не отвлекается, а специально удерживается, сосредоточивается на тяжелом переживании, интенсивность которого усиливается гоношением и причитанием. В идеале культурный ритуал, психотехника «правильного» переживания горя должна привести горюющего к пресыщению им (характерны при этом выражения «испить горе», «выболеть горем»), чтобы, выйдя из состояния беспыходности, он смог снова почувствовать вкус жизни.

Непохожие по форме, но близкие по сути приемы совладения с травматическим переживанием можно выделить в современных психотерапевтических подходах, в которых предполагается длительное совместное сосредоточение на аффективных проблемах

пациента. Концентрация на болезненном переживании обеспечивается уже не внешней аффективной стимуляцией, а внутренними личностными установками пациента и терапевта. Достижение катарсиса, появление более реалистического и конструктивного понимания проблемы, обретение новой личностной целостности обеспечивается сложной системой психотерапевтических приемов. Подходы могут быть совершенно различными, однако все они связаны с сосредоточением и многократным совместным проживанием травмирующего впечатления. Уже само это дает терапевтический эффект.

И, наконец, в ряду культурных средств саморегуляции, опирающихся на аффективные механизмы первого уровня, мы можем выделить и заимствованные из восточных культур, но повсеместно распространенные сейчас приемы прямой стимуляции впечатлениями первого уровня. Их цель – непосредственное введение субъекта в состояние медитации, достижение им переживания абсолютного покоя, растворения в окружающем – нирваны. Как известно, это состояние достигается с помощью сосредоточения на впечатлениях легкого ритмичного движения вовне или пульсации ритмов собственного организма: колебании пламени свечи, звуках падающих капель, направленного чередования в восприятии фигуры и фона, сосредоточении на совершенной геометрической форме, орнаменте, концентрация на ритме собственного дыхания. Все эти приемы достаточно эффективны и используются в лечебных целях и для стабилизации аффективных процессов в экстремальных условиях; они входят в общепринятые системы аутогренинга.

* * *

Завершая рассмотрение вклада первого, низшего уровня аффективной организации поведения и сознания в развитие культуры от-

ношений с миром и владения собой, мы хотим еще раз подчеркнуть его уникальность. На основе базального переживания первого уровня формируется система целостных отношений с миром, естественного, интуитивного вписывания в условия жизни «здесь и сейчас», творческой интуиции, мудрого взгляда на вещи, психотехники уравновешивания, умиротворения, гармонизации отношений с собой и с миром, – то, чего не могут дать средства других более сложных и активных уровней. Можно предположить, что эти низшие механизмы, претерпевая изменения в ходе культурного развития, обеспечивают целостное эстетическое мировосприятие.

Уровень аффективных стереотипов

1. Особенности адаптации к внешнему миру

Второй уровень аффективной организации берет на себя ответственность за разрешение класса более сложных задач, что требует углубления и активизации контакта со средой и приводит, соответственно, к освоению качественно нового типа взаимоотношений с миром. Прежде всего, это проявляется в возникновении активной избирательности в контактах со средой.

Основной *адаптационной задачей* этого уровня является обеспечение эффективности процесса реализации потребностей, прежде всего – соматических нужд. Здесь устанавливается аффективный контроль за состоянием самого организма: психосоматические ощущения оцениваются не просто как комфортные или дискомфортные, а дифференцируются как особые сигналы различных витально важных потребностей. Потребность связывается с внешними условиями ее удовлетворения и определяется ими, фиксируются успешные способы достижения цели и защиты процесса от воз-

можных сбоев. Можно сказать, что *приспособительным смыслом этой работы является опредмечивание потребности и фиксация результативных стереотипов контакта с окружающим: где, когда и как она может быть удовлетворена.*

Второй уровень проявляется в разработке форм приспособительного поведения ребенка первых месяцев жизни: пищевого, оборонительного, усвоения режима, установления физического контакта с матерью, формирует активность ребенка в процедурах ухода за ним. Позже он развивается и как ведущий организатор активного жизнеобеспечения и как необходимый фоновый компонент других более сложных форм адаптации. Он создает фонд привычек, индивидуальный жизненный стереотип, определяющий полноту, своеобразие чувственной жизни человека, его вооруженность надежными средствами защиты и достижения желаемого. Представляется, что этот шаг в переходе к активной избирательности обусловлен усложнением структуры переживания, формирующего особое мироощущение, а значит и тип взаимодействия с миром.

Как обсуждалось выше, на первом уровне для субъекта значима, прежде всего, интенсивность окружающего, а его поведение определяется общим рисунком внешнего воздействия: он пластиично вписывается в него – усваивая его форму и ритмы, или реагирует зеркально – ускользает из них, используя энергию тех же внешних потоков, собственная же активность субъекта при этом остается минимальной. Второй уровень, привнося в переживание активную пристрастность индивидуальной потребности, разрушает пластичность в отношениях с миром: он обеспечивает активное выделение, фиксацию и надежное воспроизведение определенных субъективно значимых для нас впечатлений.

Такая возможность появляется в связи с введением нового параметра аффективной оценки. Усложняется ее смысловая структу-

ра: *оценку интенсивности воздействия начинает модулировать оценка его качества – соотвествия или несоответствия витальным нуждам субъекта.* Задача организации процесса удовлетворения потребности определяет предпочтительность впечатлений хорошего качества, их большую устойчивость к пресыщению, в то же время субъект приобретает и повышенную чувствительность к интенсивности впечатлений плохого качества, к сбоям процесса.

Таким образом, впечатления воспринимаются на этом уровне как приятные или неприятные уже не в связи с их интенсивностью. Мы можем жадно глотать обжигающе горячий чай или пить ледяную, ломящую зубы воду; замерзнув, опасно придвигаться к жару огня, но отшатываться от слабого запаха тухлого яйца: наши отношения с миром становятся субъективно пристрастными.

Аффективно значимыми здесь могут быть ощущения всех модальностей, но для определения их качества решающее значение имеют ощущения внутренней среды, поскольку они начинают оцениваться как сигналы дифференцированных потребностей (на первом уровне, обеспечивающем преднастройку к контакту с миром, более важной для адаптации, наоборот, была информация извне). В то же время, видимо, и здесь пока не происходит четкого разграничения внешнего и внутреннего. Но если на первом уровне внешнее и внутреннее недифференцированно, потому что слито, то на втором – решение адаптационной задачи требует установления их жесткой и определенной связи: потребность обретает свою плоть, дифференцируется, конкретизируется именно во внешних обстоятельствах, но, одновременно, она их субъективно упорядочивает, аффективно окрашивает, определяя их качество – пригодность или непригодность.

Конечно, трудно предположить, что такая работа начинается с нуля. У человека, как и у животных, должен существовать некото-

рый наследственно заданный набор релизеров (ключевых, по Тинбергену, основных, по Вилюнасу, сигналов), облегчающих первое узнавание витально необходимого. Опираясь на этот набор, ребенок, начиная с раннего детства, индивидуально дифференцирует и определяет свои потребности. Процесс аффективной ориентировки происходит в активном проецировании внутренних оценок качества вовне, что позволяет превращать исходно нейтральные внешние впечатления в качественно значимые и связывать их между собою.

Как известно, З. Фрейд (1990) описывает этот процесс как заряжение объектов внешнего мира внутренним аффективным смыслом, А. Брилл обозначает его как катексис (цит. по: Изард, 1980), К. Левин (цит. по: Зейгарник, 1981) говорит о внутренних заряженных системах потребностей, которые придают субъективную валентность окружающим объектам, и, вообще, субъективный характер объективной реальности. Субъект с его внутренними заряженными системами и окружающий мир представляют для Левина единый континуум жизненного пространства.

Используя эту терминологию, мы можем сказать, что **аффективная ориентировка второго уровня** как раз и представляет процесс активной разработки, дифференциации индивидуального жизненного пространства. Задачей ориентировки этого уровня должно быть не просто выделение во внешней среде отдельных значимых признаков, но и связывание их в устойчивые аффективные комплексы, их первая активная фиксация в пространстве и первая активная организация индивидуального временного стереотипа.

Поскольку этот уровень исходно обеспечивает протекание циклически организованных соматических процессов и выработку стереотипов удовлетворения потребностей, также основанную на вы-

явлении повторяемости благоприятных условий вовне, он должен быть нацелен на восприятие ритмически организованных последовательностей сигналов. Но если, описывая работу первого уровня, мы говорили о пластичном согласовании внешних и внутренних ритмов, то здесь происходит активная фиксация точек их совпадения, привязывание циклов внутренних к стабильно воспроизведимым внешним обстоятельствам. То есть здесь также идет активное и четкое качественное разведение во времени подходящего и не-подходящего, определение их устойчивых ритмов, позволяющее не только уцелеть, но и обеспечить благополучие⁶.

Таким образом, в результате субъективной пристрастности, данной активной витальной потребностью, ориентировка на втором уровне становится активной, избирательно-дифференцированной. Она связывает внутреннее с внешним, организует впечатления в устойчивые и воспроизводимые, качественно определенные пространственно-временные комплексы, что позволяет ориентироваться на прошлый опыт для стабильного предвосхищения будущего.

Тип адаптивного поведения, характерный для данного уровня, принципиально отличается от описанного выше пластичного вписывания в обстоятельства. Это уже не усвоение, а активное осуществление, проецирование вовне собственных жизненных ритмов и установление их прочной избирательной связи с ритмами окружающего. Фиксируются, аффективно связываются точки регулярного совпадения внутренних и внешних ритмов и условия воспроизведения субъектом этих моментов.

Таким образом, для организации поведения этого типа важны уже не «свежие» изменения в потоке информации, а возможность

---

⁶ Как это удалось ветхозаветному Иосифу, увидевшему во сне идущих друг за другом семь тучных и семь тощих коров.

выявления и прочного запечатления жизненно важных впечатлений, то есть жизненно актуальным становится не гибкое рефлекторное кольцо, а способность к чуткому схватыванию и выработке условной связи. Понятно, что именно такая организация может сформировать стабильные навыки удовлетворения и защиты.

Вместе с тем, нам кажется не вполне верным представлять адаптацию этого уровня просто как выработку условных реакций и использование набора эффективных жизненных навыков. Речь здесь скорее идет о выработке включающего их целостного индивидуального жизненного стереотипа, включающего формирование стабильной субъективной картины мира и обеспечивающего реализацию наших потребностей в привычных условиях жизни. И если активной стороной адаптации в разработке такого стереотипа является работа по опредмечиванию потребности, фиксации разнообразных условий и разработки средств, навыков ее удовлетворения, то как его охранительную, защитную ипостась мы можем выделить направленность на разработку и поддержание самого порядка жизни, сохранение привычных условий гарантированного воспроизведения жизненных циклов.

Аффективный механизм выработки условных реакций, как известно, был открыт и изучен И.П. Павловым. Его идеи получили развитие в американской психологической традиции бихевиоризма. В обеих школах как основное условие организации навыка выделялся механизм положительного и отрицательного подкрепления, то есть переживание удовольствия и неудовольствия. Характерно, что и в той, и в другой традиции подкрепление рассматривается в качестве универсального закона аффективной организации поведения.

Можно сказать, что на втором уровне это подкрепление действительно выражено явно и материально. Переживание, опреде-

ляющее качество и организующее поведенческие стереотипы, характеризуется совершенно определенным, ярким чувством удовольствия и неудовольствия⁷. Ярость, определенность ему дает потребность, конкретность – чувственная форма, в которой фиксируется приятное и неприятное.

Рассмотрим теперь подробнее, что может переживаться на этом уровне как удовольствие. Во-первых, это впечатления, непосредственно связанные с активным удовлетворением потребности, с подходящим качеством среды. Нам приятно переживание ее хорошего «вкуса и запаха», самой связи, совпадения ритмов телесной жизни с ритмами природы («...здоровью моему полезен русский холод...»); легкости, умелости в реализации навыков.

Во-вторых, это впечатления, подтверждающие прочность жизненного стереотипа, надежность, гарантии нашей адаптации. Известно, какое удовольствие нам доставляет упорядоченность в отношениях с миром: его устойчивость, предсказуемость; удовлетворение дает чувство обеспеченности надежными навыками жизни, инструментами реализации желаний. Для маленького ребенка, в аффективной адаптации которого важнейшую роль играет второй уровень, как известно, чрезвычайно характерны и яркая радость жизни (мы говорим «вкусно, как в детстве»), удовольствие от собственных движений и привязанность к привычным условиям, удовольствие от воспроизведения знакомых эффектов во взаимоотношениях с миром.

---

⁷ Наш опыт работы с аутичными детьми показывает, что мимика, выразительные движения, вокализация, отражающие переживание удовольствия и неудовольствия, развиваются у них именно с появлением первых стереотипов, привычек, и, наоборот, дети первой группы, не вырабатывающие привычные формы в контакте со средой, часто не реагируют дифференцированно даже на боль и голод.

Сильное неудовольствие, отвращение, испуг для этого уровня связаны с переживанием помех в удовлетворении желания и разрушением сложившихся привычных отношений с миром. Неприемлемы впечатления плохого качества среды, сбои внутренних процессов жизнедеятельности, нарушения привычного ритма жизни и сложившихся аффективных связей – препятствия или даже просто задержка в удовлетворении потребности. Отмена уже «заявленного» приятного впечатления здесь почти непереносима, этот уровень «не любит», «не может» ждать.

Нетерпимость к изменениям режима также характерна для ребенка раннего возраста. В тяжелых случаях нарушения аффективного развития, когда второй уровень надолго остается ведущим в приспособлении к миру, дети даже старшего возраста со страхом воспринимают новшества в окружающем и оценивают задержку в исполнении желания или замену привычного способа действия как катастрофу.

Наряду с яркостью переживания удовольствия и неудовольствия для аффективного переживания этого уровня характерна его фиксация. Это дает нам чувство реальной связи с миром, потому что переживание здесь не просто устойчиво, но и неотделимо от конкретной чувственности. В единый комплекс в нем связываются внутреннее и внешнее с особым акцентом на тактильных ощущениях, запахе, вкусе. Этот уровень дает нам переживания синестезии: каждый знает, что цвет может быть ядовитым, резким и глухим, вызывать оскомину или быть свежим, сочным; звук – скребущим и бархатным; свет – режущим и мягким. Вспомним о впечатлении героя чеховской повести: «...Пока она пела, мне казалось, что я ем спелую, сладкую, душистую дыню» (Чехов, 1962, т.8, с.180).

Ощущение реальности проходящего задается и самой стабильностью аффективного переживания, возможностью его повтор-

рить. Оно воспроизводится с каждым новым циклом жизнедеятельности организма, но его можно зафиксировать и испытать вновь, запустив уже сенсорной стимуляцией извне. Таким образом, переживание приобретает конкретные, устойчивые черты, что позволяет выразить его вербально⁸. Здесь возникает стойкая аффективная память, и это дает возможность субъекту ощутить устойчивость, длительность своего существования.

Случайное или специально организованное сенсорное впечатление благодаря своему вхождению в аффективный комплекс может оживить в деталях переживание далекого прошлого. Специальное обращение к способам организации воспринимаемого материала в чувственно-аффективные комплексы, как известно, позволяет развивать образцы уникальной памяти (Лурия, 1996). Механизм действия такой памяти просматривается, например, в творчестве М. Пруста. Развитие сюжета в его знаменитом романе «В поисках утраченного времени» происходит как движение рядов аффективных образов, картин жизни, событий, воскрешаемых в результате толчка случайной чувственной ассоциации, изначально, может быть, самой простой, такой, как вкус липового чая.

Возможность фиксировать переживание позволяет накопить индивидуальный аффективный опыт взаимодействия со средой, разработать систему предпочтений и отвержений. Н.А. Бернштейн (1990) связывает опредечивание потребности с возможностью экстраполяции будущего. Однако будущее, открываемое этим уровнем, целиком определено аффективным опытом прошлого. То, что говорил З. Фрейд о фатальном влиянии прошлого

---

⁸ Мы помним, что аутичные дети первой группы мугичны, возможность номинации предметов, верbalного обозначения ситуаций появляется лишь у детей второй группы, формирующих стереотипные отношения с миром.

на наше настоящее и будущее, видимо, касается именно этого уровня аффективной организации поведения.

Выделение особенностей аффективного переживания позволяет нам подойти к реконструкции **структуры сознания, типа мироощущения, который складывается при участии данного уровня**. Как уже указывалось, вслед за Л.С. Выготским (1984) мы рассматриваем переживание как единицу сознания, сохраняющую его свойства, и видим, как здесь из фона периферического сознания поднимается фигура качества сенсорного мира. Сознание начинает отражать устойчивые, индивидуально организованные пространственно-временные отношения.

Если периферическое сознание первого уровня предполагало полное слияние, растворение субъекта во внешнем мире, то на втором человек связывает себя с окружающим активно и дифференцированно. Он проецирует свои ритмы вовне и аффективно фиксирует точки их совпадения с внешними пространственными и временными ритмами. Это еще не выделение себя как субъекта, а, наоборот, определение, опредмечивание себя средой, жесткое привязывание к миру в точках совпадения с ним. Конкретность определенной вовне индивидуальной потребности, устойчивость связей с ритмами среды определяют конкретность, чувственную реальность, упорядоченность этого уровня сознания, его неразрывную связь с окружающим.

Переживание пространства на втором уровне противоположно динамичному «современленному» пространству сознания первого уровня. Оно должно быть реально заполнено, устойчиво фиксировано аффективными связями сенсорных комплексов. Это пространство индивидуальных пристрастий и опасностей, клавиатура возможных точек опоры, конкретных условий организации движения. Если на первом уровне субъект вписывает себя в пространство, то

здесь пространство активно включается им в собственный двигательный автоматизм (Валлон, 1956).

Второй уровень аффективной организации рождает первую сукцессивную развертку переживания, устойчивую временную структуру сознания. Вместе с тем время этого уровня должно быть еще застывшим, «замкнутым накоротко» временем. Переживание организует единую жестко фиксированную и ярко качественно окрашенную конструкцию прошлого, настоящего и будущего, в которой все происходящее аффективно определено прошлым опытом. Время пронизано регулярными ритмами, постоянно «проигрывающими» один и тот же набор жизненных мелодий.

Некоторое представление об этом уровне сознания нам дают воспоминания раннего детства, с его особым чувственно ярким восприятием мира, похожего на музыкальную шкатулку, где небесный свод тверд, звезды – золотые гвоздики, и солнце регулярно обходит вокруг земли, где дни и события идут в правильном хороводе и «так всегда было» и будет вечно. Эти воспоминания можно связать с магическим сознанием, описанным Ж. Пиаже (1994) у детей раннего возраста, которое отличается, по его мнению, именно сенсорно-аффективной комплексностью, неразделенностью процессов внутреннего и внешнего мира.

По нашим наблюдениям, дети, патологически задержавшиеся в развитии системы аффективной организации взаимодействия с миром на разработке второго уровня аффективного сознания (вторая группа детского аутизма), воспринимают попытки изменить что-либо в окружающем как угрозу личного разрушения, они организуют свои взаимоотношения с миром только с помощью стереотипных действий и фраз. Это действительно производит впечатление магических действий: ребенок вне гибкой связи с окружаю-

щим, вне общения с людьми пытается просто «нажимать на кнопки», ожидая в ответ автоматическое исполнение желания: «дать пить», «накрыть» и т.п.

Пытаясь определить механизм организации переживания этого уровня, мы должны остановиться на предположении, что это – аффективное запечатление. В поисках аналогий мы опять же обращаемся к З. Фрейду, к его идее – заряжения объектов окружающего мира внутренней энергией желания и отвержения. Проецирование внутренней энергии потребности вовне создает энергетическую основу стабильности возникающей в сознании фигуры избранного качества и аффективных стереотипов контакта с миром. Таким образом, если аффективное поле первого уровня организуется свободным потоком внешней энергии, то поле второго уровня представляет уже результат связывания впечатлений субъективной энергетической структурой, перевода свободной энергии среды в потенциальные возможности субъекта.

Возможно, привычка, аффективный стереотип, на первый взгляд, и не производят впечатления заряженной структуры, но какой взрыв энергии может произойти при их разрушении. Мы можем очень сердиться, если не находим нужную вещь на привычном месте, раздражаться, если неожиданно обнаружим, что еду забыли посолить, и какое облегчение мы испытываем при неожданном избавлении от неприятности, к которой вроде бы уже вполне притерпелись.

Эту связывающую структуру можно представить как отдельные сети из положительных и отрицательных узлов. Они могут быть достаточно раскинуты вовне, но исходно коренятся в субъективных ощущениях. В то же время сложившийся аффективный стереотип запускается уже с любого звена сети. Для структуры этого переживания характерна принципиальная изолированность полу-

жительных и отрицательных связей. Конечно, волею обстоятельств отдельный плюс может переделываться в минус и наоборот, но тогда он снова включается в соответствующую его новому знаку связь. Оценка качества может быть более или менее выраженной (подходит нам в большей или меньшей степени), но в какой-то момент возрастающее количество дегтя превращает сомнительную бочку меда в нечто явно отвратительное, или, наоборот, уменьшение его пропорции заставит нас признать в неприятной смеси мед.

Приметы качественно приемлемого и неприемлемого настолько витально важны, что двусмысленность оценки недопустима. Второй уровень стремится создать и сохранить определенность в отношениях с миром.

Этот тип переживания по-новому организует всю систему психических функций. Как мы помним, в свободном, пластичном сознании первого уровня центральной, организующей была сенсомоторная функция, вокруг нее в раннем возрасте группировались и развивались другие психические функции. На следующей стадии развития в центр сознания перемещается память (*Выготский, 1984; Валлон, 1956, 1967*), которая является основной формообразующей функцией второго уровня. Другие функции организуются вокруг нее, и поэтому предстают в своих особых ракурсах: накапливаются моторные и речевые навыки; чувственно-аффективные комплексы связываются именем, которое становится их неотъемлемым индивидуальным признаком; мышление проявляется как способность оперировать усвоенными приемами, накопленными алгоритмами разрешения актуальных, конкретных задач.

Если аффективные механизмы сознания первого уровня обеспечивают оптимальный режим наиболее полного и объективного восприятия непрерывного потока информации, то механизмы вто-

рого уровня создают первые активные формы ее субъективной организации. Фиксация аффективных стереотипов жизни, вероятно, является основой развития константного предметного восприятия. Контрастно дифференцируя, полярно разводя во времени и в пространстве приемлемое и неприемлемое, второй уровень выделяет устойчивые оппозиции картины мира, что создает основу для развития дискурсивного логического мышления.

В развитии этого уровня сознания возможны **индивидуальные различия**, связанные, как нам представляется, с напряженностью индивидуальных потребностей и, соответственно, с широтой диапазона оценки качества среды как хорошего. Если диапазон достаточно широк, субъект развивает разнообразные и прочные контакты с миром, приносящие ему много радости, но, возможно, будет не очень разборчив в них. В случае более узкого диапазона субъект получает преимущество в точном определении качества, в развитии тонкого вкуса, упорядоченных отношений с жизнью, но защитные стереотипы могут доминировать в его отношениях с миром. То есть опять, как и при обсуждении возможных индивидуальных различий в развитии первого уровня, мы видим на одном полюсе человека, активно вступающего в контакты с миром, а на другом – чуткого, но несколько отстраненного ценителя жизни.

Поведение, которое организует второй уровень, гораздо более привычно и понятно нам, чем поведение первого уровня. И это связано с тем, что, активно организуя реализацию наших потребностей, он чаще выступает как ведущий, смыслообразующий. Как уже отмечалось, этот уровень видимо играет главную роль в адаптации ребенка первых месяцев жизни. Исходно развитие активного приспособительного поведения опирается на небольшой набор врожденных стереотипных защитных реакций и циркулирующих

форм поведения, обеспечивающих новорожденному пристройку к матери и вхождение в ситуацию кормления (*Никольская, 1975*).

Вместе с тем, развитие индивидуальных форм адаптации происходит очень быстро как в отношении режима сна и бодрствования, так и отдельных моментов кормления и ухода – выработки определенных привычек в приспособлении к рукам близких, к своей бутылке и пустышке, к пеленанию, купанию. Показателем успешной динамики аффективного развития младенца может служить появление у него активного выражения удовольствия (не только дискомфорт, но и удовольствие начинает теперь побуждать ребенка к активности) и постепенное уравновешивание реакций удовольствия и неудовольствия к двухмесячному возрасту (*Выготский, 1984*). Эта динамика отражает успехи ребенка в определении им своих первых привычек и предпочтений, и уровень стереотипов остается необходимой опорой, фоном их организации на протяжении всей жизни.

В процессе психического онтогенеза накапливается арсенал индивидуальных привычек, которым мы стремимся следовать. Они определяют, прежде всего, нашу особую манеру чувственного контакта со средой: «привык пить горячий крепкий чай», «не ем мяса», «люблю купаться в холодной воде», «не переношу жары», «ношу обувь без каблуков», «не могу жить без сладкого» и т.д. Привычки организуют – стимулируют, оформляют и подкрепляют – протекание наших внутренних физиологических процессов.

У взрослого второй уровень сохраняет ведущее значение в регуляции непосредственного удовлетворения потребностей организма, активного сенсорного контакта с миром, а также в накоплении огромного количества хозяйствственно-бытовых, трудовых навыков. Так, например, он отвечает не только за то, что и как я люблю есть,

но и за то, как я готовлю, как разжигаю плиту, включаю свет, про-ветриваю комнату, привычно обхожу магазины, выбираю товар, подсчитываю траты и т.д. Иначе говоря, следит за образованием и реализацией привычных форм жизни – той «полки с инструментами», которой мы пользуемся, не задумываясь, пока нам ее хватает, и пока не возникает новая задача, которая не может быть разрешена простым подбором накопленных инструментов, методом проб и ошибок.

Второму уровню организации как более высокому и активному переходит и часть функции защиты от окружающей среды. Это происходит тогда, когда первый уровень явно не справляется со своими обязанностями и не может предотвратить наш контакт с разрушающим воздействием или увести субъекта от не столь острого, но длительного, выматывающего переживания дискомфорта. В этих случаях ответственность на себя берет второй уровень, и субъект уже не просто испытывает временный дискомфорт, а фиксирует неприятное переживание как боль или испуг, конкретный страх.

Эти переживания, связываясь с вызвавшими их обстоятельствами, включаются в аффективно-чувственные комплексы признаков болезненного, вредного, опасного, страшного. Соответственно фиксируются и защитные действия, сложные стереотипы поведения, которые предотвращают опасность. Так мы научаемся быть осторожными с кипящим чайником, крапивой, электрической розеткой, гнилым мостиком, незнакомой собакой; усваиваем, что от нее нельзя убегать, на горячее следует подуть и надо закрыть освещенное окно комнаты, чтобы не налетели комары. Фиксация признаков опасности и способов защиты от нее позволяет субъекту активно контролировать возможные ситуации испуга, что усиливает общую надежность системы аффективных стереотипов.

Аффективные комплексы «страшного» активно отделяют от нас ту часть среды, которая для нас опасна, они повышают чувствительность к впечатлению, связанным с травматическим опытом (обжегшись молоком, дуем на воду). С одной стороны, это повышает общую надежность жизненных привычек, но с другой – мы теряем в свободе и непосредственности контакта со средой, закоcывая себя в стереотипы не только охраняющие, но и ограничивающие.

Со вторым уровнем, по-видимому, связано и импульсивное агрессивное действие. Мы уже говорили о том, что аффективный стереотип может заключать в себе огромный заряд энергии, и его разрушение может вызвать взрыв недовольства или гнева. Аффективный срыв может спровоцировать даже простая помеха, отсрочка в осуществлении – как уже говорилось, на этом уровне «не любят» ждать. Кроме того, при замыкании напряженного стереотипа субъект может просто «снести» преграду, не обратив внимания ни на нее, ни на собственные травмы, полученные при столкновении сней.

Таким образом, со вторым уровнем аффективной организации поведения и сознания связан огромный слой жизни, который придает страсть, напряженность нашим отношениям с миром – радость, наслаждение, страх, гнев, нетерпение. Он дает форму нашей индивидуальности и прочно связывает ее с реальным, конкретным чувственным миром.

Фоновое значение второго уровня тоже огромно. Прежде всего, он связан с возможностью активной реализации индивидуальных жизненных ритмов, на которые опирается любая самая сложная деятельность человека, что часто является для нас признаком его одаренности, его способности к самовыражению. Это проявляется

в особой красивой манере бега спортсмена; индивидуальном чувственном «вибрато» в голосе певца; в экспрессии, ритме мазка художника; в манере актера; в особой ритмической организации строя фразы художественного текста, по которому мы узнаем писателя; в неповторимом тюше пианиста, и даже в ритме мысли исследователя. Во всех этих случаях мыствуем активную заразительность выражающихся в этом ритме жизненных сил.

Любая деятельность опирается также на сложившийся набор стереотипов, штампов, без которого она не может осуществляться. Отсутствие привычного сорта бумаги или потеря любимой ручки, невозможность занять «свое» место в библиотеке показывает нам, как облегчали эти стереотипы организацию нашей работы. Общеизвестны анекдоты о негодовании, с которым «профессор» встречает попытку навести порядок на его столе. Характерны и рассказы о том, что отсутствие привычных духов столь мешало О.Л. Книппер-Чеховой в исполнении роли Раневской, что дирекции театра приходилось отменять спектакль.

Фонд аффективно-чувственных стереотипов, выработанных вторым уровнем, пополняется автоматизированными средствами адаптации, исходно созданными другими, более высокими инстанциями. Так, большая часть средств общения, алгоритмов решения интеллектуальных задач со временем автоматизируются и переходят в ведение второго уровня. Они становятся тем конкретным материалом (блоками навыков, наконец, ритмическим орнаментом), в котором реализуются и стабилизируются высшие процессы организации поведения. Например, в любой науке можно плодотворно работать, только опираясь на блоки профессиональных знаний, принятую терминологию, и даже свободное самовыражение поэта невозможно без использования им сложившегося в его культуре стереотипного языка поэтических образов (Гинзбург, 1974).

При всем значении этого уровня, однако, следует отметить, что и он остается только частью системы аффективной организации поведения и развивается в ее контексте, дополняемый и уравновешиваемый другими уровнями. Актуализация только (или даже преимущественно) механизмов второго уровня может привести к тяжелой дезадаптации. Прекрасно приспосабливая нас к привычной, постоянной среде, этот уровень оказывается несостоятельным в нестабильных условиях. Более того, само совершенствование аффективных стереотипов, их индивидуальное развитие и детализация делает человека более уязвимым к нарушению привычного хода событий.

Поэтому мы будем стараться не только очертить отдельные уровни, но и рассмотреть их взаимосвязи. Остановимся на анализе взаимоотношений уже известной нам пары первого и второго уровней в организации адаптации к окружающей среде. Представляется, что они вступают в сложно организованное взаимодействие: оба направлены на приспособление, но конкретные задачи их полярно различны. Если первый уровень обеспечивает пассивную адаптацию к изменчивому миру, то второй устанавливает активные отношения с постоянной средой. Противоположны и методы решения задач: первый уровень ориентирует на восприятие целостных соотношений, второй – на избирательное выделение отдельных значимых признаков; первый организует пластичное уподобление, усвоение внешней формы; второй – активно вырабатывает фонд индивидуальных предпочтений в отношениях с миром.

Мы видим, что уже на низших ступенях адаптации к миру четко разделяются два принципиально различных направления взаимоотношений со средой: приспособление к непрерывно меняющемуся миру и развитие средств адаптации к миру стабильных признаков и

возможностей. Механизмы, обеспечивающие решение этих диаметрально противоположных задач, неминуемо должны вступить в отношения антагонистов⁹.

Так и А. Валлон (1956) отмечает, что, когда ребенок начинает накапливать навыки, выделять отдельные признаки и называть их, он теряет в одаренности интуитивного разрешения пространственных задач; увеличение числа речевых стереотипов сопровождается ослаблением чувства общей структуры языка. Валлон считает, что регресс возможностей непосредственной интуиции – восприятия конкретного плана действующих здесь и сейчас связей и сил – вызван влиянием более высокой психической инстанции, а именно: складывающегося у ребенка поля автоматизмов.

Второй уровень как более активный и сложно организованный чаще становится ведущим по отношению к первому и задает аффективный смысл поведению. Мы знаем, что в случаях активно проявляющейся потребности он может подправить или даже подавить оценку первого уровня. Аффективный сигнал «слишком сильно», «слишком много» начинает игнорироваться при яркой положительной оценке качества впечатления (именно это дает нам возможность переест сладкого). Также второй уровень повышает чувствительность к интенсивности неподходящего впечатления, определяя брезгливость, стремление к чистоте качества. Можно

---

⁹ К.Г. Юнг разъясняет противоположность интуиции и ощущения следующим примером: «Наблюдая за человеком в режиме ощущения, вы заметите, что его особенностью является концентрация взгляда на каком-либо предмете, точке. Если же вы проследите за выражением глаз человека интуитивного типа, то поймете, он окидывает взглядом предметы в поле своего зрения, выбирая один. Это и есть предчувствие. Обладая интуицией, вы обычно не вдаетесь в детали, стараясь воспринять ситуацию в целом, и тогда внезапно нечто вырисовывается из этого целого. Если же ваша основная функция – ощущения, вы будете лишены интуиции только потому, что нельзя делать два дела одновременно <...> принцип одной функции исключает другой» (2007, с.24).

сказать, что второй уровень имеет возможность активно модулировать влияние первого.

2. Вклад второго уровня в саморегуляцию

Второй уровень обеспечивает не только организацию избирательного контакта с миром, но и поддержание необходимой для этого активности, причем яркое, чувственно переживаемое удовольствие не просто поднимает активность, но дает избирательную устойчивость к пресыщению, заглушает неприятные ощущения. Можно сказать, что с его помощью достигается уже не общее поддержание режима комфорта и редукция напряжения, а активный подъем жизненного тонуса, избирательная стимуляция стенических и противодействие астеническим переживанием.

Еще раз подчеркнем, что, хотя в сфере саморегуляции залогом нормальной работы является торжество принципа удовольствия, в норме это не вступает в противоречие с принципом реальности. В любых самых жестких условиях для осуществления активной адаптации необходимо сохранение преимущества стенических состояний над астеническими, и аутостимуляция в конечном итоге служит решению реальных задач, пусть даже с помощью знаменитой толстовской «энергии заблуждения».

Напомним, что на этом уровне ощущения удовольствия связаны, прежде всего, с благоприятным протеканием внутренних соматических процессов и с хорошим качеством сенсорного контакта с окружающим. Второй уровень дает радость от ощущения своего здоровья, правильных ритмов тела, восприятия чувственной фактуры и регулярности, предсказуемости ритмов мира, от его вкуса, запаха, цвета – от переживания полноты и реальности, стабильности жизни.

Известное состояние «сенсорного голода», неблагоприятные последствия «сенсорной депривации» свидетельствуют о том, что доза сенсорной стимуляции, необходимая для нормальной физиологической жизни, недостаточна для организации полноценной работы психики. Находясь в состоянии сенсорной депривации, мы создаем многочисленные способы дополнительной стимуляции. Уже младенец проявляет влечение к перцептивным стимулам как к таковым, вне связи с непосредственным удовлетворением физиологической потребности: он ищет взглядом яркую игрушку, сосредоточивается на свете лампы, бьет по погремушке, «играет», перебирая пальчиками перед глазами, сосет пустышку, палец или край пеленки. Известно, что эти приятные для него впечатления, особенно оральные, помогают ему перенести ситуацию дискомфорта. Пустышка, палец долго используются ребенком как способ саморегуляции – они дают возможность успокоиться, заглушить голод, боль, тревогу.

Известно также, какое большое место в жизни ребенка раннего возраста занимают действия с собственным телом и с объектами. Он стремится воспроизводить определенные, уже ожидаемые сенсорные эффекты (вспомним циркулярные реакции, описанные Ж. Пиаже). Ему необходима радость, которую дают движения – барабанье, раскачивание, ползанье, приседания и «прыжки», потом ходьба; манипуляции с сенсорно яркими, звучащими игрушками, водой, песком; игры со звуками – ритмическое воспроизведение их в гулении, потом в лепете; игры со словами – их ритмизирование, рифмование, позже повторение детских стихов и прибауток.

Мы удивляемся, как он не устает, но он не тратится, а, наоборот, заряжается радостью жизни. И, став взрослыми, в минуты усталости и потери интереса к жизни мы вновь обретаем бодрость и желание жить, «прописывая» себе пешие прогулки, бег и купание.

Нам помогают ощущения травы и песка под босыми ногами, запах моря, глоток чистой колодезной воды, запах тополиных почек, вкус пирога, совсем такой, как пекли дома в детстве. И, наверное, каждый бывший студент помнит, как часто во время подготовки к экзаменам может «нападать жор».

Кроме того, можно отметить, что средством аутостимуляции служит и удовольствие от благополучной реализации аффективного стереотипа контакта с миром (аналогично удовольствию от правильного течения внутренних соматических процессов), подтверждение надежности разработанных средств адаптации. Это может быть удовольствие от легкости, ловкости выполнения моторного, речевого или интеллектуального действия; точности и надежности поведенческого стереотипа, навыков социальной адаптации (*Рубинштейн, 1946*).

Это особенно характерно для периодов, когда навык уже успешно сложился, но еще полностью не автоматизирован. Ребенок наслаждается своим «свежим» умением произнести новое сложное слово или забраться на высокую ступеньку; ученик «щелкает» задачки освоенного им нового типа, молодой профессионал «играет» приемами, научными терминами. Однако такое удовольствие может стать и постоянным средством аутостимуляции. Характерен, например, тип людей, получающих удовольствие от педантичного воспроизведения обычного порядка действий, их процедуры; говорунов, которые с особым вкусом произносят «изысканные» слова и сложные обороты речи; резонеров, охотно рассуждающих по поводу проблемы, что для них может быть более значимо, чем ее реальное разрешение.

Наряду с подтверждением прочности отдельных жизненных инструментов, выступает удовольствие от надежности всей системы

нашой адаптации к миру – устойчивости и завершенности аффективного образа мира и укомплектованности нашей «полки с инструментами». Мы получаем удовлетворение от уютной упорядоченности ритмов жизни мира и нашей жизни. Это наиболее заметно, опять же, в раннем детстве, когда предсказуемость мира особенно необходима для развития системы стабильных связей с ним. Маленькие дети до определенного возраста больше радуются привычному, а не новому – повторению любимой игры, шутки, рассказа; они часто задают вопросы, на которые знают ответ и радуются именно совпадению полученного ответа с ожидаемым. Сходным образом такая потребность в воспроизведении ожидаемого, сохранении порядка может обостряться и у многих взрослых в периоды астении или увеличении внешней угрозы потери стабильности.

З. Фрейд (1990), как известно, трактует потребность в повторении как проявление общего стремления человека к возвращению в исходное состояние. Связывая исходное состояние с полной редукцией напряжения, он выдвигает гипотезу об изначально присущем человеку влечении к смерти. На наш взгляд, однако, обсуждаемый феномен стремления к воспроизведению привычных моментов существования не может смешиваться со стремлением к полной редукции напряжения. Представляется, что редукция напряжения имеет скорее отношение к генерализованной защите первого, низшего уровня организации аффективных процессов. Стремление же к повторению привычного, к постоянному воспроизведению аффективного стереотипа контакта с миром представляется нам настойчивой фиксацией отдельного момента активной жизни субъекта. Этот момент отражает, по нашему мнению, как раз избирательную концентрацию энергии субъекта – его попытку «засесться», удержаться на уже завоеванных рубежах активности.

Поэтому нам кажется, что данное стремление противоположно тенденции раствориться в динамике внешнего мира, характерной для первого уровня, дающего нам возможность полной редукции напряжения.

Необходимо также отметить, что яркое захватывающее удовольствие на этом более активном уровне мы можем извлечь и из впечатлений, которые на первом оценились бы нами как явно дискомфортные, например как ощущение резкой потери равновесия. Здесь удовольствие рождается в переживании связанных возникающего ощущения угрозы в надежном аффективном стереотипе, например во вплетенности его в ритм движения качелей: «дух замирает», но предсказуемый ход обратного движения бережно переносит нас через «пропасть» и надежно возвращает в безопасность. И, по закону контраста, ощущение такой благополучно пережитой опасности усиливает ощущение удовольствия. Известно, какое место занимают в раннем возрасте такие ритмические игры с нарушением равновесия.

До сих пор мы говорили о непосредственной стимуляции активности, о тонизировании психической жизни впечатлениями удовольствия второго уровня. Наряду с этим у данного уровня существует возможность запасти стимулирующие впечатления впрок и использовать связанную энергию удовольствия через многие годы после того, как она была получена непосредственно. В наибольшей степени мы можем сделать эти запасы в детстве и юности, когда полны энергией потребностей тела, и качество мира воспринимается нами особенно радостно, красочно, ярко и вкусно.

Приобретенные в молодости аффективные стереотипы помогут поднять нашу активность и на склоне лет. Мы вновь чувствуем себя хорошо и легко, вернувшись в любимые с детства места, почув-

ствовав знакомый запах и вкус, услышав привычные звуки, взяв в руки старые игрушки, наряжая елку для своего ребенка. Когда-то мы своей радостью зарядили эти места и вещи, связали себя с ними в аффективный стереотип, который запускается теперь уже извне. Это одна из причин, почему так важны для нас наши детские воспоминания, почему мы говорим «дома и стены помогают». То, что мы положительно зарядили в окружающем в процессе опредмечивания потребностей, когда были молоды, активны и счастливы, возвращается к нам позже, когда мы становимся слабее и нуждаемся в помощи.

И, наконец, возможность субъекта сохранять активность в контактах с миром, противодействовать наступлению пресыщения, как известно, зависит от степени разработанности аффективного стереотипа жизни, от развития структуры его психического поля (К. Левин – цит. по: *Выготский*, 1983; *Зейгарник*, 1981). Таким образом, структурирование жизненного пространства является для нас и средством саморегуляции – стабилизации активности собственных психических процессов.

Психическое поле (жизненное пространство) дифференцируется ячейками индивидуальных аффективных стереотипов, связывая, переводя психическую энергию в состояние покоя, они как бы капсулируют ее в отдельных ячейках. Чем больше их в структуре нашего психического поля, тем больше возможность защититься от пресыщения. Переходя от одного аффективного стереотипа к другому, мы поддерживаем себя, свою активность уже запасенной в них аффективной энергией. Вспомним общеизвестную истину: «лучший отдых – это смена занятий» и то, что о душевно усталом, опустошенном человеке говорят: «некуда себя деть».

В нашей практике работы с детьми, крайне пресыщаемыми в контактах с миром, одной из задач как раз и является разработка

большого числа разнообразных аффективных стереотипов. Так, арсенал привычных, приятных моментов пробуждения, начала дня (встреча с близкими, разговор о том, что кому снилось, выяснение, какая погода за окном, зарядка и т.д.) обеспечит ребенку более активное утро; а детальная разработка ритуала утреннего чая (любимая чашка, приготовление подходящего каждому чая – горячего, остывшего, сладкого, без сахара, с молоком или с лимоном, особых бутербродов, повторение традиционных утренних присказок и шуток и т.п.) удержит ребенка за столом во все время завтрака, поможет ему поддержать контакт с близкими.

Перейдем к другой стороне саморегуляции. До сих пор мы обсуждали, как происходит стимуляция и сохранение активности во взаимодействии с миром, теперь рассмотрим *вклад второго уровня в борьбу с реально неустранимыми травмирующими отрицательными переживаниями*.

Самым простым и прямым средством этого уровня в противостоянии неприятному является попытка механически заместить его приятным. Так, расстроенный ребенок начинает сосать палец; не имея возможности устранить неприятный запах, мы используем ароматическую смесь; пытаясь притупить боль, начинаем ритмически раскачиваться, стонать, причитать; унимая тревогу, насыщиваем бодрый мотивчик. Можно сказать, что первой непосредственной защитной реакцией этого уровня на реально неустранимые отрицательные впечатления является попытка заглушить их, «подсластить горькую пилюлю». Это – первый шаг к активной работе системы саморегуляции с отрицательным переживанием.

Наряду с прямым и простым заглушением «минуса» на этом уровне происходит и более сложная работа связывания его разрушительной энергии всей структурой психического поля, и отдель-

ными аффективными стереотипами отрицательного переживания. С одной стороны, отрицательное впечатление вплетается в общий жизненный ритм¹⁰, в сеть конкретных деталей жизни – его признаков, сопутствующих подробностей (это снимает тревогу, поскольку зафиксированные приметы, возможно, позволят избежать неприятности в будущем) и нейтрализуется сетью возможных средств защиты. Так, отрицательное переживание связывается в подробно разработанном аффективном стереотипе и в идеале постепенно десенсибилизируется.

Напомним, что, разрабатывая проблемы психической защиты, З. Фрейд (1989) пишет о необходимости ограничить, ослабить, количественно дозировать энергию воздействия среды. И мы обсуждали, что эту глобальную задачу берет на себя первый уровень. Защита же от прорвавшегося травматического воздействия, уклониться от которого не удалось, согласно З. Фрейду (1989, с.388–389) предполагает связывание его своей внутренней психической энергией. Связать травматическое переживание, по мнению З. Фрейда, значит перевести его энергию в покоящееся состояние, поэтому защитой от внезапного испуга, вызванного воздействием разрушающей силы, является страх как ожидание опасности и подготовка к ней.

Разработка аффективного стереотипа страха – фиксация опасности, детализация ее признаков, определение недопустимых условий контакта с миром – не только очерчивает страшное, но и отчасти капсулирует его, освобождая от него другие, безопасные области жизни. Так, мы, как правило, испытываем некоторое облегчение, узнав, что наше вчерашнее незддоровье могло быть связано с магнитной бурей. С одной стороны, это вызывает у нас опасения по

---

¹⁰ Мы говорим себе: «Жизнь полосатая, и за черной полосой обязательно придет другая – светлая».

повору подобных бурь, но, с другой – дает надежду, что в иное время мы будем в большей безопасности, что в следующий раз, отследив приближение угрозы, мы примем нужные меры. Таким образом, детализированный аффективный стереотип переживания страха, накопления автоматизмов защиты от страшного позволяютнейтрализовать, десенсибилизировать и сам страх (сравним, для примера, самоощущение хронически больного с лекарством в кармане и без него).

К. Лоренц (1994), изучая значение некоторых форм ритуального поведения животных и человека, не несущих явной приспособительной функции, усматривает их смысл в связывании переживания пережитого испуга. Повторение ныне бессмысленного действия, воспроизводящее благополучное разрешение опасной ситуации, подтверждает безопасность настоящего. З. Фрейд называет страх последней линией защиты; нам кажется, что скорее его можно определить как первую активную линию обороны от травмирующих впечатлений.

Таким образом, на уровне аффективных стереотипов идет процесс накопления энергезирующих положительных переживаний и связывания, капсулирования и частичной нейтрализации травматических, отрицательных впечатлений.

Рассматривая выше взаимодействие первого и второго уровней в непосредственном разрешении задач адаптации, мы отмечали их противоположную направленность и возникновение между ними иерархических отношений. Второй уровень как более активный становится ведущим, модулирует проявления первого, оставляя ему в большинстве случаев роль фонового. Взаимоотношения этих уровней в процессе осуществления функции саморегуляции нельзя определить столь однозначно.

Конечно, и в этом случае более активен второй уровень, который фиксирует способы воспроизведения искомых переживаний, вводит их в ритм обыденной жизни. Так, впечатления первого уровня – созерцание движения красок заката, бликов огня в камине, цветущей вишни – создают ощущение покоя, но возможность узнать свою потребность в них, создать привычку разжигать камины и ходить смотреть на закат и цветущие деревья, предоставляет нам второй уровень.

Его механизмы закрепляют и способы пространственной организации среды, позволяющие отодвинуть пресыщение и стабилизировать переживание комфорта. Как уже обсуждалось выше, это достигается внесением в среду фиксированной симметрии, порядка, регулярных ритмов. Эти приемы позволяют частично связать свободный поток внешних сил и тем самым ослабить интенсивность давления среды на человека. Организуя пространственные и временные воздействия в орнамент ритмических структур, мы раздвигаем границы нашего переживания комфорта и таким образом позволяем субъекту впитать больше энергии внешнего мира.

Мы видим, что активные механизмы второго уровня в данном случае не подавляют, а служат достижению большей эффективности в разрешении задач первого. Более активный уровень обслуживает менее активный. С другой стороны, механизмы первого уровня тоже используются для оптимизации воздействия второго. Так, праздничный стол мы украшаем цветами, посудой изысканных форм, мерцанием свечей, сами блюда с едой аранжируем как букеты цветов – все это призвано усиливать наше непосредственное удовольствие от хорошей еды.

Механизмы первого и второго уровня на равных участвуют и в создании аффективных блоков защиты от травмирующих переживаний. Так, если первый дает возможность оттолкнуться от непри-

ятного впечатления, то второй (избирательно снижая порог дискомфорта к качественно дурному) создает один из фильтров вытеснения отвратительных впечатлений.

В случае необходимости немедленного избавления от непереносимого переживания в процесс защиты так же вовлекаются активные механизмы второго уровня. Пресыщение достигается быстрее, если субъект дополнительно стимулирует себя сверхинтенсивными сенсорными впечатлениями. В момент отчаяния мы бьемся головой об стену, царапаем себя, рвем на себе волосы, одежду. Эти саморазрушительные действия в конечном итоге тоже имеют приспособительный смысл – именно сильная физическая боль позволяет нам в момент непереносимого страдания скорее достичь состояния спасительного беспчувствия.

Таким образом, мы видим, что взаимодействие уровней в процессе саморегуляции гораздо более гибко и разнообразно, чем при решении реальных адаптационных задач. Вопрос, кто из них главный, ведущий, смыслообразующий, здесь, по-видимому, звучит бессмысленно. Что аффективно важнее для нас в пейзаже – гармония пространственных отношений или цвета, запахи, чувственные ассоциации, возникающие при виде садов, отягощенных плодами? Возможно и то, и другое. Что главное в танце – пластиичность, чуткое следование ритму, растворение в мелодии или искусность в выполнении сложных па? То одно, то другое. В данном случае отношения уровней, которые могут поочередно доминировать, создавая благоприятный фон друг для друга, несомненно, характеризуются большей степенью свободы. Психотехнические приемы разных уровней развиваются параллельно и объединяются для решения задачи стабилизации аффективной жизни человека.

3. Культурное развитие второго уровня

A. Развитие культурных средств организации переживания второго уровня в решении задач непосредственной адаптации

Второй уровень базальной аффективной регуляции в процессе культурного развития становится одной из основ развития цивилизации и важнейшей составляющей душевной жизни человека. Организация удовлетворения физиологических потребностей является естественной предпосылкой формирования сложных видов психической адаптации, создающих культуру стабильных, надежных отношений с миром.

В этом случае овладение переживанием происходит через развитие индивидуального аффективного стереотипа в общем бытовом укладе жизни, аккумулирующем в себе опыт данной культуры. Это не значит, что индивидуальность нивелируется в нем, скорее каждый человек получает возможность определить свои потребности с помощью языка аффективных стереотипов своей культуры.

Можно сказать, что культурные аффективные стереотипы составляют саму материю, реальность обыденной жизни. Ребенок развивается в определенно организованном укладе, который задает ему форму восприятия и реагирования. Так, уже в раннем возрасте предметная организация среды формирует у нас соответствующие стереотипы поведения и, входя в наше сознание, стимулирует развитие предметности и константности восприятия, создает представление об устойчивости, воспроизводимости свойств мира.

Дом, созданный аффективным стереотипом, это уже не просто безопасное и комфортное место, а пространство, заполненное и структурированное домашней утварью, приспособлениями, орудиями, то есть всем предметным опытом жизни рода. Культура «вожделения» здесь сконцентрирована в вещи, в ее функции, в

способе применения, в порядке обращения к нужному. Вырастая, мы обживаем дом и окружающий мир с помощью усвоения новых культурных стереотипов возможного, желаемого и запретного, создаем свой арсенал навыков хозяев дома, родителей, профессионалов.

Усвоение культурных форм отношений с миром позволяет субъекту в большой мере овладеть своими витальными процессами. (Вспомним, какое значение традиционно придается усвоению ребенком навыков опрятности и аккуратной «правильной» еды.) Они прокладывают рельсы для организации всей обыденной, интимной и общественной жизни человека, создают всеобъемлющую программу круговорота дней и ночей, времен года. М. Мид (1988) замечает, что все эти мелочи, простейшие автоматизмы – как есть, что есть, когда, с каких тарелок, вымытые ступеньки крыльца, горшок герани на окне, машинально приподнятая при встрече шляпа – являются здоровой основой нашей жизни, без нее мы теряем почву под ногами.

В каждой культуре создаются не только необходимые в обиходе простые речевые штампы, но и аффективные стереотипы более сложных идиом, принятых выражений, тем разговора. Мы усваиваем свойственную нашей культуре манеру общения, способ выглядеть привлекательным, что для этого надевать, как двигаться, на конец, что находить привлекательным в другом человеке, кому доверять, в чем видеть женственность, в чем мужественность. С помощью культурных стереотипов нам передается опыт, помогающий воспитать ребенка и вылечить больного.

Аффективные стереотипы составляют культурную память человечества как запас полезных знаний и умений, позволяющих нам выжить и даже сделать нашу жизнь более удобной и приятной, защититься от болезней, предупредить опасность. Это – всеобъемлющая сеть примет, из которых вырастают не только суеве-

рия, магия, но и земледелие, медицина, науки и ремесла, вообще все накопления цивилизации. Если первый уровень связан с творчеством, то второй – с развитием умения и мастерства, что не менее важно в установлении отношений с миром. В каждой культуре они сохраняют индивидуальные привычки, индивидуальный опыт жизни рода, поэтому они представляют особую ценность как возможные варианты развития отношений с миром.

Б. Развитие в культуре средств произвольной саморегуляции переживания второго уровня

Второй уровень дает огромные возможности развития в культуре стимулов-средств саморегуляции аффективных процессов. Как мы уже упоминали, на его основе развиваются культурные приемы, овладев которыми, субъект может поднять свою активность, поддержать ее на необходимом уровне, сопротивляясь действию прецессии. Мы знаем, что этот уровень позволяет запасти энергию на будущее.

Культурные традиции накладывают запреты на примитивные способы аутостимуляции, например, на сосание пальца, и разрабатывают искусство приятной жизни. Это – традиции благоустроенного и изобильного быта, кулинария, ткани приятные на глаз и на ощупь, духи и ароматические курения, омовения, культура сексуальной жизни, физических упражнений и ухода за телом, введение в обиход специальных стимуляторов, например, курения или алкоголя.

Семейный, национальный уклад по-разному определяет развитие техник сенсорной аутостимуляции, он может формировать гурманство, сибаритство, или, наоборот, сосредоточивать субъекта на самых простых ощущениях, воспитывать умение получать удовольствие от обычной жизни. Однако он всегда направленно приводит человека к специальному переживанию приятного сенсорно-

го контакта, дозирует, разнообразит, не дает пресытиться, накладывая его на ритмы индивидуальной и природной жизни.

Не случайно с Рождеством традиционно связаны именно пряники и мандарины, с масленицей – блины, а на Пасху пекут кулич. Первая редиска и первый арбуз, именинный пирог – все это, конечно, не просто еда, а праздник еды, стимулирующий в нас чувство радости жизни. Поэтому так грустно бывает терять этот праздник при разрушении временного аффективного стереотипа. Арбуз круглый год становится просто едой, «питанием», что, как выяснилось, не прибавляет нам положительных впечатлений.

Уклад сосредоточивает нас и на переживании здоровья, легкости движения, искусности навыка, мастерства; оснащенности средствами жизни: накопления, разнообразия запасов, богатства, надежности, процветания. Он создает мироощущение хозяина, хозяев: «мой дом – моя крепость», «дом – полная чаша». И это тоже входит в традиционный уклад как праздники ловкости и силы, демонстрации умелости и изобилия.

Культура поддержания стабильности и активности психических процессов сопровождает нас с самого рождения. Она проявляется в разрабатываемой в каждой традиции культуре материнства: это системы передаваемых из поколения в поколение способов поведения, с помощью которых мать может успокоить и занять ребенка, создать аффективную среду, организующую его на самостоятельный поиск впечатлений. Колыбельные, укачивания, пустышка, приговоры и ласки матери, традиционные игрушки, первые ритмические игры – все эти формы организации переживаний младенца передаются матери ее матерью и бабушкой, и каждая из них создает основу для индивидуальной импровизации.

Мы говорили о том, что второй уровень может как бы запасти радость и энергию жизни впрок, и сложившийся в детские или юные

годы аффективный стереотип в дальнейшем придает нам силы в ситуации усталости, помогает выходу из критической ситуации. И эту возможность консервации энергии и использования ее запасов нам тоже предоставляет культурный уклад жизни. Все праздники, переживаемые нами с раннего детства, регулярно возвращаются в череде дней и лет, сначала мы вкладываем и вкладываем в них радость, детализируем, развиваем переживание, а с какого-то момента они начинают уже больше отдавать и поддерживать нас.

В культуре уклада можно заметить особое внимание к орнаменту. Это роспись жилища, домашней утвари, узоры на одежде. Простые и прихотливые формы и цвета сплетаются здесь в регулярно воспроизведющиеся фигуры, что дает нам не только чувственное удовольствие, но и стимулирует ощущение надежности, предсказуемости, порядка в мироустройстве. Точно так же мы можем выделить и музыкальные орнаменты народных песен с припевами, использование прибауток, приговоров, пословиц, привязанных к повторяющимся ситуациям.

Можно отметить устойчивую традицию использовать привычные ритмические ряды впечатлений, составляющие определенный пространственно-временной орнамент, как опору в организации более сложных и гибких психических процессов. Так, Ю.М. Лотман (1973) говорит о стимуляции и оформлении внутреннего монолога человека внешними ритмами, даже не имеющими с ним смысловых связей. Как пример можно привести привычки работать под любимую музыку, думать с опорой на механические автоматизмы чтения или машинального рисования или черчения по бумаге, на ритуал приготовления кофе.

До сих пор мы говорили о психотехнике подъема и поддержания активности, развивающейся в контексте уклада обычной жизни и почти неотделимой от нее. Существуют, однако, и системы спе-

циально выделенных для этого приемов, тоже специфические для каждой культурной традиции. Прежде всего, здесь надо упомянуть о техниках непосредственного соматического взбадривания: особых диетах, лекарственных средствах, системах физических упражнений и обрядовых ритмов, о водных процедурах.

Наряду с этим, механизмы второго уровня вносят вклад в развитие сложных форм искусства. Ни один его вид нельзя отделить от его сенсорной основы, а значит все они, так или иначе, используют стимуляцию второго уровня: и танец, и музыка, и живопись, и даже литература опираются на чувственные ритмически организованные аффективные стереотипы и ассоциативно связаны с важными моментами нашей инстинктивной жизни.

На основе механизмов второго уровня развиваются культурные средства связывания неприятных, отрицательных переживаний. Так, переживание болезни или страха заболеть связывается и десенсибилизируется самим ритмом и деталями разработанной системы лечения, профилактики. Известно, например, благотворное действие на больного не только регулярного приема лекарств, но и регулярного измерения температуры или артериального давления, обсуждения с врачом подробностей симптоматики.

В данном случае облегчение может приносить даже не реальная эффективность системы лечения, а ее детальная разработанность и завершенность. Так хорошие и плохие приметы, предсказания, гадания выполняют на самом деле конструктивную функцию завершения, стабилизации картины мира в условиях, когда она реально не может быть понята и замкнута. Таким образом человек преодолевает тревогу, стимулирует переживание стабильности и тем самым получает дополнительный шанс конструктивного решения своих реальных проблем. И, наконец, культурные традиции пред-

лагают нам устоявшиеся формы организации механизмов второго уровня для защиты от травматических переживаний. Во-первых, это заданные в культуре фигуры умолчания, вытеснения многих отвратительных или опасных впечатлений, и они привычно игнорируются воспитанным человеком. Так, не задумывается же большинство из нас, откуда и каким образом взялась эта замечательно пахнущая натуральная кожа ремня или сумки.

Во-вторых, как и в случае радостных событий, существуют сложившиеся в каждой культуре аффективные стереотипы, ритуалы переживаний случившегося горя, помогающие перенести его. Прежде всего, это традиционные обряды прощания с близкими – проводы на чужую сторону, похороны. Они имеют точную ритмическую организацию, фиксированные формы выражения – плач, причитания; порядок сенсорной стимуляции – когда надо двигаться, когда застывать, когда кричать и бить себя, когда садиться за стол и есть обильную и сытную еду. Ритуал определяет моменты обращения к воспоминаниям и попытки осознания потери, намечает первую работу ритмического связывания травматического переживания.

* * *

Завершая часть, касающуюся второго уровня системы базальной аффективной организации, мы хотим еще раз подчеркнуть уникальность его вклада в развитие наших отношений с миром: он формирует особый слой нашего сознания и играет специфическую роль в развитии культуры саморегуляции и адаптации. С его помощью строятся индивидуальные отношения с чувственным, реальным миром ирабатываются конкретные навыки удовлетворения потребности и борьбы с опасностью; механизмы этого уровня активно стимулируют нас, заглушают и связывают неприятные

переживания. Это уровень страстей, ярких переживаний, нетерпения; благодаря ему мы живем в мире, радостном и страшном, и чувствуем себя неразрывно связанными с ним, устанавливаем в нем индивидуальный порядок. Этот уровень в своем культурном развитии становится телом цивилизации и чувственной основой искусства. В то же время мы не можем не заметить его ограниченности: чем лучше он адаптирует, привязывает нас к привычным условиям, тем больше мы страдаем от их нарушения. Свобода в отношениях с обстоятельствами требует большей активности во взаимодействии с ними.

Уровень экспансии

1. Организация адаптации к внешним условиям

Третий уровень аффективной организации поведения представляет следующую ступень развития активности во взаимодействии со средой. Если первый дает возможность пассивно-пластичной адаптации к происходящему, второй позволяет активно приспособиться к постоянным условиям жизни, то третий организует активное существование субъекта в неожиданно-изменчивом, неопределенном мире. Этот новый шаг в развитии активности обеспечивается развитием качественно иных форм взаимодействия с миром. Если предыдущий уровень активности мы связывали с формированием индивидуальной избирательности, то здесь будем говорить о выделении субъекта действия, о развитии целенаправленного поведения, об активном выборе и преследовании цели в условиях появления неожиданных обстоятельств, препятствий, сбоя готовых программ действия.

Исходной адаптационной задачей, которую обслуживает этот уровень, является организация процесса достижения витально значимой цели в условиях неизвестности, изначальной непредска-

зумости развития ситуации. В.К. Вилюнас (1976) специально выделяет производные, ситуативные эмоции, которые обеспечивают именно регуляцию процесса достижения цели (в отличие от эмоций ведущих – побуждающих, определяющих потребность, фиксирующих и контролирующих активность, что сопоставимо для нас с переживаниями второго и, как мы увидим позже, четвертого уровня).

Если первый уровень аффективной организации поведения отвечает за сам момент инициации активности, определяя меру контакта со средой данной интенсивности, а второй регулирует процесс удовлетворения потребности в активном взаимодействии с уже достигнутой (гарантированно достижимой) целью, то третий встает между ними и берет на себя ответственность за организацию борьбы за ее овладение. Таким образом, *приспособительным смыслом работы этого уровня является экспансия – активное овладение ситуацией, обследование, выбор цели и преодоление препятствий.*

Постановка задач этого нового смыслового класса (нового уровня активности), приводит к необходимости дальнейшего ограничения действия охранительного механизма первого уровня. Вновь обратимся к предположению З. Фрейда (1990, с.255), что в архитектонике душевной жизни функции глобальной защиты берет на себя ее низший слой, высшие же, как более активные, постепенно вносят в нее ограничения, позволяя субъекту все больше тратить себя.

Мы уже обсудили выше, что второй уровень начинает ограничивать действие механизма пресыщения для качественно хороших, «подходящих» впечатлений, позволяя избирательно сосредоточиться на них в процессе активного удовлетворения потребности; третий уровень идет дальше – он отвоевывает у пресыщения и часть впечатлений, которые на втором уровне оцениваются как от-

рицательные. Это не касается пока впечатлений явно дурного качества, но часть помех, сбоев в реализации потребности, нарушений стабильности жизненного стереотипа перестают быть однозначно неприятными и просто отвергаемыми. Более того, новизна начинает вызывать особый интерес и сосредоточение. Помеха, барьер на пути реализации потребности не просто яростно уничтожается, «сносится», а предстает как задача, появляется возможность конструктивного рассмотрения ситуации сбоя аффективного стереотипа.

Это становится возможным также благодаря развитию структуры переживания – выделению нового параметра аффективной оценки. К оценке интенсивности воздействия среды (первый уровень), ее качества (второй уровень) присоединяется оценка результативности собственного воздействия на среду, что коренным образом меняет и мироощущение, и тип поведения субъекта. Если мы уверены в себе, то сбой в ожидаемом порядке проходящего может вызвать у нас не досаду и неприятие, а, наоборот, интерес и сосредоточенность. Именно *переживание себя как активного, динамического центра ситуации, возможной причины ее преобразования является основным психическим новообразованием этого уровня*.

Информацию о потенциальных возможностях, границах нашего влияния мы можем получить только в процессе реального столкновения с неопределенностью, с препятствием (встав перед расхождением с ожидавшимся результатом – см.: Анохин, 1964; оценивая достаточность необходимой информации – см.: Симонов, 1975; переживая успех или неудачу – см.: Вилюнас, 1976). Это объясняет приспособительный смысл существования врожденной потребности в новизне, сложности, препятствии, иначе говоря, в известной степени напряжения во взаимоотношениях с миром.

В настоящее время существование такой потребности общепризнанно. Как известно, уже А.А. Ухтомский (1925, 1978.) определяет экспансию, овладение средой как тенденцию развития мотивов, И.П. Павлов (1951) выделяет особый рефлекс свободы – потребность в преодолении препятствий, П.В. Симонов говорит об особой потребности в достижении (1975). В монографиях К. Обуховского (1972), К. Изард (1980), Б.В. Зейгарник (1981) подробно представлена динамика развития понимания того, что, наряду с насущной необходимостью в безопасности и редукции напряжения, в удовлетворении потребностей, существует и стремление к поддержанию некоторого уровня напряженности в отношениях с миром.

Известно, что новизна, сложность сенсорного стимула привлекательны уже для младенца (*Fantz*, 1963), однако реально к организации поведения этот уровень начинает постепенно подключаться примерно со второго полугодия жизни ребенка. Это связано с возрастанием активности младенца в исследовании среды и выявлении им собственных, растущих возможностей. Позже в зрелом возрасте третий уровень определяет наше поведение при сбое сложившейся программы, создает аффективную предпосылку построения конструктивных отношений с неопределенным миром, позволяет увидеть в изменившихся обстоятельствах не только досадную помеху, разрушение стереотипа, но и новую задачу, новые возможности.

Он помогает нам сохранить уверенность в себе в ситуации возросшей неопределенности, сделать выбор, принять решение, взять на себя ответственность за происходящее, не потерять головы в ситуации опасности. Именно этот уровень продуцирует наше бескорыстное любопытство, живой интерес к происходящему вокруг; стимулирует исследование, изучение среды; дает возможность пережить удовольствие, азарт от преодоления препятствия.

Таким образом, *аффективная ориентировка* на третьем уровне должна оценить нашу способность вести активную борьбу со складывающимися обстоятельствами. И *ключевым впечатлением, ее запускающим*, является момент самого сдвига в соотношении сил субъекта и среды: появление нового, неизвестного аспекта в сложившейся картине окружающего. С помощью ориентировки мы должны ответить на вопрос: владеем ли мы ситуацией и можем ли прогнозировать успех в новых условиях? Сигналы среды поэтому рассматриваются здесь не сами по себе, а как обратная связь, результат активности субъекта.

Прогноз на будущее складывается в отслеживании динамики взаимодействия субъекта и среды в настоящем: в оценке того, как мои усилия влияют на изменения в соотношении сил. Положительный ответ позволяет сосредоточиваться на задаче, разворачивать исследовательское поведение, продолжать конструктивное рассмотрение затруднения; отрицательный – блокирует индивидуальную экспансию субъекта и подключает к организации поведения защитные механизмы других уровней, например стереотипы защиты или генерализованную агрессию второго уровня или пресыщение – ускользание первого.

Известно, что побуждение к действию зависит не только от привлекательности цели, но и от уровня трудностей, которые необходимо преодолеть на пути к ней (С. Эскалоне, Л. Фестингер – см. кн.: *Зейгарник, 1981; Симонов, 1975*), и что исследовательское поведение тоже провоцируется скорее смесью нового и старого, в некотором смысле парадоксом. Абсолютно новое, как правило, просто пугает, или вообще не замечается (*Обуховский, 1972*).

Характер ориентировки третьего уровня должен быть кардинально отличен от второго и более сходен с первым. Она должна

быть обращена к ситуации в целом, должна предвосхищать ее развитие и опираться при этом не на привычный порядок, не на устойчивые дифференцированные признаки, а оценивать динамику сил в отношениях субъекта со средой. Таким образом, здесь тоже важны свежие следы, но уже не просто изменений самой среды, а обратной связи, собственной результивности во взаимодействии с обстоятельствами. То есть ориентировка здесь в отличие от первого уровня – это уже не плаstичное усвоение информации извне, а активный обмен ею с внешним миром; это диалог с обстоятельствами, непрерывное взаимодействие с ними, уточняющее и изменяющее их кольцо проверок возникающих гипотез.

Но если первый уровень в своей ориентировке поглощен динамикой настоящего, то третий как более активный призван экстраполировать будущее, и в этой попытке он родственен второму, но превосходит его в активности. Будущее определяется здесь не через раз и навсегда сложившуюся связь отдельных признаков, явлений, не через сеть ритмов, жестко связывающих прошлое и будущее; но соответствует вероятностной динамике моих возможностей в настоящем. Оно не определено жестко только прошлым опытом, но зависит от моей активности, от того, что я могу предпринять здесь и сейчас.

Поэтому, как уже говорилось, ориентировка этого уровня вовне, во взаимодействии с препятствием оборачивается развитием ощущения себя как субъекта действия, определением границ своих возможностей. Чем труднее разрешенная мною задача, тем оптимистичнее оцениваются мои дальнейшие возможности активного освоения мира. В этом проявляется еще одно отличие более объективной ориентировки третьего уровня (на котором внутренние возможности определяются по внешнему препятствию) от пристрастной субъективности второго, где внешний мир определяется

от себя. То есть если на втором уровне качество среды оценивалось через соответствие внутренним потребностям субъекта, то на третьем – самоощущение «могу» зависит от силы преодоленного вовне препятствия.

Аффективная ориентировка данного уровня позволяет нам, накопив опыт конкретных удач и поражений, определить, *определить себя как субъекта действия*. Это создает предпосылки для развития личностного механизма уровня притязаний, регулирующего наш диалог с миром (К. Левин, Ф. Хоппе – см. кн.: *Зейгарник*, 1981). В то же время необходимо заметить, что и в этом случае мы опираемся не только на конкретный и объективный прижизненный опыт. По-видимому, в норме должна существовать врожденная субъективная тенденция оптимистически оценивать свои силы. Эта исходная уверенность в себе, дающая устойчивость в напряженной, неопределенной ситуации, может быть индивидуально более или менее выражена, но ее полное отсутствие, как мы будем обсуждать ниже, останавливает развитие ребенка, не позволяя ему выстроить развернутые диалогические формы отношений с миром.

В тоже время выделение себя как активного субъекта действия не может не изменить и принципы получения и организации внешней информации. Во-первых, выделение из общего упорядоченного пространственно-временного ритма жизни отдельных проблемных ситуаций, непонятных явлений и целенаправленная концентрация на их разрешении, дают возможность их активного обследования и экспериментального изучения. Во-вторых, восприятие себя как субъекта действия, необходимость отслеживания обратной связи во взаимодействии позволяет выделить и проследить в происходящем причинно-следственные отношения. Именно они становятся на

этом уровне активности основным средством организации информации. Вместе с тем, при огромном выигрыше в понимании внутренних механизмов отдельных явлений и их взаимоотношений, целостная картина мира, характерная для первого и второго уровня, закономерно распадается здесь на отдельные проблемные ситуации и не обязательно связанные между собой цепочки причинно-следственных связей.

Особой ориентировке, возможности концентрироваться на отдельном явлении и активно обмениваться информацией со средой соответствует и *особый тип приспособительного поведения*, отличный от поведения, организуемого предыдущими уровнями. Пожалуй, более всего его своеобразие выступает в сравнении с поведением, организуемым вторым уровнем. Там мы имеем дело с очень понятными, земными способами контакта с миром – навыками, привычками, ритуалами, образующимися в результате успешного взаимодействия со средой. Теория оперантного обусловлиивания прекрасно описывает это торжество принципа реальности. На третьем уровне подкрепление не столь материально, поскольку здесь достигается не реальная утилитарная цель и не отдельные конкретные навыки ее достижения, а формируется универсальная доминирующая позиция в среде, позволяющая изучать новую информацию и активно решать вновь возникающие задачи. Доминирующая позиция коренным образом отличает поведение третьего уровня от поведения первого, тоже организующего универсальную адаптацию к изменению в среде, но за счет пластичного принятия ее формы. Здесь же субъект активно не желает этого, утверждая, что «не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас» (как это сформулировано в известной песне А. Макаревича).

Тем не менее, и на этом уровне форму поведению дает препятствие, но строится она самим субъектом в активном добывании информации. Как уже обсуждалось выше, это процесс принятия препятствия как задачи и непрерывного переформулирования, корректировки ее условий, процесс, который тоже представляет «афферентное кольцо», описанное Н.А. Бернштейном (1990). Как и на первом уровне, использование «свежих следов» необходимо для адаптации к изменяющейся среде. Однако в данном случае это следы не только независимой динамики мира, но, прежде всего, собственной активности субъекта: его исследовательских действий, непрерывного развития гипотез об условиях разрешения задачи – кольцо его интеллектуальной активности.

Поведение вплетается в это кольцо активной корректировки, направляется им и несет новую информацию. Впервые на этом уровне организуется активный диалог субъекта с миром. Поведение становится развернутым, гибко и точно адресованным среде, и непосредственная конструктивная работа с препятствием определяет его форму. И в этом смысле, если следовать терминологии П.В. Симонова (1975), можно сказать, что барьер структурирует поведение.

В случаях раннего детского аутизма, там, где ребенок не выносит малейшего сбоя жизненного стереотипа, формы его поведения могут быть сложно, детально разработаны, но при этом они всегда представляют стереотипные блоки, жестко связанные с конкретными ситуациями. Возможность организации гибкого развернутого поведения, генерализации и активного использования усвоенных навыков для решения новых задач появляется у такого ребенка только с развитием способности не отвергать препятствие с ходу, а сосредоточиваться на нем. Причем это касается и речевого поведе-

ния – ребенок в этом случае оказывается в состоянии перейти от «телеграфного стиля» ярлыков и приказов к развернутой фразе и диалогу.

Обратимся теперь к рассмотрению специфики самого *аффективного переживания, механизма, организующего сосредоточение на препятствии и активный диалог, обмен информацией с миром*. Как уже обсуждалось, в данном случае переживается изменение баланса сил субъекта и среды. Положительное и отрицательное связано со стеническим и астеническим полюсами переживания силы, уверенности в себе и бессилия, беспомощности. Еще раз подчеркнем, что такие переживания ограничены диапазоном, субъективно сопоставимым с нашей возможностью активно влиять на обстоятельства. Как известно, катастрофы, с которыми мы не в состоянии бороться, не воспринимаются нами как поражения, и точно так же то, что само идет в руки по воле случая, тоже не вызывает ощущения победы.

Субъективно, этот уровень дает яркое напряженное переживание риска, азарта, собранности, концентрации, разрешающееся чувством окрыленности, подъемом успеха или упадком духа, опусканием рук при поражении. В целом, можно было бы определить его как проживание «приключений». Мы видим, что попытки определить его общую специфику вербально заставляют нас обращаться к универсальным образам, отражающим напряженную динамику. И в то же время в каждом конкретном «приключении» мы можем в подробностях описать его словесно.

Выше мы обсуждали, что переживание первого уровня практически не имеет словесного выражения. Такая возможность появляется только на втором уровне, там переживание может быть названо словом, потому что оно фиксируется и определяется в сенсорно ярких, чувственных и конкретных деталях окружения. На

третьем же уровне переживание может быть передано словесно уже не с помощью его словесного образа, а в форме сюжета – развернутого описания хода конкретных событий, связанных причинно-следственной связью, истории возникшего затруднения и преодоления препятствия¹¹.

Чтобы лучше понять внутреннюю структуру этого переживания, попробуем выделить две его стороны. Первая – это восприятие себя как субъекта действия, ощущение потенциала своих сил, в котором индивидуальное стремление к экспансии определяется и модулируется объективным опытом успехов и неудач (К. Левин, Ф. Хоппе – см. кн.: *Зейгарник*, 1981). Это переживание имеет временную перспективу: прогнозируя успех (могу, справлюсь, пытаюсь, попробую), оно придает нам устойчивость в неопределенной ситуации, позволяет принять новое, пойти на риск, сосредоточиться на неприятном затруднении.

Вторая – это непосредственное переживание нового опыта экспансии, активного преобразования настоящего в будущее, захватывающее нас ощущением азарта и риска, завершающееся упоением победы или горечью поражения. Всю эту гамму напряженных переживаний нам дает динамика отношений нашего потенциального оптимизма («я могу», «я справлюсь») с реальным ходом взаимодействия с обстоятельствами.

Преодолев препятствие, мы поднимаем активность, преобразуя отрицательную энергию барьера в свой положительный потенциал; потерпев поражение – теряем ощущение потенциальной силы. Таким образом, нами переживается сам процесс усиления и ослабле-

---

¹¹ Вспомним первые строки романа Л.Н Толстого «Анна Каренина»: все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастные – по-разному, и именно рассказ о них и составляет разворачивающийся сюжет.

ния «Я», потери и приобретения активности в столкновениях с миром.

В отличие от второго уровня, где будущее выступает в жесткой аффективной связи с прошлым, в данном случае мы можем говорить о напряженном динамическом единстве переживания настоящего и будущего. Как представление о будущих возможностях, ощущение потенциала своих сил определяет нашу активность в настоящем, так и наша результативность здесь и сейчас прогнозирует нашу уверенность в будущем.

Напряженность в динамическом единстве настоящего и будущего, как известно, меняется в зависимости от трудности поставленной задачи. Она возрастает с приближением барьера к границам наших возможностей и достигает своего пика в ситуации «почти возможно», в борьбе на пределе сил (опыты Т. Дембо – см. кн.: *Зейгарник, 1981; Левин, 2001*). Но мы знаем также, что и переживание успеха и поражения имеют разную интенсивность в верхних и низших зонах наших возможностей (опыты Ф. Хоппе, М. Юкнат – см. кн.: *Зейгарник, 1981*).

Вступая в борьбу у своих верхних границ, мы испытываем азарт, риск и наиболее остро радуемся успеху, но все эти переживания блекнут, теряют свою напряженность с уменьшением ранга задачи. В то же время, если неудачи у верхнего края наших возможностей, в области самого трудного, воспринимаются относительно спокойно, то поражения у основания нашего потенциала сил, в области «это же очень просто», переживаются крайне болезненно, что тоже создает напряженность в борьбе с препятствием.

В первом случае напряжение возникает в результате стремления к испытанию себя, к истинной экспансии, расширению границ своих возможностей, подъему потенциала «Я». Неудача в этой области не ощущается нами как потеря, мы собственно ничего и не теря-

ем – «just try», поэтому она не становится активным регулятором поведения и не помешает нам в дальнейшем «разбивать нос» в стремлении расширить свою сферу влияния. Основным регулятором поведения в этом случае является положительное подкрепление – стеническое переживание, побуждающее нас к экспериментам, к исследованию, к освоению нового.

Во втором случае, при преодолении субъективно «легкого» препятствия, где почти гарантированно ожидаемый успех лишь подтверждает нам уже известные возможности, поражение грозит потерей значительной части завоеванной уверенности в будущем, наши силы в буквальном смысле «съедаются» этим легким препятствием. Это значит, что здесь мы будем, прежде всего, ожесточенно защищать свой потенциал, бороться за сохранение позиций в будущем, и основным регулятором поведения будет защита от неудачи, напряженная концентрация на решении данной или аналогичной по трудности задачи. И это тоже оправдано с точки зрения приспособительного эффекта, потому что сосредоточивает нас на целенаправленном разрешении конкретных и обыденных жизненных проблем.

Таким образом, и на этом уровне активности мы можем выделить две стороны его адаптационной работы: регуляцию наиболее полного и глубокого взаимодействия с миром – активное исследовательское поведение и организацию защиты нашей активной позиции во взаимодействии – целенаправленное поведение, преодоление препятствий.

Сопоставляя характер переживаний третьего уровня с переживаниями предыдущих, еще раз отметим, что если на втором они неотделимы от конкретной основы и потому разнообразны, тонко дифференцированы, то на третьем – слитны, целостны и единооб-

разны, могут различаться по интенсивности, но не по качеству. В любой ситуации при столкновении с самыми разными препятствиями мы будем переживать победу или поражение, уверенность или растерянность. В этом единобразии, слитности наших ощущений мы замечаем сходство с первым уровнем, однако, отличие переживания третьего уровня от общего, не фиксируемого чувства покоя и смутного, мимолетного дискомфорта не только в его интенсивности и напряженности. Оно не только захватывает и потрясает нас, не менее важно и то, что оно сюжетно, поскольку фиксируется в нашей аффективной памяти в связи с реальными особенностями препятствия, с ситуацией борьбы: ее завязкой, кульминацией и развязкой.

Обычно мы не забываем и можем вербально воспроизвести сюжеты наших побед и поражений, причем, как мы уже говорили, победы более фиксируются у верхней границы наших сил, поражения – у нижней. Само же переживание азарта, напряжения преодоления и неудачи с трудом выражается вербально, и все же, когда мы это пытаемся сделать, то обращаемся к образам, отражающим динамику сил: роста, подъема, прилива, легкости, полета или тяжести, падения, унижения, слома, тягостного бессилия.

Известны широкие *индивидуальные различия в способности к экспансии*. Одни люди легко идут на риск, бросаются в неизведанное, не теряют головы рядом с опасностью; другие так же легко отказываются от борьбы, стремятся, прежде всего, к стабильности, к гарантиям в своих отношениях с жизнью. Известно, что отказ от борьбы связан с оценкой препятствия как явно превышающего возможности субъекта. Встает, однако, вопрос, почему одни люди, вступая в борьбу, балансируют действительно на грани своих возможностей, а другие определяют предел своих сил с большим запа-

сом прочности и часто не идут на борьбу даже там, где имеют реальные шансы на успех.

Мы говорили уже о некотором исходном уровне оптимизма, который является, вероятно, индивидуальной характеристикой человека. Активность в освоении мира, конечно, зависит от многих факторов. Наряду с опытом успехов и неудач экспансии третьего уровня важен как аффективный опыт стабильных отношений со средой, накапливаемый вторым уровнем (переживание телесного здоровья, оснащенности запасом навыков жизни), так и индивидуальная выносливость к интенсивности среды, задаваемая первым уровнем. Все это, безусловно, создает предпосылки для прогнозирования благополучия в будущем и облегчает развитие аффективной экспансии.

Вместе с тем мы знаем, что существуют люди, не склонные к экспансии, несмотря на положительный опыт контактов с миром и хорошее физическое самоощущение, они просто не любят, не терпят напряженности в отношениях со средой. И, наоборот, характерен тип людей, активно бросающихся на препятствие, вопреки неудачам и физическому неблагополучию. Часто ранимый, физически слабый человек может быть замечательным борцом и исследователем, экспериментатором в отношениях с миром.

Переживание первого уровня, заявляя о дискомфорте в контактах с миром, обозначает лишь низшую границу выделения препятствия как такового; переживание второго – определяет качественные параметры выделяемых барьеров, переживание третьего уровня создает саму зону экспансии, определяя для субъекта возможность вступить в борьбу и верхний предел риска в отношениях со средой. Слабость или сила третьего уровня проявляется в том, может ли человек приблизиться к границам своих сил или он чувству-

ет себя уверенно, только имея значительное преимущество. В данном случае, как нам кажется, индивидуальные отличия обнаружаются в различной выносливости в ситуации возрастающей напряженности.

Если, определяя силу первого уровня, мы говорим о выносливости субъекта к интенсивности окружающего, то сила третьего уровня, видимо, связана с устойчивостью субъекта в ситуации напряженности. Индивидуальные различия в переносимости аффективного напряжения определяют нашу способность к риску, возможность приблизиться к реальному пределу своих сил, когда ми- нусы среды почти сравниваются с нашим плюсом, а напряженность аффективных структур максимальна. Большая выносливость позволяет уровню работать на экспансию, меньшая – заставляет уходить от риска, не испытывать судьбу, держаться у низших границ и осуществлять в основном защиту своего уровня активности. Может быть, это имеют в виду Д. Мак-Клелланд и Дж. Аткинсон, утверждая, что каждому человеку присущ его собственный индивидуально константный уровень потребности в достижении (см.: Зейгарник, 1981).

Попробуем представить себе *характерные черты сознания, единицей которого является подобный тип переживания*. Основным событием в его развитии, как мы уже отмечали, является выделение из фона новой аффективной фигуры – переживания себя как субъекта действия, активного динамического центра ситуации, возможной причины ее трансформации. Если сознание второго уровня жестко привязывает нас к внешнему миру, фиксируя субъективную избирательность, то сознание третьего уровня впервые аффективно выделяет субъекта из среды, разделяет нас с внешним миром, с которым мы теперь вступаем в отношения субъекта и объекта. Внешняя среда в данном случае – это уже не качественно

определенная сенсорная среда, это поле новой информации, перспектива задач, барьеры, взаимодействие с которыми питает переживания «могу» и «не могу».

Впервые на этом уровне создается единая структура плюса и минуса. Большой потенциальный плюс собственных сил активно «захватывает» меньший минус среды, и возникает их временное динамическое единство. Успех в решении задачи преобразует минус барьера в положительный потенциал «Я», поражение отнимает у «Я» энергию. Потенциал «Я» на этом уровне активности поэтому должен превышать энергию среды. Активная адаптация возможна, если он питается, преобразуя и поглощая энергию осиленных минусов среды. Он нуждается не только в реальном решении конкретной задачи, но и в энергии преодоления препятствия, за счет которой сохраняет и усиливает себя. Каждое такое вновь возникающее единство нестойко, оно существует во времени, необходимом для преодоления барьера, преобразования, поглощения его минуса плюсом возможностей субъекта, а затем начинается поиск новой цели, нового препятствия, потребность в котором постоянно репродуцируется.

Если второй уровень связывает свободную энергию собственных физиологических ритмов и ритмов среды, консервирует ее, переводит в покоящееся состояние, разделяя положительное и отрицательное, то третий уровень создает временную, но единую динамическую структуру собственной положительной потенциальной энергии и свободной отрицательной энергии среды. Переживание этой динамики плюсов и минусов и является механизмом аффективной организации третьего уровня.

Пытаясь определить его вербально, мы называем его – «приключение». В предыдущей публикации мы ошибочно обозначали

его и как «качели», и нам кажется, что эта ошибка принципиальна. С «качелями» или с «колесом» можно сравнить переживание второго уровня, вплетающее и таким образом связывающее неприятное впечатление в устойчивом и предсказуемом стереотипе избавления от него. Там угроза нарушения равновесия преодолевается ее включением в раз и навсегда заданный извне ритм качелей (не горюй – жизнь полосатая); на третьем же уровне субъект сам его восстанавливает в активном диалоге с обстоятельствами и вознаграждается переживанием риска, достижения, подтверждением и умножением собственной силы.

Подобный механизм позволяет нам выстроить на этом уровне новую структуру сознания, для нее характерно появление возможности сосредоточения на исходно неприятном впечатлении (первый уровень уводит от него, второй создает навыки защиты, не позволяющей соприкоснуться с неприятным). В результате к поиску возможностей преодоления барьера подключаются когнитивные процессы, и препятствие становится источником информации для разрешения поставленной задачи. Таким образом, если основной организующей психической функцией в сознании первого уровня является сенсомоторная функция, в сознании второго – память, то для третьего – это интеллектуальные процессы, обеспечивающие понимание причинно-следственных отношений.

Л.С. Выготский (1984), как известно, говорил, что разные уровни развития сознания отличаются по тому, какая из психических функций стоит в центре и организует его. Наш опыт работы с тяжелой патологией аффективной сферы детей позволяет заметить, что понимание причинно-следственных отношений и организация диалога с миром невозможны без развития аффективного механизма организации третьего уровня. При его отсутствии ребенок не выделяет барьера как специального объекта внимания и либо про-

сто пытается импульсивно «снести» его на пути к цели, либо механически перебирает известные стереотипы поведения, действуя методом проб и ошибок, что в нестандартной ситуации чаще всего тоже приводит к деструктивному поведению.

Другие психические функции, обслуживая эти интеллектуальные процессы, предстают здесь в особом ракурсе. Сенсомоторная функция включается в организацию преодоления препятствия, действенного диалога со средой, направленного на решение конкретной задачи. Активная оперативная память позволяет удерживать информацию и работать с ней все время, пока существует напряженная система разрешения проблемы. Такой тип памяти лежит в основе описанного Б.В. Зейгарник (1981) феномена удержания информации в период, пока она требуется. Речь на этом уровне – это тоже целенаправленное речевое поведение, а речевой диалог образует кольцо развития и уточнения информации в отношениях с миром.

Аффективный механизм третьего уровня формирует новый взгляд на мир. Выделение себя как субъекта действия разрывает жесткую привязанность к среде, позволяет формировать отчуждение от нее и относится как к объекту действия. Воспринимая свои отношения со средой как причинно-следственные, субъект получает возможность увидеть и причинно-следственные связи вокруг себя. Если второй уровень сознания презентирует нам жизненное пространство на языке чувственно-аффективных комплексов, то третий представляет наши отношения с миром в виде отдельных сюжетов, развивающихся по схеме выделения препятствия (новизны), нарастания напряжения (интереса), кульминации и разрядки. Возможно, одним из определений этого уровня сознания могло бы стать сюжетное сознание.

На третьем уровне рождается совершенно новое отношение к пространству и времени. Во-первых, теряя жесткую привязанность к устойчивым и качественно неоднородным аффективным комплексам, они становятся едиными динамическими характеристиками происходящих процессов и предстают как взаимосвязанные параметры стоящей перед нами задачи. Во-вторых, субъект проявляет активность по отношению к пространству и времени, которые измеряются, оцениваются; пространство трансформируется во времени в соответствии с требованиями задачи – от данного к необходимому для ее разрешения.

Время воспринимается не как регулярно воспроизводящийся, устойчивый ритм, а как динамика процесса разрешения задачи, раскручивание пружины сюжета, преобразования минуса в плюс. Если на втором уровне аффективная структура и содержание сознания в настоящем, прогноз будущего определяются аффективным опытом прошлого, то на третьем акцент переживания переносится в настоящее. Именно то, что я делаю сейчас, определяет то, чего я достигну в будущем. События во времени перестают воспроизводиться по кругу, и временная перспектива начинает активно строиться из настоящего в будущее.

Заключая, важно отметить, что третий, как более активный уровень сознания, модулирует структуры низших уровней. Как уже обсуждалось, он может в границах потенциала «Я» трансформировать минусы первого и второго уровня в положительные, интересные впечатления. В то же время процесс выделения привлекательных целей корректируется, как известно, в соответствии с собственными возможностями («зелен виноград»). Валентность цели меняется в зависимости от трудности ее достижения (С. Эскалона и Л. Фестингер – см.: Зейгарник, 1981).

Третий уровень активно выступает как смыслообразующий в организации поведения. Как известно, экспансия характерна уже для ребенка раннего возраста. К концу первого года жизни он перестает удовлетворяться циркулярными формами поведения, приносящими стабильный сенсорный эффект и начинает стремиться к действительно новым впечатлениям, осваивать среду и выявлять свои возможности в ней. Пиком проявления стремления к экспансии в детском возрасте, как известно, становится знаменитый кризис трех лет. К этому времени механизмы аффективной организации экспансии работают уже в полную силу, но еще не отлажено их взаимодействие с механизмами других уровней. В переживаниях ребенка этого возраста особенно ярко выступает именно поле барьеров, препятствий, запретов. В результате он портит отношения с близкими, с горечью отказывается от удовольствий только потому, что самым важным для него является именно установка удержать намерение, идти на препятствие (*Выготский*, 1984).

Позже переживание экспансии входит в контекст системы аффективной организации поведения и в норме не создает столько хлопот субъекту и его окружающим. Наиболее явно его смыслообразующая функция проявляется в организации исследовательского поведения. Как уже говорилось, это переживание позволяет увидеть в новизне не источник нарушения стабильности жизни, а интересное явление, то есть оно открывает нам путь к активному освоению новой информации.

Третий уровень берет на себя ответственность за организацию адаптации в ситуации возросшей неопределенности, опасности; он может остановить реакцию избегания, затормозить неподходящий для данного случая стереотип поведения, сосредоточить нас на поиске нового, адекватного способа защиты или преодоления. Так,

П.В. Симонов (1975) приводит данные о том, как в нестабильной, угрожающей ситуации меняется ведущий в иерархии стада северных оленей – вожак-доминант, более способный к поддержанию жизненного порядка, сменяется вожаком-лидером, который лучше решает новые задачи; с исчезновением угрозы главным в стаде снова становится вожак-доминант.

И, конечно, этот уровень используется как фоновый во всех случаях, когда для достижения цели нам не хватает уже разработанных стереотипов поведения, где требуется гибкий диалог со средой, получение новой информации и поиск новых решений, везде, где необходима целенаправленная интеллектуальная деятельность. Он является обязательным фоновым уровнем общения: организует иерархию отношений, определяет динамику активной позиции в отношении партнера, позволяет выдержать напряженность в контактах, противостоять экспансии других, сопротивляться внушению и сохранять собственный взгляд на мир.

Уровень экспансии вносит огромный вклад в организацию процессов творчества. Сосредоточение на решении трудной задачи дает возможность, с одной стороны, накопить опыт неудач, столь необходимый для запуска механизмов первого уровня. С другой стороны, напряженная энергетическая система неразрешенной задачи продолжает сохранять влияние на восприятие информации даже в момент пресыщения стереотипов ее организации. Новое видение, внезапно складывающийся инсайт определяется и новой точкой зрения, и сохраняющейся творческой задачей. Мысли группируются по-новому, но вокруг того же препятствия.

Мы видим большие преимущества организуемого третьим уровнем адаптивного поведения: его активность, гибкость, диалог со средой, возможность получать новую информацию, использовать свой интеллектуальный потенциал. В то же время необходимо

отметить и ограниченность третьего уровня взаимодействия с миром, который не обеспечивает целостность сознания и поведения, свойственную первому и второму уровням. Первый уровень отвечает за целостное переживание происходящего и пластичный ответ всей среде; второй уровень – за связь с миром, охват его жизненных ритмов своими; третий – за выделение себя как активной силы и объекта ее приложения в среде, разделение мира на отдельные жизненные задачи. Поглощенный разрешением конкретной задачи, этот уровень не обращает внимания на ее место в целостном мире, он не может предвосхитить те комплексные последствия, которые несет успех, открытие, экспансия. Можно сказать, что этот уровень в понимании и адаптации ограничен задачами преодоления препятствия, установления отдельных линий причинно-следственных связей в отношениях с миром.

Таким образом, третий уровень занимает свое необходимое место в общей системе аффективной организации поведения. Рассмотрим пока, как он надстраивается над низшими уровнями. Он более активен и поэтому доминирует во взаимодействии с ними: ощущение «могу» и «не могу» модулирует переживания первого и второго уровней. Как уже отмечалось, под его влиянием часть дискомфортных впечатлений становится источником удовольствия, и переживание экспансии заставляет нас стремиться туда, где напряженно и опасно, не замечать боль, холод и голод в преодолении препятствия. Он также может корректировать и взаимодействие со средой по параметру качества, позволять экспериментировать с ним, искать новые источники удовлетворения потребности, и сам выбор качественно привлекательной цели тоже, как мы знаем, зависит от оценки ее доступности.

Вместе с тем, он не просто доминирует над низшими уровнями. Его задачей является адаптация к изменчивой неопределенной сре-

де, и в этом он солидарен с первым уровнем, но противоположен второму, в задачу которого входит выработка аффективных стереотипов контакта с миром. Надстраиваясь непосредственно над вторым уровнем, третий отталкивается от него, преодолевая его ограниченность в приспособлении к окружающему. Для организации активной гибкой адаптации к среде он должен заблокировать тенденцию второго уровня стереотипно отвечать на стимулы среды, но, организуя точный ответ на неожиданное воздействие, может опереться на отзывчивость первого уровня к изменениям в окружающем.

Таким образом, задачи и методы третьего уровня созвучны первому и противоположны второму уровню. Характерно, что все эти уровни являются взаимодополняющими: первый и третий работают на адаптацию к неопределенной среде, второй – на адаптацию к стабильным признакам; первый организует пассивные формы адаптации, второй и третий – активные.

2. Вклад третьего уровня в саморегуляцию

Мы уже обсуждали, что, организуя активный диалог субъекта с неопределенной, агрессивной средой, этот уровень должен поддерживать, стимулировать наше неустойчивое доминирование над средой. Именно субъективное переживание потенциального преимущества нашего «Я» над окружающим, экстраполирующее будущий успех, позволяет субъекту тратить себя значительно больше, чем разрешали предыдущие уровни, но, соответственно, он должен и находить постоянные мощные источники впечатлений, поддерживающих переживание доминирования. В данном случае может быть по-иному рассмотрена потребность человека в препятствии. Если в организации активной адаптации к миру препятствие необходимо субъекту для получения новой информации о мире и

себе, то здесь он нуждается, прежде всего, в самой энергии барьера, преодоление которого усиливает потенциал «Я» тем больше, чем труднее была борьба.

Общая активность «Я» зависит от результата разрешения каждой конкретной задачи. Поэтому вкладом третьего уровня в регуляцию аффективного тонуса является уже не его генерализованный подъем, а направленная концентрация сил на разрешение каждой вновь возникающей задачи преодоления барьера. Стимуляция энергией преодолеваемого препятствия может надолго удержать сосредоточение на задаче, отодвинуть уже развивающееся пресыщение. Так, ученица К. Левина А. Карстен приводит данные (см.: Зейгарник, 1981), свидетельствующие, что пресыщение отступает при придании поставленной задаче нового смысла, подчеркивающего момент испытания собственных сил (как долго я смогу это делать, насколько я вынослив).

Стимуляция потенциала «Я», возможности идти на риск, концентрироваться на препятствии (неприятном впечатлении с точки зрения менее активных уровней) обеспечивается механизмами третьего уровня, которые, организуя экспансию среды, сами же разрабатывают необходимые для этого приемы саморегуляции. Как мы уже обсуждали выше, положительный потенциал «Я», экстраполирующий будущий успех, и отрицательный заряд барьера составляют единую динамическую систему, преобразующую минус в плюс. Положительный потенциал «Я» питается энергией сопротивления осиленной среды, и вклад третьего уровня в процессы саморегуляции – это постоянная перекачка отрицательной энергии среды в положительное ощущение своей силы.

Если аутостимуляция первого и второго уровней использует безусловно положительные впечатления, то на третьем уровне сти-

мулируется условно приятное – нарушение равновесия, которое можно восстановить, или неприятности, с которыми можно совладать. Такая аутостимуляция проявляется в игровых отношениях с жизнью. Й. Хейзинга (1992) при исследовании игрового элемента культуры приходит к выводу, что игра – это нечто большее, чем культурное явление и, скорее, является одной из базальных основ психической жизни.

Младенцы счастливы, когда их подбрасывают на руках, малыши любят, когда «замирает дух» на качелях, позже им нравятся страшные сказки, игры в разбойников; их тянет в высоту, в глубину, в темноту, перебежать дорогу перед машиной, даже идти по улице им веселее, балансируя между тротуаром и проезжей частью. Мугли называл это, все более захватывающее к подростковому возрасту удовольствие, «дергать смерть за усы». В зрелом возрасте потребность в таких впечатлениях толкает нас на поиск приключений, на часто необъяснимые с точки здравого смысла поступки.

Сюжетное строение переживания, которое, как мы помним, означает связывание в конкретном сюжете (завязка, кульминация и развязка) аффективного переживания положительной динамики энергии (узнавание барьера, притяжение к нему и, наконец, встречный поток заряжающей энергии преодоленного препятствия), позволяет накопить арсенал новых мощных средств аутостимуляции. Субъект может стимулировать себя не только непосредственно пережитым успехом, победой, риском, но и готовыми сюжетами символического переживания приключения.

Если на втором уровне символическая аутостимуляция может осуществляться яркими, сложными, но статичными образами чувственно аффективных комплексов, то на третьем – появляется возможность создания динамической констелляции аффективных образов, развивающихся, вступающих в конфликты и символически их

разрешающие. Таким образом, на данном уровне возникают предпосылки усложнения внутренней душевной жизни, делается шаг к ослаблению ее зависимости от непосредственных внешних условий.

В работе с аутичными детьми мы обнаружили связь между развитием механизма экспансии и появлением у ребенка сюжетной игры, фантазии. Там, где не удается ввести в опыт ребенка этот тип переживания, даже при возможности игровой символизации и создания статичного игрового образа, развитие сюжетной игры не происходит, не появляется и способность фантазировать.

К. Левин, опираясь на результаты экспериментального изучения динамики уровня притязаний Ф. Хоппе и М. Юкнат (см.: Зейгарник, 1981) говорит об общей тенденции субъекта поддерживать уровень «Я» как можно выше. В то же время Д. Мак-Келлланд и Дж. Аткинсон (по: Изард, 1980) отмечают, что потребность в достижении индивидуально константна, а значит, ограничена для каждого субъекта. Если на первом уровне существуют различия в способности впитать в себя ритмы среды, то на третьем – в возможности вступить в напряженную игру с миром. Мы получаем удовольствие от подъема уровня «Я» до известного субъективного предела, определяемого нашей способностью выдерживать аффективное напряжение этого столпа нашего «Я».

Если мы приближаемся к индивидуальному пределу или превышаем его, то даже успех начинает приносить нам тревогу, и мы пытаемся умилостивить судьбу жертвами, как тот мифический счастливец-царь, который бросал в море свой драгоценный перстень. Небольшая потеря, контролируемая жертва в этом случае успокаивает нас, субъективно снижая напряженность нашего потенциала, неприятие судьбой жертвы вызывает в этом случае ужас.

До сих пор мы говорили о работе механизмов третьего уровня в поддержании активности «Я» во взаимодействии с динамичной средой, остановимся теперь на том, как третий уровень может помочь процессам саморегуляции в условиях неустранимого, непреодолимого минуса. Мы помним, что в этом случае первый уровень может увести от переживания, второй ослабляет действие тяжелого впечатления, заглушая его, связывая и капсулируя. На третьем уровне неприятное может подчеркивать выносливость субъекта в отношениях со средой. В этом случае сбивающий с ног ветер или скучная еда поддерживают переживание героического сопротивления, силы, независимости.

Сложнее обстоит дело с астеническими переживаниями поражения. Третий уровень направлен на реальную борьбу с неприятностями, и ему тяжелее всего признать поражение, выйти из ситуации борьбы. Однако и в этих случаях нам представляется выход из невыносимого переживания за счет частичного снятия напряжения с помощью иллюзорного преодоления препятствия. Именно этот уровень сознания предоставляет нам возможность фантастического, независимого от реальности развития образов, сюжетов.

Неразрешимая в реальности проблема в иллюзорном плане становится более податливой, и мы грезим об успехе, переживаем победу хотя бы в мечтах, относя ее в неопределенное будущее. Каждый знаком с приемами иллюзорного умаления, осмеяния непобедимого врага, введения его в уничтожительные сюжеты фантазии. Здесь мы можем разделаться с кем и с чем угодно. Именно на этом уровне сознания как мощные средства саморегуляции аффективных процессов рождаются фантазия и смех.

Отношения третьего уровня с другими в саморегуляции менее структурированы, чем при организации реальной адаптации к среде. Использование в аутостимуляции материала других уровней

позволяет третьему достичь большей результативности в стабилизации аффективных процессов. Так, осмеивая неудачу, препятствие, врага, мы не только умаляем их силу, но и активно приписываем им качества грязного, мерзкого, то есть обращаемся к средствам второго уровня¹². Для подъема активности третий уровень использует впечатления первого: переживание резкого нарушения равновесия трансформируется в игры с качелями, горками и т.п.

В качестве смешных и веселых событий специально организуются моменты нарушения стереотипов. Используются откровенно неприятные для второго уровня впечатления – мы помним, какую чудесную шутку готовили герои Дж. К. Джерома, прилаживая к кровати спящего приятеля вместо коврика ванночку с холодной водой; какие замечательные гастрономические эксперименты проводил знаменитый герой романа М.А. Булгакова кот Бегемот, перччивая кусок ананаса или намазывая горчицей устрицу. Мы знаем, какую радость можем получить от шуток, связанных с намеренной моторной неловкостью, игрой, нарушающей правильность речи, алогичностью, парадоксальностью суждений. Такие удовольствия недоступны второму уровню, который, как мы знаем, относится к удовольствиям и жизненным стереотипам серьезно.

В то же время и другие уровни используют третий для усиления действия своих форм аутостимуляции. Элементы асимметрии подчеркивают общее впечатление покоя в организации пространства и цветовых сочетаний; синкопы, диссонансы оттеняют общую гармонию звуков; подразнивания третьего уровня по закону контраста усиливают здоровый аппетит к жизни второго. Таким образом, мы видим, что в саморегуляции третий уровень также работает в содружестве с низшими.

---

¹² Вспомним крепкое словцо, которое срывается практически у каждого при неожиданном столкновении с неодолимой помехой или неуязвимым врагом.

3. Культурное развитие третьего уровня

Рассмотрим далее, какой слой человеческой культуры в своем развитии питается индивидуальным переживанием аффективной экспансии и сам дает ему средства для культурного развития.

*A. Развитие механизмов аффективной экспансии
в культуре организации адаптивного поведения*

Третьему уровню аффективной организации поведения и сознания адресован свой слой культурных форм во взаимоотношениях с миром. В ходе культурного развития первого и второго уровней происходит усвоение способов построения внешней среды как комфорtnого дома, удобного места жизни, опредмечивание индивидуальных потребностей в укладе культуры, усвоение накопленных средств воздействия на среду. Культурное развитие третьего впервые связано с освоением средств организации себя как активного фактора взаимоотношений с миром. Адресованный ему слой культуры отвечает за усвоение роли активного, готового к индивидуальной экспансии человека.

Так же, как и в случае других уровней, это развитие осуществляется посредством естественного введения ребенка в уклад его культуры, ему дается возможность получить аффективный опыт экспансии и усвоить готовые культурные формы такого переживания. С раннего возраста уклад может стимулировать ребенка подчеркнутым уважением к храбрецу и презрением к робкому, труслившему. Эти подкрепления и материальны, и символичны. Формы желаемой экспансии закрепляются культурными знаками власти, силы: формой одежды, особыми вещественными атрибутами мужественности, характером принятых движений, жестов, выправки, мимики, интонаций голоса. Принимая эти особые формы победителя, изначально уподобляясь ему, мы, еще не совершив ничего героического, наследуем переживание, потенциал силы человека

своего уклада, что облегчает нам вступление в самостоятельные активные отношения с миром.

Эти средства усвоения культуры экспансии работают на основе механизмов первого и второго уровней: пластичного принятия формы, отработки аффективного стереотипа поведения. Однако аффективные механизмы третьего уровня позволяют развиться и более сложным приемам культурной организации экспансии: сюжетное строение переживания этого уровня сознания позволяет создать психотехнику введения субъекта в развернутую героическую роль.

Каждый уклад воспитания направленно стимулирует ребенка переживаниями героического, включает его в последовательное овладение такими ролями, предлагая ему в детской игре безопасное проигрывание роли пожарника, полицейского, моряка, отважного путешественника. Так создаются первые культурные пружины, запускающие этот механизм, который позже начинает оформляться в реальных отношениях с миром. Обычно подростки включаются в формальные и неформальные объединения, где, как известно, культивируется готовность к экспансии, и где по правилам группы малейшее сомнение в силах заставляет преодолевать себя, бросаясь на препятствие (характерно выражение «брать на слабо»).

Мы знаем о повсеместно распространенных в традиционных обществах обрядах инициации, в которых каждый юноша, пройдя испытание, символически умирал как ребенок и возрождался в образе героя и воина племени. Индивидуальный опыт переживания победы в испытании и введение в культурную роль победителя, рожденного вновь владельца силы рода, давало мощный импульс и форму личной экспансии (Фрезер, 1980, с.769-788).

М. Мид (1988) сообщает, что в племени горных арапеши в Новой Гвинее существует специальная система аффективной подго-

товки субъекта к выполнению обязанностей, связанных с принятием на себя решения, ответственности. Человека власти в этой культуре начинают готовить с детства, организуя для него особые отношения с другим таким же сверстником из соседней деревни (институт буаниньонов). Эти отношения основаны на постоянной стимуляции переживания соперничества, соревнования, утверждения своего первенства во всем.

В том или ином виде, но и в детском, и в зрелом возрасте мы получаем постоянную культурную стимуляцию, поддерживающую и оформляющую нашу направленность на активные отношения с миром. Мы научаемся также произвольным приемам воспитания воли, мужества в отношениях с миром.

***Б. Развитие культуры аффективной
саморегуляции третьего уровня***

Помимо развития средств непосредственной организации активных отношений с миром на основе третьего уровня развиваются и культура саморегуляции: тонизирования, стабилизации аффективных процессов, борьбы с астеническими переживаниями.

Культура тонизирования переживанием риска, как мы уже говорили, сопровождает нас с раннего детства, с первых игр с приближением лица близкого, с подбрасывания на руках и коленях, с предложения «сейчас я тебя съем», с первых: «...А вот я тебя сейчас догоню...», с любимых нелепиц и страшных сказок, которые рассказываются на ночь, усиливая ощущения атмосферы уюта, защищенности, любви, окружающей маленького ребенка.

Каждая культура вынуживания ребенка в большом разнообразии предлагает ему все эти восхитительные переживания. Когда он подрастает и попадает в детскую компанию, эта стимуляция усиливается и выходит из-под защиты аффективного стереотипа, становится действительно рискованной. Культура детских игр, детский

фольклор вызывают у него эти переживания в достаточно острой форме. Очень рано в нашу жизнь вносится дух соревнования, азарт игры, спортивные развлечения.

Эта стимуляция не прекращается с детством. Мы испытываем особое чувство, когда, устроившись уютно в кресле, прислушиваемся к вою ветра и шуму дождя за окном, но часто мы стараемся «раскачать эти качели сильнее», и если не продолжаем заниматься спортом, туризмом или играть в азартные игры, то хотя бы болеем за других игроков или любим читать о путешествиях, приключениях, тайнах. И, в общем, мы все, даже самые домашние люди, понимаем, чем привлекательны для других занятия альпинизмом или спелеологией.

В большинстве своем современное искусство сюжетно, а значит, оно массировано несет нам переживание события, приключения, нагнетания напряжения и связки. В современной культуре характерно особое внимание к жанрам остросюжетного, приключенческого, детективного рассказа или фильма, стимуляция прямым символическим переживанием ужаса.

Параллельно с развитием средств стимуляции переживанием осиленной опасности, герического приключения формируется и культура борьбы с астеническим переживанием бессилия перед обстоятельствами, грозными силами, собственным страхом. Мы уже говорили о том, что третий уровень дает возможность десенсибилизации страха в его символическом переживании.

Одним из мощнейших средств овладения страшным является его осмияние. Так, М.М. Бахтин (1965) в тысячелетней смеховой культуре выделяет уже в древнейших образах народного творчества специальные формы борьбы со страхом, с предчувствием и памятью о неизбежной гибели. Ритуальный смех, сакральная риту-

альная брань – осмение грозных высших сил являются необходимыми двойниками древних героических мифов.

Рассматривая особенности народной смеховой культуры средневековья и ренессанса, М.М. Бахтин подчеркивает ее связь с критическими моментами бытия и выделяет функцию борьбы со страхом. Создаются специальные культурные формы умаления страшного: оно представляется как «смешное страшилище». Страх уничтожается в зародыше смехом и оборачивается ликующим весельем карнавала.

Карнавальное переживание – это решение задач третьего уровня обращением к механизмам второго. Торжествующее усиление положительного полюса, дающее ему преобразующую силу, достигается за счет гротескного обогащения его символами второго уровня – образами материально-телесного ряда: плодородия, роста, избытка хорошего качества. Снижение уровня переживания тоже происходит за счет переведения его в материально-телесный низ, в образы еды, питья, пищеварения, испражнения, половой жизни, зачатия и рождения, что одновременно и умаляет страшное и включает его в привычный круговорот смерти и возрождения.

Важно, что М.М. Бахтин, отмечая активность карнавального образа, сравнивает его организацию с колесом свободных аффективных символов или с качелями. Эти образы отражают не статику, а динамику явления, но это предсказуемое становление, в котором одновременно аффективно очевидны оба его двоящихся амбивалентных полюса, побоище и мир, кровь и вино, смерть и возрождение. Акцент переживания падает на положительный полюс – утверждение телесной жизни, которое, запуская движение карнавального колеса, определяет его возвращение, что дает ощущение ликующей победы. Смерть, похороны в этом круговом движении оборачиваются пожиранием, испражнением и одновременно зача-

тием и рождением из материнского лона. Процессы агонии и родов аффективно связываются, совмещаются, и смерть побеждает-ся, входя в целое жизни как ее часть, как необходимый момент возрождения; могила оказывается Матерью сырой землей, залогом нового рождения и наслаждения¹³.

Страх преодолен и разряжается жизнеутверждающим смехом, целое уже не пугает, но это достигается, как мы уже говорили, за счет снижения аффективного уровня сознания, ведь целое здесь – это телесная жизнь рода. Бесстрашно смеющееся сознание утверждается не за счет подъема в героической борьбе субъекта с обстоятельствами. Переживание торжества над угрозой неизбежной личной гибели достигается здесь обращением к энергии символов и спасительным жизненным циклам второго уровня – они вовлекают нас в круговое движение и переносят через гибельную бездну.

Это один из возможных культурных архетипов освобождения от страха, спасения в кризисные минуты жизни, но существует, как мы будем обсуждать далее, и возможность освобождения от страха уничтожения с помощью обращения переживания третьего уровня к образам высшего, четвертого. В этом случае мы поднимаемся к другой столь же древней форме борьбы со страхом – трагическому катарсису свободного героического выбора зиждительной гибели. Эти разнонаправленные культурные архетипы

---

¹³ Современному читателю, возможно, легче будет прочувствовать, как запускается и вращается это колесо, если он обратится к известному эпизоду из романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором, несомненно, сильна карнавальная составляющая. В завершение испытаний героине не только приходится присутствовать при убийстве реального, отчасти даже знакомого ей человека, от нее требуется отпить из чаши его кровь. И мы понимаем, что это невозможно было бы для нее, если бы какие-то тихие голоса не зашептали ей в оба уха о том, что кровь эта давно ушла в землю и там, где она пролилась, уже созрели виноградные гроздья...

преодоления страха, трагического и смешного тоже активно взаимодействуют, развивают и дополняют друг друга. И творчество Шекспира, Сервантеса, Гоголя, Платонова, Булгакова свидетельствует об этом.

* * *

Таким образом, пытаясь кратко охарактеризовать вклад третьего уровня в организацию наших взаимоотношений с миром, необходимо отметить, что благодаря развитию его механизмов мы получаем возможность развернуть активный и гибкий диалог с обстоятельствами. Третий уровень вносит в нашу жизнь новизну и азарт, позволяет принимать решение, сосредоточиваться на преодолении трудностей и стремлении к достижению, служит основой интеллектуального развития и, прежде всего, понимания причинно-следственных связей, закладывает основу развития уровня притязаний субъекта. Механизмы этого уровня способствуют формированию средств саморегуляции, лежат в основе развития фантазии, позволяют осмеять страшное, делают искусство сюжетным.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что и этот уровень при всех своих возможностях не является универсальным в организации нашего поведения и сознания. Он направлен на разрешение своего класса адаптивных задач и не может подменить другие уровни. Так, в частности, он способен дать нам переживание активного субъекта действия, концентрировать нас на разрешении отдельных задач. Но эта концентрация на отдельных явлениях определяет и его ограниченность: теряется способность восприятия целостной картины мира, она рисуется отдельнымицепочками причинно-следственных связей; уменьшается внимание к

последствиям разрешения задачи, экспериментирования в отношениях со средой.

Уровень эмоционального контроля

1. Организация адаптации к внешней среде

Четвертый уровень завершает систему базальной аффективной организации, он организует наиболее активные и сложно структурированные формы адаптации. Если первый уровень позволяет нам пластично вписываться в динамику среды; второй – активно приспосабливает к ее стабильным параметрам; третий организует наше активное существование в мире, неопределенном и изменчивом, то четвертый произвольно преломляет все эти формы нашей индивидуальной адаптации в соответствии с эмоциональными оценками, нормами и ценностями других людей. *Основным новообразованием этого уровня является опосредованность индивидуальной аффективной жизни, то есть произвольность в отношениях с миром.*

Исходно витальной *адаптационной задачей*, которую обслуживает этот уровень, является непосредственная координация взаимодействия людей в важнейшие моменты их общей жизни: в совместном выживании, в создании семьи, выхаживании и воспитании детей. Далее он развивается как инструмент организации жизни индивида в сообществе, в сложной социальной структуре.

Адаптационный смысл четвертого уровня определяется тем, что способность к сопереживанию открывает нам путь к использованию в индивидуальной адаптации аффективного опыта других людей. К. Лоренц (1994) пишет о том, что накопление опыта и его передача другим в ходе обучения приобретают все большее значение с развитием вида, именно ценность опыта стимулирует, по его мнению, само развитие социальной жизни.

В то же время опосредованность переживания ставит нас в зависимость от сообщества. Мы платим за возможность использовать опыт других людей подчинением индивидуальной аффективной жизни их эмоциональному контролю. Приспособительный смысл этого уровня заключается, таким образом, и в обретении индивидом общего опыта, культуры навыков жизни, защиты и экспансии, и в получении социумом возможности контроля над индивидуальной активностью субъекта.

Потребность в эмоциональном сопереживании, как известно, появляется уже в младенчестве, и ее удовлетворение витально важно. Недостаток эмоционального контакта, даже при удовлетворительном физическом уходе, вызывает серьезные нарушения психического развития младенца, известные как синдром госпитализма (*Bowlby, 1969, 1973*). Сходные трудности испытывают и воспитанные в изоляции гуси (*Лоренц, 1994*), обезьяны (*Harlow, 1959*), которые в дальнейшем проявляют дефицитарность в организации взаимодействия с сородичами, в реализации программ брачного поведения, выращивания детей.

Известно, что в эмоциональном взаимодействии с матерью закладываются все основные формы организации нашего поведения. В общих аффективных стереотипах развиваются индивидуальные привычки, первые навыки, формы экспансии, обследования среды. Особая значимость для ребенка социальных стимулов создает условия для произвольной организации его внимания, что, как известно, имеет ключевое значение для развития специфически человеческих форм психики, открывает путь развитию высших психических функций, присвоению общечеловеческих культурных ценностей (Л.С. Выготский).

Новый шаг в усложнении отношений с миром определен, так же как и предыдущие шаги, дальнейшим развитием структуры

переживания, и, соответственно, организации психического поля субъекта, введением нового параметра аффективного переживания. Как уже говорилось, на этом уровне оценки интенсивности воздействия среды, ее качества, активности субъекта начинают модулироваться переживанием другого человека. Характеристика «хорошо – плохо» активно изменяет наши индивидуальные переживания «опасно – безопасно»; «хочу – не хочу»; «могу – не могу» предыдущих уровней. Оценка «так хорошо», «так надо», «так должно» позволяет нам воспринять как полезное горькое, отвратительно пахнущее лекарство, принять необходимость риска болезненной и опасной операции, терпеть боль, истощаться в изнурительном труде. И, наоборот, этот уровень сенсибилизирует нас к избеганию, отвержению даже желанных для нас, но «плохих», «стыдных», с точки зрения других людей, впечатлений и действий. Рождается иная, произвольная избирательность в отношении с миром.

Так с помощью нового параметра аффективной оценки четвертый уровень выводит нас за пределы ситуации, ограниченной субъективной целью. Если первый уровень организации поведения отвечает за сам момент инициации активности – определяет ее допустимость и оптимальную дистанцию в контакте со средой, второй – избирательно выделяет субъективно значимую цель, третий – поддерживает активность субъекта в процессе преодоления препятствий на пути к ней, то четвертый оценивает возможные последствия достижения цели с точки зрения других людей (определенной их собственным и общим аффективным опытом). Таким образом, он может стимулировать, облегчать или налагать запрет на нашу активность, произвольно модулировать ее формы.

3 - сосредоточивает на преодолении препятствия

4 - оценивает последствия достижения цели с точки зрения других людей

---

1 - позволяет контакт

2 - избирает и фиксирует цель

Мы видим, что на этом уровне рождается новый тип избирательности, пристрастности в отношениях с миром, и вместе с тем открываются новые возможности ограничения действия защитного механизма пресыщения. Мы проследили уже, как действие этого механизма, осуществляющего защиту на первом уровне организации поведения, последовательно ограничивается надстраивающими механизмами более активных уровней. Второй уровень избирательно задерживает включение пресыщения для качественно приятных впечатлений; третий ограничивает пресыщение переживаниями субъективно отрицательными, но расцениваемыми как неприятность, с которой можно справиться. Четвертый идет еще дальше: он достигает возможности модулировать действие пресыщения произвольно.

Этот уровень в наибольшей степени позволяет субъекту тратить себя, вступая в самый активный и длительный контакт с миром: преодолевать усталость, терпеть лишения, не выходить из тяжелой, травмирующей ситуации. П.А. Флоренский (1990, с.92) напоминает нам о едином смысловом корне понятий долга и длительности, он пишет о том, что «долг есть то, что дает данности долготу...», и что именно с его помощью «Я» выходит из временно-пространственной ситуативной ограниченности в вечность.

Аффективная ориентировка этого уровня должна быть направлена на оценку и среды, и самого субъекта, и стоящей перед ним задачи. Она напоминает по характеру ориентировку второго уровня, адаптирующего к миру стабильных признаков, потому что здесь тоже оценивается качество (подходит или не подходит) и выделяются его устойчивые дифференцированные свойства.

Однако если на втором уровне качество среды оценивается субъективно, в соответствии с нашими нуждами, то на четвертом – и качество среды и наши собственные устремления определяются с точки зрения других людей в зависимости от их потребностей и норм сообщества. И, как на третьем уровне оценка своей силы требует препятствия вовне, так на четвертом оценка качества предполагает отнесение к эмоциональной реакции, норме, ценности другого человека.

Ключевым, запускающим такую ориентировку впечатлением исходно являются непосредственные реакции другого человека. Что также базируется, по всей видимости, на врожденных предпочтениях. Как известно, с первых дней жизни социальные стимулы – лицо человека, его голос, взгляд – являются для младенца наиболее значимыми (Fantz, 1963; Годовикова, 1969; Баженова, 1986 и др.). Уже в первом полугодии жизни младенец начинает дифференцировать значения выражений лица, интонации голоса, жесты. Известно также, что выражение основных эмоций не имеет значительных кросс-культурных различий.

Человек – не просто самый важный элемент среды, он исходно является для ребенка аффективным центром ситуации, активным трансформатором ее смысловой структуры. В соответствии с его эмоциональными реакциями привлекающее нас может предстать вредным и опасным, неприятное – полезным; невозможное, пу-

гающее – доступным и безопасным; отношение другого может как открыть, так и отнять силы. Важно также, что отношение другого может сделать аффективно значимыми субъективно нейтральные впечатления, что открывает неограниченную возможность произвольного введения новой информации, формирования квазипотребностей, намерений. Согласно К. Левину (см.: Зейгарник, 1981), это является одной из важнейших особенностей человеческой психики.

Сосредоточенность на эмоциональных реакциях другого человека характерна именно для этого уровня ориентировки. Такие ключевые для четвертого уровня показатели как выражение глаз, жест для второго уровня не значимы. М.М. Бахтин (1965) отмечает, выделяя принципы организации гротескного аффективного образа тела, что основную нагрузку несут другие признаки – плодородия, телесного изобилия, жизненной силы.

Отслеживание эмоциональных реакций других людей, особенно обращенных к самому субъекту – это специфика четвертого уровня. При этом характерна «правильность» ее оценок: субъект положительно переживает одобрение, отрицательно – негативные реакции людей. Это не такая банальность, как может показаться с первого взгляда. Для первого уровня другой человек – это просто один из параметров ситуации, в которую он безлично вписывается, оценивая ее комфорт или дискомфорт; для второго он представляет необходимое условие жизни – здесь устанавливаются симбиотические связи, человек выделяется как аффективная цель, в этих отношениях есть фиксация, страсть, но нет места эмоциональному сопереживанию; для третьего уровня другой человек – прежде всего противник, соперник, его отрицательные реакции часто оцениваются положительно, субъект может поступать «назло», дразнить, чего не допускает «правильный» четвертый уровень.

Как все формы активной адаптации, ориентировка этого уровня направлена на экстраполяцию будущего (Бернштейн, 1990). Однако типы экстраполяции, как мы видели, различны на всех уровнях активной организации поведения. На втором – будущее субъекта жестко определяет его прошлый аффективный опыт, предвосхищение цели осуществляется опредмеченной индивидуальной потребностью. Третий уровень экстраполирует вероятностное будущее, оценивая нашу способность владеть ситуацией в настоящем. И, наконец, на четвертом уровне в отношениях прошлого, настоящего и будущего активным становится именно экстраполированное другими людьми будущее, с точки зрения которого («так должно быть») оценивается и настоящее, и даже прошлое субъекта. На этом уровне мы ориентируемся на ожидания других людей, и они активно организуют нас.

Эмоциональная ориентировка, тонко дифференцирующая оттенки переживаний другого человека, необходима для полноценной организации неформального, непосредственного общения, формирования личной привязанности. Однако, наряду с этим, четвертый уровень открывает возможность развития обобщенных форм социальной ориентировки. Известно, что Л.С. Выготский (1983 *a*) и Дж. Брунер (*Bruner*, 1975) рассматривают первые попытки ребенка понимать и использовать знаки как развитие средств взаимодействия с близким – совместной организации внимания, сорегуляции поведения.

Такая ориентировка упорядочивает наш субъективный мир в соответствии с произвольно заданными эталонами. Обобщенное качество среды может объединять разные ситуации с их конкретными сенсорными свойствами, пространственными и временными параметрами. Активно заданное будущее оценивает и нас самих –

подходим ли мы ему, годимся ли мы для него – и с помощью социальной нормы определяет наши стабильные в разных ситуациях качества: доброту, ум, смелость, упрямство, жадность, любознательность, щедрость и т.д. Так создается основа для развития устойчивой самооценки (сравним с третьим уровнем, на котором формируется гибкий уровень притязаний).

Таким образом, характеризуя ориентировку четвертого уровня организации поведения, мы можем отметить, что это новый, более сложный ее тип. Она опосредована, так как направлена на определение среды и собственных качеств с точки зрения опыта других людей, их экстраполяции нашего будущего. Она развивается и как непосредственная дифференциация переживаний других людей, и как вхождение в культуру их обобщенных знаков. Последнее возможно потому, что эта ориентировка упорядочивает наши переживания в устойчивые эмоциональные комплексы, которые связываются с ценностями, социальными нормами, обобщающими конкретные индивидуальные ситуации.

Обратясь к формам **адаптивного поведения этого уровня**, мы должны сказать, что они являются произвольными, и их описание – это самая неблагодарная задача. Наиболее энергоемкий способ организации, дающий нам возможность самой активной жизни, внешне бесцветен и невыразителен. Это доминирующий тип правильного, общественно признанного поведения, социальная поверхность нашей психической жизни, невыгодно отличающаяся от ярких или загадочных проявлений ее глубинных слоев – чуткой динамической интуиции; искусного, чувственно заряженного аффективного стереотипа; напряженного и в то же время свободного диалога с препятствием. Поведение этого уровня – это сознательное подражание, следование правилу, общим образцам поведения, это действие произвольно по плану, с самоограничением и самоконтролем.

Однако это жестко регламентированное поведение, как известно, связано для нас с освобождением от сиюминутных ситуативных побуждений. В логике четвертого уровня мы можем действовать прямо противоположно непосредственным требованиям ситуации или собственным нуждам. Смысл нашего поведения в данной ситуации может проявляться только при взгляде на нее из будущего. Замкнувшись же в настоящем, мы будем вынуждены счесть его нелепым или даже саморазрушительным. Недаром для его объяснения нам приходится прибегать к выделению отдельной посторонней психической силы – «воли», которая специально существует для того, чтобы заставить нас делать то, что противоречит непосредственным витальным смыслам ситуации.

Четвертый уровень, как и второй, вырабатывает формы устойчивой адаптации к миру, поэтому в организации его поведения также важны не столько «свежие следы» и постоянно действующее рефлекторное кольцо обратной связи, сколько возможность устанавливать и замыкать связь с другим человеком, с накопленным сообществом аффективным опытом. Уже в младенчестве, как известно, формируются первые личные привязанности ребенка, являющиеся мощным фактором организации социального поведения, активно противодействующим непосредственным аффективным импульсам (Лоренц, 1994).

Оба эти уровня – второй и четвертый – отвечают за адаптацию к постоянным условиям жизни, и поведение, которое они организуют, имеет четкие фиксированные формы. Различия же их не только в том, что второй вырабатывает их в природной среде, а четвертый – в социальной. Произвольное поведение представляется гораздо более активно, жестко и единообразно организованным, чем аффективные стереотипы второго уровня.

При всей их косной привязанности к постоянным внешним условиям, в стереотипах, как ни странно, сохраняется больше живого, в них меньше статичности. Во-первых, в них осуществляется индивидуальная избирательность, реализуется уникальная манера каждого человека, во-вторых, они организуются на основе жизненных циклов человека и его среды, то есть их форма – это постоянное движение, воспроизведение, проигрыш взаимосвязанных жизненных ритмов. На четвертом же уровне субъекту произвольно задается идеальная форма поведения, жесткая программа того, как надо себя вести. Она не организуется циклическими ритмами и совсем не обязательно, а часто и принципиально не учитывает ни его индивидуальные особенности, ни специфику конкретной ситуации.

То есть жесткость и статичность социальной организации поведения связаны с обобщенностью предлагаемого правила поведения. И это формальное правило дает субъекту возможность подняться не только над ситуацией, но и над своей индивидуальностью (как все), и над своими потребностями (терпи). Оно вырывает нас из кругового движения природных ритмов и задает программу действий произвольно в расчисленном движении из определенной точки в настоящем к известной точке в будущем.

Подкрепляется же это правильное поведение социальными стимулами – одобрением, улыбкой, или просто сознанием хорошего качества своего поведения, его соответствия нормам сообщества, приверженности его ценностям. Все это подтверждает для субъекта его связь с другими людьми, принадлежность к социуму, оснащенность и защищенность общим опытом жизни.

Выше, обсуждая особенности решения адаптационных задач другими уровнями, мы выделяли две стороны работы каждого из них: активную и защитную. На первом уровне преднастройки к активному контакту это выражалось в выборе позиции, обеспечи-

вающей и комфорт, и наиболее полное восприятие информации; на втором – в опредмечивании потребности и упорядочивании условий ее удовлетворения; на третьем – в расширении границ возможностей и в стеническом отстаивании уже завоеванных позиций. В случае же четвертого уровня как активную сторону можно выделить реализацию самой потребности в общении, в сопереживании, в объединении с другими людьми, непосредственное следование их реакциям, образцам поведения, ценностям; как защитную – ориентацию на оценку себя другими, соблюдение норм и правил, стремление соответствовать общим ценностям, поскольку все это подтверждает связь с другими людьми, принятие и защиту сообщества.

Остановимся подробнее **на развитии структуры переживания четвертого уровня** – аффективного механизма, обеспечивающего появление и становление произвольного поведения, свободного от ситуативного аффекта. Этот механизм формируется на основе сопереживания другому человеку. Способность к сопереживанию, как известно, уходит корнями в древние слои развития психики. П.В. Симонов (1975), обобщая данные этологических исследований, предполагает, что способность адекватно реагировать на состояние животного того же вида есть самостоятельная линия эволюции – вертикаль, пронизывающая разные этажи животного мира.

Способность к заражению эмоциями других людей проявляется у ребенка почти с рождения. А. Валлон (1956) определяет первые формы сопереживания как ситуативное слияние, пропитывание общими эмоциями в общем ритме, в общем аффективном стереотипе контакта с миром. Как уже обсуждалось, на этой основе формируется переживание «пра-мы» (Выготский, 1983 а), предшествующее аффективному выделению себя и дающее ощущение надежности, защищенности, общей радости существования.

Переживание «пра-мы» – питательная среда нашего индивидуального душевного роста, и аффективная память о нем является основой потребности в эмоциональной общности с другими людьми, в привязанности к «своим», «нашим», имеющим общие аффективные стереотипы поведения, общий уклад жизни, общие эмоциональные ценности. Узнавание, приятие субъекта «нашими», подтверждение соответствия его поведения общим нормам, а личных качеств общим ценностям – одно из самых глубоких и сильных положительных переживаний, доступных человеку. В связи с этим, самостоятельную ценность получают и переживания оснащенности орудиями достижения желанного единения – социальными ритуалами, правилами, нормами. Владея ими, мы испытываем чувство удовольствия, защищенности и предсказуемости в своих отношениях с людьми.

Важно также подчеркнуть, что сообщество положительно оценивает жертвы, принесенные субъектом, его отказ от индивидуальных нужд, привычек, не соответствующих общему укладу. Поэтому в рамках переживания четвертого уровня субъект и сам положительно оценивает свои вынужденные лишения и гордится ими тем больше, чем тяжелее дается ему эта жертва. Переживание субъектом деформации индивидуальных аффективных стереотипов подтверждает его статус «хорошего», удостоверяет его эмоциональную связь с другими людьми.

Нечаянное отступление от норм своего сообщества рождает остroe переживание смущения (по К. Лоренцу, смущение есть переживание противоположных побуждений – 1994), стыда. Оценка субъекта сообществом как «не такого», странного, постороннего, чужого, «не годного» (негодяя) воспринимается на этом уровне очень тяжело. Одиночество, отверженность, потерянность – относятся к одним из самых тяжелых отрицательных переживаний человека.

В широком смысле четвертый уровень, надстраиваясь над низшими, опосредованно обеспечивает контроль общества над индивидуальной аффективной жизнью. Из непосредственного заражения, слияния с состоянием другого человека на этом уровне вырастает эмпатия – сопереживание чувствам, не совпадающим, даже конкурирующим с собственными, и, наконец, произвольное определение своих чувств чувствами другого. Ориентация на опыт другого формирует, таким образом, иерархическую структуру переживания. Кризис семи лет рассматривался Л.С. Выготским как потеря ребенком непосредственности, осознание необходимости соотносить свои поступки с ожиданиями других и контролировать их. Возможно, именно эта потеря аффективной непосредственности и является тем моментом, начиная с которого мы можем рассматривать наше переживание как собственно эмоциональное – иерархически организованное соотнесением с чувствами других людей, общечеловеческими ценностями и нормами.

К этому необходимо добавить, что развитие переживания четвертого уровня происходит не только за счет усложнения его структуры, усиления произвольной организации аффективным опытом общества, но и с обогащением индивидуального аффективного опыта. П. Флоренский (1990) подчеркивает, что сопереживание является не столько отражением переживания другого, сколько зозвучием ему. Соответственно, если мы имеем в опыте собственное близкое переживание, то резонируем более чутко и дифференцированно, сопереживание захватывает нас глубже, включает не только эмоциональные, но и чувственные компоненты впечатления. Мы реально ощущаем осколину, когда другой откусывает от лимона, личный опыт заставляет нас вскрикнуть и сжаться от боли другого, понять чужие успехи и поражения, с рождени-

ем собственного ребенка по-другому мы воспринимаем рассказы друзей об их детях.

Опыт переживания всех уровней – ярких, стойких, дифференцированных и отражающих целостную динамику отношений – вкладывается в сопереживание и позволяет нашим чувствам звучать в тон другому человеку, непосредственно и точно определять его аффективное состояние и эмоциональную оценку происходящего. Переживание этого уровня, таким образом, не только структурно перестраивается, но и становится разнообразным и дифференцированным.

Описывая **структуру сознания**, формируемую переживанием четвертого уровня, мы должны, прежде всего, отметить, что из аффективного фона здесь поднимается фигура другого человека в его жизненном пространстве. Механизм, дающий толчок развитию переживания этого уровня, можно определить как своего рода катексис, но катексис второго порядка – зарядение индивидуального аффективного мира энергией желания и отвержения других людей. Новая энергетическая структура рождается таким образом в активном произвольном модулировании извне индивидуального переживания и самооценки. «Я» переживается как носитель произвольно заданных ценностей, качеств, связывающих или разделяющих нас с сообществом; мир снова выстраивается в устойчивую, дифференцированную, но теперь уже иерархически организованную систему.

Здесь, как и на первом уровне, субъект воспринимает активный поток аффективной информации извне и принимает задаваемые им формы, но усваивает уже не целостные ритмы мира, а его социальные формы. Если на первом уровне мы имеем дело с истинной пластичностью, то на четвертом речь идет уже о произвольной деформации собственной смысловой структуры системой социальных значений.

Л.С. Выготский (1982 *б*, 1983 *а*), как известно, разделяет индивидуальные смыслы и социальные значения и считает, что значения вносятся в наше сознание с помощью знаковых функций, основной из которых является речь. Мы проследили уже, как со смешанной формирующей типа переживания в центр сознания встают разные психические функции. Если для первого уровня сознания организующей психической функцией является сенсомоторная (в более общем смысле – восприятие и действие), для второго – память, для третьего – интеллектуальная функция установления причинно-следственных связей, то на четвертом основным инструментом организации сознания становятся знаковые функции и, прежде всего – речь, первой функцией которой является указание как средство произвольной организации внимания. В речевой форме фиксируются общий жизненный опыт, требования и запреты, общие эмоциональные ценности.

Вокруг речевой по-новому организуются и все другие психические функции. Как известно, с развитием знаковых функций внимание, память, мышление становятся произвольными высшими психическими функциями. Однако необходимо обратить внимание на то, что именно особое строение переживания этого уровня дает возможность использования знака в организации поведения.

Именно иерархическое строение переживания открывает путь к развитию новых путей познания, к способности обобщения, классификации по произвольно выделенному признаку, систематизации явлений, созданию иерархически структурированной картины мира. Таким образом, интеллектуальная деятельность на этом уровне сознания – это уже не решение отдельных задач посредством выявления ситуативных причинно-следственных связей, а, прежде всего, обобщение, развитие абстрактных понятий.

Характерно, что дети с синдромом раннего детского аутизма, не достигающие развития аффективных механизмов четвертого уровня, даже при формально хорошей речи, при одаренности в решении зрительно-пространственных задач испытывают огромные трудности при построении обобщения, генерализации навыка, его перенесении из одной ситуации в другую. Их умозаключения отличает крайняя конкретность, буквальность, что объясняется не принципиальной неспособностью к символизации, а тем, что их обобщения всегда остаются жестко связанными с конкретной ситуацией собственного аффективного опыта, не преломленного и не обогащенного опытом других.

На четвертом уровне сознания вновь усложняется восприятие времени и пространства, происходит то, о чем говорил П.Флоренский (1990) – выход сознания из ситуативной пространственно-временной ограниченности (как и из кругового движения природных ритмов) в мир константных вечных ценностей. Во-первых, субъект в потоке времени и в движении в пространстве выделяет себя как постоянного носителя этих ценностей; во-вторых, оценивает среду с точки зрения долженствования, преломляя через опыт других людей. Такой подход позволяет ему произвольно планировать свои действия в пространстве и времени в соответствии с тем, что должно произойти. И, снова обратясь к нашему опыту работы с детьми с синдромом раннего детского аутизма, мы можем сказать, что такой ребенок в большинстве случаев не может планировать свои действия, исходя из будущих нужд, он целиком замкнут в конкретной сиюминутной ситуации. Возможность произвольно распределять себя в пространстве и во времени, строить планы появляется у субъекта лишь с развитием ориентации на другого человека.

Рассмотрим, что придает устойчивость этой наиболее сложной структуре сознания. Представляется, что, несмотря на нашу врож-

денную нормальную склонность к пониманию эмоционального состояния другого человека, новая структура сознания обретает стабильность не за счет непосредственного созвучия, идеального совпадения эмоциональных оценок. Новый шаг в развитии структуры переживания становится возможен именно благодаря расхождению индивидуального смысла и общепринятого значения.

Ради объединения с другими людьми мы можем значительно деформировать свои индивидуальные смыслы, хотя эта деформация оценивается нижележащими уровнями сознания безусловно отрицательно. Вот это введение активного индивидуального минуса в структуру внешней положительной оценки и составляет основное изменение в строении переживания. Произвольная организация переживания характеризуется развитием устойчивой иерархической структуры плюсов и минусов.

Надо подчеркнуть, что на четвертом уровне происходит не просто заглушение минуса (как на втором уровне) и не его активное разряжение (как на третьем), а вхождение минуса в положительную структуру как ее неотъемлемого атрибута. Индивидуальная жертва подтверждает и скрепляет наше единение с общим, является доказательством нашего обладания им. Боль, голод, холод, лишения, унижения не только пассивно переносятся, появляется возможность гордиться своим терпением. Мальчик гордится разбитой коленкой, мужчина – шрамами, говорящими о его мужестве, мать – своими бессонными ночами, жертвами, приносимыми ребенку. Переживание причастности к высоким эмоциональным ценностям сообщества дает нам возможность испытывать удовольствие от выполнения долга.

Устойчивая структура плюсов и минусов дает возможность связывать, концентрировать психическую энергию, накапливать ее в

потенциальном состоянии. Она не проявляется здесь, как на третьем уровне, явно – в потоке движения, в борьбе и преобразовании. Однако потенциал общечеловеческих ценностей, долженствования придает нам наибольшую устойчивость, помогает найти точку опоры в отношениях с миром. О том, что значит для нас эта опора, мы можем судить по тому чувству опустошения, которое охватывает нас при потере эмоциональных ценностей.

Потенциальная энергия на четвертом уровне накапливается не в отдельных аффективных стереотипах, как это происходит на втором, а в целой системе взаимодействующих и взаимообогащающихся ценностей, аккумулирующих энергию для приятия нового минуса. Его энергия не «съедается» здесь, как это было на третьем уровне, а ассимилируется системой ценностей. В том случае, когда неприятное переживание слишком сильно и дестабилизирует существующий положительный потенциал, у человека на этом уровне сознания остается возможность поиска существующей в общечеловеческом опыте ценности, атрибутом которой становится новое испытание.

Если он находит такую ценность и включает ее в систему своего сознания, то не только получает силы для того, чтобы справиться с данным травматическим переживанием, но и совершает скачок в развитии общей структуры сознания, поднимает свой потенциал душевных сил, укрепляет устойчивость в отношениях с жизнью. Старая мысль о пользе страдания, о стимуляции им душевной работы и роста, о возможности выйти из несчастья с новыми силами может быть рассмотрена здесь с точки зрения развития отношений между положительными и отрицательными переживаниями. Именно последние выступают фактором развития эмоциональной структуры, стимулируют поиск и включение в нее новых созвездий плюсов и тем самым обеспечивают прорыв к новым общечеловеческим ценностям.

Таким образом, развитие механизмов этого уровня начинается с сопереживания и непосредственного уподобления другому человеку, в ходе которого перед нами открывается возможность наследовать традиционный опыт, взаимодействовать с системами идеальных ценностей, созданных в ходе культурного становления человечества.

Различия между людьми в способности к сопереживанию зависят и от индивидуальных параметров четвертого уровня – напряженности самой потребности в общении; и от развития личного аффективного опыта, определяющего цену индивидуальной жертвы; но также от параметров первого и третьего уровней, которые могут ограничить сопереживания пределами выносливости субъекта и его потребностью в экспансии.

Большая напряженность потребности общения, выраженность желания общности с другими людьми облегчает субъекту непосредственное вхождение в контакт, делает его более выносливым, менее пресыщаемым в общении. Это будет акцентировать в развитии четвертого уровня его активную сторону. Вместе с тем, получая много радости от общения с людьми, субъект может значительно расширить границы избирательности, высокая пластичность в контактах способна задержать развитие индивидуальных механизмов адаптации, что в свою очередь сказывается на формировании аффективной структуры четвертого уровня. И, наоборот, меньшая напряженность в стремлении к общности снижает порог дискомфорта и пресыщения, что приводит к уменьшению пластичности в контактах, но повышает эмоциональную чуткость, избирательность в общении, что затрудняет его непосредственную организацию, но может способствовать развитию механизма жертвы, формированию иерархической структуры переживания.

Завершая часть, посвященную анализу вклада четвертого уровня в организацию непосредственной адаптации к окружающему, мы еще раз подчеркнем, что он позволяет нам строить наиболее активные и сложные отношения с миром, обрести независимость от непосредственной ситуации, построить устойчивую, иерархически организованную картину мира, произвольно организовывать психические процессы, планировать и контролировать действия, развивать вербальное мышление, способность к обобщению, классификации. Этот уровень дает нам возможность унаследовать традиционную культуру владения миром и защиты от него, войти в социальную жизнь, сформировать личные эмоциональные привязанности. При решении любой витально важной задачи четвертый уровень присутствует как фоновый, обеспечивающий эмоциональную цензуру происходящего.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что и четвертый, высший среди базальных уровней тоже является лишь одним из необходимых составляющих системы аффективной организации нашей жизни. Он открывает огромные возможности, но, как и все другие уровни, сам по себе ограничен. Его ограниченность – оборотная сторона его особых возможностей. Выводя из-под влияния непосредственной ситуации, он задает нам слишком обобщенные ориентиры и потому может лишить гибкости, спонтанности, предприимчивости, даже индивидуальности, требуя слишком правильных образцов поведения.

Рассмотрим подробнее, как координируется его работа с действиями других уровней базальной организации поведения. К. Лоренц (1994) считает, что социальный инстинкт подчиняет отдельную особь настолько, что при определенных обстоятельствах может активно затормозить, заглушить все остальные побуждения, что личная, индивидуальная связь является мощным средством ак-

тивной модуляции агрессивных тенденций. При всей напряженности, противоречивости отношений индивидуальности и сообщества, при всех наших возможных «срывах», сам тот факт, что мы живем организованным сообществом, свидетельствует о его успешном контроле над нашими индивидуальными порывами.

Отношения четвертого уровня с низшими не исчерпываются тем, что он контролирует и модулирует их деятельность, хотя, как это уже обсуждалось, это важнейший аспект их взаимодействия, открывающий путь культурному развитию индивидуальной психики. Необходимо подчеркнуть, что в этих отношениях большую роль играет и активность низших структур. При общем контроле четвертого уровня они не только продолжают решать свои адаптационные задачи, но и служат необходимым противовесом, регулирующим работу самого высшего уровня.

Во взаимодействии четвертого уровня с этой жизненно важной для него оппозицией важнейшим фактором выступает ее неоднородность, взаимная противоположность и дополняемость отдельных уровней. Это позволяет четвертому уровню избирательно строить отношения с низшими в зависимости от конкретной цели адаптации. Именно реципрокная работа антагонистов, по мнению К. Лоренца, является источником целенаправленности системы, конфликт независимых тенденций – залогом ее целостности, прочности и устойчивости.

Жизнеспособность системы базальной аффективной организации обеспечивается ее множественными внутренними оппозициями, разводящими и объединяющими различные уровни в процессе решения разных типов адаптационных задач. Помимо обсуждавшейся оппозиции уровней индивидуальной аффективной адаптации и эмоционального контроля над ними (1,2,3 – 4) можно выде-

лить и другие: оппозицию уровня пластиности и глобальной защиты уровням активной адаптации (1 – 2,3,4); уровней, предпочтительно ориентированных на внутренний или внешний источник аффективной информации (2,3 – 1,4).

Однако основной скрепляющей силой всей системы представляется оппозиция уровней, организующих нашу адаптацию к изменчивой среде и приспособливающих нас к миру стабильных признаков. Мы уже проследили, что с этой точки зрения каждый новый шаг в активизации взаимодействия со средой противоположен предыдущему, все этажи рассматриваемой системы как бы переслоены уровнями-антагонистами и по задачам адаптации, и по способам их разрешения (1,3 – 2,4).

Если первый и третий уровни направлены на организацию отношений с постоянно меняющимся миром и потому не вырабатывают жестких способов реагирования, то второй и четвертый приспособливают к стабильным условиям жизни и фиксируют средства достижения успеха (аффективные стереотипы поведения, привычки, навыки – второй уровень; правила, нормы поведения – четвертый). Надстраиваясь непосредственно над третьим уровнем, эмоциональный контроль ограничивает его экспансию выбора цели и средств ее достижения, но при этом опирается на второй – правильное поведение подкрепляется наградами и наказаниями второго уровня.

2. Вклад четвертого уровня в процессы саморегуляции

Специфика вклада четвертого уровня в процессы саморегуляции соответствует особенностям его адаптационных задач. Как уже говорилось, произвольная организация поведения требует наивысшего уровня психической выносливости в контактах, продолжительного, возможно даже разрушительного для нас, напряжения сил,

что предполагает максимальное ограничение действия защитного психического пресыщения.

Удовлетворение потребности в общении, сопереживание эмоциям других людей, ощущение ценностного единения с ними вызывает у нас тонизирующее положительное переживание. На четвертом уровне, как и на первом, мы получаем поддержку, усваиваем поток энергии извне, но если там мы пластично впитываем ритмы среды, то здесь избирательно модулируем свое переживание переживаниями других людей.

Необходимо также отметить, что, как мы это видели на втором уровне, удовольствие нам дает не только удовлетворение самой потребности, но и переживание оснащенности надежными способами ее удовлетворения. Ощущение прочности связей с другими людьми подтверждает и нашу защищенность от опасностей и превратностей внешнего мира. Кроме того, средством стабилизации динамики аффективных процессов, как и на втором уровне, выступает сама разработка структуры жизненного пространства, но на четвертом уровне она касается уже не индивидуальных аффективных стереотипов жизни, а эмоциональных связей с другими людьми, форм социальной жизни.

Мы можем получить радость от непосредственного эмоционального общения с окружающими, от контакта с близкими, но также и от обладания объектами, связанными с ними. Известно, например, как много значат для нас вещи совершенно бесполезные, но напоминающие о близких людях, как мы храним их, обращаемся к ним за эмоциональной поддержкой и, наоборот, как мы стремимся избавиться от вещей, связанных с тяжелыми эмоциональными переживаниями.

Чтобы поднять тонус и противостоять развитию астенических состояний, мы не только опираемся на материальные реликвии ин-

дивидуальных привязанностей, но и обращаемся к эмоциональные ценностям сообщества. Они тоже могут материализоваться в конкретных объектах – освященных эмоциональной памятью сообщества местах, предметах, животных, людях, но мы знаем также, что создаются и специальные культурные знаки общественных переживаний – мемориалы, памятники, священные символы, в которых аккумулируются и обобщаются идеальные ценности сообщества.

Если на втором уровне мы говорили о «консервировании» впрок психической энергии в аффективных привычках, индивидуальных стереотипах поведения, то на четвертом индивид может пользоваться эмоциональной энергией, запасенной и близкими ему людьми, и всем его сообществом, связанной, предметно материализованной и обобщенной в символах, образующих систему общих эмоциональных ценностей.

Сопреживание, поддержка, понимание других, причастность к общим ценностям активизируют и стабилизируют наши контакты с миром, позволяют извлечь из них больше радости, дают нам ощущение надежности, предсказуемости мира, своей защищенности, возможности предотвратить опасность, они укрепляют нашу уверенность в своих силах, помогают пережить горе. Депривация личных контактов, недостаточное вхождение в культуру эмоциональных смыслов сообщества, как известно, отрицательно влияет на нашу стабильность в отношениях с миром.

Наиболее явно необходимость тонизирования средствами этого уровня проявляется в начальный период формирования психики. Как мы уже отмечали, переживание «пра-мы» является источником развития механизмов активной организации поведения. Усложнение взаимодействия младенца с миром совершается при ободрении, сопреживании близкого, часто для того, чтобы порадовать его,

заслужить похвалу. Позже, как мы знаем, такой стимулирующей развитие средой становится группа сверстников, подчеркивающая свое единение и отдельность от всех других; затем снова наступает период интенсивного поиска и разработки личных связей, стабильной системы общечеловеческих ценностей.

В зрелом возрасте наиболее явно подъем психического тонуса наблюдается при объединении в едином переживании группы людей. Ощущение единства семьи, союза друзей, партии, нации, величия ценностей сообщества, своей готовности пожертвовать всем ради их защиты К. Лоренц определяет как «воодушевление» и, сопоставляя его с триумфальным криком переживающей свое единство гусиной семьи, считает одним из автономных инстинктов человека. Основание для этого Лоренц видит в том, что «воодушевление» обладает собственным поисковым поведением, собственными вызывающими стимулами и доставляет «настолько сильное удовлетворение, что противиться его заманчивому действию почти невозможно» (1994, с.256). Переживание воодушевления, по мнению Лоренца, создает естественную энергетическую основу подвига индивидуального самопожертвования, настолько сильную, что она обеспечивает снятие всех инстинктивных запретов самосохранения.

По мнению К. Лоренца, переживание воодушевления может стать для нас самоцелью, это в его поисках мы вечно объединяемся в партии и союзы «наших». В качестве средств, усиливающих такое переживание, он выделяет увеличение числа резонирующих в сопереживании членов группы; выделение контраста «чужих», врагов, угрожающих «нашим» собратьям и их ценностям, а также персонификацию ценностей группы в лице любимого вождя, конкретного носителя идеалов, лучших качеств сообщества. Известно, что

этими средствами уверенно пользуется каждый демагог для создания порывов массового энтузиазма и манипуляций ими.

Другим, не таким мощным, обыденным, но, может быть, и более надежным средством стимуляции психического тонуса является личная привязанность людей. Непосредственный эмоциональный контакт, тонкое, дифференцированное сопереживание, понимание близких людей приносят нам особую глубокую радость, К. Лоренц (1994) сравнивает такое переживание с чувством дома. Л. Толстой говорит о подобной привязанности Наташи и княжны Мары: «Они вдвоем чувствовали большее согласие между собой, чем порознь, каждая сама с собой» (1929, т.7, с.155). Переживание такой близости, привязанности, как известно, является неиссякаемым источником сил, дающим возможность естественного, обыденного самоожертования.

Кроме того, как чувство долга, так и непосредственное сострадание обладают, как известно, огромной мобилизующей силой. Л. Толстой прослеживает, как ощущение Наташой опустошения, конченности своей жизни после смерти князя Андрея отпускает ее с получением новой раны, которую ей наносит известие о смерти брата и страдание матери: «Что-то страшно больно ударило ее в сердце. Она почувствовала страшную боль; ей показалось, что что-то отрывается в ней и она умирает. Но вслед за болью она почувствовала мгновенное освобождение от запрета жизни, лежавшего на ней. Увидев отца и услыхав из-за двери страшный грубый крик матери, она мгновенно забыла себя и свое горе» (1929, т.7, с.153).

И, наконец, огромное значение для тонизирования произвольной деятельности имеет связь ее цели с моральными ценностями, нашими представлениями о добре и справедливости. Они также, как известно, стимулируют нашу стойкость в ежедневном исполнении долга, работе, служении, принесении личных жертв.

Наряду с непосредственным сопереживанием, обращением к общечеловеческим ценностям, средством поддержания произвольного психического тонуса может служить ощущение надежности эмоциональной связи индивида и сообщества, показателем которой является и непосредственная похвала значимого для нас человека, и сознание своей правоты, соответствия собственных личностных качеств эталону хорошего человека. Мы знаем, каким мощным влечением, каким источником удовлетворения может стать фарисейское стремление жить по строгим правилам, соответствовать клише общественной морали, пунктуально выполнять социальные ритуалы.

Наиболее веским доказательством нашего соответствия общим нормам и ценностям, конечно, является индивидуальная жертва. Мы часто жертвуем не потому, что это реально необходимо другому или другим, а потому, что это необходимо нам самим, как подтверждение нашей связи с близкими людьми (известно, как приятно дарить подарки) или дорогими идеалами. Таким образом, и сама жертва может быть средством аутостимуляции.

Источником подъема психического тонуса, как мы уже видели это на втором уровне, могут служить и удовольствие от легкости, ловкости, оснащенности инструментами достижения цели. На четвертом уровне это – удовольствие быть «хорошо воспитанным», «разбитным» или «светским» человеком, легко вписываться в социальные ритуалы взаимодействия.

Средством удержания, сохранения тонуса является, как уже отмечалось, и развитие самой структуры общения, личных связей, личностных ценностей. Социальная структурированность жизненного пространства защищает нас от развития астенических состояний. Мы знаем, как нас мобилизует чувство долга и обязанности,

как помогают социальные роли; мы часто говорим, что нас держат только эти «оглобли», с их потерей надеемся отдохнуть, но чаще, наоборот, испытываем опустошение и потерянность.

Борьба с неустранимым отрицательным переживанием на этом уровне имеет свои особенности. Во-первых, очевидно, что человек может непосредственно разделить свое горе с другим человеком. Сострадание, любовь близких, их забота помогают восстановить запас жизненных сил, связать в аффективные стереотипы и десенсибилизировать травматическое переживание. Вот как пишет об этом Л. Толстой: «Наташа стала коленом на кресло, нагнулась над матерью, обняла ее с неожиданной силой, подняла, повернула к себе лицо и прижалась к ней. <...>

– Друг мой, голубушка… Маменька-дущенька, – не переставая шептала она, целуя ее голову, руки, лицо и чувствуя, как неудержанно ручьями, щекоча ей нос и лицо текли ее слезы. <...>

– Друг мой! Маменька, – повторяла она, напрягая все силы своей любви на то, чтобы как-нибудь снять с нее на себя излишек давившего ее горя. <...>

Любовь Наташи упорная, терпеливая, не как объяснение, не как утешение, а как призыв к жизни, всякую секунду как будто со всех сторон обнимала графиню» (1929, т.7, с.153-154).

Во-вторых, и в горе, и в опасности человек чувствует себя защищенным сообществом. Оно уже имеет ритуалы, связывающие типичные тяжелые переживания, правила, отгораживающие безопасные зоны жизни, позволяющие не допустить несчастье. Это дает надежду, что следование правилу, эталону сообщества будет вознаграждено победой добра, справедливым и счастливым разрешением проблем. Переживание этого уровня дает основу для возникновения веры в чудо: маленький, слабый человек (оценка третьего уровня) преодолевает страх, спасается от гибели, благода-

ря не своей индивидуальной силе или сообразительности, а своим хорошим человеческим качествам – доброте, совестливости (оценка четвертого уровня).

Под таким углом зрения маленький, слабый, но добрый всегда побеждает в этом сознании большого, сильного, но злого, потому что находится под защитой высшей силы. Исход борьбы, предрешенный на третьем уровне, внезапно меняется из-за введения параметра морального качества:

Знал бы Ирод, что чем он сильней,
Тем верней, неизбежнее чудо.
Постоянство такого родства –
Основной механизм Рождества.

И. Бродский, «Рождество»

Культура эмоционального переживания сохраняет надежду на конечное торжество справедливости в самых безысходных обстоятельствах.

И, наконец, радикальным средством борьбы с травмирующим переживанием является включение его в структуру высших ценностей, придающих смысл нашему страданию. В этом случае мы достигаем возможности переживания катарсиса, зиждительной трагедии, когда именно страдание становится реальным доказательством индивидуальной причастности к незыблемым высшим и вечным эмоциональным ценностям.

Отношения четвертого уровня с другими в процессе саморегуляции не столь четко структурированы, как при решении задач непосредственной адаптации, где он находится в доминирующей оппозиции всем остальным, и, в наибольшей степени – уровням динамичной адаптации. Он, безусловно, является организующей си-

лой, формирующей костяк уклада жизни, который поддерживает и произвольно распределяет нашу активность, мобилизует на преодоление препятствий и исполнение долга, снимает сверхнапряжение, нейтрализует, связывает и преобразует травматические переживания. В то же время средства четвертого уровня наравне со средствами других уровней входят в общие механизмы активизации и борьбы с астеническими переживаниями.

Мы знаем, что удовольствие от личного общения может усиливаться, если его поддерживают средства второго уровня (упорядоченные аффективные стереотипы, качественно приятная сенсорная стимуляция) или если третий уровень вносит в него элемент интриги (например, кокетства с внезапной сменой дистанции общения, возникновением препятствий). В этом же ряду стоят и средства четвертого уровня, когда игровое принесение обоюдных жертв укрепляет личные связи. Характерно и развитие особого типа отношений дружбы-вражды, когда уже приятельство обслуживает захватывающее действие борьбы, несколько снимая ее серьезный накал, что позволяет получить удовольствие от игры с соперником.

Можно рассмотреть и множество других вариантов взаимодействия аффективных механизмов, стимулирующих дружеское общение. Например, известно, что большое удовольствие приносит фамильярное общение «на короткой ноге», основанное на подчеркивании дружеских чувств средствами третьего уровня – непрерывного раскачивания качелей хулы-хвальбы, приятельского унижения-возвеличивания. В усилении переживания качелей здесь активно используются и средства второго уровня, М.М. Бахтин (1965) отмечает закономерность характерных для «амикошонства» ругательств, неприличных жестов, низводящих партнера к его телесному низу. Вместе с тем при небольшой смене акцентов это общение может легко стать средством аутостимуляции третьего

уровня – аффективной экспансии, самоутверждения, только прикрытое стереотипом дружеского контакта.

Мы уже отмечали многоуровневость переживания самого обычного, простого сострадания горю близкого. Поток сострадания и любви материализуется в аффективных стереотипах заботы, физического ухода, ласки второго уровня. Взаимодействие разноуровневых механизмов мы видим и в переживании воодушевления, единства общности группы людей, стремление к которому, по мнению Лоренца, становится самостоятельной целью человека. Как мы уже обсуждали, его острота, насыщенность зависят от количественной суммации переживаний, числа членов группы (первый уровень); от подключения насыщенных ритмом и сенсорной стимуляцией аффективных стереотипов – таких, как общий марш, хоровое пение (второй уровень); выделения врага или его муляжа, угрожающего ценностям группы (третий уровень); адресации переживания вождю, персонализирующему и эмоционально конкретизирующему идеальные ценности группы (четвертый уровень).

Четвертый уровень активно входит в межуровневые механизмы борьбы с травматическими переживаниями. Так, в процессах вытеснения, ухода от отрицательного аффекта он организует один из фильтров, определяющих качество отрицательных впечатлений, которые ускоряют запуск механизма пресыщения первого уровня. Это – сохраняющий нас фильтр, позволяющий отталкиваться, уходить от сверхсильных эмоциональных впечатлений, именно такой фильтр заставлял «прищуриваться» Анну Каренину.

Организация сложно структурированного переживания катарсиса, активного прорыва к новым эмоциональным смыслам, дающим возможность свободного выбора зиждительной гибели, также связана с совместной работой уровней, в которой важнейшую роль,

как уже отмечалось, играет и первый, низший уровень базальной аффективной организации.

3. Культурное развитие четвертого уровня

Культурное развитие механизмов четвертого уровня – слишком широкая тема, касающаяся развития специфически человеческих форм психической жизни (*Выготский, 1983 а*), и здесь мы можем лишь коснуться ее. На основе врожденных механизмов разрешения особого класса этологических задач (организации взаимодействия особей одного вида) развиваются средства приобщения индивида к опыту жизни сообщества, культурной организации его поведения и формирования высших психических функций.

С одной стороны, в обществе складывается культура организации внешних стимулов-средств, канва уклада жизни, позволяющая произвольно модулировать переживание субъекта, распределять его внимание, формировать социальное поведение. С другой – создается инструмент построения сознания и поведения, присвоение которого означает переход субъекта на путь личностного развития. Овладев заданным извне механизмом эмоционального контроля, человек обретает внутреннюю свободу, произвольность, возможность ведения независимого диалога с контролирующим его социумом – то есть становится личностью (Л.С. Выготский, как известно, определяет высшие психические функции как личностные).

Однако, хотя речь идет о специфически человеческом пути развития психики, все мы обретаем личную свободу в организации взаимодействия с социумом в разной степени. Устойчивые личностные структуры представляют собой не просто результат культурного развития высшего уровня базальной аффективной жизни, которое лишь допускает субъекта к культуре психотехники произ-

вольной самоорганизации. Не менее важно для развития личности формирование механизмов других уровней и, прежде всего, перевивания себя как активного субъекта действия (третий уровень). Именно этот уровень нашего аффективного сознания, ведущий активный диалог с миром, и создает предпосылку активного присвоения и личного использования средств психотехники четвертого уровня, с его помощью личность как бы «выламывается» из правильного социокультурного контекста.

Степень сформированности личностных структур, видимо, соответствует индивидуальным особенностям целостной системы аффективной организации поведения; по крайней мере, она отражает баланс в соотношении реципрокных уровней организации сознания: вхождения в культурный опыт, в уклад произвольных, социально правильных форм поведения и развития индивидуальной экспансии, диалога субъекта с миром. Далее мы остановимся на анализе формирования механизмов аффективной организации четвертого уровня в культурном укладе жизни сообщества.

A. Развитие культуры психотехники организации четвертого уровня в решении непосредственно адаптационных задач

Рассмотрим, как развивается культурный уклад жизни индивида, образующий интимный круг его жизни – семейные отношения, вскармливание и воспитание детей – и обеспечивающий стабильную жизнь сообщества – организацию общего хозяйства, защиты, обороны, в целом того, что О. Шпенглер (1991) называл культурой вожделения к жизни.

В организации такого уклада наш общий четвертый уровень как опытный демагог использует аффективные стимулы всех низележащих уровней. Система эмоциональных знаков, стимулирующих и регламентирующих поведение членов сообщества, накладывается

на ритмы природных и индивидуальных жизненных циклов, а также на ритмы родового аффективного опыта жизни сообщества. Ритмы труда и отдыха, трапез, перехода из одной возрастной категории в другую, рождений, смертей, браков, с одной стороны, и ритмы времен года, фаз луны, суточные ритмы – с другой, скрепляют друг друга, и на них накладывается эмоциональный рисунок жизни сообщества – семейных историй, памятных дат походов и возвращений, мира и войн, несчастий и избавлений, трогательных событий и героических деяний.

В каждый момент жизни субъект получает возможность следовать образцам правильного, нормального поведения, зафиксированным в аффективном опыте сообщества. В то же время четвертый уровень развивает и собственные способы организации поведения субъекта, мобилизации сообщества на решение адаптационных задач. Как уже обсуждалось, к исполнению долга, индивидуальной жертвенности нас побуждает воодушевление общностью, единством с другими людьми, причастность к общим ценностям, необходимость защиты этой общности.

Культура произвольной организации связана со стимуляцией переживания будущих достижений, светлого будущего сообщества – грандиозных планов, обещающих небывалые подъемы, победы, избавление от опасностей, всеобщее счастье. Именно такая стимуляция, позволяя пренебречь лишениями в настоящем, делает нас способными к индивидуальной жертве, помогает в исполнении долга.

Психотехнику четвертого уровня можно разделить на систему организации бытовой жизни и организации праздника. Обыденный уклад отбирает и эмоционально освящает удачные, с точки зрения сообщества, средства, приемы жизни – то, что удобно, комфортно в пространственной организации дома, двора, улицы, места работы, в

дизайне орудия труда и домашней утвари (первый уровень); аффективные стереотипы удовлетворения потребностей – системы примет, практических знаний и навыков жизни (второй уровень); оптимальные средства, границы индивидуальной экспансии (третий уровень); эмоциональные правила, моральные нормы, социальные ритуалы взаимоотношений людей внутри сообщества (четвертый уровень). Это – культура преимуществ, которую дает жизнь в сообществе, плоды развития науки, техники, блага цивилизации и прогресса.

Существующая наряду с обыденным укладом система праздников позволяет расставить смысловые акценты, организующие поворотные пункты в индивидуальной жизни и жизни сообщества. Как считает М.М. Бахтин (1965), праздник является одним из первых узлов развития культуры. Он создает смысловую перспективу движения жизни сообщества: завершает, аффективно закрепляет пройденный этап и осмысляет перспективу движения в новом цикле развития.

Мы знаем, что традиционная организация жизни сообщества предполагает достаточно жестко разработанную структуру праздников, осуществляющих массивную стимуляцию индивида во все значимые моменты его жизни. Ситуация праздника, как известно, активизирует релизы всех аффективных уровней для стимуляции переживаний единения, общего эмоционального порыва воодушевления. Так, как мы уже упоминали, К. Лоренц отмечает вклад в подъем общих чувств марша, пения, раскачивания массы людей.

К таким поворотным событиям жизни традиционно относилось вступление человека во взрослую социальную жизнь, оно принимало форму обряда инициации. Принесение индивидом добровольной жертвы, связанной с физическим страданием (выбивание

зубов, порезы на коже), прохождение испытания с риском для жизни позволяло юноше вступить в активное взаимодействие с эмоциональными ценностями сообщества, меняя структуру его сознания, освящая прочную внутреннюю связь индивидуального стра-дания и высших ценностей.

В идеале каждому празднику присущ свой уникальный образ, так что в их закономерной череде субъект получает всю гамму переживаний от трогательных до героических и трагических впечатлений, придающих смысл, происходящему в настоящем. В воспоминаниях И. Шмелева (1991) поражает детальность проработки традиционного русского праздничного уклада. В ритуале праздников эмоциональные смыслы укореняются в аффективных стереотипах чувственной жизни, в запахах, вкусе, цвете, свете, движении. Характерна индивидуальность этой чувственной опоры: ритуал аффективных действий строится именно для конкретного праздника, для поддержки вызванного им эмоционального переживания. Каждый праздник уникален среди других ярких событий года.

Важность ритмически повторяющегося сосредоточения субъекта на определенных эмоциональных впечатлениях проявляется в значении самого слова «праздник». Это не просто отдых от работы, а активное эмоциональное переживание, активное торможение, запрет отвлечения на мелочи обыденной жизни. (Вспомним в связи с этим святость Субботы в еврейской традиции, а в русской – в день Благовещения «птица гнезда не вьет, девица косу не плетет»).

Одним из основных направлений психотехники эмоционального контроля над индивидуальной аффективной жизнью является развитие религиозных форм сознания. Это основной путь влияния на культурные формы организации переживаний человека высших моральных ценностей сообщества. Магическое мироощущение (Фрезер, 1980; Пиаже, 1994) нацеливает нас на поиск условного

хода, алгоритма, наконец, кнопки, нажатие которой автоматически (магически) вызывает искомое изменение обстоятельств. Человек может хитростью завладеть волшебной палочкой, а при удачных обстоятельствах он даже может заставить служить себе самих богов, воплощающих природные стихии. В противоположность магическому, развитие религиозного сознания неотделимо от становления нравственной культуры. Законы эмоциональной организации жизни сообщества, приобретая решающее значение для адаптации индивида, распространяются на его отношения с миром. Люди ищут уже не механическую кнопку, не волшебную палочку, а эмоциональную связь с Единым Богом, центром мироздания, построенного по законам морали. Они стремятся договориться, умилостивить Бога, стать его избранным народом, его детьми, получить защиту.

Задача разрешается заключением союза, завета, дарованием закона, правил поведения, следуя которым мы можем рассчитывать на покровительство высших сил. Бог есть моральный закон, и человек надеется, что справедливость восторжествует, потому что по своим качествам он угоден высшим силам. Четвертый уровень, как уже обсуждалось, рождает переживание, лежащее в основе культурного архетипа чуда. Мальчик-с-пальчик, падчерица, хромоножка, дурачок, младший сын, отрок Давид – все они на этом уровне сознания обречены на победу.

Наряду с развитием культурного уклада единой жизни сообщества формируется и относительно противостоящая ей культура личных привязанностей. К. Лоренц (1994) отмечает, что индивидуальная привязанность у животных является мощным инструментом организации поведения, активно подавляющим импульсы агрессии. Известно, что привязанность, которая начинает формироваться уже

на первом году жизни ребенка, вступает в сложные отношения с механизмами групповой организации и оказывает огромное влияние на наше поведение и личностное развитие.

Д.Д. Фрэзер (1986) выделяет группу мифов, напоминающих нам о цене, которую мы платим за возможность личной привязанности. Легенды говорят, что именно ради нее мы отказываемся от переживания бессмертия в вечном возрождении в теле рода. (Женщина, состарившись, как обычно, идет на реку, купаясь, меняет кожу и молодеет, но ребенок не узнает ее и плачет, требуя свою старую бабушку (маму), поэтому она находит свою старую кожу и снова надевает ее, чтобы успокоить малыша). Это одна из многих типичных версий того, ради чего мы отказываемся от вечной жизни. Точно так же мы знаем, что мощной, но безличной социальной организации тоталитарных режимов с их упоением всеобщим воодушевлением успешно противостоит культура именно индивидуальных, личных, дружеских привязанностей.

Приверженцы земных индивидуальных привязанностей, ревнители моральных идеалов и люди, просто растворяющиеся в родовом бытии (как говорил Л.Н. Толстой, «роевой жизни»), обычно испытывают взаимную подозрительность и недоверие. Однако эти оппозиции являются необходимой здоровой основой культурного уклада нашей жизни среди людей.

Л.С. Выготский говорил о том, что сознание (мироощущение и поведение) организуется нашим переживанием. Мы видим, с какой тщательностью культурный уклад четвертого уровня модулирует наши индивидуальные аффективные переживания, с созреванием нашей психики, с развитием самого уклада формы модуляции меняются. Д.Д. Фрэзер отмечает, что чем мы ближе к детству, к первобытным формам культуры, тем выраженнее потребность в развернутом, полнокровном представлении переживания. Этикет тре-

бует выразительного проявления чувств и в важнейших ситуациях, и в самые обычные моменты жизни.

Проводы, встречи, выражения любви и восторга предполагают обильные слезы; приличны красноречивые знаки отчаяния, например, раздирания одежды; наказания публичны и кровавы, торжества, награды материальны и пышны. Сходным образом в русских летописях, наряду с изложением исторических событий, описываются и выражения чувств, слезы народа и исторических лиц. Вспомним, наконец, гнев короля Лира, вызванный неприличной сдержанностью его любимой младшей дочери. Современная, привычная для нас культура воспитания детей также предполагает развернутость эмоционального переживания в общении с самыми маленькими и постепенное его сворачивание по мере взросления ребенка.

В ходе развития индивида и его культуры идет процесс создания все более обобщенных форм ориентировки четвертого уровня. Непосредственное сопереживание, общий аффективный стереотип поведения, автоматизируясь, свертываясь, превращаются в знак переживания. Отдельные знаки связываются в устойчивые для данной культуры блоки, несущие необходимую эмоциональную информацию. Сдержанный жест, легкая улыбка, поднятая бровь, определенным образом надвинутая или приподнятая шляпа – все это экономно выражает приязнь или осуждение, грозное предупреждение или ободрение. Знак, все более отрываясь от непосредственного чувства, обобщается, формализуется и вербализуется. Однако в том случае, если мы замечаем, что знак не понят, и стоящее за ним эмоциональное переживание не вызывает резонанса, то мы часто разворачиваем его или, по крайней мере, угрожаем развернуть, сообщая непонятливому реципиенту: «Если ты не сделаешь этого, я заплачу».

*Б. Развитие психотехники организации четвертого
уровня в решении задач саморегуляции*

Четвертый уровень вносит важнейший вклад в развитие культуры саморегуляции – культуры подъема и стабилизации психического тонуса, борьбы с астеническими состояниями, с разрушающим воздействием отрицательных переживаний – истинной культурой жизни духа, по Шпенглеру. Обозначим две стороны развития четвертого уровня – организатора уклада жизни и входящих в него средств саморегуляции.

Каждый культурный уклад включает не только арсенал полезных знаний, умений, но и накапливает способы поддержания активности, аффективной стабильности субъекта, без которых осуществление жизненных задач невозможно. Внешне эти средства могут казаться необязательными забавами, несерьезной игрой или, наоборот, рассматриваться как чистые линии развития высокой культуры, не унижающей себя связью с утилитарным и низким. Полярность пренебрежения и преклонения, однако, все больше сменяется пониманием того, что игровой момент является одним из центральных в развитии культуры (Хейзинга, 1992).

Все более понятным становится, почему мы разрисовываем домашнюю утварь и воздвигаем величественные соборы, усваиваем привычку сидеть на завалинке вечерами, перебрасываясь ничего незначащими словами с соседями, раскладывать пасьянс или напевать за работой, глядеть на огонь; почему тратим время на детективы и вышивание, слушаем музыку, занимаемся спортом, болтаем с друзьями, играем с собакой, возимся с цветами, танцуем, флиртуем, наряжаемся, хвастаем, задираемся, злословим, спорим, мечтаем, изошаряемся в кулинарии. Четвертый уровень дает нам возможность принять общий стиль жизни, присущей нашей культуре, и усвоить способы сохранения душевного равновесия,

поддержания активности, устойчивости во взаимоотношениях с миром.

Активность в усвоении культурных средств саморегуляции наиболее выражена в период развития психики. Обычно детская игра рассматривается как одно из средств познания окружающего, развития навыков жизни, установления эмоционального контакта с близкими, освоения социальных ролей, отработки взаимодействия в группе сверстников, овладение умением строить свое поведение по правилам, то есть как серьезное средство разрешения или подготовки к разрешению жизненных задач. Нам бы хотелось выделить другую, как нам кажется, не менее важную функцию детской игры – поддержание активности, аффективной стабильности во взаимодействии с миром и усвоение культурных форм аффективной саморегуляции.

Особый характер игр, предлагаемых ребенку на разных возрастных этапах, видимо, соответствует основным адаптивным задачам возраста и в том числе обеспечивает необходимый для развития тип стимуляции. Взаимодействие с младенцем обязательно предполагает его успокоение, снятие возбуждения, заглушение состояния дискомфорта, что связано с ритмической стимуляцией – укачиванием, поглаживанием, пением, приговорами матери. Все эти приемы заданы в традиционных формах: навыках вынуживания, в колыбельных и потешках, в ритуалах ранних игр.

В настоящее время, однако, становится все более понятно, что общение матери с младенцем направлено не только на его успокоение, достижение состояния комфорта, но и на поддержание у него оптимального уровня активности во взаимодействии с миром (Brazelton, 1983). Культура «mothering» включает приемы как редукции напряжения, так и активизации развития – многочисленные

игры с ребенком, дают ему массивную сенсорную и эмоциональную стимуляцию. В игры очень рано включается игровое переживание риска: мать резко приближает к ребенку лицо, подбрасывает, раскачивает, тормошит его (вспомним, что именно надвигающийся на ребенка объект, внезапное изменение положения тела, потеря равновесия вызывают первые оборонительные реакции младенца).

T. Field (1985, 1990) считает, что, поддерживая оптимальный уровень активности, мать обеспечивает ребенку возможность перехода к более сложным контактам со средой – самостоятельной игре и обследованию. Мать учит младенца играть, получать необходимые ему впечатления, опираясь на традиционную культуру игрушек, детских книг, песен.

Ребенок развивается в атмосфере игровых ритуалов, в которых в готовом виде содержатся средства сенсорной стимуляции, организации движения, соревнования, достижения эмоционального сопереживания, способы десенсибилизации страшного, эксперименты с опасным и неизведанным. Детские сказки наряду с переживанием острого сюжета, чувственных аффективных образов, помогают ребенку ощутить магическую целостность мира, алгоритм чудесного торжества моральных ценностей.

Уклад обыденной жизни поддерживается культурой праздника. Мы уже говорили о его огромной роли в развитии серьезных жизненных смыслов, в определении личной перспективы. Не менее важен вклад праздника в культуру стабилизации, профилактику душевной усталости, освобождения от тяжелых переживаний, страха. Праздник – это не только высокое и героическое, но и не-посредственная радость жизни: движение, свет, музыка, теснота, толчая толпы. «Пир на весь мир» – не просто вкусная и обильная еда, но и переживание победы над осиленными стихиями. Празд-

ник запасает, консервирует яркие положительные впечатления чувственной жизни, радостного единения с людьми.

М.М. Бахтин (1965) различает серьезный праздник утверждения иерархии жизненных смыслов с правильными высокими и героическими переживаниями – и праздник шутовской, карнавальный со смешными страшилищами, низведением и осмеянием ужасного, целительным результатом которого является преодоление страха перед стихиями и самой неизбежной смертью.

Происходящее здесь и сейчас совершение праздника одновременно является отражением его идеального существования в вечности, связи, пронизывающей время и пространство (Лихачев, 1987 а, с.554). Череда ежегодных праздников аффективно структурирует жизнь субъекта переживаниями ритма телесной жизни, памятью о высоких героических и трогательных событиях, придает смысл настоящему, связывает нас с общими ценностями.

Об этом лучше всего сказано в рассказе А.П. Чехова. В страстную пятницу студент рассказывает случайно встреченным людям известную им историю о событиях, происходивших в такую же холодную и страшную ночь у такого же костра девятнадцать веков назад, и поражается тому, что происходит с ними всеми в этот момент. Он чувствует, что «если Василиса заплакала, а дочь ее смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована тем, что происходило в душе Петра.

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, – думал он, – связано

с настоящим непрерывной цепью <...> И ему казалось, что он только что <...> дотронулся до одного конца, как дрогнул другой. <И он...> думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы... и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (Чехов, 1962, т.7, с.378).

Вводя нас в целостный культурный уклад регуляции динамики аффективных процессов, четвертый уровень сохраняет значение и как один из компонентов этого уклада. Как уже говорилось, переживание «пра-мы», по Выготскому, является питательной средой психического развития младенца. Т. Field подчеркивает, что в раннем эмоциональном контакте лицом к лицу с матерью происходит не просто генерализованная стимуляция активности или успокоение ребенка, а модуляция, формирование его аффективных процессов через усвоение переживаний матери. Потребность ребенка в эмоциональном общении, наряду с потребностью в еде и тепле, является одним из центральных факторов развития привязанности.

Культурный уклад содержит в себе эталоны личных отношений, дружеских привязанностей, обращения к переживаниям воодушевленного единения с другими людьми, организует регулярность и ритмичность приятельского общения, стимулирует связи с общечеловеческими моральными ценностями.

В национальных традициях закреплены детально разработанные средства помощи человеку, находящемуся в трагически безысходной ситуации, культура страдания, из которого человек может выйти обновленным, обретя новые ценности. Уже отмечалась деталь-

ная проработка обрядов прощания, в которых используются средства, обращенные ко всем уровням аффективной жизни. В этом ритуале, безусловно, многое посвящено и магической защите от повторения несчастья, что в большей степени относится к культуре разрешения реальных жизненных задач, создаваемой вторым уровнем, однако, значительная часть ритуала, как уже отмечалось, направлена на конструктивную организацию переживания горя. Ритуал должен заглушить, связать его (средствами второго уровня – ритмического движения, причтания, обильной еды и питья), разделить горе с другими людьми, пресытить его и ввести трагическое переживание в структуру высших эмоциональных смыслов (четвертый и первый уровни).

* * *

В заключение необходимо еще раз остановиться на уникальности вклада четвертого уровня в нашу адаптацию к внешнему миру и в развитие внутренней душевной жизни. Только он приводит нас к эмоциональному сопереживанию, переживанию разделенному и поэтому иерархически организованному оценкой другого человека, к развитию взгляда на мир, опосредованному опытом других, возможности произвольной регуляции поведения, установлению социального контроля над индивидуальной аффективной жизнью. Наряду с решением важнейших задач организации общей социальной жизни, использования опыта сообщества он открывает путь к развитию высших психических функций – собственно человеческих форм психической жизни.

Необходимо подчеркнуть особую роль четвертого уровня во введении человека в культурный уклад, в накоплении средств специфически человеческой, произвольной организации индивидуальной аффективной жизни. О значении сохранения уклада общей

эмоциональной жизни пишет М. Мид: «Человечность зависит не от индивидуального инстинкта, а от традиционной мудрости общества <...> только вместе люди могут быть людьми <...> ибо человеческое в нас основывается на множестве проявлений выученного поведения, сложенных в бесконечно хрупкие и никогда не предаваемые по наследству структуры <...> их приобретение дорого стоило и так же дорого стоит их сохранение <...> когда люди теряют ощущение того, что они могут положиться на эту мудрость, они сходят с ума <...> страх потери – не иррациональное начало, а человеческая мудрость. Он так глубок, что может распространяться на незначительные действия – малейшие детали поведения человека – какую пищу он ест, когда, с кем и на тарелках какой формы – могут стать для человека необходимыми предпосылками чувства сохранения им своей человеческой сущности <...> За тысячей мимолетных и незначительных символов – приподнятой шляпой джентльмена, опущенными глазами леди, горшком с геранью на подоконнике немецкого бюргера или вычищенными до блеска ступеньками дома фабричного рабочего из Средней Англии – за всем этим существует некое общее ядро, сохраняемое всеми обществами, утеря которого означала бы утрату очень дорого приобретенных <...> аспектов человечности» (Мид, 1988, с.309-311).

Мы закончим эту часть, обратившись к словам М. Мамардашвили: «А человечество, как говорил Кант, есть не что иное как коммуникабельность, поток, ток проходящий через все особи, если он проходит – а может ведь и не проходить – но вот он проходит, и это и есть человечество» (1991).

ГЛАВА 3

СИСТЕМА АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Особенности и функции системы

До сих пор мы обсуждали вклад каждого уровня в организацию нашей адаптации. При этом, однако, мы постоянно отмечали возникновение в этом процессе сложных межуровневых взаимодействий, что делает необходимым рассмотрение системы аффективной организации поведения в целом.

Мы проследили выше, как с изменением адаптивного смысла меняется наше мироощущение, выстраивается поведение, отвечающее требованиям складывающихся обстоятельств. Было выделено четыре класса адаптивных задач, определенных различными по содержанию потребностями и требующими для своего разрешения разного уровня активности в отношениях с миром: пластичности в контактах, приспособления к постоянно воспроизводящимся условиям жизни, активной адаптации в неопределенных условиях, произвольной организации в социальной среде.

Аффективное переживание мы рассматривали как механизм, определяющий субъективный смысл происходящего и, таким образом, организующий процесс адаптации. Было показано, что каждому классу адаптивной задачи соответствует свой тип переживания, особый по характеру и структуре, усложняющейся с ростом активности во взаимодействии с миром. Представляется, что аффективную сферу можно соотнести с системой адаптивных смыслов с по-

мощью переживаний, модулирующих наше сознание и дающих форму приспособительному поведению.

Таким образом, в этой части мы сделаем попытку рассмотреть аффективную сферу как систему адаптивных смыслов, отвечающую не за отдельные моменты адаптации, связанные, например, с регуляцией активности, побуждением или эмоциональной оценкой, а за организацию целостного приспособительного поведения, обеспечивающего разрешение простых и сложных задач на разных уровнях активности во взаимодействии с миром. Она будет рассматриваться нами как активная целостная система со своими принципами организации афферентного входа и эфферентного выхода, центральной переработки информации, имеющая возможность саморегуляции – поддержания собственной активности и стабильности в отношениях с миром.

Последнее принципиально важно и требует специального внимания. Формулируя принципы физиологии активности, Н.А. Бернштейн (*Бернштейн, 1990*) ведет нас к пониманию того, что живая система отличается от неживой наличием в ней негэнтропических процессов. Если это справедливо по отношению к физиологическим системам, то тем более и к системам более активным, психическим. Н. Винер (*Винер, 1968*), рассматривая принципы работы психической системы, выделяет процессы саморегуляции аффективного тонуса. Как известно, А.Р. Лурия (*Лурия, 1973*), также говорит о наличии специального функционального блока поддержания тонуса и регуляции динамики психических процессов, обеспечивающего оптимальный уровень бодрствования, возможность активно воспринимать и перерабатывать информацию, избирательно вызывать в памяти необходимые системы связей, осуществлять контроль за протеканием психических процессов, корrigируя ошибки и сохраняя направленность деятельности.

Понятно, что только благодаря специальным психическим процессам, направленным на поддержание собственной активности выше уровня активности среды, субъект может не только реагировать, но и активно овладевать обстоятельствами – добывать и перерабатывать информацию, использовать прошлый опыт и предвосхищать будущее. Именно поэтому необходимо выделять две основные, взаимосвязанные, но отдельные функции аффективной сферы: 1) организацию разрешения реальных жизненных задач – непосредственно формирования адаптивного поведения и 2) организацию саморегуляции – обеспечение и поддержание необходимого тонуса и стабилизации динамики аффективных процессов.

Рассматривая процессы аффективной саморегуляции, мы обращаемся к той части психической жизни, которая, находясь за рамками процесса непосредственного удовлетворения наших реальных и конкретных жизненных нужд, представляется нам менее обязательной, менее утилитарной, но, тем не менее, является первичной жизненной категорией, общим признаком живого существа. Именно так Й. Хейзинга (*Хейзинга, 1992*) определяет сущность игры, и, подчеркивая ее витальную значимость, указывает на серьезную захваченность играющего существа.

Другим важным для нас моментом является то, что мы рассматриваем аффективную сферу как многоуровневую систему, способную одновременно разрешать несколько разнородных и даже разнонаправленных адаптационных задач. Таким образом, здесь мы тоже следуем идеям Н.А. Бернштейна о многоуровневой организации взаимодействия живой системы со средой, разработанным им на примере организации движения.

Основы этого подхода, как известно, были заложены в работах З. Фрейда, Э. Кречмера, К. Бюлера, Л.С. Выготского и других авторов, полагавших, что архитектоника душевной жизни «строится

<...> по принципу слоев, инстанций, находящихся одна над другой» (Фрейд, 1990, с.255), что ступени организации поведения надстраиваются друг над другом, и существует «своеобразная геология в развитии генетически наличных пластов в поведении», что низшие слои не уничтожаются, а продолжают жить в высших как их подчиненная инстанция (Выготский, 1983 а, с.126).

Уровни в системе аффективной организации поведения

Рассматривая вслед за К. Бюлером ступени развития поведения, Выготский к трем стадиям «натурального» поведения – инстинкту, дрессуре и интеллекту добавляет четвертую – волю, связанную с освоением специфически человеческих форм жизни: с социальным развитием и, в частности, с употреблением знаков, позволяющих начать отсчет собственно культурному развитию. Низший слой натурального поведения рассматривается им в связи с врожденными безусловными рефлексами, дрессура – с условными рефлексами, интеллект – с целесообразными поступками, решением задач без повторных проб и ошибок (Выготский, 1983 а, с.123-127, 139).

В целом такое понимание ступеней организации поведения – врожденные инстинктивные формы; прижизненно обусловленные; интеллектуальная деятельность, направленная на разрешение новых задач и социально-культурное развитие произвольного поведения – звучит современно и в настоящее время. Тем не менее, мы надеемся, что наш опыт работы с детьми с глубокой аффективной патологией позволяет уточнить и несколько по-иному реконструировать эти традиционно выделяемые уровни и, главное, подойти к пониманию их работы в системе аффективной организации поведения.

Уточнения касаются, прежде всего, высшего и низшего уровней. Низшая ступень связывается нами не просто с врожденными автоматизмами, а с наименее дифференцированными формами поведе-

ния, осуществляющими целостную оценку, настройку на воздействие среды и определяющими оптимальную дистанцию в контактах с миром (мы описывали их в части, посвященной первому уровню организации поведения). Кстати, и сам Выготский в главе «Младенческий возраст», написанной к готовившейся книге по возрастной психологии (*Выготский*, 1984, с.277-280) рассматривает в качестве характерной особенности первых форм младенческой психической жизни не просто ее инстинктивность, а сочетание нерасчлененности впечатления от ситуации в целом с общим массовидным ответом на воздействие. Он также высказывает предположение, что эти примитивные формы входят потом в качестве подчиненной инстанции в психические образования более высокого порядка.

В то же время и высший четвертый уровень рассматривается нами не только как уровень социокультурной организации поведения, но и как «натуральный» уровень-предпосылка развития этих высших форм поведения, становления аффективной сферы как высшей психической функции, по праву стоящий в ряду других «натуральных» базальных уровней аффективной организации жизни человека.

Таким образом, арсенал безусловных форм адаптации понимается нами как исходная, врожденная основа всех ступеней организации поведения. Мы знаем о врожденных защитных движениях в ответ на надвигающийся объект, потерю равновесия; о врожденном наборе ключевых впечатлений, запускающих процесс опредмечивания потребностей; о врожденных основах ориентировочно-исследовательского поведения; об исходном предпочтении младенцем социальных стимулов. Врожденные формы поведения представляются основой развития всех уровней, потому мы и на-

звали их базальными, укорененными в наследственно заданных формах адаптации.

В то же время все эти базальные уровни, как мы видим, развиваются в процессе культурного становления всей системы аффективной организации поведения. И культурное развитие механизмов низших уровней при этом не менее важно и необходимо, чем развитие высших. Так, мы уже говорили о том, что первый уровень становится основой развития эстетического мироощущения, творчества, культуры поддержания душевного равновесия, второй уровень создает основу нашего цивилизованного быта, сохранения жизненного опыта поколений. Понятно, что это не менее важно для нас, чем вклад высших уровней: третьего – в культуру индивидуальной экспансии и четвертого – в развитие форм социальной жизни.

Как мы уже обсуждали выше, в ряду уровней каждый новый качественно своеобразен по отношению ко всем остальным и несводим к предыдущим. Каждый из них по задачам и методам их разрешения дополняет все остальные, поэтому низшие не просто продолжают жить в высших как подчиненная инстанция, а вступают в сложные отношения друг с другом, создают целостную систему организации поведения.

Эта уникальность не может быть понята с помощью простого отнесения отдельных явных и ярких феноменов нашей аффективной жизни к определенному уровню ее организации, скажем, проявлений страха – ко второму уровню аффективных стереотипов или агрессии – к уровню экспансии. Даже при таких, казалось бы, напрашивающихся соотнесениях мы можем ошибаться и упрощать действительное положение дел.

Например, поведение, которое мы в обыденной жизни по его внешним признакам определяем как агрессивное, может быть вы-

звано механизмами практических всех уровней. Даже самый пассивный первый может побудить нас совершить агрессивное действие в стремлении выйти из ситуации непереносимого дискомфорта. При этом внешне агрессия может быть достаточно выраженной, поскольку ее сила соответствует силе давления травмирующих обстоятельств. На втором, не умеющем ждать уровне, импульсивное агрессивное действие может быть спровоцировано помехой, задержкой в течении привычного хода жизни. Внезапное разрушение мощно заряженного аффективного стереотипа может стать причиной импульсивной агрессии, вплоть до развития состояния патологического аффекта – «короткого замыкания», когда субъект вследую сметает преграды на пути к цели.

На третьем уровне, наряду с реальной экспансией – конструктивным диалогом с препятствием, может возникнуть и особое влечение к игре с опасностью. Такая игра нагнетания напряжения, поиска опасности тоже содержит в себе агрессивные действия, способы обострения ситуации, используемые субъектом в данном случае как средства провокации других людей. Наконец, даже четвертый уровень, связанный с эмоциональным контролем, также может обусловить развитие агрессивного поведения. Как известно, сообщество может произвольно санкционировать его членам любую, самую жестокую агрессию по отношению к среде или к людям, определенным как «враждебные силы».

Нельзя также жестко связать каждый уровень и лишь с одной психической функцией. Конечно, как мы обсудили выше, каждый тип переживания выводит в центр сознания как формообразующую свою психическую функцию, но другие, группируясь вокруг нее, предстают в своем особом, не менее значимом виде. Так, когнитивная функция формирует наше мироощущение с помощью при-

чинно-следственных связей на третьем уровне, однако наш интеллект не может рассматриваться как полноценный без других его возможностей – непосредственной интуиции, дискурсивного логического мышления, способности к символизации и обобщению, актуализирующихся переживаниями других уровней.

Когда мы реконструировали отдельные уровни, то делали это в соответствии с требованиями адаптивных задач, на решение которых они были исходно настроены. Адаптивным смыслом задачи и определялась для нас уникальность каждого уровня: 1) выбор позиции, позволяющей настроиться на оптимальное восприятие информации и уберечься от разрушающего воздействия; 2) организация процесса удовлетворения потребностей; 3) выяснение новых обстоятельств и преодоление неожиданных препятствий; 4) регуляция взаимодействия с другими людьми¹⁴. И, как мы обсуждали, рассматривая эти уровни последовательно, по мере нарастания их активности, именно переживание индивидуального адаптивного смысла задачи задает определенную форму нашему мироощущению и поведению. При рассмотрении же работы уровней в уже сложившейся системе взаимодействий мы не можем столь определенно связать каждый уровень лишь с одной адаптивной задачей, все становится не столь однозначным.

Мы понимаем, что в сформировавшейся системе уровней все эти задачи могут решаться с помощью разных механизмов, например, автоматизируясь и спускаясь в низшие инстанции. Так, мы можем строить отношения с людьми не только на основе сопереживания или по произвольно заданным правилам и нормам, но и

---

¹⁴ Этот ряд не претендует быть исчерпывающим перечнем потребностей человека. Мы вообще не хотели бы углубляться в обсуждение проблемы потребностей, мотивов и их связи с эмоциями. Здесь речь идет только о тех базальных адаптационных процессах, которые, как мы видели, страдают в случаях глубокой патологии аффективного развития.

как диалог «с позиции силы», и как рутину сложившихся навыков общения, и просто на основе переживания «мне неловко» и «это неудобно». Так же, наоборот, часть функций низших уровней может передаваться наверх. Дискомфорт и неопределенный испуг могут опредметиться в страхе, защита проявиться как в уклонении от опасности, так и в активной выработке охранительных навыков, в конструктивном рассмотрении угрозы, в обращении к опыту других людей. И выбор средств адаптации в системном взаимодействии будет определяться ведущим смыслообразующим уровнем в соответствии с нашими возможностями и конкретными условиями разрешения задачи.

В связи с этим можно заключить, что сохраняющейся константой уникальности уровня, работающего в системе, по-видимому, остается именно его активность и, соответственно, тип организуемого им взаимодействия: пластичное вписывание в происходящее; использование сформированных стереотипов в адаптации к постоянным условиям жизни; ведение активного диалога с меняющимися обстоятельствами и произвольная организация поведения.

И если первый уровень отвечает за наиболее экономные формы адаптации, сохранение состояния комфорта, редукцию напряжения, то другие обеспечивают все более активные формы взаимодействия с миром. Мы помним, что, говоря о «слоях душевной жизни», Фрейд предполагал, что именно самый низший осуществляет стремление к глобальной защите, парализуемое высшими инстанциями. Мы проследили выше, как при стремлении низшей инстанции максимально уберечь субъекта, надстраивающиеся уровни шаг за шагом ограничивали действие пресыщения, позволяя субъекту больше тратить себя, и как в возмещение этих ограничений

они развивали все более активные способы подъема тонуса и стабилизации психических процессов.

Понятно, что в сложившейся системе взаимодействия сформированных аффективных механизмов достаточно сложно выделить ее отдельные уровни. По крайней мере, нам удалось это сделать только потому, что в случае детского аутизма мы имели возможность наблюдать нарушение становления их системного взаимодействия и патологическую стагнацию аффективного развития на однобоком формировании механизмов отдельных уровней. Катастрофические проблемы в решении адаптивной задачи заостряли особенности формирующихся механизмов соответствующего уровня, что и позволило их реконструировать.

Нормальное же формирование уровневых механизмов происходит в контексте становления их системного взаимодействия в процессе культурного развития, но начинается оно с актуализации перед младенцем разноуровневых адаптационных задач. Эти задачи могут рассматриваться как те естественные причины, которые, по Л.С. Выготскому, определяют акцентуацию отношения к миру, чувствительность к конкретным параметрам среды, а также тип впечатления, запускающего развитие и осуществление адаптационной программы. Для первого класса задач таким релизером становится изменение интенсивности воздействия среды; для второго – его качество, с точки зрения его соответствия нуждам организма; для третьего – новизна, препятствие, изменение соотношения сил субъекта и среды; для четвертого – социальные стимулы, эмоциональные проявления других людей.

Но если характер аффективной избирательности исходно задается нам в раннем детстве самой витально значимой задачей, то создание типовой программы ее разрешения требует формирования в онтогенезе необходимого инструмента аффективной организации

– соответствующей структуры переживания. Это соотносится с достаточно распространенной точкой зрения, согласно которой аффект, как и мышление – обязательное средство познания реальности, основание каждого действия (Изард, 1980).

Мы считаем, что структура переживания формируется прижизненно в соответствии с определенным адаптивным смыслом, и ряду адаптационных задач необходимо соответствует ряд адекватных структур переживания. *Структура переживания является аффективным механизмом организации поведения в его афферентной, ориентировочной и эфферентной, исполнительной части*, и при недоразвитии соответствующего типа переживания невозможна реализация даже существующих интеллектуальных предпосылок адаптации.

Структура переживания как аффективный механизм организации адаптивного поведения

Для того, чтобы разобраться в том, что мы понимаем под «структурой переживания», необходимо обратиться к рассмотрению общих особенностей и способов организации системы аффективной адаптации к миру.

Главное своеобразие этой системы, по нашему мнению, состоит в том, что любую информацию она анализирует в двоичной системе субъективных оценок, годности или негодности для разрешения адаптационной задачи. Субъективность выделяется в качестве основной особенности аффективных процессов большинством авторов (Рубинштейн, 1946, 1957; Вилюнас, 1976; Обуховский, 1972). В отличие от аффективного, когнитивное кодирование информации характеризуется объективной соотнесенностью кода с формами проявлений внешней среды – моделированием ее закономерностей.

Способы кодирования могут меняться в зависимости от этапов нашего освоения мира.

Так, наблюдатель, не знакомый с игрой в шахматы, составит совсем иное представление о разыгрывающейся перед ним партии, чем человек, знающий ее правила, и совсем по-иному будет воспринимать ее специалист, владеющей культурой игры. Цвета определяются нами как по их чувственно-предметной соотнесенности: ржавый, травяной, брусничный, так и по спектру разложения света. С развитием знания в любой научной дисциплине: географии, химии, биологии меняются и коды организации информации. И возможность развития средств моделирования реальности гарантирует возможность совершенствования объективного знания, адекватность наших отношений с миром.

Аффективная же информация в процессе развития наших отношений с миром продолжает кодироваться только в субъективной двоичной системе оценок: да – нет, подходит – не подходит, можно – нельзя, хорошо – плохо, и любые объективные данные для решения адаптивной задачи переводятся в эту двоичную систему субъективной оценки. Субъективный смысл происходящего с нами организует процессы адаптации (как это формулирует В.К. Вилюнас – позволяет жизни, потребности, осуществлять контроль за нашей деятельностью).

Понятно, однако, что подобная перешифровка не может рассматриваться как редукция информации, сведение ее к примитивной форме. Мы знаем, что двоичной системе доступно описание самых сложных закономерностей мира. Такой перевод, скорее, можно рассматривать как качественное преобразование информации, перевод с языка объективного моделирования на язык субъективной двоичной оценки. Взаимоотношения плюса и минуса, по нашему мнению, являются необходимой информационной струк-

турой переживания, определяющей своеобразие адаптивного поведения.

Реконструируя уровни аффективной организации поведения, мы пришли к заключению, что задаче, требующей более активного, глубокого взаимодействия со средой, соответствует более сложная структура переживания, которая отражает совершенствование форм аффективной оценки и адаптивного поведения. Изучение развития информационных структур переживания дает, как нам кажется, одну из возможностей ощутить реальную динамику психического.

Ступени усложнения информационной структуры переживания

Первый уровень аффективной организации поведения, обеспечивающий сохранение комфорта, наименее активен в отношениях с миром и имеет самое простое строение переживания: комфорт или дискомфорт (плюс или минус). Переживание остается в границах непосредственного восприятия и действия. Впечатление ни с чем не связывается, не фиксируется, поскольку для данного уровня важны только «свежие следы», непосредственно питающие «рефлекторное кольцо» адаптации.

Пластичное усвоение ритма, полное, целостное приятие формы среды, в режиме комфорта при переходе в режим дискомфорта сменяется абсолютной закрытостью, зеркальным отражением воздействия. Это позволяет субъекту как наиболее полно, целостно усваивать формы мира, так и успешно ускользнуть от сверхсильных впечатлений, вписываясь в силовые потоки окружающего мира.

Именно отсутствие жесткой структуры переживания дает нам возможность интуитивного постижения мира. Фиксация состояния

комфорта и дискомфорта, связывание переживания разрушает пла-стичность непосредственной адаптации, рождает избирательность, и одновременно жесткую зависимость от условий среды, допускает в сознание переживание страха.

Неструктурированность переживания определяет и особые формы регуляции аффективного тонуса: изменения интенсивно-сти влияний среды в интервале до порога дискомфорта аффектив-но подтверждают комфорт позиции субъекта и позволяют ему, оставаясь в покое, усваивать ритмы, впитывать энергию среды. В то же время, как уже обсуждалось, субъект на этом уровне имеет возможность освобождения от переживания непереносимой ин-тенсивности.

Второй уровень с его ответственностью за индивидуальную из-бирательность, опредмечивание потребности с помощью яркого переживания удовольствия и неудовольствия создает напряженные структуры простейших положительных и отрицательных связей. Так, положительный заряд получают благоприятные совпадения циклов внутренней потребности и ритмов внешней среды, а отри-цательный – несовпадения или разрушение уже возникшей полу-жительной связи.

Такая и только такая структура переживания рождает напря-женную пристрастность в отношениях с миром, избирательность в выделении качественно важных впечатлений. Положительное под-крепление позволяет активно фиксировать удачные способы удов-летворения потребности, вырабатывать адекватные привычки, на-выки – аффективные стереотипы поведения.

Низшие уровни, входя в систему, недерживают полностью своего первоначального типа функционирования и отдают сущес-твенную часть функций наверх (*Выготский*, 1983 а, с.140), о чем свидетельствует тот факт, что второй уровень обеспечивает и

функцию защиты, изначально присущую первому уровню. Заряженность отрицательных связей позволяет организовать первые формы активной защиты – фиксировать с помощью страха опасность, выделить ее признаки и оградиться от нее. Положительные связи фиксируют успешные защитные стереотипы поведения.

Аффективная фиксация, связывание впечатлений обусловливают особую активность мnestической функции, однако жесткая фиксация приводит к капсуляции информации в аффективном стереотипе. Для этого уровня организации значимы уже не «свежие следы», а стабильность раз и навсегда установленной связи, которая в крайнем варианте принимает вид импринтинга.

Жесткие положительные и отрицательные структуры позволяют активно и избирательно поднимать аффективный тонус, связывать и запасать энергию в приятных воспоминаниях, ограничивать и десенсибилизировать отрицательные впечатления.

Третий уровень аффективной организации поведения, отвечая за активную адаптацию в условиях неопределенности, опирается на более сложную структуру переживания, впервые объединяющую внутренний плюс и внешний минус. Это динамическое единство большого плюса (оценки нашей возможности активно влиять на обстоятельства) и меньшего минуса (препятствия, неожиданного сбоя программы), который преобразуется в процессе их взаимодействия. Данная структура переживается нами как любопытство, интерес или азарт.

Только такая структура переживания позволяет нам с удовольствием принять новизну, обследовать среду и конструктивно сосредоточиться на препятствии, то есть принять его не как сбой, а как задачу, вести активный и гибкий диалог с обстоятельствами.

Как уже говорилось, именно благодаря сосредоточению на минусе появляется способность к развернутой целенаправленной дея-

тельности; а возможность вести конструктивный диалог с препятствием обеспечивает активность интеллектуальной функции. Восприятие себя как активной причины трансформации ситуации, помогает выделять причинно-следственные связи в окружающем.

Динамизм этой аффективной структуры позволяет вернуться к учету «свежих следов», но теперь уже следов обратной связи от собственной деятельности в мире; снова построить «рефлекторное кольцо» адаптации, но уже интеллектуальное кольцо активного взаимодействия с окружающим.

Новая структура переживания открывает и новые возможности в саморегуляции: целенаправленную мобилизацию на разрешение поставленной задачи, заряджение энергией самого препятствия. Динамика взаимоотношений положительного и отрицательного составляет основу развития сюжета переживания, что позволяет на этом уровне перерабатывать травмирующие впечатления в символическом плане.

Четвертый уровень аффективной организации поведения исходно направлен на регуляцию взаимодействия с другими людьми, и эта организация тоже обеспечена своей структурой переживания.

На четвертом уровне, так же как на первом и в отличие от второго и третьего, наше поведение формируется внешней энергией. Однако если на первом уровне мы воспринимаем внешнюю форму пластиично, то на четвертом она встречает активное сопротивление индивидуальной формы и деформирует ее. Мера деформации определяется потребностью субъекта войти в сообщество.

На этом уровне минус становится непременным атрибутом, обратной стороной плюса. Возникающая жесткая и прочная иерархическая структура переживания является базальной аффективной основой произвольной организации поведения. Опосредован-

ность адаптации аффективным опытом сообщества открывает субъекту путь к достижению независимости от непосредственных влияний среды, к культурному развитию психических функций.

Опосредованное переживание организует картину мира как иерархию смыслов, позволяет обобщать, абстрагировать, классифицировать, систематизировать знание. На четвертом, как и на втором уровне, информационная структура переживания нацеливает не на анализ «свежих следов», а на жесткое замыкание связей, фиксирующих смыслы и правила социального взаимодействия.

Переживание, опосредованное эмоциональной оценкой другого человека, открывает путь к произвольной регуляции аффективного тонуса не только с помощью непосредственного сопереживания, но и подключением к энергии надситуативных, «вечных» ценностей – системе смыслов, закрепленных в памяти сообщества. Введение травмирующего впечатления в иерархическую структуру не только позволяет переосмыслить его, но и дает стимул развитию всей индивидуальной системы ценностей. Жесткая иерархическая связь внутреннего минуса и внешнего плюса позволяет максимально концентрировать активность, мобилизовать себя на длительную и напряженную работу.

Таким образом, постепенное усложнение структуры переживания, с одной стороны, определяет развитие активности и формы адаптации к среде, с другой, приводит к количественным и качественным изменениям негэнтропических процессов саморегуляции: возможности усвоить, избирательно поднять, целенаправленно концентрировать и произвольно стабилизировать активность; удалить, связать, преобразовать и переосмыслить травматические впечатления. На четвертом уровне психическая система, по всей видимости, получает возможность приблизиться к тому, еще совмес-

тимому с ее жизнеспособностью максимуму негэнтропии, к которому, по Н.А. Бернштейну, стремятся в развитии живые организмы (Бернштейн, 1990, с.454).

Структура переживания как механизм смысловой организации сознания

До сих пор мы обсуждали развитие структуры переживания в связи с организацией процесса адаптации. Однако существует и другая сторона вопроса. В предыдущей главе мы не раз обращались к мысли Л.С. Выготского (*Выготский*, 1984) о том, что переживание является основной динамической единицей организации сознания.

Сходные мысли высказывал К.Г. Юнг (*Юнг*, 1991), вводя понятие архетипического переживания. В данном случае для нас важен анализ архетипа с точки зрения не содержания, а структуры. Юнг подчеркивал, что архетип – это не определенный образ или мотив, а, прежде всего, динамический фактор, предрасположенность к переживанию одного и того же типа. Он рассматривал архетип как базовую схему переживания, спонтанно проявляющуюся тенденцию организации сознания. Именно поэтому, по его мнению, при всем разнообразии конкретного образного выражения архетипического переживания возможно универсальное понимание этих единых мыслеформ в любое время и в любой части света.

Юнг (*Юнг*, 1992), говоря об архетипе как априорной структурной форме инстинктивного фундамента сознания, подчеркивал, что это – форма, заряженная специфической энергией, которую можно рассматривать как натуральную причину, вызывающую определенные действия или импульсы. Таким образом, и здесь речь идет о структуре переживания как едином механизме организации сознания и поведения.

Проектируя эти мысли на наши рассуждения о развитии структур, организующих разноуровневую систему адаптивного поведения, мы догадываемся, что такой сложноорганизованной системой переживаний является наше сознание.

Это, безусловно, тоже не новая мысль. А.М. Пятигорский (*Пятигорский*, 1973), например, сообщает, что уже для психологических воззрений раннего буддизма характерно вычленение фиксированного количества дискретных, иерархически организованных состояний сознания, в которых одновременно существует нормальная психика. Он проводит параллель с взглядами К. Левина и С. Халла, также рассматривавших сознание как конфигурацию дискретных психических состояний. Современное понимание сознания как живой, развивающейся и смыслопорождающей системы просто предполагает такую дискретность и взаимную несводимость ее частей. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский (*Лотман, Успенский*, 1973) считают, что гетерогенность является исходным свойством человеческого сознания, для которого существенно наличие хотя бы двух, несводимых друг к другу взаимодополняющих систем.

Поэтому все, что мы говорили о разноуровневой и целостной живой системе переживаний, организующей наше адаптивное поведение, относится и к строению нашего сознания. Представляется, что оно может рассматриваться как живой ствол отдельных состояний сознания, порожденных разными структурами переживания и создающих различную целостность мироощущения. На разных уровнях сознания из фона вычленяются различные фигуры значимого в мире. Их формообразующим центром становятся разные психические функции; используются разные когнитивные коды, с помощью которых выстраиваются совершенно непохожие друг на друга картины мира, отличающиеся даже пространственно-

временными отношениями. В зависимости от уровня сознания субъект по-разному идентифицирует себя, по-разному переживает свою связь и отделенность от мира.

Таким образом, получается, что мы одновременно существуем в разных мирах и разных психических формах:

– на уровне наименее структурированного пластичного сознания, самого чуткого к становлению форм и ритмов мира. По И. Пригожину (*Пригожин, 1986*), в наименее структурированных, открытых (обменивающихся со средой веществом и информацией) системах возникает особая чувствительность к внешним флуктуациям, их усвоение и, таким образом, спонтанная подстройка к внешним условиям. В каждый момент такое сознание вписывается в единственную и уникальную фигуру мира, пространство которой овремленено и представляет то, что А. Бергсон называл «живым временем». Субъект нераздельно сливаются с динамикой окружающего и является здесь наиболее способным к непосредственной интуиции, озарению, спонтанному усвоению новых смысловых структур;

– на уровне, где картина мира контрастно дифференцирована нашими индивидуальными пристрастиями, связана и упорядочена аффективными стереотипами и максимально реальна – чувственна, телесна и предметна. Это – определенность нашего аффективного опыта, в сети которого уловлено жизненное пространство и время. Пространство и время для этого сознания устойчиво определены и качественно неоднородны, А. Валлон представляет такое пространство в виде клавиатуры наших возможностей; но тоже можно сказать и об этом времени. Оно качественно определено и стабильно, потому что непрерывно воспроизводится нашими жизненными циклами, аффективно связанными с ритмами мира. Субъект определен как индивидуальность, но не только не

выделен из среды, наоборот, он страстно и жестко привязан к ней и выражен своей опредмеченной потребностью, активной и нетерпеливой;

– на уровне, где в картине мира, теряющей свою цельность и устойчивость, на первый план выступает частное событие, новизна, препятствие. Она описывается с помощью отдельных линий причинно-следственных связей, сюжетов возникновения и преодоления трудностей, историй побед и поражений. Пространство и время предстают как взаимосвязанные условия, единая пружина задачи. Основным в этой связи становится скорость – показатель преодоления пространства во времени. В самосознании впервые выделяется деятельный субъект, который противопоставляется объективным обстоятельствам, определяется его способность владеть ситуацией, вести активный диалог с миром, что образует основу развития уровня притязаний;

– на уровне, где картина мира снова становится стабильно упорядоченной, но уже иерархически организованной смысловыми вертикалями, означенной аффективным опытом других людей. Где происходит освобождение от непосредственного диктата ситуации, время и пространство произвольно организуются, планируются экстраполяцией будущего, эмоциональное сопереживание и вечные ценности начинают доминировать над непосредственными индивидуальными импульсами. Субъект впервые встречается со своим устойчивым, качественно дифференцированным, отраженным в оценке других людей образом, который может стать основой для развития самооценки.

Рост активности этих уровней сознания проявляется в характере экстраполяции будущего. Впервые такая возможность, как мы видим, возникает на втором уровне, но будущее здесь жестко определяется жизненным опытом, это простая симметрическая проекция

прошлого, здесь прошлое наиболее активно и аффективно заряжено. На третьем же уровне будущее прогнозируется вероятностно и из настоящего. Здесь настоящее наиболее активно и ценно, время нельзя терять, потому что в нем, в прямой зависимости от того, что я сделаю сейчас, рождается будущее. И, наконец, на четвертом уровне наиболее активным и аффективно значимым становится произвольно определенное будущее. Спланированное будущее формирует наше поведение в настоящем и опосредует наш прошлый опыт.

По мнению Достоевского и Бахтина (Бахтин, 1979), порожденные разными смыслами виды сознания и самосознания не только существуют одновременно: серьезно работают, разрешая насущные задачи адаптации; играют, усваивая энергию мира; защищаются от травмирующих впечатлений – но и ведут диалог друг с другом. Они взаимодействуют, спорят, вступают в союзы и отвергают друг друга, К.Г. Юнг (Юнг, 1992) говорит об энергетическом понимании души как разряда между полярными полюсами. Как уже упоминалось, гетерогенность, семиотическое многоязычие, согласно Ю.М. Лотману (Лотман, 1973; 1992 а, б; 1993), является одним из главных условий существования смыслопорождающего, а значит способного к саморазвитию сознания. В этом полифоническом сознании разговор идет на разных, несводимых друг к другу языках, и именно это, по Лотману, и делает его системой, способной порождать новые смыслы.

Лотман считает, что смыслопорождающая система, носительница разума, по крайней мере, бинарна, то есть состоит как минимум из двух языков, находящихся во взаимной несводимости, непереводимости и, одновременно, подобных друг другу, поскольку каждый своими средствами моделирует одну и ту же внесемиотическую реальность. Ситуация принципиальной непереводимости и

неизбежных (в связи с необходимостью взаимодополнения) попыток перевести рождает новый смысл. Момент аутокоммуникации рассматривался, как известно, и Л.С. Выготским (*Выготский*, 1983 а) как принципиальный, центральный в развитии человеческой психики.

Как перевод с языка более сложных структур могут рассматриваться, например, и процессы автоматизации, которые позволяют разгрузить высшие уровни сознания. В то же время Ю.М. Лотман (*Лотман*, 1992 б, с.381-385) предполагает, что напряжение «споры» высшего смысла, организованного с помощью языка низшего, может стимулировать как развитие низших смысловых структур, так и взаимоотношений между низшими и высшими, и тем самым влиять на развитие высших смыслов. Так, например, «перевод» задач высших уровней на наименее структурированный язык переживания первого уровня может становиться толчком к озарению и созданию новой смысловой структуры – творческого решения задачи.

Обратное движение – дезавтоматизация психической деятельности, ее произвольная организация, планирование и контроль могут рассматриваться как перевод задач низших уровней на более сложный язык и традиционно считаются одним из основных путей развития форм восприятия и взаимодействия с миром. Автоматизация – дезавтоматизация, пульсирующее ритмичное движение редукции и развертывания, перекодирования смысловых структур рассматриваются Лотманом как единый процесс развития целостной системы смыслов.

Эти процессы, естественно, являются особенно напряженными в процессе развития психики. Ю.М. Лотман говорит об особом стимулирующем развитию действии «спор» высшего смысла, воспринятых ребенком в доступных ему простых формах. Примером та-

кой стимуляции является знакомое многим ощущение тревожащего тайного смысла, которое остается от прочитанной в детстве и не до конца понятой «взрослой» книги или нечаянно услышанного разговора.

Множественность генерирующихся смыслов неизбежна еще и потому, что диалог ведут не только разные фигуры сознания, но и его фигуры и фон, который, по мнению Выготского (*Выготский, 1982 а*), сам является сложно организованной системой. Так, Лотман (*Лотман, 1973*) описывает возможность взаимодействия между процессами развития смысловой фигуры и контекстами, тонизирующими и организующими внутренний монолог, но не имеющими с ним непосредственной связи. Из окружающего контекста вторгаются добавочные смысловые коды, порожденные стуком колес, качкой корабля, навеянные ветром, мерцанием огня; узором обоев, чугунных решеток, архитектурных ритмов; механически напеваемым мотивом или рисованием на полях рукописи. В качестве примера такого взаимовлияния, можно вспомнить, как соотносится ход мыслей Левина¹⁵ с изменениями в рассветном небе, в то время, когда он, пытаясь понять смысл того, что с ним происходит, машинально следит за игрой освещения и движением облаков (*Толстой, 1928, т. 8, с.250-252*).

Системная организация сознания и поведения

Л.С. Выготский (*Выготский, 1982 а*), как мы помним, говорит не только о смысловом, но и о системном строении сознания. Понятно, что смысл и структура тесно переплетены: структура переживания соответствует смыслу адаптивной задачи, смысл, по Выготскому, сам перестраивает структуру сознания. Организация сознания подчиняется общим законам построения системы, и, прежде

---

¹⁵ См. в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

всего, закону ее исходной целостности. Целостность системной организации сознания, как известно, определяется целеустремленностью живых систем (Бернштейн, 1990; Анохин, 1963, 1978).

Целенаправленность сложно организованной системы обеспечивается за счет взаимного ограничения степеней свободы ее подсистем (Н.А. Бернштейн). Лотман считает, что в основе целостности любой системы лежат внутренние противоречия, напряженность, возникающая между ее противоположными полюсами (1992 а). Реципрокная работа уровней антагонистов поэтому может рассматриваться как непременное условие организации структуры сознания, ее прочности и устойчивости. Целое возникает в результате конфликта независимых тенденций (Лоренц, 1994).

Как мы уже обсуждали выше, важным для нас является понимание того, что уровни в норме не могут действовать изолированно. Каждый из них, идеально приспособленный для решения своих специфических задач, ограничен во взаимодействии со всей сложной реальностью среды. Первый, например, не имеет даже активных форм защиты; второй – бессилен перед любым сбоем привычного хода событий; на третьем теряется общая связь происходящего, мир становится объектным и распадается на частные закономерности; социальная «правильность» четвертого нарушает непосредственную индивидуальную связь с миром. Нормальные полноценные отношения с миром требуют системной организации работы всех взаимодополняющих уровней.

Многослойность, одновременная множественность образов мира и себя, их взаимная необходимость и непереводимость, антагонизм, создают внутреннее напряжение – скелет системы организации сознания и поведения. Рассмотрим подробнее эти механизмы организации системы переживаний.

Во-первых, целостность сознания, возможность его иерархической организации обеспечивается энергетическим доминированием каждого уровня, надстраивающегося над нижестоящим. Новый уровень открывает возможность следующего шага в активизации взаимоотношений с миром и отвоевывает ее благодаря более сложной структуре переживания.

Большая активность второго уровня аффективных стереотипов по отношению к первому уровню пассивной пластичности не вызывает сомнений, как и большая активность третьего уровня активной экспансии, овладения неопределенными условиями по сравнению со вторым, только фиксирующим стереотипы контакта с миром. В то же время утверждение о доминировании четвертого уровня эмоционального контроля над уровнем страсти, влечения к витально важной цели, как и над уровнем азарта, преодоления опасности, игры с препятствием на первый взгляд кажется натянутым.

Мы знаем, однако, что, несмотря на витальную важность решения задач личной адаптации, сообщество в целом сохраняет контроль над нашей индивидуальной жизнью, и это доказывается самим фактом его существования. П.В. Симонов (*Симонов, 1975*) приводит данные этологических исследований, свидетельствующие, что агрессивность у животных контролируется не уровнем интеллектуального развития, а механизмами групповой организации, которые успешно противостоят индивидуальным потребностям. Внутривидовая агрессия является реакцией на сопротивление противника и не преследует отказавшегося от борьбы. Избегание тоже не обязательно связано со страхом, а альтруизм более характерен для особей, занимающих высокое положение в иерархии группы (*Лоренц, 1994*).

Представляется, что яркость свободного проявления второго и третьего уровней по сравнению со сдержанностью и скромностью

четвертого, не должны нас смущать. Безусловно, аффективная энергия обнаруживается прежде всего в ее свободном движении. На втором уровне, пока сохраняется привычный ход событий, автоматизм, привычка тоже не представляются сгустками энергии, но заряженность аффективного стереотипа проявляется в момент его образования или разрушения. На третьем уровне, где переживание организует поток активности, направленной на решение задачи, мы всегда можем проследить динамику целенаправленного преодоления препятствия.

Структура переживания четвертого уровня, наоборот, максимально связывает, скрывает внешние проявления волевого усилия. Оно обнаруживается лишь в самой устойчивости, структурированности произвольных форм поведения, неограниченном терпении, возможности тратить себя, следя велению долга. Именно уровень эмоционального контроля в наибольшей степени ограничивает экономию и защитные тенденции первого уровня. Отметим еще раз, что П. Флоренский (*Флоренский, 1990*), С. Булгаков (*Булгаков, 1991*) рассматривают долг именно как возможность длительного произвольного напряжения.

Во-вторых, общая тенденция высших уровней ограничивать степени свободы низших дополняется, как мы уже обсуждали выше, особым распределением сил внутри системы. Мы проследили, как по мере повышения активности и усложнения структуры переживания уровни поочередно обращаются к разрешению двух полярно направленных задач: первый и третий обеспечивают адаптацию к изменчивой среде, второй и четвертый – к стабильной. Методы их разрешения, соответственно, тоже противоположны как гибкое рефлекторное кольцо и жесткая фиксация способов взаимодействия с миром. Таким образом, каждый над-

страивающийся уровень для решения своих задач, с одной стороны, должен подавить или ограничить тенденции предыдущего, но с другой – может опереться на возможности уровня, стоящего через один, освободив его от тормозящих влияний их общего соседа и антагониста.

Такая организация создает предпосылки для развития гибко и целенаправленно управляемой системы, дает возможность не просто жесткого доминирования, а избирательного ограничения степеней свободы системы и точной адресации организуемого поведения разрешению конкретной задачи в конкретных обстоятельствах (Бернштейн, 1990).

Необходимо также отметить, что ограничение каждого уровня в преследовании собственной аффективной цели не дает ему и в области саморегуляции замкнуться на стремлении лишь к своему типу удовольствия и вводит его работу в сложный контекст реальности. Сверхсосредоточение (в патологии – влечение) на однотипных аффективных впечатлениях, по нашему мнению, может свидетельствовать именно о нарушении межуровневого баланса сил.

Кроме основной оппозиции (адаптации к стабильно определенным и неопределенным, постоянно меняющимся обстоятельствам) мы можем выделить и ряд других, увеличивающих маневренность системы. *Первое* – это, конечно, оппозиция первого, низшего уровня, обеспечивающего генерализованную защиту, редукцию напряжения и остальных активных уровней, санкционирующих все более серьезные затраты в контактах со средой; *второе* – это противостояние высшего, четвертого уровня, ориентированного на социальные оценки и нормы, и низших, решающих задачи индивидуальной адаптации; и, наконец, *третье* – это разнонаправленность, с одной стороны, первого и четвертого

уровней, организующих (пластично или с помощью деформации) поведение в соответствии с рисунком воздействия внешней среды, физической и социальной, с другой – второго и третьего уровней, активно проецирующих вовне индивидуальные формы жизни.

Все эти множественные перекрестные оппозиции служат гарантом сохранения целостности и гибкой управляемости системы. Они обеспечивают, во-первых, возможность адекватной адаптации в конкретных, реальных обстоятельствах, а во-вторых, что не менее важно, они сохраняют живыми все уровни аффективной жизни. Сохранение этой разноголосицы, как мы уже говорили, не допускает механистичности в отношениях с миром, повышает адаптивные возможности всей системы и создает условия для становления саморазвивающегося сознания.

Наиболее четко координированное, иерархически организованное и одновременно гибкое взаимодействие уровней необходимо для решения задач непосредственной адаптации, осуществление же функции саморегуляции, вероятно, не требует столь ответственной и сбалансированной координации и обязательного соблюдения правил субординации. И хотя каждый из уровней вносит свой уникальный вклад в процессы регуляции аффективного тонуса и стабилизацию аффективных процессов, решаемые ими задачи не противопоставлены друг другу, и они действуют здесь в большей степени содружественно. Неуравновешенные множественными оппозициями отношения сохраняют большую степень свободы, и это создает широкие возможности в развитии вариантов взаимодействия, возникновения большого числа комбинаций межуровневых механизмов, что, в свою очередь, способствует появлению многообразных культурных форм саморегуляции.

Развитие функциональных систем аффективной организации сознания и поведения

В зависимости от функции можно выделить разноорганизованные системы: аффективной организации реальной адаптации (S1) и саморегуляции (S2). Опираясь на исследования А.Р. Лурии (Лурия, 1973), мы можем предположить, что на основе этих главных, идеальных и целостных психических систем рождается и множество других, частных и более или менее временных функциональных, отвечающих своим конкретным задачам приспособления и саморегуляции: S1a, S1b... и S2a, S2b...

A. Функциональные системы решения задач адаптации

Способы взаимодействия уровней в функциональных системах отвечают требованиям задачи. В случаях системы типа S1 мы достаточно легко можем определить ведущий и обслуживающие его фоновые уровни, характер взаимодействия которых зависит от смыслообразующей задачи и конкретных (внутренних и внешних) условий. Эти условия задают оттенки взаимоотношений осознанных и неосознанных структур переживания, неоднозначность поведения субъекта в данной ситуации.

Так, если организация процесса общения обеспечивается ведущим – четвертым уровнем эмоционального контроля, то в качестве фоновых могут быть задействованы третий – с его возможностью осуществлять экспансию, устанавливать конкретную иерархию отношений; второй – с фиксацией пристрастий, антипатий, стереотипов контакта, и первый – с интуитивным установлением дистанции, расположения или нерасположения к общению. Однако в каждом конкретном случае официального или дружеского общения, влюбленности, соперничества или зависимости характер взаимодействия ведущего и фоновых уровней будет выстраиваться в точ-

ном соответствии с особенностями смысловой задачи и ее ситуативного контекста.

Точно так же ведущим уровнем организации исследовательского поведения выступает уровень аффективной экспансии, который дает саму возможность заинтересоваться неожиданным нарушением стереотипа и развернуть активный диалог с новым аспектом среды. Аффективный смысл исследования, углубления в проблему определяется ведущим уровнем, но особенности взаимодействия с фоновыми уровнями определяются конкретной ситуацией. Они зависят от степени агрессивности среды и ранимости субъекта, от «красоты» нового видения мира; от сенсорного качества среды, которое может и стимулировать, и тормозить исследование, ригидности уже сложившихся стереотипов, от эмоционального контроля, который либо создает исследованию режим благоприятствования, либо налагает *veto* на сомнительные эксперименты.

Функциональные системы смысловой организации поведения складываются в онтогенезе. Так, например, задача взаимодействия с другим человеком и особая избирательная чувствительность к этому другому существуют с самого рождения, а характер взаимодействия усложняется с развитием структур аффективного переживания. Исходно общение младенца с близким осуществляется в форме пластичного уподобления, заражения, слияния в совместном действии; далее к его регуляции подключается уровень, дающий возможность закрепления общих привычек, порядка, аффективных стереотипов; еще позже третий уровень начинает обеспечивать организацию диалогических форм взаимодействия, и лишь затем развивается зрелая форма эмоционального контакта, порождаемая иерархически организованным переживанием. Только формирование такой структуры дает возможность возникновения произвольного

контроля, установления эмоциональной связи с близкими через добровольную активную жертву.

И, наоборот, уже сложившиеся функциональные системы могут редуцироваться и входить в контекст развития других смысловых программ. Та же функциональная система организации взаимодействия с людьми автоматизируется и передается низшим структурам. И вот мы привычно соблюдаем социальные правила, и пластично вписываемся в отношения, руководствуясь ощущениями их комфортности – «ловко» и «неловко», «удобно» и «неудобно», безлично усваиваем структуры сообщества или, наоборот, начинаем манипулировать людьми, вступая в субъект-объектные отношения и ориентируясь преимущественно на причинно-следственные связи.

Б. Функциональные системы процессов саморегуляции

Функциональные системы взаимодействия уровней в саморегуляции аффективных процессов, как мы уже обсуждали, должны отличаться от систем, отвечающих за непосредственное разрешение задач адаптации. В самом общем смысле можно думать, что они проще организованы. Но упрощение взаимодействия, видимо, происходит по разным основаниям, когда это касается задач подъема и поддержания психической активности и в случаях формирования механизмов аффективной защиты от деструктивных переживаний.

Взаимодействие уровней, связанное с саморегуляцией аффективного тонауса, гораздо более свободно, пластично в своем построении. Аутостимуляция положительными впечатлениями в норме всегда обеспечивается комплексом разноуровневых переживаний, в котором трудно выделить один смыслообразующий и постоянно доминирующий. Например, когда мы сидим у камина, нас,

конечно, завораживают блики огня, мерцание углей, но камин – это еще и уют: живительное тепло, кружка горячего кофе на подлокотнике кресла или мягкий коврик у ног. И, одновременно, – это образ укрошенного огня за решеткой, и, наконец, это и символ домашнего очага, собирающего близких людей.

Для каждого из нас аффективные акценты в этом комплексе впечатлений постоянно смещаются, разные уровни то берут на себя основную смысловую нагрузку, то отступают в тень. И это тоже имеет приспособительное значение: пресыщение, свободно перебирая оттенки тонизирующего впечатления, дольше оставляет в действующем состоянии весь комплекс, более того, оно дает ему живую глубину.

Функция тонизирования обеспечивается еще и тем, что при этом типе относительно равноправного взаимодействия механизмы каждого уровня имеют возможность с большей свободой манипулировать впечатлениями, значимыми для всех других. Так, второй уровень фиксирует, ритмизирует и упорядочивает в аффективном стереотипе удовольствия всех других уровней. Четвертый – эмоционально осмысляет их, нормирует и усиливает в резонансе с переживаниями других людей. Первый – гармонизирует и обостряет чуткость восприятия; третий, откликаясь на новизну, разрушает стереотипы, экспериментирует с удовольствиями.

Например, второй уровень – фиксирует переживание гармонии и сенсорного удовольствия, веселого риска, теплоты дружеского контакта; четвертый разрабатывает эти тонизирующие моменты с помощью культурного опыта сообщества и произвольно вводит их в ритуал, в уклад социальной жизни. Первый находит гармонию и хорошую пропорцию не только в восприятии пространства, но и телесных ощущениях, в состязании, в отношениях с людьми. Тре-

тий, же, наоборот, извлекает удовольствие из нарушения гармонии и привычки – из асимметрии, синкопа, потери и возвращения равновесия, из игры с сенсорным качеством – пряных, острых, почти болезненных ощущений; из экспериментов с человеческими отношениями – розыгрышами, поддразниваем, эпатажем, шокирующими выходками.

И здесь встает вопрос, можем ли мы вообще считать эти необязательные игровые отношения системными, если в них отсутствует устойчивая иерархическая организация. Представляется, что это все же возможно, поскольку в норме тонизирование осуществляется в устойчивых культурных формах и в русле реальной адаптации; ею задается целенаправленность игры – достижение и поддержание необходимого уровня активности. В конечном итоге, именно ее нуждами определяется и активность тонизирования и его качество – доля вклада впечатлений каждого уровня, определяющая, что нам нужно сейчас – умиротворение, подъем активности, целенаправленное сосредоточение, или концентрация на длительном произвольном усилии.

Периоды детства, отрочества, юности – возраста наибольшей активности в развитии, как известно, в наибольшей степени связанные с игрой, с игровыми отношениями с жизнью. В отечественной психологии игра, игровая деятельность ребенка традиционно рассматриваются в связи с освоением возможностей собственного тела, с обследованием среды и овладением знаниями об окружающем мире, с опробованием социальных ролей, то есть подчеркиваются ее рациональная, полезная адаптивная функция. Нам же хотелось поставить здесь акцент на ее значении для поднятия и поддержания активности, более всего необходимой именно в эти периоды жизни для психического и социального развития. И это закреплено в человеческой культуре – сохранение жизненной ак-

тивности, продление молодости мы связываем со способностью играть.

Обращаясь к рассмотрению *функциональных систем, складывающихся в саморегуляции для защиты от деструктивных переживаний*, мы видим, что взаимодействие разноуровневых механизмов здесь гораздо более четко построено. В этом случае ведущий, смыслообразующий уровень определяет избирательность и целенаправленность системы защиты и организует работу других механизмов. То есть здесь несомненно присутствует иерархическая организация, однако внутри этого взаимодействия отсутствуют множественные межуровневые оппозиции, выделенные нами в системе непосредственной адаптации. Все «привлекаемые» к защите уровни не отстаивают здесь собственные интересы и их механизмы используются содружественно для работы с травматическим переживанием, поэтому и здесь их отношения более свободны и система менее устойчива.

Примером функциональной системы защиты может служить механизм активного вытеснения травмирующего переживания из сознания субъекта. З. Фрейд, как известно, ввел это понятие для объяснения удержания в бессознательном неприемлемых для «Я» желаний, мы позволим себе использовать его в более широком смысле – как механизм защиты от впечатлений разрушающей, травмирующей силы.

В этом межуровневом механизме роль смыслообразующих аффективных фильтров могут играть механизмы всех активных уровней второго, третьего и четвертого. Они определяют качество неприемлемого переживания (отвратительно, унижительно, постыдно) и избирательно усиливают дискомфорт и тем запускают действия пресыщения – первый уровень канализирует, вытесняет из созна-

ния переживание непереносимой интенсивности. Оно может отодвигаться: «я подумаю об этом потом», но в крайних случаях дискомфорт может включить действие пресыщения практически сразу, формируется устойчивая силовая структура, и фиксируются механизмы защиты от отвратительных и дестабилизирующих переживаний. По мнению Л.С. Выготского (*Выготский*, 1983 б), именно аффективные тенденции не позволяют нам длительно сосредоточиться на мысли о смерти. Таким образом, создаются множественные системы аффективных фильтров, определяющих, на что нельзя смотреть, о чем лучше не вспоминать, что надо не слышать или не понять.

Конечно, они искажают объективную информацию, но, как уже говорилось, до известных пределов это искажение не вступает в конфликт с требованиями реальной адаптации. Более того, мы часто воспринимаем его как замечательное свидетельство торжества жизненных сил, как говорил Л. Толстой, «энергии заблуждения», позволяющей нам пережить то, что пережить нельзя, вопреки обстоятельствам радоваться жизни и быть счастливыми, верить в будущее, а, значит, в конечном счете, иметь и возможность овладеть им. И здесь для иллюстрации хочется напомнить о знаменитых финалах фильмов Федерико Феллини – улыбку Джульетты Мазины в последних кадрах «Дороги» и «Ночи Кабирии» или процессию персонажей, завершающую «8 1/2».

Действенным механизмом защиты от деструктивных переживаний является, как известно, и осмейние страшного, тягостного. Одной из форм такой защиты является карнавальное мироощущение, описанное и проанализированное М.М. Бахтиным (*Бахтин*, 1965). Несущие гибель стихии нельзя победить, от них невозможно уклониться, и нельзя жить, зная, что в любую минуту чума, холера, засуха, мороз, потоп могут уничтожить и нас самих, и все что нам

дорого. В реальности спасенья нет, но есть спасительное карнавальное легкомыслие: можно отыграться, унизив чудовище, отождествив его с образами телесного низа. В то же время, телесный низ – это не только грязь испражнений, этот аффективный образ активно заряжен образами сексуальности, плодородия, возрождения. И именно гиперболизация его плодородного избытка рождает жизнеутверждающую возможность смехового разрешения страха, унижения смешного страшилища. Бахтин сравнивает карнавальное переживание с колесом, качелями, позволяющими связать и перевернуть верх и низ, страшное и смешное, могилу и лоно, смерть и рождение.

В этой форме аффективной защиты можно рассмотреть совсем иное построение взаимодействия уровневых механизмов. Изживаемый смысл задается третьим или даже первым уровнем – оттуда идет витальный ужас ощущения неизбежности погибели, а спрavляются с ним в игровом взаимодействии согласованно работающие механизмы второго уровня. Переживания динамических уровней переводятся здесь на язык второго, связываются, перерабатываются им и разрешаются снова в победном ликующем переживании третьего, в проигрывании символического уничтожения, сжигания поверженного страшилища:

$$[(-)1;3 = (-)2 \rightarrow (+)2 = (+)1;3]$$

Субъект преодолевает на втором уровне деструктивный ужас бессилия именно потому, что связывает его в аффективном стереотипе природных циклов смерти и рождения. Само включение в движение колеса карнавала переносит человека через гибельную пропасть. Понятно, однако, что это приобщение к жизненной силе природных и родовых ритмов достигается нами за счет снижения уровня индивидуального сознания.

Другой союз разноуровневых механизмов вступает в борьбу с разрушающими переживаниями в ситуации, когда субъект не может и не хочет отказываться от индивидуального переживания несчастья. В каждой культуре существуют традиционно сложившиеся формы переживания тяжелых личных событий, например, в случае потери близкого человека само горе является ценностью, потому что продолжает связывать нас с ушедшим. Здесь смысл задан четвертым уровнем, а совместная работа всех других направлена на связывание и десенсибилизацию переживаний деструктивной силы.

Задачей этого межуровневого взаимодействия является создание условий – дозирования, заглушения, связывания – при которых может сохраняться и переосмыляться основное переживание. С одной стороны, оно накладывается на сложно разработанную сеть тонизирования, за создание которой отвечают переживания первого, второго и четвертого уровней: гармонически организованное пространство, цветы, музыка, обильная еда и питье, непосредственное участие окружающих, общие воспоминания. С другой стороны, с помощью ритмизации переживания, введение его в аффективный стереотип ритуала (2 уровень), его сюжетной организации (3 уровень) дозируется само тяжелое переживание. Все это позволяет отодвинуть момент пресыщения, развернуть переживание во времени и начать работу по переведению его в символический план и десенсибилизацию.

В то же время, в отдельные моменты ритуала его сюжет (3 уровень) несколько раз направленно поднимает переживание горя к максимуму интенсивности, этому же служат средства отрицательной аутостимуляции – всплески гоношения, общего плача, причитания, воспроизводящего образы невозвратимой потери, возможно самоповреждение (2, 4 уровня). Доведя переживание горя до мак-

симума, ритуал дает миг отдыха в пресыщении, минутном забвении (1 уровень) и снова возвращает в аффективный стереотип переживания. Горе как бы выбрасывается из сознания и снова ловится в сеть аффективных стереотипов и укачивается в ней, с каждым возвращением теряя свою непосредственную остроту. Такое взаимодействие переживаний разных уровней позволяет соединить, казалось бы, несовместимое – принять объективность случившейся катастрофы и сохранить индивидуальность личного переживания.

И, наконец, возможен такой тип взаимодействия уровней, когда борьба с деструктивным переживанием приводит к развитию самой структуры индивидуального сознания. Такой тип душевной работы традиционно связывается с переживанием катарсиса или зиждительной трагедии. В этом случае, при поддержке всех остальных, основную работу осмысления берет на себя сам четвертый уровень, определяющий переживание несчастья, неизбежности гибели как необходимой жертвы высшим ценностям, достойного завершения жизни, перехода в высший мир. Объединение механизмов первого уровня – пресыщения страданием (утрата почвы под ногами, временная потеря структуры сознания) и четвертого – стремления найти ценность, которая позволит его осмыслить, создают предпосылку прорыва к новым смысловым ценностям, а значит и к более сложной и устойчивой структуре сознания.

Этот механизм по своей структуре, видимо, может быть сопоставлен с процессами творчества вообще – подъема к новымступеням понимания окружающего, обретения новых форм взаимодействия с ним. Нравственное совершенствование, как и художественное творчество, открытия в научно-технической и практической областях могут быть рассмотрены как возникновение новых смы-

словных структур сознания, усложняющих и активизирующих взаимоотношения с миром.

Культурное развитие системы аффективной организации поведения и сознания

Выше мы говорили о культурном развитии отдельных уровней системы базальной аффективной организации, но, в сущности, это было не достаточно корректно, поскольку формируется, конечно, не каждый уровень в отдельности, а система в целом.

Рассматривая общие законы развития мозга и психических систем, Л.С. Выготский вслед за многими другими исследователями отмечает, что обогащенная новыми напластованиями инстанция не удерживает полностью своих первоначальных функций и отдает их существенную часть «верхним» центрам: он определяет эту закономерность как «переход функции наверх» (*Выготский, 1983 а, с.140*).

Мы можем проследить, как это происходит на примере развития аффективной сферы. Исходно низший, первый уровень отвечает за нашу сохранность, он помогает нам избежать воздействия разрушающей силы. В то же время, наша защита от опасности не исчерпывается возможностью уклониться, дозировать ее. Функция защиты последовательно передается наверх всем надстраивающимся инстанциям: второй уровень определяет угрозу, которую связывает в аффективный стереотип опасности, позволяющий не допустить ее возникновения; третий – помогает активно справиться с ней и, наконец, четвертый способен использовать для защиты весь опыт сообщества.

Точно так же второй уровень исходно отвечает за индивидуальное опредмечивание наших потребностей, выработку успешных стереотипов их удовлетворения, но тоже не удерживает эту функ-

цию полностью, а передает ее часть наверх. Так, третий уровень не только помогает второму преодолевать сбои в стереотипах достижения цели, но и позволяет экспериментировать с самой аффективной целью, делает менее жестким запечатленный стандарт удовлетворения потребности. Четвертый уровень дает возможность использовать в развитии навыков индивидуальной жизни общий аффективный опыт. Так же и третий уровень, осуществляющий экспансию, обследование среды, начинает модулироваться влияниями четвертого – индивидуальная экспансия не только попадает под эмоциональный контроль, но и организуется в совместную экспансию сообщества.

Таким образом, мы видим, что четвертый уровень помимо его собственной прямой задачи эмоционального контроля берет на себя часть функций всех других уровней. Это позволяет ввести аффективный опыт сообщества в решение всех базальных адаптационных задач, и для всех уровней открывается путь культурного развития – преодоления ситуативной связанности, ограниченности непосредственной индивидуальной оценкой.

Посредником, передающим влияние сообщества, исходно служит процесс непосредственного сопереживания в ситуации совместной деятельности. Вместе с тем развитие символических функций, и прежде всего речи, позволяет сообществу создать стабильную систему аффективных символов, пронизывающую все пласти культуры. Знаки переживаний произвольно модулируют структуру аффективной информации, и соответственно организуют избирательность субъекта во взаимодействии со средой.

Как известно, первой функцией речи как раз и является указание – привлечение внимания ребенка к исходно нейтральному для него объекту (*Выготский*, 1983 *a*). Развитие знаковых систем управле-

ния поведением рассматривается Л.С. Выготским как собственно генезис человеческой культуры. Рождаясь, ребенок попадает в смысловую структуру культурной среды и не имеет стадии собственно натурального аффективного развития. Так, на наш взгляд, может быть конкретизировано утверждение Выготского о том, что врастание ребенка в культуру является развитием в собственном смысле слова.

С этой точки зрения может быть по-новому понято предположение Лотмана о том, что структура символов данной культуры является системой, изоморфной генетической памяти ее индивида (Лотман, 1992 б). Мы уже обсуждали выше, что все уровни аффективной организации поведения и сознания развиваются во взаимодействии с точно адресованными им уровнями средств культурной организации переживания в ходе направленной стимуляции их аффективным опытом сообщества.

Таким образом, культура является не просто необходимым условием, но внешним психическим органом индивидуального развития специфически человеческих форм поведения и сознания. Лотман считает, что понятие культуры имеет исходный, первичный характер, и мы находимся в ее толще, внутри нее, и только так можем продолжать свое существование (Лотман, 1992 б, с.9); само существование смыслопорождающей монады – сознания, требует ее погруженности в монаду более высокого уровня (Лотман, 1993).

Следовательно, культура может быть рассмотрена как изоморфная сознанию живая система. С этой точки зрения более понятны мысли Шпенглера о том, что душа осуществляется в формах своей культуры и каждая конкретная культура является индивидуальным телом определенного типа души – античной, египетской, вавилонской или китайской. Подобно растениям и животным, она принадлежит живой природе, органическим формам жизни, и понять ее

можно только исходя из целого, поскольку живое неделимо и необратимо. Закономерность развития организма культуры Шпенглер понимает как необратимую органическую логику – судьбу (*Шпенглер*, 1993, с.56). В сущности, то же самое, видимо, имеет в виду и Лотман, называя культуру живой, иначе говоря, открытой системой с несимметричным прошлым и будущим (*Лотман*, 1992 а).

Взаимодействие культуры и индивидуального сознания

Ю.М. Лотман, выделяя в качестве функций культуры порождение информации и антиэнтропийный механизм (*Лотман*, 1992 а, б), заключает, что при этом она должна иметь иерархически организованную структуру. Мы уже говорили о том, что эта структура воспроизводит многоуровневое строение индивидуального сознания, включая сложившиеся в данных конкретных условиях устойчивые функциональные системы. Именно они представляют уникальное своеобразие культуры, кроме того, существуют и универсальные для каждого сообщества слои, которые предоставляют каждому из уровней индивидуального сознания «рекомендуемые» формы развития, успешно опробованные и зафиксированные опытом сообщества.

Мы уже говорили о том, что, описывая наиболее общую модель культуры, Лотман (1992 а, б) указывает на ее двухполюсную организацию с силовым напряжением между ними. Обращенный к человеку текст культуры состоит из двух подтекстов: в одном из них картина мира стабильна, она дискретна, рисуется с помощью оппозиций, классификации и систематизации; в другом – мир предстает динамическим континуумом. В этих двух подтекстах статичной и динамичной организации сознания мы можем выделить специальные обращения ко всем его четырем уровням.

Культурная среда, адресуясь к *первому уровню*, обязательно предоставляет субъекту разработанные способы организации жилого пространства дома, двора, улицы, деревни или города, облегчающие необходимое движение, остановку, вход и выход, организующие «потоки», несущие субъекта в нужную сторону. Зафиксированы принципы пространственного дизайна домашней утвари, инструментов, позволяющих телу, руке, глазу органично вписаться в предмет; предлагается этикет – приличная дистанция контакта, что позволяет избежать невольной агрессии, конфузов, вообще неловкости и дискомфорта в общении.

В арсенале культурных средств саморегуляции – традиции художественной организации интерьера и внешнего облика жилья, пространства за окном: двора, улицы, палисадника, мода диктует форму клумбы, выбор цветов – георгины или ноготки. Разрабатываются эстетические требования к планировке городов, садов и парков, развиваются способы воздействия на индивидуальное сознание с помощью музыки.

Слой культуры, направленный на организацию помощи *второму уровню*, предлагает эталоны предмета потребности и алгоритмы ее удовлетворения, устанавливает, что считать хорошим качеством, что желанно, что полезно, что вкусно; и представляет арсенал знаний, технологий, навыков – инструментов, отвечающих за наше жизнеобеспечение. Конечно, это и запас средств активной защиты – как избежать холода в доме, как лечить болезни, бороться с вредителями и т.д. Это тот слой культуры, который мы привыкли связывать с благами цивилизации, обогащающими жизнь достижениями науки, техники и медицины. Позитивные результаты творчества, поиска, активного диалога с обстоятельствами фиксируются как успешные аффективные стереотипы поведения, вводятся в культурный уклад и передаются в таком виде развивающемуся ин-

дивиду. При этом даже самые сложные технологии редуцируются в простую последовательность действий, которую мы должны воспроизвести, чтобы получить ожидаемый результат.

Со вторым уровнем в процессах саморегуляции связана та часть уклада, которая направлена на разработку культуры чувственной полноты жизни, на дифференциацию и организацию жизненных удовольствий соответственно ритмам природы и биологическим циклам человека. Она позволяет нам в молодости создать индивидуальные аффективные стереотипы переживания радости, запасти, положительно зарядить ими уклад дальнейшей жизни, который сохраняет ключевые ассоциации, помогающие нам в зрелом возрасте актуализировать прошлую радость.

Третьему уровню соответствует слой культуры, разрабатывающий правила и формы регуляции процессов экспансии. Прежде всего, это ограничение и определение допустимых форм, тенденций экспансии, стимуляция активности в выбранных культурой направлениях, наполнение определенным смыслом переживания геоического. В достижении выбранных сообществом целей поощряется соперничество, исследовательская активность. Процессы экспансии регулируются общественной иерархией, возрастными, половыми, социальными ролями, при этом для каждой категории культуры предлагает свои запреты и свои разрешенные формы, свою перспективу задач, побуждающих к экспансии.

В осуществлении саморегуляции с третьим уровнем наиболее тесно взаимодействует культура игры, ее необходимыми признаками являются таинственность, опасность, шутливость. Игра фиксируется в культурной традиции как обязательный рефрен серьезной жизни, зрелища всегда требуются наряду с хлебом. Элемент игры присутствует во всех произведениях искусства – это игра с

целостностью формы, и сама сюжетность искусства. Даже в стремлении ввысь каменной пирамиды и величественного собора заложено ощущение торжества над тяжестью материала, переживание покорения пространства. Правила игры не только ограничивают степень реального риска, как отмечает Хейзинга, не менее важно и то, что они обеспечивают сохранение противника для ее продолжения, возможность произвольно вернуться к ней.

С четвертым уровнем взаимодействует социальный слой культуры: система правил, норм, ролей, моральных ценностей, которые в обобщенном виде отражают суть принятых в обществе правил поведения. Они задают ритуал произвольной организации индивидуального поведения, стимулируют переживания добровольной жертвы, долга, терпения. Нормы и ценности регулируют взаимодействие внутри сообщества, то есть среди тех, кого сообщество признает своими (это может быть семья, род, класс, нация, мир всех людей, общность человека и природы), в отношении чужих они могут совершенно не действовать. Мы знаем множество примеров, когда трогательная преданность семье, классу, нации, партии не только не мешала, но даже способствовала освобождению от непосредственного сострадания по отношению к чужим. На этом уровне может разрабатываться даже особая культура враждебности к чужому, необходимая для поддержания особого отношения к своим.

Для организации саморегуляции четвертого уровня разрабатываются формы поддержания эмоциональных привязанностей, дружеских связей, культура приятного общения. Сопреживание входит в основы восприятия искусства. Мощным средством стабилизации выступает совместное обращение к высшим ценностям, лежащее в основе развития религиозной культуры. Создание ритуала переживания причастности к высшим ценностям, культуры пи-

тающих это переживание религиозных символов является, по К.Г. Юнгу (*Юнг, 1992*) средством ассилияции и интеграции душевной энергии, концентрации смысла человеческой жизни. И, наоборот, отказ от культуры религиозных символов, как он считает, создает угрозу дезорганизации и попадания человека под власть «психической преисподней» – способствует возникновению беспокойства, нечеткого понимания, психологических сложностей, огромной массы неврозов – ненасытной жажды лекарств, влечению к алкоголю, табаку, пище.

Таким образом, мы видим, что в осуществлении функции адаптации культура предлагает всем уровням аффективные эталоны удовлетворения потребности, ограничения, запреты, то есть искомые нормы жизни и алгоритмы их достижения и защиты – то, что мы привыкли связывать с утилитарными формами культуры, развитием науки, ремесел, называть социальной организацией, государством, правом. В осуществлении же саморегуляции, организации направленных антиэнтропийных процессов культура предлагает разнообразные виды произвольной стимуляции всех уровней, разработку форм самих переживаний – то, что мы привыкли более соотносить с развитием культуры духа – искусств, религий, философского опыта.

Воздействия культурной среды в норме обеспечивают целостность и устойчивость нашего сознания и, прежде всего, за счет полифонии взаимодействия, позволяющей не допустить гиперстимуляции отдельных структур нашей аффективной жизни. Так, основным условием культуры Й. Хейзинга (1992) считает ее целостность – равновесие элементов в рамках совокупности. Сказанное касается и невозможности в нормальной культуре смысловой перегрузки ее высших уровней. Эмоциональный контроль, произвольность, не

могут существовать без активности низших отделов, также как и серьезные стороны жизни не существуют без поддержки игровой стихии. Пропорциональность стимуляции осуществляется благодаря разработанному укладу обыденной жизни и череды праздников.

Развитие выраженной индивидуальности культуры так же, как развитие человеческой индивидуальности, дает сообществу особые преимущества, одаренность в решении определенных задач адаптации. Вместе с тем, чтобы преимущества не обратились в свою противоположность, в культуре появляются и специальные компенсаторные тенденции.

М. Мид (1988), описывает культуру племени (горные арапеши), условия жизни которого столь скучны, что выживание требует от людей максимальной взаимной поддержки, отказа от себя ради других. Это создает особые нормы жизни: человеку «неприлично» работать на себя и пользоваться плодами своей деятельности, он должен подарить их, но и сам получит от других то, что ему нужно для жизни. М. Мид показывает, однако, что, во-первых, такая сосредоточенность на взаимной заботе имеет и свои отрицательные стороны, одной из которых является недостаточное развитие у человека этой культуры способности сделать выбор, принять на себя ответственность. Во-вторых, что именно в связи с этим здесь возникает институт буаниньонов, направленно компенсирующий подобные недостатки в воспитании человека власти. С его помощью дети, предназначенные для этой непопулярной в племени роли, вовлекаются в отношения постоянного соперничества, ритуальные игры-соревнования, включающие похвальбу, задирание, подразнивание друг друга, что создает для них особые условия, стимулирующие развитие механизмов экспансии.

М. Мид приводит и другие примеры отношений дополнения в системе культуры, которые помогают сохранить ее общий баланс.

Так, они могут проявляться в разной направленности в реализации функций непосредственной адаптации и саморегуляции: на Бали стремление уменьшить напряженность в реальных бытовых взаимоотношениях контрастирует с драматизмом праздничных ритуалов на сценических подмостках; а ятмулы, одно из племен Новой Гвинеи, наоборот, противопоставляют типичной жесткости, конфликтности и динамичности реального общения идеалы статичной красоты и гармонии в сценических ритуалах.

Воспроизведение уклада

Жизнь в культуре, таким образом, надо рассматривать как жизнь в потоке активной, избирательно направленной стимуляции всей аффективной системы. Этот поток бережно несет нас через ее этапы, помогает пережить переломные моменты, увидеть смысловую перспективу, дает возможность сохранять стабильность, надежду, веру в лучшее, чувствовать гармонию мира и, несмотря ни на что, иногда действительно быть счастливыми.

Однако особенностью этого потока является необходимость его постоянного воспроизведения, каждое поколение, живя в нем, одновременно должно творить его заново. Человеческая культура, зависит от традиционной мудрости сообщества, которая тяжело приобретается, дорого стоит и может быть легко потеряна. М. Мид (1988) замечает: когда люди теряют ощущение того, что могут положиться на традиционную мудрость, то сходят с ума. Д.С. Лихачев (*Лихачев, 1987 б*) говорит о необходимости сохранения экологии культуры, по его словам, потеря «духовной оседлости», несоблюдение экологии культуры может убить человека.

Если М. Мид как исследователь традиционных культур считает, что культурный уклад устойчив в том случае, когда он воспроизводится автоматически и бессознательно, то М. Мамардашвили

(1991), переосмысливая трагический опыт XX столетия, подчеркивает обратное: «Собственно значение человеческой культуры естественно было бы понимать следующим образом: человек перестает быть животным и становится человеком по мере того как начинает подчиняться культурным нормам. Так вот нет же, этого недостаточно, ни нормами нельзя этого достичь, ни следованием традициям. Если вы думаете, что можно естественным образом продолжать традицию, как если бы она была просто самой жизнью, и мы могли бы продолжать ее, как продолжать жить, то это заблуждение...».

Обращаясь к опыту XX века, он напоминает о том, как легко рвется ткань автоматически воспроизводимого уклада культуры. Существование уклада и внешнее следование ему еще не решают проблемы рождения человечности. Путь к ней для Мамардашвили связан с индивидуальным, личным усилием, напряженным присвоением человеческой ценности, с усилием самостоятельного переживания уже существующих общих истин, благодаря которому в динамической вечности снова и снова рождается человечность и человечество.

«Ткань, которая ткется над бездной, иная, и ткачи иные, и узлы свои они завязывают иначе <...> Христос мог тысячу раз рождаться в Вифлееме, но если он не родился снова в твоей душе, то ты все равно пропал, погиб... Казалось бы, потому что Христос родился в Вифлееме, можно то-то и то-то, завоевано то-то и то-то... Нет, не завоевано. Ты все равно пропал. Нет, не гарантировано твое спасение, если снова не родился Христос в твоей душе... Иметь честь существовать, это значит привнести свои переживания в уникальные переживания всего того, что, казалось бы, давно уже общеизвестно и изжевано, привнести их в мир не как лишнее в нем, а как то, в чем мир нуждается, чтобы вращаться дальше» (*там же*).

Личность как присвоение культурных форм аффективной организации поведения и сознания

Обсуждая вопросы организации системы аффективной организации сознания и поведения, мы выделяли уровни сознания, закладывающие основы нашей индивидуальности: в манере контакта с миром, в определяении потребностей, в определении себя как субъекта действия (уровни 1-3), и уровень эмоционального контроля, переживаний, опосредованных оценками других людей, организующий произвольные социальные формы поведения. В наших рассуждениях социально-эмоциональная жизнь естественно вырастала и надстраивалась над индивидуальной, и трудно было понять, где здесь место личности, в чем смысл ее развития, в чем ее функции в организации наших отношений с миром.

В то же время, интуитивно всегда было понятно, что личность находится в сложных отношениях с социумом. По крайней мере, конформность, полное согласие с социальными нормами совершенно несопоставимо для нас с представлением о личности, а также, что понятие социальное и культурное далеко не совпадают. В контексте наших рассуждений можно даже попробовать прояснить, в чем это несовпадение. Мы рассматривали культуру как систему, изоморфную сознанию человека, она включает ее высший и наиболее активный социальный уровень, но он уравновешен в ней оппозициями всех других уровней.

Представляется, что предпосылки развития личности, ее функции, процесс развития можно прояснить при изучении процессов взаимодействия систем индивидуального сознания и культуры.

Согласно Л.С. Выготскому, личность развивается в результате присвоения форм произвольной культурной организации индивидуального сознания и поведения. Можно предположить, что лич-

ность рождается на стыке культуры и сознания в результате взаимодействия внутренней напряженности структуры индивидуального сознания с напряженностью системы культуры.

Сопротивление уровней (1, 2, 3) уровню эмоционального контроля внутри системы индивидуального сознания находит опору в изоморфных тенденциях системы культуры, противодействующих непосредственному диктату социальных норм. Таким образом, взаимодействие индивидуального сознания с целостной культурной традицией препятствует формированию плоской социальной конформности. Благодаря возникшему резонансу напряжений двух систем, личность буквально выламывается из системы аффективной организации поведения, и ее восприемницей тоже служит целостная культурная среда.

Основным механизмом присвоения культурных форм, заданных укладом, становится третий уровень экспансии. Он начинает активно использовать способы, даваемые четвертым уровнем для решения задач индивидуальной адаптации. В то же время развитие личности зависит от сохранения эмоционального контроля над этими процессами, который стабилизируется с присвоением третьим уровнем и вечных ценностей, позволяющих достигать максимальных энергетических напряжений. Это достижение мы отмечаем как формирование внутренних ценностей, системы личных моральных координат, позволяющих достичь независимости не только от «натуральной» ситуации, но и от непосредственного давления «правильных» установок социума.

Таким образом, с одной стороны, мы видим активное направленное воздействие культурного уклада на систему индивидуального сознания и понимаем необходимость этого потока для развития личностных переживаний. Но с другой стороны, мы можем говорить и о заложенной в структуру индивидуального сознания воз-

ГЛАВА 3

можности вступить в активный диалог со своей культурой, о рождающейся в этом взаимодействии личности, наконец, о необходимости такого диалога и для воспроизведения самой культуры.

ГЛАВА 4

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

В предыдущих главах мы пытались реконструировать уровни аффективной организации поведения, определить их механизмы, характер формируемых типов мироощущения и адаптивного действия, а также особенности взаимодействия уровней в общей системе организации поведения и сознания. В результате была выстроена некая достаточно сложная модель, которую мы сопоставили с аффективной сферой. Попробуем далее выделить и проследить процессы ее формирования в онтогенезе, понять, как они вписываются в контекст известных возрастных феноменов и традиционно выделяемых стадий психического развития.

Мы будем говорить об *аффективном развитии* ребенка; само сочетание этих слов до недавнего времени, а возможно и сейчас для многих достаточно спорно. Традиционно изучалось социально-эмоциональное и личностное развитие, позволяющее ребенку овладеть своими аффектами, научиться их упорядочивать и контролировать как проявления биологически обусловленных инстинктивных импульсов, достаточно часто разрушительных для социальной жизни.

Между тем, как уже обсуждалось, работа с аутичными детьми и изучение особенностей их психического развития дали нам основания думать, что личностное развитие, как и когнитивное, опирается на формирование системы базальных аффективных механиз-

мов, что социально-эмоциональная регуляция является, хотя и высшим, но одним из уровней этой системы организации поведения и сознания и что проблемы в ее становлении могут быть обусловлены трудностями развития каждого из этих уровней.

Мы выделили четыре группы аутичных детей различных по тяжести и качеству проблем психического развития и пришли к заключению, что в каждой из них специфика нарушений исходно обусловлена тяжелейшими трудностями, практически катастрофой в формировании механизмов одного из уровней. Развитие аффективной сферы таких детей патологически фиксировалось на одной из стадий ее становления. Именно это дало нам возможность попробовать отследить тенденции аффективного развития в норме, которые обычно или не выделяются, как само собой разумеющиеся, или рассматриваются в связи с развитием эмоций, общения, привязанности, становления отдельных психических функций – восприятия, внимания, речи, мышления.

Известно, что все рассмотренные выше типы адаптивных задач, с решением которых связано, по нашему мнению, развитие аффективной сферы, актуальны для ребенка с самого раннего возраста, что проявляется в его особой чувствительности к определенного рода впечатлениям. С рождения он демонстрирует реакции самосохранения – реагирует на резкое нарушение равновесия и пытается отклониться от надвигающегося на него предмета. В первые же часы жизни появляется активность в пищевом поведении, и, по крайней мере с трех месяцев – потребность в новых впечатлениях. Точно так же известна и особая значимость для младенца социальных впечатлений – его исходная ориентация на лицо и голос другого человека.

Можно предположить, что биологически заложенные потребности в безопасности и комфорте, в питании, новизне и контакте с

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

близкими становятся исходной основой кристаллизации базальных уровней сознания ребенка. Развитие же соответствующих адаптивным задачам способов организации взаимоотношений с миром (разноуровневых механизмов аффективной организации сознания и поведения и системы их взаимодействия) происходит в процессе индивидуального онтогенеза.

Понятно, однако, что нельзя рассматривать становление индивидуальной системы организации адаптивного поведения изолированно. Мы знаем, что в течение первых лет решение всех основных жизненных задач ребенка – его перемещение в пространстве, обеспечение соматического и эмоционального комфорта, безопасности, организация внимания, удовлетворение потребностей, в том числе в новизне и в социальных контактах – происходит с помощью близкого взрослого.

Понятно также, что взрослый не просто удовлетворяет биологические потребности. Мать, как это формулирует Д. Боулби (*Bowlby*, 1951), является организатором психическим. Известно, что формирование в раннем возрасте полноценной привязанности является условием нормального психического развития ребенка. В отечественной традиции признано, что взрослый является для маленького ребенка центром ситуации, определяющим смысл происходящего. По Л.С. Выготскому, формирование специфически человеческих форм психики требует тесного взаимодействия ребенка со взрослым, которое начинается с возникновения в сознании младенца фигуры «пра-мы», первого переживания общности в слиянии с близким, внутренней основы доступного ему миметического заражения и непосредственного подражания.

Нам хотелось бы проследить, что происходит с этим пластичным переживанием «пра-мы» дальше в онтогенезе. При этом необходимо подчеркнуть, что для нас «пра-мы» это не только начало

социально-эмоционального взаимодействия, но и исходный этап развития общей системы адаптации и сознания, включающей аффективные переживания всех уровней – и высших, и низших. И если Ю.М. Лотман (*Лотман, 1993*) говорит о том, что само существование индивидуального сознания требует его погруженности в сознание более высокого уровня (культурное), то здесь можно добавить, что его развитие невозможно без включения в единую систему с сознанием материнским, опосредующим взаимодействие с культурным сознанием.

Поэтому сначала мы должны рассмотреть, как маленький ребенок развивается в единой со взрослым системе адаптации, в которой близкий не только решает вместе с ним ее непосредственные задачи, но и служит источником требуемой для развития активности – подъема и поддержания необходимого уровня психического тонуса, помогает справиться с уже развившимися неприятными переживаниями. То есть необходимо попытаться понять, как складывается в раннем детстве общая система смыслов, каков вклад в нее взрослого и самого ребенка, и лишь потом можно сделать попытку проследить, как из нее постепенно выделяется фигура собственного индивидуального сознания ребенка.

Самый ранний период развития

Обзоры экспериментальных исследований последних десятилетий (*Лисина, 1997; Бардышевская, 1995; Крейг, 2000; Мухамедрахимов, 2003; Авдеева, Хаймовская, 2003* и др.) представляют данные о врожденной активной направленности и способности новорожденного устанавливать социальный контакт. Известно, что младенцы предпочитают другим звукам человеческий голос, более реагируя на голос матери, и что живое человеческое лицо, особенно говорящее, привлекательно для ребенка с самого рождения, что

очень рано дети начинают различать и имитировать интонацию и мимику близких и что их собственная вокализация и мимика имеют формы, узнаваемые и информативные для взрослых (*Bowlby, 1958; Fantz, 1963; Stern, 1977; Field, 1977, 1982, 1985, 1990* и др.). Значимость социальных впечатлений для младенца проявляется и в том, что уже в три недели характер его внимания к маме и к привлекательному предмету различен (*Ainsworth, 1964; Ainsworth, Bell, Stayton, 1974*). Возникший интерес к предмету просто угасает, а лицо мамы сохраняет свою притягательность даже при действии пресыщения: сосредоточение в этом случае имеет циклический характер, взгляд отводится и снова возвращается.

Известно также, что существуют врожденные поведенческие средства физической пристройки к маме: сосание, цепляние, и способы привлечения ее внимания к себе – крик, плач, потом улыбка и вокализация, которые рано становятся инструментами социального воздействия. Экспериментальное изучение приспособительного поведения новорожденных в течение первых пяти дней жизни показало, что период активного бодрствования после рождения длится не менее 40 минут (*Никольская, 1975*). Уже в первые минуты движение тени по лицу, как и прикосновение к груди и ладони ребенка запускают достаточно сложный циклически организованный поведенческий стереотип пристройки к маме: замирание, выбрасывание рук, открывание глаз (попытку открыть), их согласованное движение, отрывистые крики, затем поисковые повороты головы и сосание. Цикл неудавшейся пристройки заканчивается беспорядочными движениями и плачем.

В следующие дни после рождения в установленном режиме ухода и кормления родильного дома время бодрствования значительно сокращалось, циклы поисковой активности редуцировались, основное значение приобретал плач. По нашему мнению, это пока-

зывало, что первая пристройка ребенка к ухаживающим за ним взрослым, которую готовы были обеспечить врожденные формы адаптивного поведения, произошла. Дальше начиналась приживленная история развития взаимодействия младенца и близких, их гибкой подстройки друг к другу, и ее становлению могли бы помешать жестко организованные врожденные поведенческие стереотипы. Поэтому и их проявление в первый час жизни, и последующее угасание, представляются равно адаптивно значимым.

Возможно, врожденные стереотипы поведения новорожденного являются зачатком развития форм активного жизнеобеспечения второго уровня, они организуют физическую пристройку, запускают материнское поведение и временно отступают¹⁶. И начало индивидуального взаимодействия матери и младенца, как это отмечается многими авторами, характеризуется их особой взаимной чуткостью, пластичной подстройкой друг к другу, то есть формой адаптации, характерной для первого уровня.

Известно, что до двух месяцев ребенок активен именно при появлении дискомфорта (Выготский, 1984), и это вполне понятно с точки зрения адаптивного смысла. Его крик и другие активные выражения нужды и неудобства призваны привлечь внимание взрослого, который может восстановить нарушенное равновесие – накормить ребенка, обеспечить ему безопасность, комфорт и тепло. Уже в возрасте двух-трех недель плач приобретает сигнальное значение.

---

¹⁶ Бардышевская приводит данные, что ориентация младенца на лицо взрослого также развивается далеко не линейно. Новорожденный сначала как бы запограммирован на восприятие грубого гештальта лица без активного выделения глаз, в месячном же возрасте он временно утрачивает эту направленность, чаще смотрит прочь, и может заинтересоваться скорее незнакомым лицом, избирательное же внимание к материнскому лицу при фиксации ее глаз появляется около двух месяцев (Robson, 1967; Maurer, Salapatec, 1976 – см. Бардышевская, 1995).

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Близкий взрослый полностью берет на себя организацию общего пространства и передвижения в нем, защиту от неожиданных изменений, а вот разрабатывать формы и определять устойчивые ритмы удовлетворения телесных потребностей они начинают вместе. Мать предлагает возможные варианты организации режима и условий кормления, одевания, купания, укладывания спать – удобные и, возможно, уже привычные для нее или принятые в ее семье и культуре формы выхаживания младенца, а ребенок или пластично принимает их, или активно дает знать о том, что ему не подходит. То есть реакция на дискомфорт, проявляемая ребенком, служит не только сигналом актуализации потребности, но и очерчивает для матери границы пластичности ребенка во взаимодействии. И в начинающейся дифференциации реакций на дискомфорт проявляется начало прижизненного развития механизмов второго уровня, прежде всего, его защитной функции. Это возникновение разных видов плача, которые уже в первый месяц начинает различать мама (*Keller, Scholmerlch, 1987 – см.: Бардышевская, 1995; Сохина, 2003*).

Вместе с тем Р. Мухамедрахимов приводит данные (*Oster et al., 1992 – см.: Мухамедрахимов, 2001*) о том, что и на лице младенца в норме все же чаще выражаются положительные ощущения, и сам он лучше различает их на лице взрослого. В зоне комфорта идет основная работа взаимного согласования механизмов первого уровня, подстраивания матери и младенца друг к другу. Показано, что если в первые дни жизни они находятся вместе, легче синхронизируются ритмы сна и бодрствования ребенка и мамы, что новорожденный может имитировать выражение лица близкого (*Melzoff, Moore, 1977; Field, Woodson, Grenberg et al., 1982*) и даже синхронизировать движения со звуками его речи (*Condon, Sander, 1974*).

Известно, что «налаживание» режима и процедуры кормления тоже связано с успешным согласованием их ритмов.

Поведение ребенка в это время характеризуется как цикличное, ритмичное, периодичное, а поведение мамы описывается как отслеживание изменений в состоянии ребенка и чуткая, спонтанная (интуитивная) подстройка к его нуждам и ритмам их проявлений. То есть здесь мы можем определить подстройку мамы как адаптацию первого уровня – усвоение ритмов и кольцо отслеживания «свежих следов», позволяющее наиболее полно воспринять, что происходит с младенцем, и предупредить возникновение его недовольства. Если дискомфорта ребенка все же не удается избежать, к разрешению проблемы подключаются другие, более активные уровни; трудности фиксируются, осознаются и определяются, могут вербализироваться. В их преодолении мама применяет свой опыт и изобретательность, обращается к опыту семьи, подруг, ищет решения в популярной литературе, на интернет-конференциях или вызывает врача.

Сохранение собственного душевного равновесия матери в это время впрямую зависит от состояния ребенка. Как указывают М. Айнсворт и С. Белл (*Ainsworth, 1963; Bell, Ainsworth, 1972; Ainsworth, Bell, 1974*), при общем настроении матери на ребенка более всего она чутка к проявлениям его дискомфорта. Поэтому, если он продолжает быть недоволен в ситуации, когда все возможное уже сделано, и очевидные «серезные» нужды удовлетворены, она продолжает успокаивать и его, и себя тактильным контактом, традиционным укачиванием, ритмическими приговорами и колыбельными.

Таким образом, мать с самого начала берет на себя функции не только внимательного организатора удовлетворения витальных потребностей, но и активного регулятора аффективных состояний младенца. Известно, что уже около двух месяцев ее способность

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

влиять на состояние ребенка значительно возрастает, мама становится более уверенной в себе и знает, что при необходимости может помочь ему перенести даже реально неустранимый дискомфорт – отчасти унять, закачать и заговорить его недовольство.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в норме активность взрослого в регуляции аффективных состояний младенца уже в это время инициируется и поддерживается не только реакциями на появление дискомфорта. Недовольство ребенка призывает близких в первую очередь искать его конкретную причину и подбирать способ ее реального устранения. Все остальное выступает как вспомогательное средство для разрешения возникшей проблемы. Например, сильно проголодавшийся младенец может возбудиться настолько, что это помешает ему взять грудь или соску, он начнет захлебываться, терять ее, что, в свою очередь, будет только усиливать его раздражение, поэтому опытная мать, чтобы не «сорвать» кормление, постарается сначала успокоить малыша.

Другое дело – исходно проявляющаяся ориентация ребенка на лицо и, вскоре, на глаза взрослого. Как известно этологам, обращение взгляда к другому человеку является механизмом инициации эмоционального контакта. Существующая у младенца ориентация на близкого человека становится призывом к общению, запускающим эмоциональные реакции взрослого – соответствующую мимику, улыбку, разговор, тактильное воздействие.

В этих первых формах непосредственного эмоционального контакта происходит уже не столько успокоение малыша и редукция его отрицательного возбуждения, сколько осторожное тонизирование, достижение уровня оптимальной активности в восприятии¹⁷.

---

¹⁷ М.И. Лисина (1974 б), С.Ю. Мещерякова (1988) выделяют как неспецифическую функцию общения повышение общего тонуса младенца, активности по отношению к предметному миру, к другим людям, к себе.

Как известно, диапазон такой активности у младенца невелик, и его собственным механизмом дозирования контакта является пресыщение и отведение взгляда. Поэтому и здесь взаимодействие строится на основе синхронизации обращений мамы с циклами внимания ребенка: стимуляции в моменты его готовности к контакту и чуткой реакции на признаки пресыщения – плаstичное усвоение ритма пауз и сосредоточения на общении, позволяющего ребенку избежать перевозбуждения и дискомфорта¹⁸. Такое общение сравнивается с взаимодействием партнеров в танце (*Condon, Sander, 1974; Stern, 1977; Field, 1977; Brazelton, 1982; Brazelton, Cramer, 1991*).

Таким образом, в норме, при правильной организации взаимодействия, младенец очень рано имеет возможность использовать взрослого в решении не только всех реальных адаптивных задач, но и для полноценной саморегуляции: редукции возбуждения и поддержания оптимальной активности, необходимой для развития отношений со средой. Если этого не происходит, психическое развитие ребенка нарушается даже в случаях удовлетворительного ухода, как мы видим это в случаях госпитализма и воспитания детей с аутизмом¹⁹.

Мы видим, что первые формы взаимодействия младенца и взрослого в норме в основном организуются с помощью аффектив-

---

¹⁸ Для поддержания общения взрослый должен удовлетворять потребность младенца в паузе (*Field, 1977*).

¹⁹ Известно, что дети с аутизмом часто проявляют гиперсензитивность к социальным стимулам. В связи с этим в раннем возрасте они в меньшей степени инициируют общение с близкими, согласование ритма взаимодействия дается маме особенно трудно, и они больше чем другие дети рискуют лишиться ее поддержки в саморегуляции. Близкие научаются точно понимать и выполнять требования детей в «серезных» ситуациях ухода и кормления, разрабатывают изощренные приемы, помогающие пережить дискомфорт, но не ощущают, насколько нужны им и тогда, когда все в порядке – для «игры», для поднятия эмоционального тонуса – и часто осознают это, только получив опыт общения с другим, обычным младенцем.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ных механизмов первого уровня. Именно они лучше всего подходят для обеспечения гибкой и спонтанной подстройки друг к другу. Рассмотрим далее, как в складывающейся системе общей адаптации актуализируются и развиваются другие, более активные механизмы организации отношений с миром и способы саморегуляции.

В ситуации, когда взрослый отвечает за сохранение комфорта, удовлетворение потребностей и постоянно согласует свои действия с его жизненными ритмами, взаимодействие младенца со средой происходит сначала как плаstичное уподобление, принятие предлагаемых ему удобных форм адаптации. Это – усвоение позы на руках, общего движения в ситуациях купания или пеленания, самого ритма жизни – сна и бодрствования, еды и других режимных моментов, а также миметическое заражение эмоциональным состоянием матери.

Именно плаstичность помогает младенцу естественно и удобно вливаться в организуемые взрослым ситуации кормления и ухода и впитывать приятные впечатления в процессе комфортного контакта с сенсорной и эмоциональной средой. Вместе с тем плаstичность оказывается полезной не только для решения насущных задач, но и для дальнейшего аффективного развития. Находясь в состоянии комфорта, ребенок имеет возможность опробовать и выделить среди разнообразия предлагаемых вариантов формы индивидуально для него предпочтительные.

Это позволяет взрослому не только более точно определять потребности ребенка, но и фиксировать вместе с ребенком удачные моменты и вырабатывать на этой основе устойчивые формы их общей жизни. Ребенок начинает опредmечивать свои потребности, разрабатывая и детализируя положительную избирательность в том, как берет грудь, какую предпочтет соску, нужно ли его поить

водой и как поить, в каких условиях он лучше засыпает, что доставляет ему удовольствие при купании.

Так продолжается развитие механизмов уровня аффективных стереотипов, общих для ребенка и взрослого. И эти складывающиеся формы адаптивного поведения принципиально отличны от безличных врожденных стереотипов пристройки младенца, поскольку возникают они в процессе гибкой подстройки друг к другу и отражают индивидуальную избирательность ребенка и мамы.

В результате в норме к двум месяцам пластичность младенца в удовлетворении телесных потребностей начинает активно ограничиваться не только дискомфортом, но и формирующейся положительной избирательностью, индивидуальные предпочтения, привычки проявляются все более четко. Ребенок более точно узнает желаемое и, когда потребность удовлетворена, не просто успокаивается, а проявляет реакции удовольствия. Начиная со второго месяца, это выражается в его мимике и вокализации, поэтому и мать получает более явное подкрепление и начинает чувствовать себя увереннее, что тоже стимулирует ее активность и положительные переживания.

Определяется удобная и приятная, предсказуемая для обоих рутина ежедневного взаимодействия, общий аффективный стереотип. Успех в опредмечивании потребностей, в разработке первых привычек общей жизни, то есть механизмов адаптации более активного второго уровня, проявляется в наступлении у ребенка характерного для этого возраста состояния аффективного равновесия между реакциями на дискомфорт и удовольствия (Выготский, 1984).

Проследим теперь линии аффективного развития в русле саморегуляции в процессе тонизирования, которое пока тоже происходит в пластичном взаимодействии, в подстройке мамы к комфорtnому для ребенка ритму общения в заданной им модальности.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Известно, что «правильное» (развивающее) поведение мамы в процессе общения характеризуется не только синхронизацией с проявлениями младенца. В условиях, когда ребенок может воспринимать и отвечать только в формах первого уровня, она, подстраиваясь под его возможности, тем не менее, обращается к нему всей системой смыслов и использует в пластичном взаимодействии с малышом формы и стимулы всех уровней.

Синхронизируются ритмы направленности ребенка на общение и обращения мамы, но и в периоды его пресыщения она ждет его возвращения и остается в готовности к контакту. Таким образом, она создает устойчивую пространственно-временную раму для вариативного поведения ребенка (*Stern, 1974*). Кроме того, в ритмическом согласовании обращений мама организует порядок очередности, задает ритмическую канву для встраивания звеньев будущего диалога. Таким образом, она заранее готовит возможность для включения в организацию общения механизмов более активного второго уровня.

Цель общения мамы и младенца – это возможно полное переживание общего удовольствия. И вступив в контакт, мама удерживает и подкрепляет его приятной сенсорной стимуляцией, разнообразит мимику и вокализации, высоту голоса, меняет дистанцию контакта, опирается на ритмические повторы обращений и привлекает новые впечатления (интуитивно нашупывая индивидуально приятную для малыша пропорцию предсказуемости и новизны).

Всем этим она не только удерживает его внимание здесь и сейчас, но и стимулирует развитие положительной избирательности, то есть запускает у ребенка развитие аффективных механизмов, постепенно раздвигающих временные границы сосредоточения. В то же время в пластичном общении на фоне подъема тонуса мама

предлагает ему опробовать не только переживания удовольствия и предсказуемости второго уровня. Индивидуально дозировано, очень осторожно, но она все же дает малышу впечатления всех уровней – общение несет новизну и даже некоторый риск непривычных ощущений, в нем происходит непосредственное заражение эмоциональными состояниями мамы, достаточно тонко и сложно определенными для нее личным смыслом происходящего.

Но сам малыш пока выделяет и осваивает, прежде всего, удовольствия телесные. Уже к двум месяцам начинает использовать для аутостимуляции не только механизмы первого уровня – пластичное впитывание впечатлений²⁰ и защиты от перевозбуждения (пресыщение, к циклам которого подстраивается мама). Он выделяет и начинает активно воспроизводить оральные, а потом и вестибулярные впечатления, получать удовольствие от движений – сосать кулак или угол пеленки, мотать головой, дрыгать ногами и руками.

Используя эти примитивные, но уже активные приемы аутостимуляции второго уровня, он получает возможность тонизироваться и успокоиться, даже когда мамы нет рядом. И, известно, что в условиях социальной депривации, хронического физического дискомфорта или другой патологии, затрудняющей общение, ребенок может задержаться в развитии средств саморегуляции и длительно фиксироваться лишь на этих самых простых способах.

В норме же мама предлагает пластичному ребенку все более сложные формы переживания общей радости. Все происходящее в ритмически согласованном контакте мама очень рано воспринима-

---

²⁰ М.К. Барышевская приводит свидетельства (*Korner, Thoman, 1970 – см.: 1995*) о наибольшей эффективности для успокаивания плачущего младенца позы, при которой мать прижимает младенца к плечу «столбиком», так, чтобы он мог видеть, что происходит вокруг.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ет и организует как диалог с ребенком, предоставляя ему эту форму взаимодействия «на вырост», так же, как и эмоциональный смысл, придаваемый его действительным и воображаемым «ответам»²¹. Собственный эмоциональный монолог осмысляется ею как диалог, при этом увеличиваются паузы ожидания ответа, и любая реакция ребенка осмысляется и включается в «разговор», если же она отсутствует, мама с удовольствием отвечает себе сама и процесс общения не прерывается (*Stern*, 1974, 1977).

И вот, примерно к трем месяцам и сам процесс общения (как немного раньше процесс ухода) становится для ребенка привычно ожидаемым удовольствием, а улыбка, взгляд и вокализация – средствами активного вовлечения в него взрослого (*Фигурин, Денисова*, 1949; *Лисина*, 1986; *Stern*, 1977 и др.). Сложившаяся привычность ситуации эмоционального контакта показывает известный «эксперимент с каменным лицом» (*Tronic*, 1979, 1989). Если в процессе игры с трехмесячным ребенком мать, даже оставаясь на месте, перестает эмоционально контактировать с ним, он, обманываясь в ожиданиях, выражает сначала удивление, а потом страдание.

В то же время, необходимо отметить, что характер организации привычных форм ухода и игрового общения различен. Более четкие и достаточно жесткие стереотипы взаимодействия складываются в удовлетворении «серезных» телесных потребностей. А в менее обязательных эмоциональных контактах, конечно, присутствует внешняя пространственно-временная организация, порядок обращений – рама, которую задает взрослый, но внутри нее и ребенок, и мама сохраняют большую пластичность и спонтанность эмоциональных реакций. Возможно, это происходит благодаря до-

---

²¹ М.И. Лисина (1986) указывает, что взрослый с самого начала относится к младенцу как к личности, наделяет его действия смыслом и тем задает ребенку «зону ближайшего развития».

минированию здесь именно эмоционального воздействия в общем потоке впечатлений и использованию мамой разноуровневых средств стимуляции, что тоже мешает сосредоточению ребенка лишь на каком-то одном удовольствии²². И эта сохраняющаяся эмоциональная пластичность общения дает ребенку возможность принимать новые впечатления, усваивать даваемые ему «на вырост» формы и эмоциональные смыслы общения, а взрослому позволяет стимулировать и незаметно даже для себя направлять его развитие.

Известно, что младенцы более всего отзываются на обращения, имитирующие их собственные проявления. Подражание младенцу является наиболее ранним способом направленного формирования его поведения. Нашей естественной и непосредственной реакцией на забавные гримасы ребенка, на активизирующуюся вокализацию является воспроизведение мимики и звуков, произносимых малышом, а ребенок в ответ начинает пластично откликаться на наши реакции. То есть основным содержанием согласованного «танца» раннего общения мамы и ребенка является их взаимное уподобление.

Такое воспроизведение ими друг друга не является бесстрастным и объективным отражением. В данном случае близкий становится особым избирательным зеркалом, не просто стимулирующим экспрессивность мимики и активность малыша в вокализации, а избирательно поддерживающим те ее проявления, которые ему интересны и приятны. Постепенно то, что повторяет взрослый, начи-

---

²² В случае синдрома аутизма, когда средства аутостимуляции развиваются у ребенка вне эмоционального общения со взрослым, они избираются им более однородно, формируются в экстремально жесткие стереотипы поведения (так же как и в бытовой адаптации), и полностью аффективно захватывают ребенка, экранируя от воздействий среды.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

нает доминировать и в проявлениях ребенка²³. Мимика и интонации становятся все отчетливей и выразительней²⁴, в гулении начинают преобладать звукосочетания, характерные для родного языка, фиксирующиеся позже в чертах лепета²⁵.

Н.Н. Авдеева и Н.Н. Хаймовская (2003) сообщают, что к трем месяцам поведение ребенка может достаточно тонко модулироваться как одобрением, так и мягким неодобрением его действий. Помощь в вовлечении младенца во взаимодействие, формы которого задаются самими близкими, обеспечивается особым стилем их подачи (*Stern, 1977*). Это ритмичность и повторяемость не слишком сложного и не слишком широкого репертуара обращений, но их характеризует эмоциональная насыщенность и особая очерченность контура эмоциональной выразительности, настойчивая стимуляция ребенка к имитации регулярно оставляемыми для него паузами. Наиболее явно, как известно, эта тенденция проявляется в типичной манере разговора матери с младенцем²⁶. В обзоре Р. Мухамедрахимова (2001) сообщается о выявлении сходных черт об-

---

²³ Этот способ «пристрастного отражения» постоянно используется нами в работе с более старшими детьми с аутизмом. Как показывает опыт, он является надежным средством и активизации, и направленного формирования речевых проявлений таких детей.

²⁴ Для освоения интонационного строя речи неслышащий ребенок должен уже в этом возрасте получить специальную помощь, иначе период сензитивности к его восприятию будет упущен (*Шматко, Пельмская, 2003*).

²⁵ Сообщается, что исходно младенец различает значительно больше фонем, чем это требуется для освоения родного языка. Способность к различению теряется, если фонема не используется в его окружении (*Werker, Tees, 1984 – см.: Мухамедрахимов, 2001*).

²⁶ Эта манера разговора, как справедливо отмечает Р. Мухамедрахимов, совершенно неестественна в общении взрослых людей, но нечто сходное по форме и выразительности можно найти в общении клоунов, представьте их интонацию:

- Здравствуй, Бим.
- Здравствуй, Бом.
- Ты где был?
- Я ходил навещать мою бабушку и т.д.

рашенной к ребенку материнской речи в сравнительных кросс-культурных исследованиях.

Сохранение ребенком особой пластиности в общении, возможность непосредственно усваивать эмоциональное состояние близкого крайне важно в возрасте 2-3-х месяцев и для развития бытового взаимодействия. Мы уже говорили о том, что, благодаря аффективной разработке стереотипа общей бытовой жизни, ребенок к двум месяцам проявляет явное удовольствие от прилагаемых к нему процедур ухода и кормления. Вместе с тем, становление механизмов второго уровня означает для него не только большее удовольствие от узнавания хорошего качества, он более четко выделяет и неприемлемое, становится привередливым и зависимым от соблюдения привычных условий жизни. Причиной плача теперь становится не только физический дискомфорт, но и нарушение сложившейся процедуры ухода, привычного режима (Сохина, 2003). Ограничение пластиности и развитие избирательности делает ребенка консервативным и соответственно более уязвимым – теперь для того, чтобы успокоиться и уснуть, он требует знакомых рук²⁷ или привычной бутылочки, страдает, как признает, если их не находит.

Как мы увидим это и позже, значительный прогресс в развитии аффективных механизмов и средств адаптации к постоянным условиям жизни имеет оборотную сторону – увеличение чувствительности к впечатлениям дурного качества. И вот теперь, в первый период проявления такой уязвимости, отмечается активная фиксация неприятных моментов, частных и, как это видит мама, реально неопасных для ребенка, но от которых его становится

---

²⁷ Сильная реакция протеста у младенца в том случае, если его берет на руки чужой человек, отмечается уже на втором месяце жизни (Brazelton, 1983).

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

трудно отвлечь. Проблемой может стать, например, введение в обиход новой соски вместо истрепавшейся старой. Ребенок становится особенно чутким к нарушению сложившихся форм ухода, и основным средством, которое помогает справиться с мучительным переживанием «сбоя» в привычном порядке вещей, в это время становится эмоциональное заражение – уговоры и ласка мамы.

Именно возможность синхронизации эмоциональных состояний позволяет им обоим благополучно пережить первый кризис возрастающей уязвимости. Эмоциональный контакт теперь становится не только общим удовольствием, но и средством организации ребенка в процедурах ухода. Эмоциональная пластичность позволяет малышу преодолевать консерватизм, задаваемый механизмами второго уровня, а взрослому вносить необходимые изменения, обогащать и усложнять стереотип повседневного «серъезного» взаимодействия. И все это, в свою очередь, стимулирует развитие средств поддержания контакта и эмоциональных взаимоотношений с близкими.

Таким образом, во-первых, мы видим, что складывающиеся аффективные стереотипы организации бытового взаимодействия матери и ребенка в норме отражают их индивидуальную избирательность, потому что формируются в процессе их спонтанной подстройки друг к другу, организуемой с помощью механизмов первого уровня. Во-вторых, сложившиеся и успешно действующие стереотипы не костенеют, не прекращают свое развитие, поскольку продолжают его тоже не изолированно²⁸, а в целостной системе взаимоотношений, в контексте развивающегося эмоционального контакта.

---

²⁸ Именно с этим мы часто сталкиваемся при патологии аффективного развития при детском аутизме.

Возраст с 2-х до 6-ти месяцев, как известно, является временем расцвета в развитии эмоциональной связи младенца и матери. В начале этого периода он осуществляется преимущественно в формах синхронизации и согласования. Пластичная подстройка друг к другу в этом возрасте очень хорошо налажена, но активность потребности ребенка в эмоциональном общении и его формирующаяся избирательность проявляются все более ярко.

Если раньше ребенка удовлетворяло простое присутствие взрослого, даже не обязательно мамы, то после трех месяцев он требует именно близкого и ждет активного проявления положительных эмоций, тревожится при его безучастности (*Tronic, Als, Adamson et al., 1978; Tronic, 1989; Баженова, 1985*). Формируется «комплекс оживления» – активного привлечения взрослого к контакту (*Фигурин, Денисова, 1949; Лисина, 1974 б, 1986*), улыбка, мимика, взгляд в глаза, вокализация становятся средствами социального взаимодействия, уравнивается активность ребенка и мамы в вокальном диалоге.

Потребность в эмоциональном контакте индивидуально определяется. Дети не только выделяют близких, но и начинают все более точно считывать их эмоциональные реакции (лучше положительные). Если раньше эмоциональная координация обеспечивалась непосредственным слиянием, аффективным заражением, то теперь эмоциональные состояния начинают фиксироваться и дифференцироваться. Известно, что пятимесячный ребенок может с удовольствием играть выражением своего лица в зеркале (*Brazelton, 1983*), а имитация им выражения лица матери приобретает более сложный характер, чем непосредственное отражение. Известно также, что к полугоду ребенок уже хорошо распознает основные эмоции и сам начинает соответственно ситуации обще-

ния выражать удивление, обиду, грусть, радость, растерянность, смущение.

Изменяется и содержание общения, оно не просто по возможности разнообразится, так было и раньше, – меняется интенсивность и пропорция в удовольствиях разных уровней активности. Теперь взрослый меньше стимулирует ребенка к созерцанию, игрушки начинают вкладываться ему в руку. Меняется характер физического контакта, малыша начинают более активно тормошить, мама чувствует себя более свободно и начинает озорничать в контакте.

И наиболее яркой формой общего удовольствия в это время становится даже не сенсорная стимуляция, а игровое воспроизведение самого момента установления эмоционального контакта – появление и исчезновение из поля зрения малыша лица взрослого. С игрой в «прятки» сходно и удовольствие, которое он получает теперь от отдаления и резкого приближения к нему лица взрослого. В то время как раньше он явно настораживался и пытался отклониться от надвигающегося на него объекта²⁹, теперь это становится одной из тех игр, которые впервые начинают вызывать у ребенка смех³⁰.

---

²⁹ Объект, надвигающийся на новорожденного, также как и нарушение равновесия, вызывал у него первый испуг, теперь эти впечатления все более включаются в веселую игру.

³⁰ Представляется, что появление смеха тоже может служить показателем актуализации для ребенка переживаний третьего уровня. Смех вызывается удовольствием от игрового риска, как бы сбоя в привычном порядке, вполне контролируемой шутливой угрозы, несовпадения с ожидаемым, например, надвигающейся и тормозящей ребенка мамы: «Сейчас я тебя съем» или резкого прерывания эмоционального контакта в игре в прятки. Бардышевская приводит данные о том, что после пятимесячного возраста маска, схематически изображающая лицо (оно, но и не оно), тоже вызывает у ребенка смех (*Sroufe, Wunsch, 1972* – см.: Бардышевская, 1995). А после года детей больше смешат события, причиной которых были они сами (*Emde, Bischbaum, 1989* – цит. по: Мухамедрахимов, 2001), то есть тоже впечатления третьего уровня, связанные с переживанием себя как субъекта действия.

И как мы уже отмечали выше, первое, что ребенок активно осваивает и начинает самостоятельно использовать – это способы аутостимуляции. Сначала, как мы видели, он овладевает самыми примитивными приемами самораздражения, но они очень скоро дополняются более сложными и разнообразными способами, хотя все они пока еще относятся ко второму уровню – циклическому, стереотипному воспроизведению зафиксированных малышом приятных ощущений. Конечно, это освоение в норме предполагает участие взрослого, ребенок чаще улавливает приятные впечатления в общей игре.

Мы помним, что взрослый очень рано знакомит малыша с яркой, звучащей игрушкой. При первой возможности он помещает ее в поле зрения, а потом вкладывает ее ребенку в руки и стимулирует к самостоятельному воспроизведению сенсорной стимуляции. А когда ребенок научается сидеть и пытается встать, особое удовольствие у него вызывают раскачивания всем телом, позже, вцепившись в край манежа, он с увлечением пружинит, приседает и поднимается. Представляется, что эти зафиксированные и стереотипно воспроизводящиеся ребенком впечатления можно связать с характерными для этого возраста циркулярными реакциями, описанными Ж. Пиаже.

Как нам кажется, их нельзя пока назвать истинным исследовательским поведением – малыш получает удовольствие еще не от новизны, а от воспроизведения определенного знакомого ему сенсорного впечатления или провокации тоже определенной аффективной реакции близкого. В то же время надо отметить, что в данном случае ребенок получает приятные впечатления уже не от самораздражения. Он активно взаимодействует с сенсорной и социальной средой и находит гораздо более сложные и активные спосо-

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

бы самостимуляции, чем успокоение себя с помощью раскачивания, сосания кулака или «рассматривания ручек» – перебирания пальчиками перед глазами³¹.

В норме, однако, наибольшее удовольствие и от циркулярных реакций – двигательной активности и действий с игрушками ребенок получает, если в этих развлечениях принимает участие взрослый, эмоциональная реакция которого подкрепляет сенсорное удовольствие. Поэтому он активно старается вовлечь близкого в подобную игру. Прыгает, например, с гораздо большей увлеченностью на коленях у взрослого, или выбрасывает игрушку для того, чтобы потребовать ее достать. При этом малыш радуется не только эффекту от ее падения, но и ожидаемой аффективной реакции со стороны взрослого. Такой же циркулирующий характер теперь приобретает и игра в «прятки».

Совместная циркулирующая активность, формируясь как способ аутостимуляции, влияет на дальнейшее развитие взаимодействия. Эмоциональный контакт, вплетаясь в нее, приобретает устойчивую ритмическую опору, теперь он уверенно и предсказуемо разворачивается во времени и привязывается к определенным условиям, игровым действиям, становится стабильно воспроизводимым, то есть тоже начинает организовываться механизмами второго уровня.

Если раньше родители создавали для ребенка внешнюю пространственно-временную раму, организующую его вариативное

---

³¹ К шести-семи месяцам потребность в таких примитивных способах саморегуляции становится меньше, поэтому сосание пальца, уголка пеленки, мотание головой, в норме перестает быть для ребенка столь актуальным (Brazelton, 1983). В условиях же ограничения эмоционального взаимодействия приемы саморегуляции ребенка развиваются преимущественно как способы примитивного самораздражения.

поведение, то теперь на основе его собственной циркулирующей активности (например, игры в прятки) создается первая внутренняя конструкция взаимодействия (*Ratner, Bruner, 1978*). В содержании общего «танца» перестает доминировать взаимное уподобление, появляется реципрокное взаимодействие – один выбрасывает игрушку, другой поднимает и подает.

В связи с этим, появляется возможность ввести в репертуар общения принятые в культуре ритуалы игрового взаимодействия с детьми раннего возраста. Для нас это, прежде всего, «Ладушки» и «Сорока-ворона», и начинают они закрепляться в контакте с ребенком теперь, когда появляется устойчивая основа их организации. Фиксируется простейший, но регулярно повторяющийся и легко произвольно запускающийся стереотип игры³², вокруг которого разнообразится сенсорная стимуляция и продолжает развиваться пластичное эмоциональное взаимодействие.

Таким образом, к пяти-шести месяцам игровые взаимодействия ребенка и близких взрослых постепенно приобретают стабильность и предсказуемость. До этого мы говорили о привыкании ребенка к знакомым рукам, к режиму, к подробностям ухода, когда близкий был важен как гарант стабильности жизненного уклада. Теперь же фиксируются и устойчивые, надежно воспроизводимые, дифференцированные формы общения, игры; эмоциональные отношения между младенцем и взрослым тоже начинают опираться на механизмы второго уровня.

---

³² Дж. Брунер придает исключительное значение этим устойчиво фиксирующимся и регулярно воспроизведящимся стереотипам игрового контакта для развития речи ребенка, связывает их с появлением первых слов. Он указывает, что именно эти многократно повторяющиеся ритуалы игрового взаимодействия впервые начинают обозначаться ребенком вербально (*Bruner, 1975*). И наш опыт коррекционной работы показывает, что возможность устойчиво использовать речь мутиной ребенок получает только при выработке устойчивых стереотипов контакта.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Это, в свою очередь, создает основу для дальнейшего развития и избирательной привязанности и устойчивой ориентации на взрослого.

Развитие эмоциональной координации позволяет теперь не только успокаивать, тонизировать ребенка и пластично оформлять его поведение. Во втором полугодии близкий с помощью эмоциональной реакции уже может активно и дифференцированно влиять на организацию поведения малыша, тонко модулировать его реакцию на происходящее. Ребенок становится, с одной стороны, более защищенным, поскольку внешнюю среду все более воспринимает опосредованно эмоциональным отношением матери, с другой стороны, снова более уязвимым и зависимым, только уже не от порядка и привычки, а от сохранения стереотипа эмоциональной связи с мамой.

Известно, что успехи в развитии устойчивых форм индивидуальной привязанности проявляются и в том, что в норме в возрасте около семи месяцев ребенок начинает болезненно переживать даже самую короткую разлуку с мамой, и далее эти трудности могут только нарастать, вызывать сомато-вегетативные нарушения, снижение иммунитета. Развитие индивидуальной привязанности, формируемой пока механизмами уровня аффективных стереотипов, оборачивается потерей пластиичности в отношениях с другими людьми. Известно, что в этом возрасте малыш начинает бояться или чувствовать замешательство в присутствии незнакомых, особенно чем-то необычных людей (*Смирнова, Кондратович, 1973; Уайт, 1982* и др.).

Это происходит не только потому, что ребенок уже отличает своих от чужих. Известно, что он и гораздо раньше, уже до полугода, выделяет мать, и это проявляется в «положительном узнава-

нии», в том, что именно в контакте с ней дети больше радуются и проявляют инициативу (Мазитова, 1979). Теперь болезненно воспринимается чужой человек и отсутствие близкого. Фиксация и дифференциация устойчивых форм, стереотипа эмоционального контакта оборачивается дезадаптацией ребенка в ситуации угрозы их нарушения.

И это на самом деле очень серьезный кризис уязвимости в жизни и ребенка, и мамы, поскольку именно в это время, казалось бы, достигнутой аффективной стабильности (Гезелл, 1932), она часто пробует несколько дистанцироваться от малыша, и появление неизвестного лица, как он правильно понимает, может действительно оказаться попыткой ее подмены. Как известно, этот сложный период может растянуться надолго и малыш может сформировать изощренные способы удержания мамы в сложившемся стереотипе их взаимодействия, отслеживать и реагировать на малейшие признаки того, что она собирается уйти. И понятно, что в этом случае никакая эмоциональная стимуляция, ласки и уговоры успокоить ребенка уже не могут.

Тем не менее, большинство семей благополучно преодолевают эти закономерно возникающие трудности. И выход из этого нового периода уязвимости так же, как и раньше, связан с дальнейшим аффективным развитием ребенка, как и раньше, мы будем отслеживать его, прежде всего, в русле развития средств саморегуляции. Но если в первом случае продвижение проявлялось в основном в развитии эмоционального контакта, то сейчас возрастает важность актуализации переживаний и других уровней (особенно третьего), дополняющих эмоциональную стимуляцию и противостоящих консерватизму сложившегося аффективного стереотипа.

Надо сказать, что и сам ребенок в ситуации тревоги, эмоционального дискомфорта активно использует доступные ему и уже

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

наработанные приемы аутостимуляции, связанные с переживаниями второго уровня. Он обращается к уже привычным для него циркулярным реакциям и при этом получает удовольствие не только от воспроизведения самих приятных впечатлений. Воспроизведение ожидаемого эффекта стимулирует у ребенка переживание освоенности окружающего мира, контроля над средой, дает возможность почувствовать надежность и стабильность в отношениях с миром. А в случаях хронического дискомфорта, он может временно вернуться и к более примитивным, но очень эффективным способам прямого заглушения дискомфорта – к сосанию пальца, уголка подушки, стереотипному раскачиванию, и т.п.

Все эти способы облегчают ребенку неприятные переживания, но не могут помочь ему справиться с самой уязвимостью. И более действенные возможности ее преодоления начинают закладываться во взаимодействии мамы и ребенка, еще до того, как этот кризис наступает (то же мы видели и в первом случае). Здесь необходимо отследить несколько линий аффективного развития, каждая из которых важна для преодоления этого кризиса и достижения качественно новой, менее жесткой стабильности в системе взаимодействия мамы и ребенка.

Во-первых, содержание совместных игр, построенных на основе ритмически организованных игровых стереотипов, во втором полугодии все более связывается с переживанием более активного третьего уровня. Теперь наибольшую радость и ребенку, и взрослому доставляет игра, связанная с нарушением равновесия – подбрасывание ребенка, его как бы соскальзывание с колен («...по кочкам, по кочкам, в яму бух!»). Стереотип взаимодействия, его ритм, цикличность, как и физическая и эмоциональная близость взрослого, позволяют малышу осваивать удовольствие от игрового риска.

Таким образом, он начинает активно обыгрывать аффективный механизм третьего уровня – экспансии, позволяющей воспринимать новизну без паники, активно осваивать неопределенную среду. Представляется, что именно подобная «тренировка» помогает ребенку легче воспринять ситуацию нарушения стереотипа, испытать удовольствие от неожиданности, что важно для преодоления его излишней зависимости от близкого.

Обыгрывание впечатлений риска в это время важно и по другим причинам. В это время физическое развитие ребенка позволяет ему начать отрываться от матери, отползать в сторону, менять ракурс взгляда на привычные вещи, сталкиваться с их неизвестными свойствами. Известно также, что психическая возможность обследования среды в это время неразрывно связана с сохранением тесного эмоционального и тактильного контакта с матерью.

Она сама стимулирует его к этим первым попыткам самостоятельности и даже на расстоянии, аффективно подстраиваясь³³, сопровождает его движение, комментируя действия и определяя аффективный смысл ситуации. Защищенность ребенка эмоциональной связью с мамой в это время почти абсолютна. К 9-ти месяцам малыш в случае неопределенности или явного конфликта информации, которую получает сам, и эмоциональной реакции мамы предпочитает довериться ей³⁴. Тем не менее, после каждой такой эскапады ребенок возвращается к матери, чтобы получить тактильный контакт и эмоциональный отклик – свою порцию ласки,

---

³³ Если раньше мама, согласуясь с поведением ребенка, имитировала его внешние проявления в заданной им модальности, то в 9 месяцев она аффективно подстраивается к его внутреннему состоянию, эмоционально сопровождает и стимулирует его действия (Stern Hofer, Hafit et al., 1985).

³⁴ Об этом говорят результаты экспериментов со зрительной иллюзией обрыва или с резким движением заводной игрушки, с неожиданным появлением незнакомца (Field, 1990).

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

одобрения и восхищения. Конечно, в норме он по большей части демонстрирует наличие «чувства края», но новое постепенно становится источником удовольствия, циркулярная активность уменьшается, ребенок действительно начинает экспериментировать со средой.

Параллельно начинается становление более сложных и активных форм взаимодействия мамы и ребенка, чем пластичное подстраивание и привычный стереотип. Мы знаем, что примерно с возраста полутора лет развитию эмоционального взаимодействия способствует его обращенность вовне. В терминах отечественной школы это означает, что эмоциональное общение лицом к лицу, превалирующее с 2-х до 6-ти месяцев, начинает уступать место общей игре с предметами (Лисина, 1974 б, 1986).

Уже отмечалось, что в норме приятное сенсорное впечатление доставляет ребенку больше удовольствия, если разделяется со взрослым и усиливается его реакцией. Это оказывается важным не только для решения задач регуляции внутренних состояний – успокоения, активизации, отвлечения от неприятного. Именно на основе общего удовольствия возникает возможность объединения внимания ребенка и взрослого уже не друг на друге, а на внешнем объекте и совместном действии с ним.

Структуру эмоционального взаимодействия при этом начинает задавать не ритуал совместной игры, основанный на циркулирующей активности ребенка, и реципрокном, но стереотипном взаимодействии, а раскрывающиеся по ходу действий с ним свойства предмета общего интереса, отслеживание результата совместных действий, игры-диалога с предметом. И это открывает возможности подключения к стимуляции механизмов как первого, так и третьего уровня, возрастает доля удовольствия от демонстрации

ребенку новых, неожиданных возможностей объекта общего интереса. Но самое главное, что общее сосредоточение на действиях с интересным предметом создает предпосылки для выделения и фиксации средств взаимного привлечения внимания, развития диалогического взаимодействия взглядов и действий и координации эмоциональных оценок происходящего.

Известно, что до начала общего сосредоточения на действии с предметом не происходит явного разделения вклада во взаимодействие его участников. Как было показано в исследовании, опытах С. Фаянс (*Выготский*, 1984) в 5 месяцев ребенок не обращается к взрослому с просьбой, выраженной взглядом или движением. Он просто тянется к привлекшему его внимание объекту и кричит, а взрослый должен сам понять и «автоматически» включиться в общее действие. Так это обычно и происходит в спонтанном подстраивании друг к другу, и в общем стереотипе взаимодействия³⁵.

Развитие операциональной стороны контакта, основанного уже не только на симметричной очередности и заданной ритуалом reciprocности, но и на взаимной координации внимания, происходит именно в совместных действиях с предметом общего интереса. Именно здесь и ребенку, и взрослому важно отслеживание результата собственной активности, поэтому в регуляции такого взаимодействия актуализируются механизмы третьего уровня. Если

---

³⁵ Бардышевская приводит данные о том, что, требуя игрушку, ребенок кричит и смотрит то на игрушку, то на руки матери (но не в ее глаза), как будто полагая, что его взгляд приведет руки матери в движение (*Austin*, 1962; *Harding, Gollnoff*, 1979 – см.: *Бардышевская*, 1995). Аналогичное поведение демонстрируют и некоторые старшие дети с аутизмом, которые могут надолго задержаться на этой ступени развития взаимоотношений со взрослым. Когда им что-то нужно, они тоже не смотрят на близкого, не поворачивают к нему головы, не показывают пальцем, а просто без всякого обращения подводят взрослого и кладут его руку на предмет, с которым нужно что-то сделать.

раньше малыш уже начал ощущать себя субъектом коммуникации, то теперь впервые формируется переживание себя как субъекта действия (*Мещерякова, Авдеева, 1993*). Становится возможной организация совместного изучения объекта, диалога с партнером в обследовании.

Обращение к взрослому в этой ситуации появляется достаточно быстро, и в мимике, и в крике начинает выражаться просьба (*Брунер, 1977*). Известно, что до 9-ти месяцев начинается взаимное прослеживание взгляда (*Collis, Schaffer, 1975; Scaife, Bruner, 1975 – см.: Мухамедрахимов, 2001*). Около 9-ти месяцев дети начинают активно использовать указательный жест, переводя взгляд с предмета на лицо мамы и следовать ее указательному жесту³⁶.

Начало развития диалога во взаимодействии с предметом позволяет продвинуться и в развитии форм эмоционального контакта. Ребенок начинает уже не только пластично заражаться эмоциональным состоянием, но направленно отслеживать реакцию взрослого, оборачиваясь по достижении цели за подтверждением правильности своих действий. Появляется феномен «социальной ссылки» – активного использования ребенком эмоциональной реакции мамы для оценки собственных действий.

Характерно, что ребенка начинают вскоре побуждать и к самостоятельной игре с игрушками, в которых наглядно заложены способы действия с ними: коробочки, которые можно открывать и закрывать, вкладывать и вынимать другие игрушки; надевать колечки на стержень, втыкать палочки в соответствующие дырочки, скатывать шарик по наклонной плоскости и т.п. Конечно, и в само-

---

³⁶ Известно, что Л.С. Выготский определяет функцию первых слов ребенка как указание, то есть связывает их с развитием координации внимания ребенка и взрослого.

стоятельной игре малыша в это время уже присутствует исследовательское поведение. Однако без активной эмоциональной поддержки близкого оно опирается в основном на механизмы первого уровня, и является следованием за возможностями, которые наглядно предоставляет игрушка. Именно поэтому такие игры могут очень занимать, даже завораживать малыша и становятся очень эффективным средством его отвлечения и успокоения.

Таким образом, мы видим, что игровое взаимодействие с мамой во втором полугодии позволяет все более актуализировать для ребенка приятные переживания третьего уровня, расшатывающие нацеленность на обязательное сохранение стереотипа контакта и лежащие в основе развития диалогического взаимодействия, а также снова активизируют успокаивающие и завораживающие переживания первого уровня. И одновременно идет продвижение в развитии механизмов четвертого уровня – произвольной координации эмоциональных оценок и организации друг друга в совместных действиях с предметами, что тоже составляет оппозицию замкнутости на жестких стереотипных формах эмоционального контакта.

Среди достижений малыша огромное значение для него и для близких имеют обычно проявляющиеся к концу первого года первые неоспоримые свидетельства его речевого развития. Это первые слова, связанные, как сообщает Дж. Брунер, с обозначением игровых ритуалов, или, как считает Выготский, с обращением и указанием. Нам хотелось бы здесь примирить эти заключения, и добавить к ним, что речевое развитие младенца, видимо, опирается на становление всех механизмов аффективной регуляции и, наоборот, западение в формировании каждого из них создает для ребенка специфические трудности в речевом развитии.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Аффективная пластичность позволяет младенцу воспринять и освоить фонематический строй, вокальную интонацию общения³⁷, которая в норме становится естественной матрицей высказывания, отражающей в общем виде грамматическую структуру родной речи, а потом воспроизводить слова в непосредственном подражании, к чему его постоянно побуждает взрослый. Складывающиеся устойчивые и постоянно воспроизводящиеся стереотипы контакта позволяют их зафиксировать, связать с определенной ситуацией, с человеком, с предметом и действием – появляются первые вербальные обозначения привычных игровых и бытовых ритуалов³⁸. Развитие взаимной координации внимания позволяет ребенку начать откликаться на имя и обращаться, реагировать на слова указания, слова просьбы и использовать их³⁹.

Представляется, что принципиальное значение имеет то, что в конце первого года жизни во взаимодействии взрослого с ребенком появляются и начинают занимать важное место игры, основанные на стабильном игровом воспроизведении моментов вербальной

---

³⁷ Известно, что неслышащие дети только в случае самой ранней коррекционной работы овладевают естественной интонацией (Шматко, Пельмская, 2003). Аутичные дети, имеющие трудности в развитии ранних форм общения, также характеризуются грубыми, трудно корректируемыми нарушениями просодики.

³⁸ Дети с аутизмом выделенной нами второй группы самостоятельно не используют слова обращения или указания, но могут стереотипно обозначать привычную ситуацию и свою нужду воспринятым от взрослого словесным штампом (дать пить, накрыть, хочешь гулять). А мутичные дети первой группы иногда могут эхолалично повторить за взрослым или даже самостоятельно произнести отдельные слова или даже словосочетания, но не могут их стабильно воспроизводить и использовать, поскольку не имеют сложившихся механизмов уровня аффективных стереотипов.

³⁹ Одним из наиболее характерных предвестников формирования синдрома детского аутизма в возрасте до года являются проблемы с объединением внимания, и у всех детей с аутизмом, даже при формально хорошем запасе слов, раннее речевое развитие характеризуется отсутствием обращений, слов и жестов указания, реакции на собственное имя, на указание и просьбу взрослого.

произвольной организации. Теперь они не просто играют вместе, а ребенка просят показать, как он играет: как показывает, где папа, где петушок на картинке, где часики; как хлопает в ладоши; как прощается; как обнимает маму. Совершение действия по просьбе эмоционально подкрепляется всеми близкими, и ребенок испытывает огромное удовольствие от демонстрации своих новых возможностей.

Эмоциональная подстройка взрослого к малышу в это время становится все более вербальной, комментирующей и осмысливающей для него происходящее. В это время идет активная, эмоционально насыщенная аффективная маркировка ближнего пространства и окружающих вещей, оценка поведения самого ребенка. Его много хвалят за правильное поведение (тащит в рот ложку или попросился на горшок), с другой стороны, начинают активнее обозначаться неодобрение и запреты. Понятно, что это важно для реальной организации уже много чего умеющего и начинающего передвигаться малыша. Теперь его не просто уносят прочь от опасного места, а начинают активно обозначать, что нельзя хватать грязное и горячее, куда можно и куда нельзя лезть, за что нельзя держать, в какие дырочки не стоит засовывать пальчик и т.п.

Характерно, что в это время запрет чаще всего не приносит желаемого результата. Ребенок может разгневаться, а может и оценить его как шутку, и провоцировать повторение развлечения (Авдеева, Хаймовская, 2003). Запрет часто даже с удовольствием воспринимается ребенком, но и это не означает, что он становится действенным. Грязя пальцем, он может с удовлетворением воспроизводить аффективно насыщенную интонацию запрета и тут же снова лезть к электрической розетке, запуская привычную циркулирующую игру с провокацией аффективной реакции взрослого.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Это не значит еще, что он сознательно дразнит маму, просто ему импонирует сама яркость ее ответа, в это время он только начинает ориентироваться на негативные реакции близких и пока не вполне выделяет их адаптивный смысл⁴⁰. Это понятно, до сих пор защиту от опасностей и неожиданностей взрослые целиком брали на себя, и его аффективное развитие шло в режиме комфорта. Теперь же безопасность малыша начинает реально зависеть от того, насколько он сможет адекватно среагировать на запрет мамы.

В норме для ребенка второго полугодия жизни значимым постепенно становится различие не только похвалы, одобрения, но и укоризны, в то время как ранее для него была характерна более чуткая ориентация на интенсивность эмоциональных проявлений взрослого (*Лисина, Мещерякова, Сорокина, 1983*). Однако основная драма выхода ребенка из режима полного эмоционального комфорта во взаимодействии с близкими связана уже с кризисом первого года жизни.

Подводя итог этого раннего этапа аффективного развития, можно сказать, что к 1 году оно обеспечивает достаточно сложную систему взаимодействия взрослый – ребенок. Хотя малыш в это время и начинает самостоятельно передвигаться, активно обследовать окружение и предметы, полную ответственность за его безопасность продолжает нести взрослый. Он принимает решения в угрожающих и неопределенных ситуациях, то есть имеет дело с зада-

---

⁴⁰ М.К. Бардышевская сообщает данные о том, что на протяжении первого года жизни дети предпочитают сосредоточиваться, различать и дифференцированно отвечать на положительные проявления родителей (*Walden, Ogan, 1988*). На негативные же ребенок этого возраста реагирует генерализованно, избеганием, почти не дифференцируя выражений (*Sorce, Emde, Campos, Klinnert, 1985*). Она же представляет данные (*Izard, 1971*) о том, что шестимесячные младенцы не различают выражения гнева на лице матери, дифференцированные адаптивные реакции младенца на проявления отрицательных эмоций на лице матери появляются ближе ко второму году (см. *Бардышеская, 1995*).

чами первого и третьего уровней, а также помогает ребенку преодолевать дискомфорт, сохранять эмоциональную стабильность и активность в отношениях с миром. В то же время в постоянных условиях в это время уже складывается привычный и удобный обоим стереотип домашней жизни и эмоционального взаимодействия, и сам ребенок вносит активный вклад в формирование способов разрешения задач второго и четвертого уровней.

В рамках устойчивых форм жизни продолжается определяющее индивидуальных потребностей, формирование прочных эмоциональных связей, фиксация и дифференциация ритуалов игрового и бытового контакта. На основе совместных предметных действий, общего исследовательского поведения начинают развиваться приемы взаимной организации внимания, координации жестов, взглядов и эмоциональных оценок, – то есть основной инструментарий диалогической и произвольно организованной коммуникации и взаимодействия.

Тем не менее, мы еще не можем говорить о том, что взаимодействие к 1 году организуется как сложившийся диалог, а взаимоотношения строятся с помощью истинных механизмов четвертого уровня, что малыш может по-настоящему терпеть или жертвовать своими желаниями. Пока он лишь получает непосредственное удовольствие от того, что – «хороший» и знает, чего делать «нельзя». Эмоциональные отношения со взрослыми о многом продолжают строиться на основе заражения – непосредственной пластичной восприимчивости ребенка к эмоциональному состоянию мамы, ее похвале или неодобрению, они фиксируются и воспроизводятся в общем аффективном стереотипе взаимодействия.

При том, что к 1 году для ребенка уже актуализируются переживания всех уровней, наиболее активным формообразующим ме-

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ханизмом адаптивного поведения остается аффективный механизм второго уровня. На его основе начинают складываться первые практические и социальные умения малыша – он более или менее регулярно дает знать, что ему нужен горшок, пытается держать ложку, усваивает первые слова и социальные навыки – учится здороваться, прощаться, показывать, давать по просьбе.

Проявлением активности в развитии уровня аффективных стереотипов становится возрастающая чувствительность ребенка к нарушению привычных форм жизни. Выделяются два таких периода особой уязвимости – первый около двух месяцев, когда ребенок начинает страдать из-за нарушения привычных форм ухода, и второй, начиная с семи месяцев, когда появляется особая чувствительность к разлуке с мамой и появлению незнакомца.

Аффективные механизмы, позволяющие ребенку преодолеть кризисы уязвимости и вступить в более активные и сложные отношения с окружением, первоначально актуализируются и формируются в решении задач саморегуляции. Сначала они культивируются в эмоциональном и игровом контакте с близкими как переживания общего удовольствия и только потом становятся средством организации «серезных» отношений с миром.

В связи с этим, в преддверии традиционно выделяемого кризиса первого года жизни мы снова должны обратить внимание на появляющиеся в это время способы саморегуляции системы взаимодействия ребенка и взрослого. Здесь мы будем искать возможности дальнейшего аффективного развития и преодоления первой настоящей угрозы разлада их отношений.

Наибольшее удовольствие, как уже говорилось, теперь доставляют игры с близкими, в которых ребенок по просьбе демонстрирует свои умения, обследует окружение и осваивает впечатления

риска. В то же время у малыша накапливаются и разнообразные самостоятельные приемы тонизирования и успокоения. Он начинает больше играть один – может стать созерцателем, засматривающимся на лучи света, или с удовольствием долго перебирать игрушки, не только воспроизводя знакомые сенсорные эффекты, но и получая удовольствие от новых впечатлений, у него появляется любопытство.

Постепенно уходят циркулярные реакции, и в игре малыш проявляет теперь большую гибкость, позволяющую ему «учиться» у игрушки и предметов обихода, которыми он с таким увлечением манипулирует. Экспериментируя с ними, он начинает действовать двумя предметами, соотнося их в пространстве, открывая и закрывая, вкладывая, втыкая, разбирай, нанизывая, то есть пластично следуя логике действий, заложенной в самой игрушке. Все это, однако, происходит в русле игры, поиска впечатлений, необходимых для поддержания активности в отношениях с миром, в «серьезных» же областях жизни, касающихся, например, еды или присутствия мамы, ребенок остается в достаточной степени консерватором и ждет соблюдения привычного порядка.

Опробование в игре механизма экспансии, исследовательского поведения необходимо для его дальнейшего развития, и, прежде всего – интеллектуального. Возможность испытать при сбое привычного хода событий не панику, а любопытство позволяет выделить препятствие на пути к цели, обследовать его, получить новую информацию и оценить результаты своих проб и ошибок. Именно в этом возрасте отмечаются первые попытки малыша конструктивно действовать с препятствием, не надеяться только на взрослого, а использовать для достижения цели какие-то подручные средства – палочки, веревочки, другие игрушки. Известно, что эти попытки

оцениваются как важный этап в интеллектуальном развитии ребенка.

Таким образом, в это время в ходе решения задач саморегуляции ребенок осваивает аффективные механизмы, подготавливающие его к самостоятельным контактам с меняющейся, неопределенной средой, и механизмы произвольной организации поведения, позволяющие близкому не потерять связь и контролировать поведение на расстоянии. В эмоциональных оценках близких повышается доля запретов и предостережений. И это чрезвычайно актуально для малыша в связи с началом его физического отделения от взрослого.

Кризис первого года

Появление возможности самостоятельно передвигаться связано с одним из наиболее выраженных кризисов в развитии ребенка. По Л.С. Выготскому, это период бурного формирования аффективной жизни, первых признаков возникновения детской воли. Если до сих пор периоды аффективной нестабильности были связаны с повышенiem уязвимости, с тревогами, возможными страхами ребенка, то наступающий кризис характеризуется, прежде всего, проблемами в организации ребенка взрослым, а в некоторых, вполне нормальных, случаях и некоторым регрессом в развитии речи, первых бытовых навыков, общим увеличением эмоциональной лабильности.

Рассмотрим подробнее, что происходит с ребенком в это время с точки зрения развития и координации аффективных механизмов организации поведения.

До года, как мы уже обсуждали, периоды аффективного комфорта закономерно чередовались с периодами увеличения ранимости, уязвимости. Благополучие определялось успехами в разреше-

нии задач организации жизненного стереотипа – опредмечивания потребностей и установления эмоциональной привязанности к близким, но с ними же связывались и следующие за ними трудности. Ребенок начинал страдать в ситуациях нарушения достигнутой стабильности. Конфликты с близкими в это время возникали в силу его консерватизма, слишком сильной приверженности совместно нажитым способам адаптации.

Преодоление излишней уязвимости в обоих случаях происходило с помощью близких, которые не только обеспечивали ребенку комфорт и защищенность, но и предлагали ему опробовать новые, более продуктивные способы саморегуляции, готовили к большей устойчивости в ситуациях сбоя жизненного стереотипа.

Все это время ребенок оставался неразрывно связанным со взрослым, который контролировал все происходящее с ребенком. В год ситуация резко меняется: в норме это связано с физическим отделением ребенка от близкого – он научается ходить.

Понятно, что происходящее становится основанием и для активного продвижения ребенка в выделении им себя из младенческого переживания «пра-мы»⁴¹. С началом передвижения перед малышом встает необходимость самостоятельно организовывать отношения с изменчивой средой: адекватно воспринимать ее динамику, устанавливать дистанцию, оценивать опасность. В работу должны включаться его собственные механизмы первого уровня. Мы предполагаем, что процесс их вхождения в общую систему аффективной организации поведения может быть рассмотрен как содержание кризиса психического развития первого года жизни.

---

⁴¹ Хотя уже и раньше, до года, переживание «пра-мы» постепенно дифференцировалось: дети начинали ощущать себя субъектом общения, потом и субъектом взаимодействия со взрослым, по-особому воспринимать свое отражение в зеркале (Мещерякова, Авдеева, 1993).

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Как известно, кризис первого года характеризуется появлением «поведенческих» трудностей, временным рассогласованием во взаимодействии ребенка с его близкими (*Выготский*, 1984). До сих пор вполне ладящий с ними, ориентированный на их одобрение, малыш может стать неуправляемым, импульсивным и даже опасным для себя. На прогулке он, не отзыаясь на оклик мамы, бежит по дорожке или, наоборот, застrevает надолго около каждого зabora или лужи, его невозможно оторвать от собирания камешков или увести от качелей. Дома он начинает «всюду лезть», выбрасывать вещи из ящиков, убегать из-за стола или, сосредоточившись на каком-то своем занятии, не реагировать на оклики и просьбы. Попытки заставить его быть послушным, запреты вызывают теперь бурный протест, возможно, агрессию. Весь сложившийся режим жизни, эмоциональное взаимопонимание оказываются в это время под угрозой.

И все же, нам кажется, что этот разлад нельзя еще назвать прямым конфликтом между ребенком и его близкими, пока это скорее противостояние взрослого и полевых тенденций, которые в это время «захватывают» малыша. До сих пор, как мы уже обсуждали, он использовал механизмы первого уровня не для защиты от мира (это брали на себя взрослые) а для вхождения в него, и задачей было не установление индивидуальной дистанции в контактах, а пластичное приятие предлагаемой формы. Поэтому, отделившись физически от взрослого, он, не имея своих индивидуальных механизмов защиты, усваивает динамику поля, подчиняется ей: в результате возникают неконтролируемые « зависания », трудности переключения и импульсивность в поведении, возможна потеря « чувства края ».

Структура его расширявшегося жизненного пространства, динамика окружающего начинают серьезно конкурировать с уже

сложившимся жизненным стереотипом, с привычными формами эмоционального взаимодействия ребенка и близкого. Об этом же говорит и достаточно частый в это время регресс уже сложившихся навыков, в том числе и речевых.

Характерны и традиционно складывающиеся способы преодоления этих трудностей. Приемом оказания ребенку «первой помощи» в подобной ситуации становится общение с ним на языке тех же самых полевых тенденций. Когда «не работают» прямые эмоциональные обращения мамы, ее просьбы и уговоры, единственным становится простое использование попутных полевых импульсов – ребенка можно переключить, удержать или увести, сказав ему: «Смотри, смотри, вон какая птичка летит», «Побежали-ка теперь по этой дорожке», «А вон какая лесенка, сейчас мы на нее залезем». Такое обращение позволяет разрешить конкретную задачу и сохранить общий стереотип взаимодействия.

Если взрослый не противопоставляет себя впрямую тенденциям поля, это позволяет ему сохранить эмоциональный контакт с ребенком и оказать ему поддержку в формировании механизмов его собственной защиты от непосредственных влияний поля. Это совместное упорядочивание открывшегося ребенку пространства, разработка аффективного стереотипа, обеспечивающего, с одной стороны, разметку опасностей в окружающем и разумное дистанцирование от них, а с другой, – безопасный, привлекательный и эмоционально осмысленный порядок.

В этом взрослый опирается на все уровни организации эмоционального контакта, на пластичное заражение, на уже существующие общие стереотипы жизненного уклада и на способность координировать эмоциональные оценки. Возможность относительно безболезненного выхода из кризиса связана со степенью

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

отработки всех этих механизмов в благополучный период докризисного развития.

Такая работа по аффективному упорядочиванию окружающего происходит, видимо, в традиционно принятых формах эмоционального комментария взрослым событий, происходящих вокруг, проговаривания хода взаимодействия с ребенком. С одной стороны, этот комментарий необходим взрослому, потому что только с его помощью он может организовать ребенка, избежав капризов и конфликтов, но, с другой – он доставляет огромное удовольствие и самому ребенку, так как отвечает его потребности связать происходящее в устойчивые, надежные стереотипы.

Одним из ощутимых результатов здесь становится увеличение словарного запаса, который обычно и отмечается взрослыми как продвижение в речевом развитии ребенка. Слова в данном случае становятся не только обозначениями ритуалов игрового и бытового взаимодействия со взрослыми, указаниями и просьбами, но и аффективными метками, с помощью которых ребенок начинает выстраивать свою первую устойчивую и узнаваемую картину мира.

Активное развитие словаря ребенка в этом возрасте во многом связано с его стремлением к упорядочиванию мира, номинация вносит вклад в аффективную организацию жизненного пространства. Речь ребенка развивается в общем комментария, и стимулируется обоюдным удовольствием от эмоционального контакта и совместного проживания удобного, надежного и в то же время аффективно насыщенного жизненного стереотипа. Как известно, очень рано ребенок сам начинает пользоваться этим организующим его речевым сопровождением. Эта функция характерной для данного возраста эгоцентрической речи, как известно, подчеркивалась Л.С. Выготским.

В рамках аффективного стереотипа взаимодействия продолжают развиваться способы разрешения задач четвертого уровня – начинается интенсивная передача жизненного опыта, касающаяся важнейших сторон обыденной жизни ребенка, и, как мы уже обсудили, прежде всего, определения возможной опасности. Характерно, что и в этот период ребенок вслед за взрослым с огромным удовольствием отмечает, что опасно и что «нельзя» делать. Такое выделение не пугает его, поскольку делает его мир еще более надежным: контрастно определенным, предсказуемым и потому уютным. Стереотип начинает строиться как развернутый эмоционально насыщенный ритуал «правильной» жизни, размеченной рефреном оценок «хорошо» и «плохо». Вскоре ребенок сам с удовольствием проявляет предусмотрительность, пунктуально отмечая приближение знакомой ступеньки, канавы или коряги и не одобряет легко-мыслия близкого, сошедшего с тротуара на «машинину дорожку».

Таким образом, выход из кризиса первого года жизни происходит тоже с помощью взрослого. Однако если в периоды уязвимости помочь касалась развития средств саморегуляции, повышения аффективной устойчивости ребенка, то теперь выход из кризиса связан с разработкой форм аффективной организации реальных контактов с миром. Они обеспечивают защиту ребенка от полевых тенденций и торможение его непосредственных реакций на случайные впечатления, идерживают его в аффективном стереотипе и эмоциональной логике взаимодействия с близкими.

Так, с помощью дифференциации, упорядочивания и эмоционального осмысления в общем стереотипе доступного малышу жизненного пространства ребенок и близкие осваивают средства совместного разрешения задач первого уровня.

Ограничение пластичности ребенка в отношениях со средой, введение механизма первого уровня в более сложный смысловой

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

контекст взаимодействия позволяет не только вернуть благополучие и согласие в отношения с близкими, но и, как мы увидим далее, начать более интенсивную разработку индивидуальных форм второго уровня сознания – дифференцированной, словесно определенной, устойчивой картины мира и первых навыков самостоятельной жизни.

Ранний возраст (между кризисами года и трех лет)

Благополучный период раннего детства, заключающийся между кризисами года и трех лет, также является периодом интенсивного аффективного развития. Усложнение отношений с миром обычно связывается в этом возрасте с успехами в сенсомоторном и речевом развитии ребенка. Мы остановим внимание на формировании обеспечивающих его аффективных механизмов и покажем, что достижением этого периода является еще один шаг к выделению ребенком себя из целостного переживания «пра-мы», вычленение из единого со взрослым жизненного стереотипа собственных механизмов второго уровня организации сознания.

Как обсуждалось выше, ребенок этого возраста в норме становится менее зависим от полевых тенденций и снова переживает период согласия с близкими и стабильного благополучия существования. В это время и сам он безусловно хорош для своих родных, и ему уютно в разрабатываемом вместе со взрослыми общем укладе жизни – все более определяется эмоциональный смысл происходящих событий, их порядок, предназначение вещей, что можно и что нельзя делать.

В то же время это и достаточно насыщенный и напряженный период развития, недаром он заканчивается бурным аффективным кризисом. Под прикрытием согласия, размеренности и благополучия общего стереотипа жизни начинают развиваться индивиду-

альные отношения ребенка с миром. Рождаются и фиксируются яркие, чувственно насыщенные, полярно окрашенные переживания, приобретается собственный аффективный опыт, определяющий характер и устойчивость складывающейся картины мира ребенка.

Возможность интенсивного накопления индивидуального аффективного опыта обусловлена уменьшением зависимости ребенка от структуры и динамики поля, именно это вновь позволяет ему сосредоточиться на разработке отдельных качественно важных впечатлений. Чрезвычайно значимыми для него опять становятся ощущения собственного тела, прежде всего приятные. Он начинает к ним прислушиваться, сосредоточиваться на них, известно, что в этот период могут на некоторое время вернуться игры, связанные с самораздражением. Однако внимание к телесным ощущениям работает теперь не только на аутостимуляцию, близкие отмечают, что малыш действительно в это время начинает лучше ориентироваться в них и при необходимости уже может показать, где у него болит.

С обострением внимания к телесным ощущениям связано обращение ребенка к чувственной стороне окружающего мира, которая в этом возрасте остается аффективно значимой для малыша и не затмевается еще вполне функциональным назначением вещей. Как уже говорилось, полевые тенденции не столь провоцируют его, он меньше стремится перебирать ощущения и может сосредоточиться и погрузиться в переживание подробностей.

Диван, который стоит в комнате родителей, навсегда запомнится не только своим цветом, но и мягкостью или жесткостью ворса, ощущением краев проплешиинки, запахом, который он чувствует, когда утыкается в него. Зеркало значимо не только потому, что ребенок причесывается перед ним вместе с мамой и самостоятельно

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

играет со своим отражением, но и самим блеском, холодом гладкой поверхности, радужными переливами по ее краям, а подаренная красная игрушечная машина навсегда запомнится острым запахом свежей краски и т.п. Любой предмет домашнего обихода, камушек, палочки на улице могут стать в это время увлекательной игрушкой, источником разнообразных ощущений, почти все дети в этом возрасте увлекаются пересыпанием песка, переливанием воды.

Теряя зависимость от структуры поля, ребенок становится теперь и более чувствителен к витальному смыслу происходящего вокруг, он легче «опознает» этологический знак ситуации. С одной стороны, это доставляет ему много удовольствия, и появляются, например, игры в укрытие, когда малыш с наслаждением залезает «в норку», «в домик» – под одеяло, под куст, под стол или в коробку, но с другой, увеличение восприимчивости к качеству, как всегда, оборачивается большей уязвимостью. Теперь он становится не только более адекватно осторожным (например, на горке, где раньше, в возрасте около года, мама поражалась его абсолютному бесстрашию). Часто он начинает ощущать угрозу даже там, где близкий, в силу своих «взрослых» установок, опасности не видит и тревоги ребенка может считать нелепыми.

В это время может возникать боязнь темной комнаты, собачки, опасения потеряться; ребенок может испугаться диспропорционального, возможно старого или болезненного лица. Страхи фиксируются, и с ними связаны впервые появляющиеся в этот период страшные сны. Пытаясь успокоить, развеять тревоги малыша, взрослый сталкивается с тем, что его эмоциональные установки становятся теперь уже не столь безоговорочны для ребенка.

Несмотря на то, что близкие продолжают сохранять свое влияние на эмоциональное состояние ребенка, они замечают, что его

переживание обретает индивидуальную глубину и не полностью совпадает теперь с оценкой взрослого. Это формирующееся личное своеобразие в отношениях с миром связано и с чуткостью к этологическому смыслу происходящего, и с более точным и разнообразным восприятием своих телесных ощущений, и с самостоятельным освоением малышом чувственной фактуры среды. Оно проявляется сначала более в русле саморегуляции – в развитии своеобразных игр, но скоро принимает вид ограничений, которые малыш теперь достаточно четко ставит и себе, и близкому. Он более определенно проявляет свои вкусы, становится прихотливым, например, избирательным в еде или в одежде, возможно, более брезгливым. Сталкиваясь с неожиданными реакциями малыша, близкие в это время часто говорят, что он становится «интересным»⁴².

Конечно, взрослый и при всех этих ограничениях и возможных «капризах», отражающих формирование индивидуального аффективного стереотипа ребенка, в целом продолжает определять для него эмоциональный смысл и значение происходящих событий, благодаря чему сохраняется единство общего уклада.

Кроме того, малыш зависит от близких и в решении задач саморегуляции. Несмотря на то, что он становится способен более самостоятельно поддерживать необходимый уровень активности в движении, в манипуляциях сенсорной средой, взрослый в это время продолжает помогать ему переживать неприятности и справляться со страхами. Близкие, однако, не могут теперь просто успокоить ребенка и снять его испуг своей непосредственной эмоциональной оценкой происходящего. Несмотря на уверения близкого

---

⁴² В это время мама может сказать подруге: «Знаешь, я раньше всегда знала, как он среагирует, что ответит мне, а теперь не знаю».

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

«совсем не страшно», «совсем не больно», неприятное переживание теперь остается для ребенка индивидуально значимым.

Помощь происходит за счет введения пугающего впечатления в более широкий аффективный контекст, в ткань уклада, где оно связывается и десенсибилизируется не только эмоциональной оценкой взрослого, но и другими актуальными смыслами всех уровней – уюта, приятного качества жизни, успехов ребенка, а также переживанием веселого риска. Формируется привычный ритуал защиты, например, перевернуть подушечку, если приснилось что-то «нето», с ситуацией испуга связывается магическая словесная формула, которая помогает ограничить его действие. И ребенок с готовностью откликается на эту помощь даже в случае реальной физической травмы: «чуть не упал», «у кошки заболи, у собачки заболи, а у Петеньки пройди», «сейчас мама подует, поцелует и все пройдет». Подобные способы защиты от неприятных переживаний, как мы обсудили выше, типичны именно для второго уровня аффективной организации сознания.

Заданный взрослым и совместно эмоционально осмысленный уклад, привычные стереотипы жизни направляют кристаллизацию индивидуального опыта. В процессе взаимодействия со взрослым формируются индивидуальные представления о времени и пространстве, предметности и константности окружающего мира.

Неотъемлемыми атрибутами общего уклада выступают вещи, окружающие ребенка, определяется и фиксируется их ценность, функциональная значимость, способы их использования. Эти же вещи, как уже говорилось, имеют для малыша и свою индивидуальную аффективную ценность, являясь источником ярких сенсорных впечатлений. Соединение переживаний функционально полезной и сенсорно привлекательной вещи становится, как нам кажется,

ся, аффективной основой развития индивидуальной картины предметного мира. Если раньше малыша больше «захватывали» отдельные сенсорные впечатления, которые он упорно воспроизводил с помощью циркулярных реакций, то теперь, когда его жизнь структурирована и осмысlena укладом, ребенка «очаровывают» свойства вещей. Мир обретает для него свою индивидуальную реальность, вещественность и постоянство именно благодаря выявлению и аффективной фиксации конкретных сенсорных качеств предметов.

Ребенок теперь сам активно контактирует со средой, но взрослый помогает ему упорядочить и систематизировать индивидуальный чувственный опыт, и здесь их установки полностью совпадают. Малыш с готовностью узнает, что предметы могут быть большими и маленькими, разными по вкусу, форме и цвету и получает удовольствие не только от разнообразных впечатлений, но и от связывания их в устойчивые чувственные комплексы. Это, как нам представляется, также отражает активность формирующегося уровня аффективных стереотипов. К концу этого периода он и сам может стать увлеченным собирателем «коллекций» игрушечек, камушков или пуговиц, обладающих особыми сенсорными свойствами. При этом, однако, он с особенным удовольствием утверждает, что собирает «полезные», то есть функционально определенные вещи.

Удовольствие доставляет упорядочивание и порядок. Малыш начинает задавать вопросы (что, где, когда) для реальной организации впечатлений, но часто он спрашивает и для того, чтобы снова и снова перебирать уже организованные в его опыте впечатления, любит задавать одни и те же вопросы, для того чтобы услышать знакомый ответ. Он начинает использовать игрушки функциональ-

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

но и с удовольствием воспроизводит знакомые моменты уклада, привычные действия близких – кормит куклу, укладывает ее спать и т.п.

Уклад создает стержень организации впечатлений, но в то же время определенным образом ограничивает ее. Поскольку именно уклад является основной движущей силой всего происходящего в жизни ребенка, то понятно, что для него пока не может стать значимым сосредоточение на отдельных причинно-следственных связях. Конечно, активно манипулируя предметами на практике, он уже понимает эти отношения, но они не находятся в центре его внимания. Известно, что вопрос «почему» действительно сначала не актуален для ребенка раннего возраста (возможно, по этой же причине у него в это время нет и направленности на четкое разделение живого и неживого, определение большей или меньшей активности движимых укладом субъектов и объектов).

Связь между происходящими событиями устанавливается с помощью их упорядочивания во времени. Однако, пока еще это не динамичные временные связи прошедшего, настоящего и будущего. Привычный ход событий жестко связывается ребенком в единый аффективный стереотип. Он задается ритмом общего жизненного уклада, надежно воспроизводится в круговом повторении смены дней, будней и выходных, времен года, домашнего режима, уходом и возвращением близких с работы. Все это создает характерное для раннего возраста переживание длительности происходящего: череда событий размечено воспроизводится, и время стоит на месте. Общий ритм уклада определяется ребенком и связывается с конкретными, аффективно значимыми для него событиями и вещами, с праздниками, с режимом его индивидуальной жизни – время купаться, гулять, обедать, убирать игрушки, ехать на дачу или идти встречать маму.

Получая все большую возможность передвижения, ребенок расширяет и аффективно осваивает свое индивидуальное пространство. Конечно, в целом оно тоже организуется общим жизненным укладом, но и связывается с присутствующими в нем близкими людьми, их вещами, любимыми и нелюбимыми бытовыми процедурами (папин стол, пространство под кроватью, где «живут» чемодан и горшок, двор с горкой и двор с собакой, угол сада, где растет куст смородины). Поэтому пространство тоже индивидуально прорабатывается ребенком, оно подробно, чувственно конкретно и связано самыми разнообразными аффективными и эмоциональными смыслами.

Известно, что в число неотъемлемых атрибутов вещи для ребенка входит ее словесное обозначение, и этот возраст характеризуется быстрым ростом словарного запаса за счет названий предметов и их свойств. Близкие активно способствуют этому, но имена получают вещи, имеющие для ребенка не только определенную взрослым функцию, но и свой собственный аффективный смысл, недаром он теперь часто пытается «поправить» взрослого и приспособить название к оцененным им самим свойствам предмета. И это, по нашему мнению, тоже отражает активность в развитии второго уровня индивидуального сознания.

Верbalное обозначение помогает фиксировать впечатление, и ребенок теперь получает возможность воспроизводить его в памяти с помощью слова. Понятно, что это играет огромную роль в формировании устойчивой индивидуальной картины мира. Известно, что именно с ранним возрастом связаны наши первые сознательные воспоминания, их особая конкретная яркость, аффективная окрашенность, организация на основе чувственных ассоциаций.

При сохранении общего уклада и тесной эмоциональной общности со взрослым ребенок начинает выделять и фиксировать, с од-

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ной стороны, стереотип собственной аффективной избирательности, собственных привычек и ритуалов, с другой – жизненные стереотипы близких; одним из средств их дифференциации также является конкретное предметное упорядочивание. Определение принадлежности вещи становится для ребенка аффективно значимо. И раньше вещь, связанная с близким, приобретала для него особое качество, становилась объектом интереса. Теперь малыш внимателен к самому порядку принадлежности и в какой-то момент может начать пунктуально требовать, чтобы вещи использовались только их «хозяевами» или, наоборот, воспринимать его нарушение как сверхумористическую шутку.

Ребенок и сам начинает проявлять себя как собственник. При этом «я» в его речи может еще активно не использоваться, но пометка «мое» уже сейчас становится для него аффективно значимой. Выделяются личные вещи: одеяло, подушечка, тарелка, ложка, чашка, игрушки, горшок. Часто в это время он вынужден выслушивать от родных шутливые упреки в жадности. При этом малыш искренне расстраивается, признает, что «некрасиво», но часто все равно не может отдать свою вещь, поскольку пока слишком «привязан» к ней как к неотъемлемому атрибуту своего жизненного стереотипа, разрушение которого он воспринимает трагически, поскольку переживание своего «я» в это время обеспечивается именно индивидуальным аффективным стереотипом.

На пике переживания собственности, как уже отмечалось, может начаться период собирательства, накопительства, когда коллекции мелких предметов (чем их больше, тем лучше) складываются в коробочку, которая становится заветной ценностью, и ребенок ревностно следит за ее сохранностью.

Также малыш обращает внимание и на характерные для окружающих действия, выражения, шутки, ждет их повторения и про-

воцирует на него близких. У него складывается разная манера отношений (с одним более фамильярен и требователен, с другим уважительнее, с третьим нежнее и т.д.), Утверждаются разные занятия с мамой, бабушкой или дедом, и он начинает следить за соблюдением сложившихся привычек.

Он начинает с особым вниманием относиться и к своим собственным проявлениям. Конечно, он и раньше сосредоточивался на них, поскольку они находились в центре внимания его близких, но теперь он сам фиксирует устойчивые признаки самого себя⁴³ и своих достижений. Важными становятся проявления себя в мире, их повторяемость и регулярность. Малыш гордо демонстрирует, как он забирается на ступеньку, показывает содержимое горшка и пустую тарелку, начинает делать куличики и чиркать карандашом. В большинстве случаев «картина» пока не претендует на название, но ребенок с удовольствием отмечает остающийся след. В это время он нуждается не только в общей эмоциональной поддержке мамы, но и в ее внимании к конкретному результату того, что он делает.

Характерно, что теперь взрослый дифференцированно оценивает его действия. Если раньше близкие радовались практически любой активности малыша, то теперь все более четко различают хорошее и плохое. Кроме того, «нельзя» относится теперь не только к внешней опасности, но и к неприемлемому для близких поведению ребенка. Как правило, в норме это означает для них не то, что малыш сам плох, а, то, что хороший ребенок не должен делать плохо. И на втором году жизни отрицательная оценка начинает становиться устойчивым ориентиром для ребенка. Таким образом, представ-

---

⁴³ Показано, что конец второго – начало третьего года жизни – это возрастной период формирования половой идентификации, чувства собственности, самой общей самооценки (Авдеева, Хаймовская, 2003).

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ления малыша о себе и своих поступках развиваются и упорядочиваются под контролем эмоциональной оценки близкого.

Как уже упоминалось, значимыми для ребенка становятся не только интенсивность, качество, но и регулярность, повторяемость своих действий. Ему важна стабильность в использовании навыков самообслуживания: бережно соблюдаются сложившиеся ритуалы в организации важнейших моментов обыденной жизни. Он сам следит за порядком: укладывание спать должно непременно включать и предложения попить, и привычный разговор, и высаживание на горшок, вне зависимости от того, насколько это ему действительно нужно; во время прогулки ребенок стремится охватить все привычные удовольствия – покачаться на качелях, съехать с горки, посидеть в песочнице, и т.д.

Известно, что именно в этот период жизни закладываются основы самоощущения, представления о постоянстве своего «я»; формируется схема собственного тела, ребенок начинает узнавать и показывать себя и близких не только в зеркале, но и на фотографии. Индивидуальный аффективный стереотип проявляется и в том, что малыш становится очень выразителен в контактах: любовь и нежность демонстрируются объятиями и поцелуями, близким даются ласковые имена. В норме в это же время он начинает активно использовать в речи личные местоимения.

Ребенок проявляет интерес к другим детям, и, кажется, ощущает свою общность с ними. По крайней мере, при случайной встрече они начинают смущенно переглядываться и улыбаться друг другу как члены одного тайного сообщества. Однако, несмотря на общее стремление к сверстникам, и даже при проявлении отдельных симпатий, устойчивых избирательных контактов пока не формируется. Радость доставляет общее движение, крик, физический контакт, то

есть непосредственное аффективное заражение. Удовольствие от возни с песком, с водой, с игрушечной машинкой усиливается, если рядом играет другой ребенок.

Таким образом, в этот межкризисный период у ребенка происходит интенсивное накопление индивидуального жизненного опыта. Дифференцируется физическое самоощущение, упорядочивается собственная картина окружающего, насыщенного ощущениями качества и этологического смысла, рождается переживание предметности, константности мира, особое аффективное восприятие времени и пространства. Отношения ребенка с предметным миром становятся менее опосредованными аффективными установками взрослого. Развитие индивидуального жизненного стереотипа создает основу для бурного развития восприятия и речи, для формирования бытовых навыков.

Выделение индивидуального аффективного стереотипа жизни позволяет сформировать устойчивое самоощущение – переживание «я», характерное для второго уровня сознания. Это проявляется в развитии представлений о схеме своего тела, фиксации своего изображения, в возникновении чувства собственности, устойчивых привычек в быту и во взаимодействии с близкими. Первые личные воспоминания, аффективно насыщенные и связанные с конкретными сенсорными ощущениями, с устойчивым ритмом уклада, позволяют создать фундамент аффективной стабильности личности. В это время начинается связывание и накопление впрок ярких чувственных впечатлений, индивидуальных привычек, ритуалов, позволяющих в будущем поддерживать нашу жизненную активность.

Вместе с тем, в течение этого благополучного периода в результате развития индивидуальных форм адаптации к стабильным условиям жизни ребенок снова может стать более брезгливым и пуг-

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ливым, что объясняется повышением впечатлительности в ситуациях плохого сенсорного качества и этологической угрозы. Как уже отмечалось, в это время вновь проявляются страхи и идет активное связывание отрицательных впечатлений в структуре аффективного стереотипа. Переживание уязвимости, как мы видели в более раннем возрасте, стимулирует развитие индивидуальных форм саморегуляции и эмоционального взаимодействия ребенка с близкими. Он продолжает нуждаться в их эмоциональной поддержке для переработки своего нового, более сложного аффективного опыта взаимоотношений с миром.

Теперь, когда в укладе дифференцируется индивидуальный аффективный стереотип ребенка, эмоциональное взаимодействие становится все более важным связующим звеном общей жизни. Наряду с непосредственным усвоением эмоционального состояния друг друга, большое значение приобретают знаки эмоциональных переживаний, вербальное структурирование впечатлений, в том числе получают постоянную словесную оценку проявления самого ребенка. Если раньше поведение малыша формировалось за счет его эмоциональной пластиичности, структуры внешних влияний, сложившихся рельсов стереотипов взаимодействия, то теперь появляется возможность ввести оценки «хорошо» и «плохо», «правильно» и «неправильно». Развитие самоощущения ребенка идет под эмоциональным контролем близких.

Можно сказать, что основными достижениями этого периода в развитии системы организации сознания и поведения являются становление механизмов индивидуального аффективного стереотипа (второй уровень) и закладка пока еще общих со взрослым механизмов эмоционального контроля (четвертый уровень). Таковы, если пытаться сформулировать это кратко, достижения ребенка в развитии отношений с миром на рубеже его трехлетия. Для того,

чтобы заглянуть вперед и понять, к какому новому шагу в их усложнении и активизации готовится ребенок, мы должны будем снова специально сосредоточиться на изменениях, которые происходят в это время в развитии средств его саморегуляции, поскольку предполагаем, что механизмы, позволяющие это сделать, созревают именно в этой области.

Обращаясь к развитию форм саморегуляции аффективных процессов, можно заметить, что на фоне удовлетворения потребности в стабилизации и упорядочивании индивидуальной картины мира, все большее место в жизни ребенка начинают занимать удовольствия, связанные с новизной и игровой трансформацией привычного порядка. Ребенок в это время часто становится шутником и провокатором и настолько активно экспериментирует с собственным телом и чувственной фактурой вещей, что может, заигравшись, совершив опасное для себя действие. Осваивая речь, он тоже играет: едва научившись говорить, начинает шуточно коверкать слова, пытается рифмовать.

Определив порядок принадлежности вещей и требуя его соблюдения от других людей, он сам получает удовольствие от игры в его нарушение. В это время рождается новая форма игрового подражания: если раньше оно осуществлялось непроизвольно в виде пластичного следования мимике, жестам, интонациям близких, то теперь малыш сознательно изображает их с помощью значимых вещей-атрибутов – бабушкиных очков, папиного портфеля и т.п. Это, конечно, еще не ролевая игра, пока ребенок может даже испугаться, если близкий начнет активно навязывать ему в игре чью-то роль.

Таким образом, в аутостимуляции ребенка наблюдается нарастание доли механизмов третьего уровня, когда удовольствие дос-

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

тавляют впечатления от игрового нарушения и восстановления привычного порядка.

Анализируя помощь, которую ребенку оказывает взрослый в активизации и поддержании аффективной стабильности, мы можем отметить, что в это время меняется характер эмоционального комментария близких. Уменьшается доля непосредственного сопровождения всего происходящего с ребенком (в норме он уже не столь нуждается в этом) и аффективно выделяются отдельные яркие сюжеты, связанные с событиями, приключениями, достижениями, в которых подчеркивается активная роль их участников – малыша, мамы, папы, бабушки. Ребенок с огромным удовольствием слушает эти рассказы о себе и близких, требует их многократного повторения и не позволяет пропускать уже знакомые любимые детали. С помощью такого комментария впечатление приключения и его сюжетная организация вплетается в уклад жизни и становится его яркой и неотъемлемой частью.

В это время одним из важных моментов общения ребенка и близкого традиционно становится эмоционально насыщенное чтение и рассказывание сказок. Набор сказок сначала ограничен, потому что малыш долго обживает полученные впечатления и требует их постоянного воспроизведения. Известно, что истории, которые его привлекают, подобно присказкам, сопровождавшим ранние ритмические игры, rhyme-words и опираются на повторы. Они насыщены чувственными деталями и обращаются к знакомым бытовым ситуациям. В то же время они обязательно содержат впечатления с отрицательным этологическим знаком – страшных животных, налетающих птиц, потерявшегося в лесу козленочка, наконец, просто угрозу – «сейчас я тебя съем».

Эти-то впечатления его особенно захватывают. Раньше испуг от подбрасывания на руках веселил его, потому что перевешивало

ощущение абсолютной уверенности в том, что взрослый поймет его. Теперь страшный сюжет начинает переживаться в символическом плане, но пугающее впечатление умеряется близостью мамы, связывается и десенсибилизируется мерными повторами (колобок, теремок и т.п.), ритмическим узором ее интонации, стихотворной формой и уравновешивается сенсорно яркими деталями, шутливыми прозвищами и приговорами.

Характерны и классические иллюстрации к этим первым сказкам и присказкам (Ю. Васнецов, В. Конешевич и др.), обычно дети очень любят рассматривать «картинки» вместе с близкими и слушать их комментарий. В них тоже стимулируются положительные переживания второго уровня: очень важен цвет и ритм, орнамент, в который включается много ярких чувственных деталей: ягодки, листики, капуста на грядке, ребенок в окошке, каша в тарелке, куры, петухи, мышки, яркий фартук на сороке-вороне. Эти рисунки рассматриваются вместе с ребенком по множеству раз⁴⁴.

---

⁴⁴ В дальнейшем развитии символических форм переживания страшного можно выделить переход к прозаическим сказкам о животных. Здесь пугающий эпизод уже не столь прочно связывается орнаментом приятных впечатлений, а выходит на первый план как сюжет приключения и преодоления опасности, хотя и здесь он активно поддерживается впечатлениями уюта и достатка второго уровня. Кардинальная же победа над опасностью достигается в волшебных сказках, которыми будет наслаждаться уже дошкольник. Здесь могут использоваться самые жуткие детали и смертельные угрозы, ведь у героя есть волшебная палочка или еще что-то такое, что абсолютно гарантирует хороший конец.

И, наконец, параллельно с этим начинает использоваться сказка нравственная. И сюжет-то в ней часто связан с нечаянным отступлением от нормы (заигралась с подружками и не уследила за братцем), и восстановление благополучия связано с возвращением к нравственной норме (была вежлива, не поленилась, угостила, помогла). Сказка развивается по незыблемому закону: с маленьким, если он «хороший» и следует правилам хорошего поведения, ничего дурного не случится, и ребенок, переживая пугающий эпизод, заранее уверен, что все хорошо кончится. Создается аффективный стереотип уверенности в безопасности под защитой уже не конкретного близкого взрослого, а общего правила: поскольку он сам «хороший», то автоматически (магически) является неуязвимым.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Кроме того, страшное умаляется и эмоциональным сопереживанием. В отличие от собственных развлечений и шуток, вместе со взрослым малыш не просто проживает игровое нарушение и восстановление аффективного равновесия, стимулируется чувство постоянной эмоциональной опоры, гарантия безопасности, прежде всего в том, что сюжет страшной сказки они переживают вместе.

В это время для малыша начинает закладываться и еще одно основание чувствовать себя неуязвимым в превратностях происходящего. Мы уже говорили о том, что в это время начинается собственно «воспитание» – отслеживание и оценка близкими проявлений ребенка. В норме любимого и хорошего малыша не осуждают, а заботливо предостерегают от отступления от норм, очерчивают для него границы хорошего. В тоже время эти границы отмечают и безопасную зону – с ребенком, который себя хорошо ведет, ничего дурного случиться не может.

Так, в русле саморегуляции идет интенсивная стимуляция аффективных механизмов второго, третьего и четвертого уровней сознания, связывающих деструктивные переживания, обеспечивающих аффективную стабильность в неопределенных условиях и поддерживающих развитие социально адекватных, «правильных» форм поведения. Это является для малыша чрезвычайно актуальным, потому что он вступает в следующий этап своего развития и должен пройти через еще один неминуемый кризис становления системы аффективной организации отношений с миром, традиционно выделяемый как кризис трех лет.

Мы постараемся показать, что он, как и кризис первого года, может рассматриваться в связи с освоением ребенком аффективных механизмов приспособления к меняющимся условиям жизни, но теперь это механизмы активной адаптации. И их актуализация в

реальной жизни связана и с физическим развитием малыша и с овладением им уже многими навыками самостоятельной домашней жизни.

Кризис трех лет

Этот бурно протекающий кризис, как известно, характеризуется появлением новых серьезных проблем во взаимодействии ребенка с близкими. Трудности поведения проявляются в упрямстве, негативизме, потребности ребенка во что бы то ни стало настоять на своем. Как отмечает Л.С. Выготский, стремление сделать, как решил, может сохраняться у ребенка не только наперекор просьбе близкого, но даже в конфликте со своим собственным непосредственным желанием.

Таким образом, в данном случае эти трудности связаны не просто с усложнением аффективных параметров среды, с которыми взаимодействует ребенок, как это было в период кризиса первого года жизни. Тогда возможность передвигаться самостоятельно поставила его в условия непосредственного контакта с динамично меняющейся средой. Теперь шаг к более активному взаимодействию с миром обусловлен достижениями в его психическом развитии, и, как нам кажется, прежде всего, усложнением структуры аффективного переживания. Л.С. Выготский предполагает, что содержанием кризиса трех лет является нарушение непосредственно го единства эффекта и действия внутри ситуации. Попытаемся рассмотреть подробнее, какие механизмы могут за этим стоять.

Кризис трех лет отмечен, как известно, не только поведенческими трудностями, но и началом утверждения ребенком своей самостоятельности – «я могу», «я сам», появлением вопросов «почему», появлением развернутой фразы и диалога в речи, сюжетной игры. Далее мы постараемся доказать, что трудности и достижения

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ребенка внутренне взаимосвязаны и отражают необходимый этап развития механизмов его индивидуальной экспансии.

Вернемся в канун развития кризиса, когда малыш уже воспринимает себя как устойчивую индивидуальность. Уже в значительной степени дифференцированы и фиксированы ощущения телесного «я», он узнает себя в зеркале и на фотографии, ощущает собственником вещей, носителем определенных качеств и умений. В укладе для него начинают более ярко выступать отдельные сюжеты, связанные со значимыми событиями, достижениями и приключениями⁴⁵.

В этих разных по содержанию сюжетах выделяется и специально проигрывается сбой в привычном порядке вещей и его преодоление, в котором активную роль играют ребенок и близкие взрослые. Создается основа для развития притязаний ребенка на результативное вмешательство в ход происходящих событий. Причинно-следственные связи (прежде всего в русле собственных взаимоотношений с миром) перемещаются в центр внимания ребенка.

Если для двухлетнего ребенка наиболее аффективно значимыми в окружающем были свойства вещей, и он был занят их выявлением и упорядочиванием, то сейчас актуальным становятся выделение сюжета. Именно препятствие, давая непосредственный импульс экспансии и формируя ее сюжет, становится для ребенка наиболее аффективно значимым. Можно сказать, что в это время поведение малыша начинает определяться его взаимодействием с полем препятствий.

Необходимо учесть, что ребенок оказывается в поле препятствий, еще не наработав индивидуальных механизмов организации экспансии – у него нет реального опыта активных отношений с ми-

---

⁴⁵ В ходе вещей начинает просматриваться ход событий.

ром, не сформирован уровень притязаний, позволяющий адекватно оценить, принять или не принять возникшую проблему как собственную. Он владеет отдельными сюжетами, проработанными вместе со взрослым, но, оставшись один на один с полем препятствий, в неопределенной ситуации, снова, так же как во время первого кризиса, может актуализировать только механизмы первого уровня пластиичности. Возникает особое полевое поведение – ребенок становится не просто импульсивен – он захватывается именно препятствием, не может оторваться от него и стремится воплотить возникшее намерение во что бы то ни стало.

Пока нельзя сказать, что это именно личное намерение ребенка. Оно может возникнуть импульсивно, спровоцированное случайным, «ближайшим» препятствием, и разрушить отлаженный стереотип жизни. Запреты взрослого могут восприниматься теперь тоже как препятствие. Если раньше ребенок с удовольствием повторял за взрослым «нельзя», потому что это отвечало его потребности структурирования мира, то теперь такое же «нельзя» вызывает у него реакцию гнева, стремление обязательно настоять на своем. И в том, и в другом случае малыш может сожалеть о нарушении ценимого им привычного хода событий, часто он сам не рад тому, что скандалит с близкими, но новый запрет будет снова провоцировать его. Если между годовалым ребенком и близкими вставали сенсорные впечатления, то теперь малыша захватывает поле «сражения» с запретами и препятствиями.

Обращение к эмоциональным оценкам происходящего, призывы к его привязанности к близким в это время могут не иметь успеха. Более того, апелляция к еще не сформированным в это время индивидуальным механизмам четвертого уровня может поставить под угрозу отношения с ребенком. Не имея сил отступиться

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

(поступиться) от своих устремлений, ребенок может вгорячах взбунтоваться и попытаться обесценить и отношения, которыми он на самом деле очень дорожит, и право близкого на контроль его действий.

Серьезным проблемам в организации взаимодействия сопутствуют успехи ребенка в речевом и интеллектуальном развитии. Способность сконцентрироваться на преодолении препятствия дает ребенку возможность вести с ним активный, развернутый диалог, учитывая обратную связь. Это способствует формированию картины мира, построенной с учетом причинно-следственных связей. Именно в это время ребенок начинает активно задавать вопросы «почему». Совместное сосредоточение на разрешении общей задачи или разворачивание игрового сюжета, обсуждение с ребенком целесообразности и возможности исполнения его желания (попытки договариваться) стимулируют развитие развернутой фразовой речи и позволяют ему начать вести настоящий диалог с близкими. Все это было бы невозможно без включения в действие механизма экспансии.

Отношения взрослых с детьми закономерно усложняются: близкий выступает теперь и как центр уклада, и как объект эмоциональной привязанности, и как постоянное ограничение в осуществлении намерений. Как предметный мир начинает упорядочиваться причинно-следственными связями, так социальный семейный мир начинает дифференцироваться в иерархической структуре. Ребенок делает попытки самостоятельно проверять ее прочность, так же, как и прочность запретов. Эта «вредность» отражает необходимый момент развития ребенка, в результате этих «позиционных боев» он оказывается способен адекватно определить границы возможного и свое место в иерархии отношений близких, но и здесь он подходит с позиции «все или ничего», ко-

торая показывает, что задачи третьего уровня он в это время пытается решить средствами первого.

Кризис обостряется, если близкие ведут себя категорично и настаивают только на старых формах взаимодействия, стремятся «переломить» бессмысленное упрямство. В этом случае взрослый воспринимается ребенком в основном как препятствие, и контакты принимают привычную форму «сражений». Если же взрослые вступают в диалог, «входят в положение» малыша и стараются найти компромисс – совместить выполнение намерения ребенка с сохранением сложившегося уклада и одобрением близких, которым он тоже очень дорожит, то разлад во взаимодействии постепенно преодолевается.

Успешный выход из кризиса связан, таким образом, не с подавлением и даже не с ограничением механизма экспансии, а с его развитием, как диалога с обстоятельствами и введением в контекст эмоционально осмысленного уклада, в общие для ребенка и взрослого правила жизни. Такая возможность готовилась близкими заранее, еще до явного проявления трудностей. Отдельные сюжеты «подвигов» малыша уже тогда вводились ими в привычный ход жизни. Теперь, при обостренном стремлении к переживанию успеха, малыш выходит за рамки фиксированных сюжетов, примеряя на себя героическую роль.

В собственных играх ребенка это может происходить без учета эмоционального знака героя. Самый милый и нежный малыш объявляет себя разбойником и с упоением, выскачивая из-за угла, расстреливает любимых родителей. В данном случае для него значим не эмоциональный смысл, а интенсивность переживания победы. Близкие же как в игре, так и в реальной жизни предлагают ему роль, которая дает ему возможность совместить и то, и другое. В

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

игре это может быть «пожарник» или «добрый молодец», в жизни мамина «главный помощник» или «наш силач». Героическая роль, предлагаемая малышу, соответствует всем его стремлениям и позволяет ввести его экспансию в контекст эмоционального качества – поставить ее под контроль общих со взрослым механизмов четвертого уровня.

Введение экспансии ребенка в рамки совместной жизни важно не только ради восстановления благополучия в его отношениях с близкими, но и для дальнейшего развития его собственных аффективных механизмов. Как говорилось выше, в возрасте трех лет малыш еще не выбирает цель, не формулирует и не удерживает самостоятельно намерение. Он находится скорее в страдательной позиции – препятствие аффективно захватывает его и удерживает в поле напряжения незавершенной задачи, выйти из которой он может только через ее разрешение (реальное или игровое). Поэтому понятно, почему ребенок в этот период так нацелен на успех и воспринимает неудачу или безапелляционное утверждение «ты этого не можешь» как катастрофу.

Таким образом, для малыша актуально пока само конкретное достижение, а не конструктивный диалог с препятствием и даже не игра с обстоятельствами, именно поэтому близкие расстраиваются из-за его «бессмысленного» упрямства. Ему трудно не только гибко менять уровень своих притязаний, но и вообще учитывать реальные границы своих возможностей. Пока он не готов еще к самостоятельному активному взаимодействию с меняющимися обстоятельствами, и механизмы экспансии должны дозреть с помощью взрослого, под защитой уклада и правила, где эмоционально осмыслены и выбор, и последовательность постановки задач.

В идеале близкий не мешает развитию активности малыша, а формирует поле его экспансии. Оно может структурироваться, во-

первых, с помощью социальных ролей ребенка, дающих ему возможность осуществить экспансию в правильной форме и получить при этом одобрение, эмоциональную поддержку близких; вторых, посредством выстраивания конкретных возрастных ступеней достижений, помогающих ребенку чувствовать себя большим по сравнению с «ничего еще не умеющими» малышами и прочерчивающих перспективы взросления: в этом году научился ездить на велосипеде, а будущим летом будешь «гонять» на нем.

Выстраивание таких четких ориентиров, с одной стороны, позволяет малышу постепенно научиться переживать неудачу при условии, если она выводится взрослым за рамки положенных ему возрастных достижений. С другой стороны, помогает ему определить границы своих реальных возможностей, приблизиться к ним с риском потерпеть неудачу, которая в этом случае совсем не так болезненна, потому что такое достижение – для совсем больших ребят.

Между кризисами трех лет и подросткового возраста

Данный этап занимает все дошкольное и школьное детство, и мы не претендуем на серьезный анализ тенденций этого периода психического развития ребенка. Если все же попытаться выделить самое общее в этом значительном и разнообразном отрезке жизни, то можно, наверное, сказать, что это самый плодотворный и самый спокойный период социализации ребенка, разделяемый, однако, очень важным для аффективного развития кризисом семи лет. Ребенок становится более управляем близкими, постепенно научается руководствоваться правилами социального взаимодействия, произвольно сосредоточиваться и направленно учиться. Важно выделить также успехи в развитии верbalного мышления, появление способности к обобщению и формированию понятий.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

В это время собственный опыт взаимодействия со средой и людьми организуется все более с помощью обобщенного человеческого знания, структурируется дифференцированная и устойчивая картина мира, в которой, может быть, более важное место, чем причинно-следственные связи, занимают нравственные правила и законы. Можно предположить, что эти успехи обеспечиваются развитием у ребенка индивидуальных аффективных механизмов четвертого уровня организации поведения и сознания. Именно появление произвольности в поведении, как известно, является основным признаком готовности ребенка к обучению в школе. Так же, как в раннем возрасте, ребенок осваивает индивидуальные способы адаптации к устойчивым условиям жизни. Но, если раньше шло формирование индивидуального аффективного стереотипа в отношениях с миром, то теперь складывается его способность к самостоятельному эмоциональному контролю.

Одним из косвенных доказательств правильности этого предположения может послужить анализ особенностей вновь появляющейся в этот спокойный период развития уязвимости ребенка. Мы проследили уже, что до сих пор все успехи ребенка в отработке аффективных механизмов адаптации к стабильной среде всегда оборачивались для него ростом ранимости в контактах с миром, характер которой тесно связан с увеличением чувствительности к впечатлениям разрабатываемого уровня сознания. И вот теперь формирующаяся произвольность может отзываться нарушением пластичности в эмоциональном контакте.

И если в период от года до трех лет ребенок был особенно чувствителен к сенсорным качествам, этологическому смыслу ситуации, к сбою в реализации индивидуально опредмеченных потребностей, то теперь он становится более стеснительным, более ранним в оценке своего соответствия ожиданиям других людей. В это

время возникают и фиксируются страхи не оправдать ожидания и быть нелюбимым, отвергнутым другими⁴⁶. Именно подобный тип уязвимости может свидетельствовать о развитии у ребенка индивидуальных механизмов эмоционального контроля. И характерно еще, что этими страхами ребенок не очень делится даже с близкими, они часто остаются его личными переживаниями.

Как известно, Л.С. Выготский (*Выготский*, 1984) связывает с этим возрастом (кризис семи лет) дифференциацию внутреннего и внешнего, открытие ребенком самого существования своих переживаний, появление возможности осмысленно ориентироваться в них, возникновение самооценки как некоторых «запросов к себе» (*там же*, с.380), борьбы переживаний, внутреннего конфликта и выбора.

Появление иерархической структуры индивидуального переживания, с одной стороны, становится аффективной основой развития способности к символизации, обобщению и классификации, а с другой – неминуемо заставляет ребенка ощутить отдельность своего внутреннего мира⁴⁷, неоднозначность его отношений с идеальным нравственным правилом. В это внешне спокойное время ребенок часто глубоко переживает «изгнание из рая» непосредственной общности с близкими людьми.

Анализируя эту ситуацию, Л.С. Выготский отмечает, что «ребенка 7 лет отличает прежде всего утрата детской непосредственности» (*Выготский*, 1984, с.376), поведение его становится натянутым и манерным, в нем появляется что-то «нарочитое, нелепое и искусственное». И как ребенок раннего возраста, фиксируя свой физический облик, играет с его изменением, кривляясь и гримас-

---

⁴⁶ Возможно возникновение тревоги, является ли ребенок родным в своей семье.

⁴⁷ В это время ребенок также начинает осознавать свою личную смертность, часто возникают страхи смерти родителей, тревога за них.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ничая у зеркала, так и ребенок семи лет, осваивая свой внутренний образ, может начать паясничать, строить из себя шута.

Рассмотрим подробнее характерные для этого возраста способы помочи ребенку в преодолении кризиса. Конечно, взрослые поддерживают ребенка, он получает много впечатлений, уравновешивающих его эмоциональный дискомфорт: новый престижный социальный статус школьника; особые, его собственные, часто очень эмоционально насыщенные отношения с учителем. Отмечаются и подкрепляются успехи в обучении, поощряется соревнование с другими детьми, стимулируется развитие учебных интересов и увлечение новыми знаниями.

Вместе с тем, необходимо отметить, что уже в дошкольном возрасте у ребенка появляются в этой области новые самостоятельные возможности поддержания активности и аффективной стабильности. Они связаны с вхождением в группу сверстников, развитием форм их аффективного взаимодействия и, прежде всего, сюжетно-ролевой игры. Именно совместная игра со сверстниками стимулирует переживания всех уровней и позволяет выбрать из всего богатства впечатлений общего движения, уюта привычного уклада жизни, новизны, игрового испуга и риска, приключения, героической победы, эмоционального заражения, сопереживания, взятия на себя высоко значимой социальной роли наиболее для себя нужные⁴⁸.

В связи с этими новыми возможностями ребенок постепенно становится более аффективно независим от родителей. Сначала,

---

⁴⁸ Ценность общей игры, сохранения общей детской компании, позволяющей реально отрабатывать отношения иерархии, соперничества, дружеских связей стимулирует развитие произвольной организации поведения. Возникновение игры с правилами, как отмечает Й. Хейзинга (1992), обусловлено необходимостью сохранять партнеров игры.

теряя внутреннюю устойчивость, которую ему давало переживание «пра-мы», он продолжает нуждаться в эмоциональной поддержке взрослых, в их похвале, ободрении, стремится производить хорошее впечатление, тяжело переносит разлад с ними, воспринимает их отрицательную оценку как отвержение (особенно в период его уязвимости). Позже, однако, эти переживания в значительной мере теряют свою остроту. В норме ребенок находит для себя новую аффективную поддержку, новое «мы» и начинает опираться на переживание аффективной общности детской компании.

Конечно, ребенок семи лет, как правило, хочет идти в школу, ему интересно, что там будет, хочется обрести статус ученика, доказать свою успешность в обучении. Некоторым даже нравится учиться, но очень скоро для ребенка это становится не самым главным. Ученика слишком правильного, «отличника», за пределами младших классов мы все-таки всегда воспринимаем с некоторой тревогой. Несмотря на то, что он так старается в социализации, мы предчувствуем проблемы, опасаемся хрупкости формируемой личности.

Жизнь детской компании начинает вскоре практически полностью обеспечивать потребности ребенка в саморегуляции, здесь опробуются новые формы отношений с миром: складываются индивидуальные привязанности и эмоциональное сопереживание; организуются как относительно невинные, так и достаточно серьезные шалости, дающие возможность получить яркие сенсорные впечатления и пережить острые ощущения. Дети дразнят взрослых, совершают реальные рискованные вылазки, в которых происходит, с одной стороны, аффективное освоение окружающей среды, ее этиологических смыслов, а с другой – определение своих собственных качеств и возможностей, и оценка идет «по гамбургскому счету».

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

В детской общности возникают собственные ритуалы, свой порядок взаимодействия, свои счеты соперничества, соревнования. Важной функцией детской компании становится обмен увлечениями, индивидуальными способами сделать жизнь более насыщенной. И об этой стороне жизни детей далеко не все известно даже их самым близким взрослым, очень важно, что это тайная жизнь⁴⁹. Они отстаивают свою обособленность: нельзя ябедничать и вмешивать в свои дела взрослых. Этим общим аффективным развитием, наверное, можно объяснить нашу особую связь с друзьями детства.

Вся эта яркая аффективная жизнь, являющаяся, может быть, основной индивидуальной ценностью ребенка данного возраста, не претендует называться «серьезной». Реальная, серьезная жизнь дома и в школе идет теперь более обыденно и накатанно для ребенка. Он по мере сил выполняет требования взрослых, но относится к ним более спокойно, старается соблюдать общие правила, находя при этом компромисс для сохранения своих индивидуальных ценностей. Можно сказать, что и взрослые в период, непосредственно предшествующий подростковому возрасту, также начинают взаимодействовать с ребенком наиболее «экономным» и формальным способом, задействуя механизмы первого уровня, когда активность стимулируется только переживанием дискомфорта. Это проявляется в том, что основным средством организации ребенка в это время становятся их отрицательные реакции.

Все это, как нам кажется, свидетельствует в пользу того, что в этот возрастной период происходит разъединение систем аффективной организации поведения ребенка и его близких. В дополнение к индивидуальному аффективному стереотипу, сложившемуся

---

⁴⁹ В связи с этим, хочется обратить внимание на название книги М.В. Осориной «Секретный мир детей». СПб.: Речь, 2006.

перед кризисом трех лет, ребенок самостоятельно осваивает механизмы эмоционального контроля. Он теперь сам ищет компромисс между выполнением того, что он должен делать, и тем, чего ему хочется, то есть собственными аффективными установками. В рамках развития средств аффективной саморегуляции, которые совершенствуются уже не со взрослыми, а в компании других детей, значительное место занимает разработка механизмов экспансии, определяющих уровень притязаний ребенка.

Подростковый возраст

Если попытаться так же кратко и схематично оценить то, что происходит с развитием системы организации поведения в период подросткового кризиса, то можно сказать, что его проявления тоже могут быть связаны с самостоятельным освоением ребенком механизмов адаптации к меняющемуся миру. Их использование становилось актуально уже в периоды кризисов одного года и трех лет, однако тогда ребенок еще не мог действовать сам, и выход из кризиса осуществлялся с помощью включения этих механизмов в общую с близким систему организации поведения. Условия их присвоения возникают лишь к подростковому возрасту как результат развития индивидуальных механизмов адаптации к стабильным условиям.

Как мы уже обсуждали выше, осваивая механизмы второго уровня и выстраивая индивидуальный жизненный стереотип, ребенок четко определяет границы своей пластиности в отношениях с миром и устанавливает дистанцию в контактах. Иначе говоря, он создает условия для самостоятельной работы механизмов первого уровня, которые начинают активно опробоваться им в русле игры для удовлетворения потребностей саморегуляции.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Точно так же индивидуальное освоение механизмов эмоционального контроля четвертого уровня, достижение ребенком возможности произвольно организовывать свое поведение открывает ему путь к получению большей свободы и в поле экспансии. Он оказывается в состоянии выйти за пределы напряженного поля разрешения отдельной аффективной задачи, учитывать последствия преодоления препятствия, начать самостоятельно структурировать, осмыслять, соподчинять цели своей экспансии. Сначала эти возможности также начинают активно использоваться им для саморегуляции – взаимодействие в компании сверстников позволяет ребенку опробовать механизмы экспансии для выбора личных целей и установления иерархии отношений. Однако до подросткового возраста эти достижения актуализируются в основном в игровой стихии.

В подростковом возрасте на фоне физического созревания и скачка в интеллектуальном развитии, ребенок встает перед реальными задачами самостоятельной адаптации к меняющемуся миру и экспансии в социальной области. Он должен научиться пользоваться механизмами первого и третьего уровней и не только ввести их в смысловой контекст своей системы организации поведения, но и координировать с социальными нормами.

Если у маленького ребенка экспансия более проявлялась как стремление к преодолению препятствия, к конкретному достижению, то для подростка актуально направленное присвоение механизмов экспансии (утверждается, прежде всего, самостоятельность) – право выбора, идет реальное испытание собственных сил в игре с обстоятельствами. Известно, что подростковый возраст характеризуется не только развитием способности к логическому мышлению, но и наибольшей чуткостью к новому, легкостью в его принятии,

способностью к нахождению творческих, неординарных решений. И это тоже является показателем активности в развитии механизмов динамической адаптации первого и, в особенности, третьего уровней.

Взрослые и определенные ими социальные правила поведения предстают, однако, как наиболее аффективно значимое препятствие на пути самоутверждения подростка. В их отношениях реализуется не истинная экспансия, а защита своего уровня притязаний. Потому, если он более свободен и проявляет творчество в преодолении других преград, то в данном случае остается захваченным ими, теряет контроль, становится категоричен, пристрастен, и, следовательно, неадекватен в суждениях, катастрофически реагирует на неудачи. Иначе говоря, в отношениях со взрослыми его индивидуальная экспансия еще не может строиться как продуктивный диалог. И на этот раз трудности могут проявиться не только в нарушении контакта с близкими, но и как негативизм и противопоставление себя общим социальным нормам⁵⁰.

В противоположность этому в русле отношений со сверстниками сверхценными часто, наоборот, становятся групповые моральные нормы, тщательное соблюдение принятых форм поведения, внутренних правил, субординации, стремление идеально соответствовать формам своей субкультуры (в частности, носить особую одежду, говорить на своем языке и т.п.). В этом случае стимуляция переживания принадлежности дружеской общности, принятия ее идеальных ценностей, соответствия ее нормам и правилам, внешнему облику члена группы может рассматриваться, с одной стороны, как компенсация по отношению к переживанию разлада общности с близкими, отверженности от социальных установок, с друг-

---

⁵⁰ Так это было и с обесцениваем эмоциональных связей в кризисе трех лет.

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

гой – как стимуляция развития аффективных механизмов, которые помогут потом преодолеть разлад с взрослым обществом, принять общие культурные ценности.

Выше мы говорили, что близкий имеет возможность помочь трехлетнему ребенку справиться с кризисом потому, что сохраняется их еще эмоциональная целостность, общая система организации поведения и сознания. В подростковом возрасте ситуация меняется: конечно, остается эмоциональная привязанность друг к другу, общий эмоциональный опыт, но подросток претендует на функцию эмоционального контроля, оценку правильности своего поведения, которую будет сверять в основном с эмоциональными установками группы сверстников.

Характерно, что выход из кризисной ситуации происходит, как правило, с помощью посторонних людей, имеющих с подростком сначала чисто «деловые» отношения – общение в обучении, в профессиональной подготовке, в какой-то творческой деятельности. Если подросток заинтересован в таком взаимодействии, то его отношения со взрослым входят в контекст их общей экспансии, в рамках которой он может утвердить себя вне напряженного аффективного конфликта. В этом случае его уровень притязаний может складываться адекватно, с учетом реальных достижений.

Выйти из подросткового кризиса ребенок может, только заняв реальные социальные позиции в мире взрослых. В этом случае ценности его субкультуры теряют свою сверхактуальность, и он получает возможность восстановить отношения эмоциональной координации с близкими и присвоить идеальные ценности своего сообщества. В связи с этим можно отметить, что уязвимость, характерная для следующего, более «благополучного» периода развития – юношества – часто проявляется как раз в стремлении идеально, бескомпромиссно следовать избранным сообществом ценностям.

* * *

Изложенные выше рассуждения, как нам кажется, могут свидетельствовать, о том, что традиционно выделяемые этапы психического развития ребенка в целом могут быть рассмотрены в общей логике становления системы аффективной организации сознания и поведения ребенка. Более того, нам представляется, что, рассматриваемые в этом ракурсе, они приобретают новый смысл, позволяющий выделить единые движущие силы когнитивного и аффективного развития. Появляется возможность конкретизировать предложенное Л.С. Выготским понимание возраста ребенка как качественно особой структуры его сознания, увидеть, как и с помощью каких механизмов происходит его закономерная возрастная перестройка, подумать, почему и в какой логике происходит смена сензитивных периодов развития психических функций. И самое главное: такой взгляд помогает адекватно оценить возможности, сильные и слабые стороны каждого возраста и отнести к нему разумно – не торопить и не мешать психическому развитию, помочь ребенку успешно пережить кризисные моменты и выйти из них с опытом, необходимым для дальнейшей жизни.

В заключение этой главы постараемся выделить и обобщить основные, наиболее важные для нас положения.

Индивидуальная аффективная организация поведения и сознания складывается внутри общей системы адаптации, объединяющей ребенка и его близких. У ребенка исходно существуют все потребности, вокруг которых в будущем смогут выстраиваться уровни его сознания. Средства их удовлетворения находятся в руках взрослого, но ребенок имеет возможность побудить его к нужному действию. Эмоциональный комфорт близких зависит от того, насколько малыш проявляет свое удовлетворение и радость. И взрос-

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

лье с первых дней жизни заботятся не только об обеспечении его конкретных телесных нужд, но и отвечают за его общее аффективное благополучие, поддерживают активность, аффективную стабильность в отношениях с миром.

Сначала взрослый полностью берет на себя функции защиты ребенка и адаптации в случае неожиданных изменений обстоятельств, и первыми общими достижениями становятся единый аффективный стереотип жизни и общее осмысление эмоциональных правил ее организации (механизмы адаптации к стабильным условиям жизни). Складывается удобный обоим уклад, в котором определяющее потребностей ребенка взаимодействует со становлением материнской манеры ухода и эмоционального контакта.

Успехи в развитии механизмов стабильных уровней сопровождаются повышением чувствительности ребенка к нарушениям привычных, уже отработанных форм жизни. Уязвимость ребенка стимулирует взрослого к развитию новых, более действенных средств стабилизации аффективных переживаний ребенка, борьбы с возникающими страхами. Успех, достигнутый в этом направлении, в свою очередь, дает толчок к возникновению у малыша новых, более активных отношений с миром. Как мы проследили выше, все новые механизмы организации сознания и поведения, новые способы решения реальных задач адаптации появлялись и вызревали сначала в русле регуляции аффективных процессов.

Благополучные периоды интенсивного развития форм приспособления к стабильным условиям жизни перемежаются кризисами, связанными с разбалансированием системы адаптации, включением в организацию поведения механизмов динамических уровней ребенка. Толчком к их актуализации служит кардинальное изменение условий жизни ребенка, ставящее его перед необходимостью

вступать в активные отношения с нестабильной, неопределенной, агрессивной средой. В случае кризиса первого года жизни и подросткового эти изменения, возможно, более связаны с внешними для психического развития обстоятельствами: с появлением возможностей самостоятельного передвижения и с физическим взрослением, созреванием, необходимостью определиться и занять собственную социальную нишу. Кризис трех лет, по-видимому, в большей степени вызван внутренними психологическими причинами – формированием аффективного механизма экспансии ребенка.

Выход из кризиса обусловлен эмоциональным осмыслением, качественной оценкой переживаний структуры поля, собственных импульсов экспансии – введением их в смысловой контекст уровней, определяющих адаптацию к стабильным условиям. В возрасте года и трех лет это происходит за счет введения их в общую систему организации ребенка и его близких; в подростковом возрасте – в контекст культурных ценностей сообщества. Острота кризиса, успешность его преодоления зависят, в том числе, от глубины проработки аффективных механизмов в предыдущий период развития адаптации к стабильным условиям, от того, насколько усвоенные привычки, опредмеченные потребности, привязанности, правила, ценности смогут контролировать полевые влияния и выброс экспансии. И наоборот, развитие пластичности, механизмов активной адаптации в неопределенной ситуации смягчают нарастающую зависимость от фиксированных связей, уязвимость, возникающую в более «благополучные» периоды аффективного развития.

Выделение индивидуальной системы аффективной организации поведения и сознания проходит, видимо, несколько этапов. На первом из них, в период раннего возраста происходит формирование личного аффективного стереотипа, позволяющего осуществляться

О ШАГАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

индивидуальности ребенка и навсегда сохранить в аффективной памяти впечатления, привязывающие нас к миру, дающие запас активности и устойчивости.

Второй этап связан с длительным периодом развития между тремя годами и подростковым кризисом, когда индивидуальное переживание ребенка, его виденье мира приобретают иерархическую структуру, когда идет становление собственных механизмов эмоционального контроля, произвольной организации поведения, следования правилу. В это время происходит формирование индивидуальных механизмов четвертого уровня организации поведения, позволяющего в дальнейшем успешно войти в социум.

Третий этап предполагает введение в систему индивидуальной организации поведения механизмов адаптации к нестабильным условиям. Оно осуществляется в период преодоления подросткового кризиса и завершается с появлением у подростка самостоятельной регуляции индивидуальной экспансии социальными нормами и ценностями сообщества. Таким образом, процесс выделения индивидуальной системы поведения из аффективной общности с близкими завершается входением ее в систему культуры.

ГЛАВА 5

КОНФИГУРАЦИИ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

Прежде всего, хотелось бы уточнить, что мы не можем сказать в этой части ничего нового тому, кто серьезно занимается культурологией. Более того, наше обращение к данной теме в большой степени корыстно. Понимая, что формы культуры, в которых развивается человек, должны быть изоморфны живой, активной системе индивидуального сознания, мы надеемся в данных культурологии найти поддержку, подтверждение правильности нашего хода мысли при реконструкции модели индивидуальной аффективной жизни.

«Иначе организованные души»

Обсуждая общие закономерности аффективной организации сознания, мы говорили о том, что в зависимости от актуализации различных конкретных задач адаптации, на ее общей основе могут создаваться множественные функциональные системы (аналогично тому, как А.Р. Лuria рассматривает создание функциональных систем на основе общей деятельности мозга). Акцентуация развития механизмов разных уровней определяет формирование различных, более или менее стойких конфигураций сознания. Далее мы проанализируем возможность развития устойчивых индивидуальных типов такой организации, связанных с нашими врожденными

индивидуальными особенностями – с различиями в активности и чуткости в разноуровневых контактах с миром.

Точно так же особые условия жизни и «натуральные» черты данной человеческой «породы» (то есть биологическая предрасположенность и адаптационная необходимость) могут потребовать и от конкретного сообщества особой сосредоточенности на разработке определенных слоев культуры и тем самым определить своеобразие черт целостного культурного уклада, особые акценты в развитии всей системы их отношений. Это создает предпосылки для развития разных конфигураций культурного сознания.

М. Мид (*Мид, 1988*) приводит мнение Рут Бенедикт о том, что каждая культура из всех возможных выбирает свой нормативный набор основных ценностей, особая культивация которых и определяет ее индивидуальность. Й. Хейзинга (*Хейзинга, 1992*) считает, что всякая культура содержит стремление, направленность на некий особый идеал, благо, а следовательно, тоже может рассматриваться как функциональная система, созданная на основе общей модели культуры. Выбор основных ценностей отражает характер стоящих перед сообществом адаптационных задач.

Избрание сообществом своих приоритетов ценностей порождает множество культур неповторимых и уникальных, со своим мировощущением, своими формами, идеями и страстиами, собственной логикой развития – жизнью и смертью, рождают, по словам Шпенглера, особый индивидуальный стиль культуры, «иначе организованные души» (*Шпенглер, 1993, с.45*).

Так, Шпенглер (*там же, с.35*) говорит о существовании морфологического сродства явлений одной культуры – политических событий, идей математики, форм орнамента и архитектуры, тенденций главных искусств, пишет о том, что «существует глубокая

общность форм между дифференциальным исчислением и динамическим государственным принципом эпохи Людовика XIV, между государственным устройством античного полиса и Эвклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства с помощью железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий, между контрапунктической инструментальной музыкой и системой кредита».

Время, пространство, число, значение индивидуальности, ее отношение к своему телу, социуму, труду, богатству, собственности, идеалы свободы и справедливости, отношения с природой и высшими силами – необходимый для человека семантический инвентарь приобретает свой смысл в разных культурах. Он определяется способом переживания мира, мироощущением человека данной цивилизации, и потому в ее рамках представляет не случайный набор, а систему, каждый элемент которой ориентируется на это общее мироощущение, с его высшими ценностями (Гуревич, 1984).

Полярно эти приоритеты можно разделить на культуры, ориентирующиеся на адаптацию к стабильным или к динамическим условиям, статику мира или его становление (Шпенглер, 1993; Лотман, 1992 б). Мы предположили, что в следующем приближении можно выделить и относительно «чистые» типы культуры, формируемые преимущественно одной, доминирующей для сообщества адаптационной задачей. Категории сознания этих типов культур могут быть соотнесены с категориями одного из уровней организации индивидуального сознания, отвечающего за разрешение именно данного класса задач.

Попробуем далее проверить это предположение и рассмотреть, как преломляются в различных типах культуры основные категории индивидуального сознания. Если в описанной в литературе ти-

личной форме культуры мы сможем узнать категории сознания реконструированного нами уровня (отвечающего за организацию разрешения определенного класса адаптационных задач), то это будет для нас одним из косвенных доказательств правильности хода наших рассуждений при построении модели индивидуального сознания.

Обратимся с этой целью к достаточно изученным формам традиционных культур, главной ценностью которых являются разрешение задач непосредственного телесного выживания; к монотеистическим культурам с их особым вниманием к нравственным ценностям; к культуре Нового времени с ее ценностями индивидуальной экспансии и к стоящим для нас особняком культурам Востока, акцентирующими ценности целостных и непосредственных отношений субъекта с миром.

Традиционные культуры

Идеал сознания, осуществленного в формах традиционной культуры, характерен для архаического общества, стоящего у истоков развития цивилизации. Однако его аналоги можно найти и в современном мире, например, в относительно изолированных крестьянских сообществах.

Первые исследователи традиционных культур видели в них, как известно, прежде всего примитивную аффективность и рассматривали архаическое сознание как магическую, творящую миф, долгическую форму понимания мира и взаимодействия с ним (Леви-Брюль, 1930, 1937; Тейлор, 1989). Представлялось, что эти примитивные, иррациональные формы отражения действительности впоследствии изживаются, преодолеваются, и таким образом человек достигает возможности научного понимания мира и построения с

ним рациональных взаимоотношений. Это мнение закрепилось в самом названии – архаические сознание и культура. Сходным образом рассматривал магическое сознание и Ж. Пиаже (*Пиаже, 1932*) – как раннюю, позже преодолеваемую стадию психического развития ребенка. Впоследствии, однако, исследователи становятся более осторожными в оценках и ранжировании культур. И это результат, с одной стороны, накопления данных, ставящих под сомнение примитивность архаического миропонимания, а с другой – нарастающего разочарования в его современных формах.

К. Леви-Стросс (1994), М. Мид (1972) и многие другие авторы подчеркивают некорректность заключений о ценностной иерархии и закономерной последовательной смены архаических, примитивно-аффективных культур высшими рациональными формами. В настоящее время общепринято представление о разновариантности и взаимном дополнении культур архаических и современных. В частности показано, что дело не в неспособности человека архаической культуры мыслитьrationально и абстрактно. К. Леви-Стросс свидетельствует о его принципиальном умении использовать абстрактные символы. Например, не единичны свидетельства о том, что туземцы, объясняя сложные связи тотемов, чертят диаграммы на песке. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский (*Лотман, Успенский, 1973*) приводят данные исследования П. Ворсли, обнаружившего у австралийских аборигенов одновременное сосуществование логического и мифологического мышления, и сами исследуют активность мифологических пластов живого, современного языка. Можно проследить, как в течение XX века созревает понимание того, что мифологическое сознание – это не только категория архаической культуры или определенного возрастного периода развития человека, но и непреходящая, необходимая сторона сознания

человека и его бытия вообще, выражающая его насущные потребности, и что при определенных условиях именно эти мифологические формы сознания отвечают главным потребностям организации жизни человека (Лосев, 1991; Элиаде, 1985, 1995, 1996, 1999).

Общества, стоящие у истоков цивилизации, и современные изолированные крестьянские сообщества имеют сходные заботы. Перед ними в качестве первоочередных встают витальные задачи телесного выживания индивида и, может быть, еще в большей степени задачи выживания рода в целом в непосредственном взаимодействии с природной средой. Соответственно в пантеоне ценностей культуры такого сообщества значимое место должны занимать ценности благополучного осуществления жизни тела человека и тела его рода, установления порядка, предсказуемости во взаимодействии природных ритмов жизни человека и его среды.

Преимущественная ориентация на определенный набор ценностей неминуемо рождает качественно особую конфигурацию культуры и ее идеального сознания (Мид, 1984; Хейзинга, 1992). И можно предположить, что конфигурация традиционной культуры в большой степени будет определяться развитием мироощущения, способами взаимодействия с миром, относящимися ко второму уровню организации сознания и поведения. Мы можем ожидать акцентуацию в развитии уровня культуры, адресованного уровню аффективных стереотипов, поскольку именно его задачи и способы организации отношений с миром в наибольшей степени соответствуют основным адаптационным задачам этой культуры. Для проверки этого предположения сопоставим теоретическую модель реконструированной нами формы второго уровня сознания со специфическими чертами традиционных культур, описанными многими авторами.

Попытаемся понять, что специалисты считают типичным для мифологического сознания. Прежде всего, это – телесное переживание мира. Миф, по А.Ф. Лосеву, это особенно чувственное жизнеощущение, творимая вещественная реальность и телесная действительность, «телесное и до жути вещественное физическое переживание» (Лосев, 1991, с.161). Именно способ восприятия мира через телесное переживание организует, по А.Я. Гуревичу (1984), всю систему традиционного сознания. Он показывает, что акцент на переживании жизни тела определяет совершенно особые, качественно уникальные формы восприятия человеком времени и пространства; соотношение целого и части; понятие числа; отношение к стабильному и изменчивому; к индивиду и сообществу; к вещественному и идеальному.

Мы предположили, что основной задачей уровня аффективных стереотипов является дифференциация и опредмечивание потребностей человека. К. Леви-Стросс (1994, с.112-327) считает характерным для традиционной культуры проявление обостренной способности различать полезные природные явления; все остальное может оставаться недифференцированным – «прочим». В том же, что полезно, эта культура стремится к исчерпывающему наблюдению и инвентаризации, составлению подробнейших каталогов жизни. Он приводит данные, свидетельствующие о том, что «примитивный» человек использует природную среду гораздо более полно и разумно, чем современный, интенсивно разрабатывающий лишь часть ее возможностей и разрушающий остальные.

Уровень аффективных стереотипов индивидуального сознания отвечает за фиксацию и накопление полезных навыков жизни. К. Леви-Стросс, характеризуя архаическую культуру, вводит понятие неолитического парадокса, напоминая нам о том, что главные от-

КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

крытия человечества, заложившие основы развития цивилизации, были сделаны именно тогда, в эпоху «примитивного мышления», и в следующий период интенсивного освоения природы и новых открытий человечество вступило только спустя долгое время, в период, называемый нами промышленной революцией.

Мы помним, что уровень аффективных стереотипов отвечает за установление порядка – удачное вписывание ритмов жизни тела в ритмы окружающей среды. И, как уже упоминалось, одной из основных ценностей традиционной культуры и ее насущной заботой является установление порядка, предсказуемости хода жизни. Ю.М. Лотман (1992 б) считает важной типологической характеристикой культуры отношение к хаосу – неупорядоченной части жизни: как к врагу или как к возможному резерву развития. Для традиционных культур он активно враждебен. Мир возникает в них как гармония из хаоса, он делится на Космос и Хаос (Лосев, 1991). Акт творения мира – это, прежде всего, его упорядочивание. Осваивая новое место, приступая к важному делу, человек традиционной культуры совершает ритуалы, символизирующие акт творения как акт упорядочивания мира (Элиаде, 1987, 1995, 1996, 1999). И, как мы помним также, именно уровень аффективных стереотипов оценивает как удовольствие воспроизведение привычного, болезненно реагируя на нарушение установленного порядка жизни. Этот уровень организации и индивидуального, и культурного сознания позволяет субъекту определять собой мир и переживать неразрывную связь с ним.

Рассмотрим, как в мифологической культуре строятся взаимоотношения человека с миром, как видится ему картина мира. Образец его организации – это живое, одушевленное человеческое тело (Лосев, 1991). Микрокосм и макрокосм для этой культуры едины.

Человек не чувствует своей отдельности, обособленности от жизни природы, ее ритмов и воспринимает окружающий мир, как огромное живое тело, подобное его собственному, тесно связанное, взаимодействующее с ним (Гуревич, 1984). Так, индейцы одного из наиболее обособленных племен Амазонки, осваивая новое место жительства, рисуют на своем теле что-то вроде карты местности. Уподобив новое место своему телу, они начинают считать его в какой-то степени обжитым и безопасным.

В мире этих взаимодействующих тел рождается совершенно особое отношение к пространству. Так, пространство в мире Готов, по А.Я. Гуревичу, измеряется индивидуальным телом человека, его ступней, локтями, сажениями; трудовыми затратами; расстояние – его дневными переходами, площадь участка – числом дней, за которые хозяин может его вспахать. Надел может определяться тем, сколько земли за день может обойти его хозяйка с коровой на привязи. Пространство неразрывно и индивидуально связано со своим хозяином, а хозяин со своей землей.

Человек именуется по своему месту жизни, и не может продать свой родовой участок. Пространство всегда имеет свой центр – это место, где живет человек, его усадьба⁵¹, оно делится на освоенное, хорошее – имеющее форму и имя, и неизвестное, плохое – пространство злых сил Хаоса. Таким образом, пространство в архаическом сознании качественно неоднородно – оно не имеет постоянной меры, оценивается по соответствию потребностям (точнее, да-

---

⁵¹ Все дома, как и все храмы, дворцы и города, стоят на одном и том же месте, в Центре Вселенной. Усадьба каждого человека является и центром его мира, и само ее устройство воспроизводит форму мироздания, как и все важные события жизни каждого человека являются уникальным индивидуальным воспроизведением священных событий, совершившихся во Время Оно (Элиаде, 1995, 1996, 1999), в этом смысле миф всегда обращен непосредственно к каждому человеку традиционной культуры, «всегда говорит о тебе» (Лосев, 1991).

же ритму потребностей) человека и отражает индивидуальные телесные свойства своего хозяина – отсюда его описываемая многими авторами «лоскутность».

В мифологическом понимании пространство замкнуто, конечно и заполнено (Лотман, 1992). Это, прежде всего, не континуум, а совокупность отдельных объектов, носящих имена. Важно, что это пространство, в котором находятся тела, поэтому в промежутках оно может прерываться, и перемещения от одного объекта к другому субъективно растягиваются и сжимаются во времени. Поскольку в разных местах пространство имеет разное качество, то и перемещенный субъект или объект – в другом месте тоже может оказаться совсем другим – изменить свои свойства и имя.

Время в традиционном культурном укладе не течет линейно. Традиционное сознание имеет центр тяжести в прошлом, оно упорядочено смыслом прошлого опыта. Все, что происходит вновь и вновь, соотносится с прошлым, оценивается через прошлое, и время, таким образом, организуется в замкнутые, стабильно воспроизведяющиеся циклы. Все, что происходит в нашей жизни, уже произошло, все, что могло случиться, уже случилось в прошлом, в мифическом «во время оно», «во времени до всякого времени». Мир сотворен, готов, насколько это возможно, героические деяния свершились, и теперь остается лишь следовать образцам, заданным Богами и Героями.

Можно сказать, что время ходит по кругу – это круговое движение ритмов природы, жизни тела, рода, ритмов работы, как взаимодействия человека и природы (Лосев, 1991; Элиаде, 1987, 1995, 1996; Гуревич, 1984). Поэтому время, так же, как и пространство, в мифологическом сознании всегда имеет свой определенный центр – ось, вокруг которой оно вращается. Это – начало нового года,

нового цикла работ, браков, рождений. Идеальная форма для этого сознания – шар, идеальное движение – вращение.

Мифологическое время, так же как мифологическое пространство, качественно неоднородно. Дни (как и время дня) могут быть удачными или неудачными для задуманных дел, то есть время, как и пространство, неотторжимо от характера и ритма занятий человека (*Гуревич, 1984; Элиаде, 1999*), былинное время материально наполнено (*Лихачев, 1987 а*). Оно может быть не только различным по своему назначению, но и более или менее интенсивным (*Элиаде, 1999*), как и пространство, включенное в контексты разных ритуалов, оно может прерывать свое течение, замедляться и ускоряться.

Здесь, как нам кажется, также возникают прямые аналогии с переживанием времени и пространства, характерным для уровня аффективных стереотипов индивидуального сознания: с центром тяжести переживания прошлого опыта, с включением времени и пространства в природные циклы, в сети аффективных стереотипов с их качественной неоднородностью – неразрывной связью с конкретными чувственными моментами жизни.

Рассмотрим далее, с помощью каких когнитивных средств человек архаического сознания выстраивает закономерности своего мира. Неразрывная телесная связь с миром определяет и особенности логики архаического сознания – это познание, укорененное в качество (*Леви-Стросс, 1994*); оно строит миф – обобщение без отрыва от конкретного, с помощью предметных представлений на основе чувственного восприятия (*Милетинский, 1976*). И здесь снова направляется аналогия с уровнем аффективных стереотипов индивидуального сознания, где восприятие мира тоже неотделимо от его чувственного, сенсорного качества.

Особенностью такого способа постижения мира является не отсутствие логики. К. Леви-Стросс считает, что логика в нем существует

вует, хотя она слишком радикальна и определяет мир только контрастно. Напомним, что уровень аффективных стереотипов по своим адаптационным задачам должен быть сверхопределенен в своих оценках, и, резко разграничивая приемлемое и неприемлемое для жизни качество мира, он создает основу развития дискурсивного мышления.

Леви-Стросс также отмечает радикальный детерминизм архаического сознания, основывающийся на непременном связывании последовательности событий. Он подчеркивает, что, если мы предпочитаем оперировать разрозненными кусками информации, то туземец – логический скопидом – без передышки связывает нити и неутомимо переплетает ими все аспекты реальности. Мы спекулируем нашими идеями, а он делает из них сокровище, стремясь к всеобщему и полному детерминизму, потому что самостоятельной ценностью его сознания является порядок. Возможно, этот порядок причудлив, поскольку часто достигается подручными, ограниченными средствами (интеллектуальный бриколаж по Леви-Строссу), но ценность картины мира для человека этой культуры именно в ее завершенности, в четкой границе между порядком и враждебным хаосом. Поэтому магическое мышление – не набросок, а система, которая и образует фундамент цивилизации – науку.

Д.Д. Фрейзер (*Фрейзер*, 1980, с.61-62) также подчеркивает исходную близость установок магического и научного сознания. Магия и наука, в отличие от религии, предполагают, по его мнению, прежде всего «твердую веру в порядок и единообразие природных явлений». «Маг владеет искусством определять последовательность событий. Из хода природных процессов изгоняется изменчивость, непостоянство, случайность» (*там же*, с.61). В рамках своей культуры маг тоже пытается найти подход к пружинам механизмов

природы, использовать их, принудить действовать в свою пользу вещи, силы, стихии и, по возможности, даже духов и богов.

Архаичный человек склонен активно изгонять из мира неопределенность, связывая случай с его предвестием, он вводит его в известную закономерность. Гадания, предсказания, пророчества, жребий обеспечивают конкретную определенность и призваны снимать необходимость самого выбора в неопределенной ситуации (Лотман, 1992 б). Идеальный человек архаической культуры должен уметь понимать предвестия и предсказания и безоговорочно следовать им.

Выше мы говорили о том, что основной психической функцией, организующей сознание уровня аффективных стереотипов, является память. Культура, стремящаяся идентифицировать полезное, установить и сохранить порядок, тоже использует память как основную силу, выстраивающую картину мира, и отождествляет ее с самим сознанием человека, память здесь – это душевная жизнь, потеря ее – смерть (Элиаде, 1995, 1996). Лотман (1992 б) говорит о том, что именно архаическая культура является культурой сакрализации памяти, что стержневая группа архаических культурных символов происходит из свернутых мнемонических программ, которые обеспечивают регуляцию и направление обряда, ритуала, обычая жизни. Именно потому, что особой ценностью этой культуры выступает воспроизведение освоенного порядка, в ней возникает отождествление начала и принципа, временной и причинно-следственной связи.

Особая активность памяти определяет и вербальные формы развития культуры. Творение и упорядочивание мира неотрывно от его номинации (Элиаде, 1987). Одним из основных способов организации, придания миру формы в этой культуре является нарече-

ние его явлений именами, отражающими и закрепляющими их аффективную значимость, место в ряду других явлений (Лосев, 1991; Лотман, Успенский, 1973). Явления мира – нерасчленимые, целостные чувственные единицы, и имя является неотъемлемой частью явления, выражением его телесной сущности (Лосев, 1991). Тождество и телесная целостность названия и называемого, истинность и поэтому неконвенциональность имени определяют асемиотическую сущность этого сознания. (Лотман, Успенский, 1973, с.282-303).

Архаическая культура в отличие от новых культур может не иметь письменности, и это тоже свидетельство не столько ее неразвитости, сколько качественного своеобразия. Она направлена на сохранение сведений о порядке, а не о его нарушениях, поэтому может не стремиться к записи уникальных событий и таким образом к умножению текстов. Более чем письменность для такой культуры важны предметные мнемонические символы, памятные места, природные и искусственные, являющиеся, как уже упоминалось, мнемоническими программами ритуала (Лотман, 1992 б, с.102-109).

Вместе с тем мифологическое сознание создает не только предпосылки для накопления полезных сведений и навыков. Понимание человеком природы, взаимодействие с ней, разработанное в этой культуре, имеет непреходящую ценность и как закрепление конкретного практического знания, и как развитие системного, целостного традиционного мировоззрения, с присущим ему космическим чувством единства мира и человека (Мид, 1972; Фрейденберг, 1978).

Микрокосм тождественен макрокосму, и традиционным сознанием внешнее событие воспринимается как интимно личностное:

«миф всегда говорит обо мне» (Лотман, 1992). Способ познания события – это переживание сопричастия ему (Леви-Брюль, 1930), понятны потому слова Лосева о вещественном, до жути реальном восприятии мира. Это мироощущение создает целостную модель чувственного мира, в чувственном переживании оно рождает идеи подобия, аналогии, эквивалентности, изоморфизма, лежащие в основе развития человеческого знания (Лотман, Успенский, 1973).

Теперь перейдем к рассмотрению того, как воспринимает себя человек архаической культуры. Тела мира и человека изоморфны, но также изоморфны тела человека и его рода. Реальность и истинность личного события ощущается человеком при переживании его причастности, совпадения с прошлым образцом, случайное событие – незначимо. Личное биографическое время подчинено мифологическому (Элиаде, 1995, 1996; Неклюдов, 1973). Сам образ человека здесь не столько индивидуальный, сколько типический. Коллективная память рода не стремится удержать индивидуальных черт личности и хранит лишь образы, восходящие к праотцам мифического «времени бно». М. Элиаде (Элиаде, 1987) приводит свои наблюдения того, как быстро в народном сознании жизнь, образ известных, реальных исторических лиц трансформируется в типический образец.

Поведение человека организуется круговыми ритмами природы, рода, собственного тела. Традиционные формы культуры, организующие сознание и поведение индивида, – это праздники, регулярно возвращающие его к пра-событию, пра-переживанию, дающему смысл его индивидуальной жизни, позволяющие ему найти себя в первообразце и воспроизвести таким образом необ-

ходимый тип адаптивного поведения (Гуревич, 1984; Лихачев, 1987; Элиаде, 1987)⁵².

Праздник, как обращение к ритуалам, воспроизводящим события сотворения мира и свершения Героев, является и основным средством организации процессов саморегуляции, стабилизации аффективной жизни: дает возможность человеку присвоить энергию сакральных событий, определивших творение мира и человека, героических свершений предков, произошедших во время оно, обрести в себе их силы в процессе инициации (Элиаде, 1996). Тому же служат и средства непосредственной стимуляции ритмом, движением, ощущением общности с телом рода и мира. «Пир на весь мир», сакральные оргии, слияние со стихиями в их телесном воплощении, с образами героев дают возможность энергийного утверждения индивида в мире.

Кроме того, поскольку не существует разделения микро- и макрокосма, тела человека и тела мира, праздник является и средством поддержания порядка и энергии мира. Аффективное ритуальное действие, принесение жертвы здесь направлены на восстановление, поддержание энергетического баланса мира, сотрудничество с его стихиями. Праздник как средство держать мир в колее каждый раз заново запускает колесо упорядоченного мирового ритма, охраняющего человека от всего случайного, разрушающего гармонию порядка (Элиаде, 1987, 1995, 1999).

---

⁵² Наряду с регулярным, праздничным, обращение к первообразу происходит и при непосредственно возникающей для каждого человека необходимости взаимодействия с новыми условиями, вынужденной перемене места жительства, проявлении болезни или другой угрозе существованию. Силы для преодоления возникшей неопределенности дает обращение к ритуалу, воспроизводящему подобные события, уже успешно пережитые родом и его Богами и Героями в прошлом. Каждый человек побуждается к творчеству в выживании, к освоению нового «полезного» в жизни, именно потому, что Боги и Герои уже делали это.

Защитой от страданий, деструктивных переживаний в архаической культуре служит, прежде всего, механизм их связывания, введение в коллективный аффективный опыт – в природные ритмы, в контекст пра-событий рода, космической драмы борьбы стихий⁵³. Основное, от чего защищается традиционное сознание – это переживание сбоя в порядке вещей.

Традиционные культуры выстраивают совершенно особую систему отношений между материальным и идеальным миром. Как микрокосм тела не отделен от макрокосма, и индивидуальное переживание от идеального типического первообразца (Лосев, 1991; Гуревич, 1984), а ритмы культуры от ритмов природы (Элиаде, 1987), так и идеальное не отделено от материального. Идеальное – это телесное идеальное, предельно обобщенное, но живое и одушевленное тело (Лосев, 1991).

Мир рода поэтому – единый мир живых и мертвых предков (Гуревич, 1984). Умершему в загробной жизни необходимы привычные вещи, и, соответственно, его обеспечивают ими. Сама душа – и идеальна, и материальна, ее легко подманить и поймать в силки, тем самым погубив ее владельца (Фрейзер, 1981, 1986). Она может воплощаться в материальном объекте, например, в камешке, поднятом на том месте, где впервые шевельнулся ребенок в утробе матери (Фрейзер, 1981). Отправляясь в опасный путь, ее лучше оставить дома под охраной близких или спрятать в общей родовой пещере, где хранятся все души живых и мертвых членов рода (Фрей-

---

⁵³ «...Человек архаических обществ стремился победить смерть, придавая ей такое значение, что (бы) она <...> перестала быть прекращением, а стала обрядом перехода <...> Рождение, смерть и возрождение понимались как три момента этого одного таинства, и вся духовная энергия архаического человека была направлена на то, чтобы показать, что между этими моментами не должно быть никакого барьера» (Элиаде, 1996, с.264-265).

зер, 1981), как прятал ее наш Кащей в яйце-утке-зайце-сундуке на вершине дуба.

Боги идеально воплощают материальные силы – энергийный лик мира. Они сами могут быть порождением живого тела космоса (Лосев, 1991), если же они самостоятельны и вечны, то самое главное, что они творят мир и порядок (Гуревич, 1984; Элиаде, 1987). Боги телесны и могут непосредственно участвовать в жизни людей. Их высокая небесная обитель не отделена от пространства жизни человека. С земли герой может перейти на небо и встретить там ту же усадьбу и тот же порядок жизни, что и на земле (Гуревич, 1984). Так же и Боги спускаются на землю, вмешиваются в дела людей, у них рождаются общие дети. Считается, что в мифическое «время оно» общение с Богами было обычным делом, и согласно традиционной культуре, всегда существуют особые места, где находится «ось мира» – гора, нора или дерево, где можно подняться на небо или спуститься в преисподнюю. Маги, шаманы знают, как это делается, и регулярно воспроизводят переживание движения по «оси мира» (Элиаде, 1987, 1995, 1996, 1999). Реальное пространство, где живет человек (как и его тело и его время) впрямую связано с Космосом. Как уже упоминалось, все человеческие жилища здесь магическим образом помещаются в центр мироздания и сами являются его слепком; священное пространство, проявляя свою особую природу, имеет беспределное число центров (Элиаде, 1999).

Таким образом, Боги и сам Космос непосредственно обращены к каждому человеку, и его жизнь в своих самых главных проявлениях священна, поскольку воспроизводит священные первообразы. Боги необходимы человеку как гаранты порядка жизни и сил космоса, но и он необходим Богам – все члены сообщества должны участвовать в поддержании энергетического баланса мира, регенерации силы

Богов, истощенных актом творения. Боги и само мироздание нуждаются в его жертве и энергетическом экстазе обряда.

Наивысшим уровнем развития традиционного типа культур, по мнению многих авторов (Лосев, 1991; Гуревич, 1984) является античная культура. Истина, красота и мораль для этой культуры тождественны, поскольку ее основные ценности – это человеческое тело и гармония, порядок звездного неба (Лосев, 1991).

Античность характеризуется переживанием тела как гармонического космоса и Космоса как идеального одушевленного тела. Космос – живой циклически развивающийся организм, поэтому совершенная пространственная форма – шар, совершенное движение – круговое. Богиня Мнемозина – мать всех Муз, она знает что было, есть и будет, и когда поэт овладевают Музы, он пьет из источника памяти, приближается к первоисточнику всего сущего (Элиаде, 1995).

Античная душа – это душевное тело (Шпенглер, 1993) и античный мир организуется в соответствии с телесными мерами человека. Шпенглер отмечает, что в греческом языке нет слова, обозначающего пространство как таковое, в пространстве важны тела. По его мнению, в античности отсутствует отвлеченнное чувство ландшафта, далей, горизонтальных видов, облаков, а также чувство отечества, распространенного на большие пространства и охватывающего большую нацию. За оптической границей находится чужое, враждебное; свое – это близкие окрестности. Он замечает, что античные культуры обычно связаны с конкретным местом и античный храм обозревается одним взглядом, он – часть ландшафта и важен прежде всего снаружи.

Число в античной культуре – тоже мера телесности. Математика обращена не к пространственным отношениям, а к ограниченным,

*КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ
СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ*

осозаемым единицам, числовой ряд статуарен, в нем принципиально не существует отрицательных или иррациональных чисел, нуля как числа, степеней больше трех – невысказанное и безобразное должно оставаться сокровенным. И дело не в примитивной стадии развития математики, идея нуля известна в античности, но она не популярна в этой культуре.

Исчисление идет в чувственно материальных формах геометрии и стереометрии. Основной вид искусства тоже телесен; это – мраморные тела, скульптура. Особое значение сохраняет орнаментальный ритм, для живописи тоже характерно отсутствие специальной перспективы как системы ориентации, и каждый предмет предстает в ней по-своему (как ему нужно).

Попробуем суммировать вышеизложенные данные культурологических исследований, результаты философского осмыслиения особенностей, уникальных законов развития традиционных культур.

Традиционный тип сознания организуется прежде всего переживанием жизни тела. В системе жизненных ценностей основное место занимает порядок, предсказуемость событий, возможность вписать физиологические ритмы тела в общеприродные. Человеку традиционной культуры наряду с конкретным чувственным восприятием мира, способного утолить голод, жажду, любовное влечение изначально присуще и чувство ритмической сопряженности с космосом, который тоже воспринимается как живое одухотворенное тело.

Пространство для традиционного сознания неоднородно, оно делится на освоенное, качественно упорядоченное жизнью человека, измеренное собственным телом и трудом и нареченное именем, и неизвестное – хаотическое и враждебное. Это ограниченное, дис-

крайнее пространство разных качеств, где располагаются тела и предметы. Время для традиционного сознания тоже неоднородно, оно имеет аффективный центр тяжести в прошлом, и его ритмы настраиваются по первообразам мифических прошлых лет. Генератором энергии выступает прошлое, которое запускает круговое движение ритмов тела, рода, вселенной.

Человек в этой культуре – это не личность в нашем понимании, даже не индивидуальность, а родовой тип, осуществляющий свое бессмертие в теле рода. Он организует свое поведение по традиционным образцам и в моменты наиболее полной истинно реальной жизни сливается с ними. Боги для этого сознания являются воплощением телесных сил и природных стихий, гарантами воспроизведения правильных природных ритмов.

Идеальная жизнь неразрывно связана с жизнью тела, и человек должен вносить свой вклад в поддержание энергетического баланса жизни мира. Его правильная телесная жизнь питает истощившиеся силы творящих стихий, помогает сохранить порядок в мире, запустить новый цикл жизни мира. Индивидуальное счастье или страдание связываются общим порядком жизни, и таким образом, с одной стороны, сознание получает возможность обрести традиционную мудрость, умиротворение, а с другой – сохраняется возможность избежать невзгод, включившись в соответствующую цепочку жизненных ритмов.

Представляется, что мы можем увидеть много общего в формах традиционного сознания, организуемого архаической культурой, и модели индивидуального сознания второго уровня, обеспечивающего разрешение самых насущных жизненных проблем человека.

И в том, и в другом случае мы имеем дело с сознанием, организованным конкретным, сенсорно окрашенным переживанием жиз-

ни тела, в качестве приспособительной задачи в обоих случаях выступает удовлетворение потребностей, вписывание ритмов жизни тела в ритмы среды. Особую ценность в обоих случаях представляет устойчивый ритм, сохранение стереотипа жизни. Упорядочивание картины мира идет за счет опредмечивания потребностей человека, связывания желательных и нежелательных событий при их совпадении в пространстве и времени. Мы видим сходное переживание пространства – его дискретность, качественное соотнесение с нуждами человека и его возможностями; сходное переживание времени – циркулирующих ритмов, определяемых прошлыми об разцами.

Основной организующей психической функцией в обоих случаях является память. Остальные психические функции участвуют в формировании стереотипов жизни: сенсомоторная функция создает полезные навыки, вербальная дает им различительную номинацию, контрастная логика обслуживает организацию порядка. Мы имеем дело с яркой, чувственной, ритмически организованной жизнью, неразрывно связанной с окружающим.

Вместе с тем мы, конечно, не хотим сказать, что сознание традиционной культуры формируется только механизмами второго уровня. Как уже обсуждалось, каждая культура, выбирая набор основных ценностей и реализующих их форм жизни, одновременно развивает и набор уравновешивающих их оппозиций. О необходимом развитии в культуре тенденций, дополняющих и уравновешивающих акцентуации избранной системы ценностей, сообщает М. Мид (*Мид, 1988*), в уже цитированной работе (*Лотман, Успенский, 1973*) говорится о необходимом сосуществовании и дополнении в одном сознании магического и рационального, М.М. Бахтин (1965) рассматривает исходное сосуществование героических и осмеивающих мифов.

Сознание нормального человека тоже не может быть однородным. Он должен соответствовать идеальным формам своей культуры, но в то же время стоит перед необходимостью разрешать все классы адаптивных задач и соответственно развивать всю систему уровней, организующих необходимые для этого формы сознания и поведения. Таким образом, все типы переживания присутствуют в его сознании. Именно это создает возможность адекватного ответа сообщества на изменившиеся условия жизни, в какой-то момент производит замены в системе основных ценностей и, соответственно, обуславливает развитие нового типа культуры, фиксирующего иной взгляд на мир, иное самоощущение и диктуемого новым тип взаимоотношений с окружением.

Возможность понять, что происходит при смене основных ценностей, мы получаем, анализируя переход от архаических форм культуры к другим, более близким нам, ярко проявившимся в монотеизме, что для нас в особенности связано с развитием христианской культуры. По-видимому, такая смена набора основных ценностей может быть рассмотрена в связи с выходом на первый план другого класса адаптационных задач.

Культура нравственных ценностей

Мы можем выделить ряд культур, в которых выбор основных ценностей не столь четко определяется задачами непосредственно го физического выживания индивида и его рода. На первый план выступают проблемы совместного выживания сообщества, не скрепленного прочными кровными связями, и наиболее значимыми становятся ценности организации сообщества в соответствии с его высшими моральными нормами – справедливости, сострадания, любви, жертвенности, долга в отношениях между людьми. Можно предположить, что значимой адаптационной задачей здесь является

установление морального порядка в жизни, развития культуры нравственных отношений. Культивируемым типом переживания в этих традициях соответственно становится переживание причастности индивида к общечеловеческим нравственным ценностям.

Истоки развития такой культуры для нас в наибольшей степени связаны с иудейско-христианской традицией. О.М. Фрейденберг (*Фрейденберг*, 1965, с.512-514) говорит о симбиозе космогонии и этики в античности, когда понятия добра и зла не выходят из царства умирающей и воскресающей природы. По ее мнению, их переход из концепции жизни и смерти физических сил природы в концепцию моральных качеств человека впервые возникает в иудейской традиции и связан с рождением особых форм эсхатологического сознания.

Если в архаических культурах, как и в культуре античности, конец света является окончанием одного из циклов его развития, связан с его естественным старением и предвещает сотворение нового молодого мира, то здесь время линейно и необратимо движется от единственного сотворения мира к своему единственному же окончательному завершению (*Элиаде*, 1995). И этическое переживание возникает как ожидание человеком внешней и высшей моральной оценки – награды или возмездия за нечестие на Страшном Суде в конце света. Мы знаем также, что традиционно подобное эсхатологическое сознание и главенство нравственных ценностей связывается с развитием монотеистических культур. Действенность нравственных переживаний в организации жизни проявляется в обретении Завета, в избрании Бога как судьи и творца нравственного закона.

Неопределенность, хаос является врагом и для этого типа культуры, однако, порядок здесь организуется уже не только природ-

ными ритмами, но и нравственным законом и, более того, даже правильность телесной жизни становится здесь, прежде всего, нравственной ценностью. Неопределенность в жизни преодолевается уже не с помощью жребия или гадания, а принятием предопределения (в иудейско-христианской традиции – первородного греха и милости Бога) как этического понимания случая и судьбы (Шпенглер, 1993). И. Пригожин (1986) говорит о том, что в мире Книги Бытия нам представлен мир Создателя, в котором постоянно действует Божественное пророчество, побуждающее человека к участию в таких действиях, где ставкой служит спасение его души в будущей вечности.

Доминирование нравственности в основном наборе культурных ценностей полностью меняет условия развития культуры. Мы попытаемся сопоставить эти особые тенденции в развитии культурных форм жизни, организующие идеально нравственное общественное сознание, с выделенным в нашей парадигме четвертым уровнем индивидуального сознания, становление которого обеспечивает каждому человеку возможность усвоения общего опыта и подчинение эмоциональному контролю. По нашему предположению, культурные формы нравственного сознания возникают именно как акцентуация развития в культуре уровня, адресованного индивидуальному сознанию, его механизмам эмоционального контроля.

Вероятно, в наиболее выраженном, заостренном виде такая акцентуация должна проявиться в развитых формах средневекового сознания, поэтому в основном там мы и будем искать возможные аналогии. Нравственное переживание, безусловно, занимает в такой культуре доминирующую роль над переживанием телесным – телесное, природное уничтожается им. Тело человека, его жизнь меняют здесь свое значение, поскольку противопоставляются ду-

ховным ценностям. Идеал средневековой культуры – жертвование своими телесными потребностями, а идеальное тело – это, соответственно, униженное, страдающее, загубленное тело. Пренебрежение телесными нуждами, терпение рассматриваются как особая доблесть.

В то же время, Й. Хейзинга (1988), например, говорит об обязательной культивации в Средневековье внешних проявлений моральных переживаний, обильные слезы умиления, растроганности, публичной скорби. Внешняя выраженность моральных оценок здесь прилична, даже обязательна и на религиозных, и на светских церемониях. Наши средневековые летописи также свидетельствуют об общественной значимости переживаний сострадания. Описания народных слез и трогательных чувств исторических личностей, как правило, венчают описание счастливых и трагических событий нашей истории.

Смена основного переживания, соответственно, разрушает архаическую картину мира, изменяются восприятие пространства, времени, собственного тела, основной тип познания мира, организации поведения, отношений с идеальными ценностями, высшими силами. Здесь прервалась «...тысячелетняя красота чувственно-материального космоса, и только здесь мыслители перестали радоваться вечному круговороту вещества в природе и стали страшать о всеобщем космическом грехопадении» (Лосев, 1991, с.453), здесь разрушилось единство переживания Порядка-Красоты-Истины-Добра.

Избрав как высшую ценность эмоциональную связь, способность к сопереживанию, человек неминуемо приобретает особое отношение к индивидуальной привязанности, а значит, становится особенно чувствителен к бренности, индивидуальной смертности,

то есть отлучается от переживания бессмертия в теле рода. Отголоски переживания этой потери мы находим во многих преданиях, например, в собранных Д.Д. Фрейзером мифах Океании (*Фрейзер, 1981*). Смертность человека обычно объясняется несчастной случайностью или коварством Бога, изначально создавшего человека бессмертным. Однако, существует и группа мифов, согласно которым человек сам отказывается от бессмертия ради сохранения индивидуальных отношений, так как родовых ему уже недостаточно.

Иерархия находится вне мифологического сознания, объекты мира в нем рядоположены (*Лотман, Успенский, 1973, с.282-303*). В средневековом же сознании мир и его части получают нравственную окраску, и это не просто меняет оценку качества; преломляемая нравственным переживанием картина мира начинает двоиться, иерархически организовываться (*Гуревич, 1984*). Хейзинга (1988), анализируя особенности средневековой картины мира, говорит о ее зеркальности, а Гуревич о двуплановости – все в ней оценивается с точки зрения высших человеческих ценностей и находит свое абсолютное, истинное значение в вечности. Хейзинга специально выделяет потребность средневекового сознания не просто в порядке, а в организации субординации, говорит о значении вертикальных связей в определении смысла происходящего.

Для архаического, традиционного сознания аффективный центр тяжести всегда лежит в прошлом, во «времени оно», когда был сотворен мир, и Боги и Герои дали человеку образцы выживания. Для человека нравственного сознания, которого мы отчетливо различаем в христианской традиции, этот центр находится в будущем, в вечности, когда в день Страшного Суда каждый должен будет дать ответ на вопрос, следовал ли он ориентирам вечных общечеловеческих ценностей. Будущее, таким образом, активно определяет на-

---

*КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ
СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ*

стоящее и даже прошлое. Так, переписка (в сущности, подделка) документов, свидетельств, оформление завещания задним числом не считаются в средневековой культуре преступлением, подлогом, если это преследует идеальные нравственные цели и, исправляя случайность, ошибку, служит богоугодному делу (*Гуревич, 1984*).

В типично эсхатологических установках средневекового сознания время, жестко связанное иерархическими, вертикальными связями с вечностью, перестает возвращаться. Останавливается гармоническое вращение космического колеса мифологического сознания, время становится линейной проекцией вечности, фиксированным отрезком между точками сотворения и конца света (*Лосев, 1991; Гуревич, 1984; Лихачев, 1987 а; Элиаде, 1987*) и активным, формирующим смысл происходящего становится будущее. Бог манифестируется в вечном будущем, смысл человеческой истории проявляется в божьей воле, в произвольном движении истории от зла к добру (*Топоров, 1973, с.101-106*), от грехопадения к спасению.

Пространство для средневекового сознания остается качественно неоднородным. Однако эта неоднородность отлична от неоднородности пространства мифологического сознания, определявшейся потребностями и возможностями, мерами человеческого тела. Здесь пространство пронизано символическими вертикалями нравственной оценки, и каждая его точка, отражаясь в зеркале высшего нравственного смысла, соответственно определяется и организуется им (*Хейзинга, 1988; Гуревич, 1984*). Так, Ю.М. Лотман, анализируя понятие пространства в русских средневековых текстах (*Лотман, 1965, с.210-216*), выделяет нравственные оппозиции земли и неба, праведных и неправедных земель, идею избранничества человека по его земле.

Вспомним, какое значение, насыщенность в средневековой культуре имеет само переживание пространственной вертикали – готической линии храмовой архитектуры на Западе, готическом пространстве, о котором пишет А.Ф. Лосев (*Лосев, 1991*), о столпе света, падающем сверху (*Флоренский, 1990*). П.А. Флоренский говорит о преобладании вертикали в христианском искусстве, М.М. Бахтин также определяет пространство в средневековом сознании как вертикальную модель, организованную в виде ценностных ступеней (*Бахтин, 2000*).

Путешествие в этой культуре – это, прежде всего, паломничество. Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей (*Лотман, 1965*). Пространство для нравственного сознания остается дискретным, в том числе и потому, что важно не столько само движение (перемещение), сколько изменение человеком или объектом позиции по отношению к высшим ценностям. Средневековые живопись и литература, как шахматные ходы «покадрово» фиксируют эту смену позиций. Движение – это прежде всего путь к духовному совершенству, утверждение себя в вечности, подъем по вертикали, движение по «лестнице» (*Лотман, 1965; Лихачев, 1987 а*).

Пространство, как и время, в этой культуре чрезвычайно активно – оно произвольно определяет смысл и форму поведения человека. Место и время четко определяют стилевые особенности, программы поведения человека (*Лотман, 1992 б, с.248-268*). Пространство иконы, организованное по принципам обратной перспективы (*Флоренский, 1993*), живет своей собственной активной жизнью, где каждый предмет изображается с той точки зрения, с какой он должен быть представлен человеку, чтобы нравственно воздействовать на него. Пространство, роспись храма, удерживая и на-

КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

правляя взор вошедшего, активно ведет его, втягивая в разворачиваемое перед ним смысловое переживание.

Человек в этой культуре – это, как уже говорилось, прежде всего, телесно смертный человек с бессмертной душой, напряженно переживающий дуализм земного и небесного существа. Телесное тленно, незначимо, поэтому идеальная живопись средневекового христианского искусства не материальна и не индивидуальна – это часто игра света и тени – витражи; расцвет арабского искусства – почти не материальный орнамент, и готическая душа осуществляют прорыв через границы видимой чувственности (*Шпенглер, 1993*).

Возникает переживание ценности внутренней душевной жизни, ее моральное пространство бесконечно раздвигается, и церковь представляется пересекающим его кораблем. В самом храме более значимой становится сокровенная внутренность (античный храм был более важен извне как целостный мнемонический символ, он оставался частью данного места, акцентом природного ландшафта). Теперь ценность храма определяется нравственным переживанием, ценность внутренней жизни определяет ее символическая, иерархическая организация – совесть.

Непреходящая сущность человека, его реальность осуществляется во внутренней жизни, в ее связи с вечными ценностями. Средневековая личность в идеале – это, прежде всего, моральная личность. Если в архаической культуре индивидуальные черты человека были незначимы и терялись в родовом типе личности, то здесь человек сознательно жертвует своей индивидуальной жизнью ради соответствия высшим моральным образцам, утвержденным в будущей вечности.

Каждый человек ответственен перед Богом за свой моральный выбор между добром и злом, спасением и грехом, вечным и преходящим телесным. Поэтому жест, действие человека в этой культуре

становятся поступком – единицей знакового поведения и получает смысл в отнесении к категориям более высокого уровня (*Лотман, 1992 б*). В то же время индивидуализм личностного выбора не абсолютизируется в этой культуре. Моральные силы добра и зла имеют источник вне человека и активно борются за него. Недаром человек часто выступает и как сосуд, наполненный извне (*Гуревич, 1984*).

Таким образом, и окружающий мир, и себя в нем человек воспринимает активно преломленным внешней нравственной оценкой. В средневековой модели мира нет этически нейтральных сил и вещей: все они соотнесены с космическим конфликтом Добра и Зла и вовлечены во всемирную историю спасения (*Гуревич, 1984*), все они оцениваются в зеркале высшего смысла. Поэтому основной организующей силой является знаковая функция, и это тоже является закономерным развитием иудейско-христианской традиции – сотворение мира по Книге Бытия, как известно, начинается со Слова.

Слово в этой культуре уже не имя, определяющее конкретное сенсорное качество и энергийный лик явления, а конвенциональный знак, символ, определяющий место явления в общей, высшей системе смыслов. Символ не субъективен, а объективен, общезначим, и путь к познанию мира лежит через постижение сокровенных смыслов символа (*Гуревич, 1984*). Шпенгер указывает на то, что именно с зарождением ранней христианской и арабской исламской культуры связано развитие мистической математики – алгебры, систем метафизического постижения мира.

Искусство средневековья ничего не имитирует, не иллюстрирует и вообще не пытается создавать иллюзию правдоподобности (*Лихачев, 1987 а*). (Хотя такая возможность для человека существует с давних пор – центральная перспектива была известна уже,

по крайней мере, в V в. до н. э., по преданию ее изобрел Анаксагор, и уже тогда она использовалась в прикладных целях и, в частности, для создания декораций к постановкам Эсхила). Но цель искусства здесь – не дублировать действительность, а способствовать постижению ее высшего смысла.

Оно призвано активно воздействовать на человека (в то время как античное искусство – это не навязывающая себя, покоящаяся душа). Направленный взгляд, согласно представлениям этологов, является актом активного воздействия. Поэтому важно отметить, что зрачок у статуи появляется только на закате эпохи античности, у римлян, и как раз для раннехристианской живописи характерны огромные глаза, одухотворенный, направленно обращенный к зрителю взор (*Шпенглер, 1993*). Христианское искусство создает символическую реальность, активно воздействующую на стоящего перед ним человека, означает, указывает, произвольно разворачивает и вкладывает в него свои нравственные смыслы (*Лосев, 1991*). В культуре ценностей Ислама, где, возможно, в наибольшей степени сакрализируется нравственный закон, как известно, исключается сама возможность их воплощения в зримом телесном образе, и немыслимая красота орнаментов Альгамбры вербальная, они сплетаются скорописью священного изречения⁵⁴.

Символизм средних веков – универсальное средство интеллектуального постижения действительности, когда расцветают аллегории, абстракции, системы классификаций (*Хейзинга, 1988*). А.М. Гуревич пишет: «Причинное объяснение играло подчиненную роль и имело значение в рассуждении по совершенно конкретным вопросам, но мир в целом в глазах средневековых мыслителей не

---

⁵⁴ Мы знаем и о периоде иконоборчества в христианской традиции, когда также торжествовало мнение о недопустимости представления Божественного в телесном образе.

управляется законами причинности. Между различными явлениями существуют не горизонтальные связи (причинности, действия и противодействия), а вертикальные отношения иерархии» (Гуревич, 1984, с.302).

Поскольку ценностью нравственной культуры также является порядок, то средневековое знание о мире стремится быть всеобъемлющим. Это эпоха энциклопедий, сумм, зеркал, всемирных историй, начинающихся от Адама. Универсум средневекового знания отражает тенденцию глобального взгляда на мир и веру в возможность обозримой целостности. Существует система вечных ценностей, репликой которой является наш мир, что гарантирует его познаваемость для движимого верой разума. Поэтому подчинение наук теологии является в данной культуре разумным и естественным (Гуревич, 1984).

Структура человеческой личности представляется иерархически организованной системой качеств, имеющей свое аллегорическое основание в иерархии вечных ценностей. Аллегории Добра, Жадности, Гордыни, Мудрости, Кротости выступают в роли существ побуждающих, организующих, учащих человека, сбивающих его с пути истинного. Характерно, что переход от Зла к Добру совершается в житиях святых как внезапная смена качества, перемена позиции, а не как постепенное развитие, изменение соотношения сил внутри человека. В этой культуре не существует и концепции возрастного развития: взросление – результат внезапного перехода в другое качество (Хейзинга, 1988).

В средневековой культуре символизируются как внутриличностные параметры, так и социальная структура. Социальный символизм так же обязателен как символизм мироздания. «Молящиеся», «Сражающиеся» и «Трудящиеся» исполняют моральный долг, сле-

дуя идеальной социальной роли, в этом состоит доблесть человека средневековья. Поведение каждого определяется его позицией в социальной иерархии (Гуревич, 1984).

Подвиг, служение – это стремление взять на себя и выполнить немыслимые обязательства, следовать недоступному моральному образцу, возможно, нелепому с точки зрения обывателя (Хейзинга, 1988). Человек долга стремится к высшему правилу, невыполнимому в жизни: образец – это святой, безумец, рыцарь (Лотман, 1992 а), правило – недосягаемая цель героической личности.

Одним из основных организаторов культуры и здесь является праздник. Ежегодный круговорот всех дней недели символически связан с тем или другим священным событием. Настоящее проходит под знаком вечности. Необходимо отметить, что христианский праздник отличается от языческого, который всегда является настоящим реальным переживанием прошлого образца. Христианский праздник двоится, символически объединяя настоящее и вечное (Лихачев, 1987 а).

Надо отметить, что культура средневековья радикально решает вопрос поддержания стабильности душевой жизни нравственного человека. Приятие вечных ценностей дает ему возможность быть неограниченно выносливым, терпеливым, радостно жертвенным. Само страдание становится Богоявлением, свидетельством избранности, причастности к вечной жизни.

Характер становления всего этого типа культуры, как мы уже обсуждали, определяется в ее взаимодействии с идеальной сферой. Обращаясь непосредственно к развитию отношений с «Высшими силами», необходимо отметить, что именно в нравственной культуре возникают предпосылки формирования собственно религиозного переживания. Д.Д. Фрейзер (1980), А.Ф. Лосев (1991), М.

Элиаде (1987) и другие исследователи рассматривают переход к монотеизму как появление истинной религиозности. Если магическая культура рассматривает Богов как идеальное воплощение материальных стихий и учит человека использовать эти силы, то в данном случае мы видим союз, договор человека с Богом, избравшим свой народ и давшим ему, прежде всего, моральные ценности. Поэтому, выбирая между грехом-смертью и жертвой-жизнью, человек сознательно жертвует своими индивидуальными телесными нуждами.

С одной стороны, это вызывает переживание разрыва идеального и материального, невозможности полного совмещения этих двух планов, дуализма верха и низа, Добра и Зла (Гуревич, 1984). С другой – установление морального союза человека с Богом открывает возможность возникновения некоторой «эластичности» в природном порядке вещей, возможность его произвольного изменения – чуда (Лосев, 1991).

Таким образом, подытожив представленные особенности, заостренные тенденции в развитии культуры моральных ценностей, мы можем сказать, что акцентуация переживания жертвенной любви и слияния с высшими моральными ценностями определяет особую трансформацию картины мира: возникновение дуализма, разделение высшего и низшего, появление иерархической организации, что, в свою очередь, вызывает изменение всех основных категорий культурного сознания.

Пространство воспринимается как неравномерное, дискретное, иерархически структурированное высшим смыслом, оно активно в отношениях с человеком и организует его поведение. Время в этом эсхатологическом мироощущении прекращает свое круговое движение и превращается в застывшую линейную реплику вечности, пронзенную ее вертикальными векторами. Его аффективный центр

КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

тяжести – в будущем, в вечности, и оно тоже активно в отношениях с человеком. Тело и все телесное принадлежит «низу» мира, им произвольно жертвуют ради утверждения себя в вечности. Человек выделяется из жизни рода как индивидуальность, становится смертным, но обретает свободу выбора между индивидуальным миром телесной, конечной жизни и миром вечных идеальных ценностей.

Основным способом познания мира становится символическое мышление, установление иерархического подчинения, классификация. Личность также видится как иерархия качеств, поведение организуется моральными требованиями эсхатологического сознания, стабильность душевной жизни, победа над страданием обретается приобщением к высшим ценностям. В этом сознании рождаются религиозные отношения с высшими силами. С одной стороны, человек отделяет себя от них, переживая дуализм телесного и духовного, с другой, заключает моральный союз с Богом. Бог дает человеку Закон, исполнение которого позволяет человеку утверждать себя в вечности.

Представляется, что эти акцентуированные культурные формы могут быть прямо соотнесены с реконструированными нами формами четвертого уровня индивидуального сознания, ответственно-го за регуляцию отношений человека с людьми, за развитие произвольных форм организации жизни.

Они соответствуют друг другу по типу основного переживания, по его иерархическому строению, по опосредованности индивидуального переживания оценкой другого человека, которая здесь имеет для индивида высшую ценность. Именно этот тип переживания позволяет сформироваться и иерархической структуре картины мира, в организации которой основная роль принадлежит знаковой

функции, на его основе развивается способность и культура символического мышления.

И в том, и в другом случае мы видим особое значение знаковой функции, слова в организации произвольного поведения человека. И модель четвертого уровня, и культура нравственного сознания направлены на организацию правильного поведения человека. Этому способствует сама нравственно упорядоченная картина мира, в которой даже восприятие времени и пространства активно структурировано высшими моральными ценностями.

Безусловно, эта акцентуация в наибольшей степени выражена в идеальных формах культуры, которым стремится соответствовать нормальный человек, но индивидуальное сознание должно быть шире, гибче, чем его отдельный уровень и идеальные внешние формы. Так, исследователи выделяют архаические пласти и в культуре христианского средневековья. Приняв новые формы религиозного сознания, человек старается удержать и старые формы организации жизни (Элиаде, 1995, 1996). Хейзинга (1988) отмечает, что кульп языческих Богов, олицетворяющих силы природы, который упорядочивает ритмический круговорот бытовой жизни, сохраняется в форме культа святых.

М.М. Бахтин (*Бахтин*, 1965), рассматривая оппозиции серьезной и смеховой культур средневековья, показывает ценность карнавальной жизни – преодоления средневековым человеком страха смерти возвращением его к ликующему ощущению бессмертия, вечного возрождения в теле рода. А.М. Гуревич (*Гуревич*, 1984), анализируя тенденции развития западной средневековой культуры, обращает внимание на принципиальное разведение новой христианской морали, задающей ценности равенства, справедливости и права, опирающегося на прошлый опыт, на имеющийся прецедент.

Эти оппозиции позволяют сохранить равновесие каждому отдельному нормальному человеку, но культура, стремясь максимально использовать преимущества, даваемые ей односторонней акцентуацией, в своем развитии неминуемо приходит к опасности нарушения баланса и потери жизнеспособности.

Так, Й. Хейзинга (1988), обращаясь к периоду заката средневековой культуры, говорит о все большей потери гибкости, трудности в ассимиляции нового, искусственных запретах реального освоения и изучения мира, о потере чувства единства с природой, ценностей истины и красоты – истина и красота не в творении, а в спасении – о развитии утомительной детальной символизации в социальных ритуалах, бесплодной классификации в науке, ханжестве и морализаторстве в быту, бессмысленном унижении индивидуальной телесной жизни.

И почти на наших глазах, по крайней мере, на нашей исторической памяти, культуры нравственного сознания уступают место культуре, избравшей другие, альтернативные ценности. Эта культура до сих пор определяется нами как культура Нового времени, и, как мы видим, даже в своем названии подчеркивает появление новых ценностей.

Культура Нового времени

Застывшие формы средневековой культуры буквально взламываются людьми нового времени, наиболее важной жизненной задачей которых становится индивидуальная экспансия – активное творческое освоение мира, изобретательство, исследование, то есть активный диалог отдельного человека с неопределенным, неизвестным миром. Ценности новой культуры выходят на первый план в эпоху Возрождения, и с этого времени мы начинаем говорить

рить о свободе и гуманизме и более выделять в происходящем отдельного человека, обстоятельства его индивидуальной жизни, личную биографию. Можно предположить, что особенности подобной культуры должны быть связаны с акцентуированным развитием механизмов третьего уровня организации сознания – индивидуальной аффективной экспансии.

Как мы помним, в архаической – традиционной и средневековой – нравственной культуре как важнейшая ценность избирался порядок: определенность циклов телесной и природной жизни и вечные ориентиры нравственности. Нарушения порядка, стабильности ориентиров этими культурами игнорировались или отвергались. Здесь же, наоборот, в качестве основной ценности выделяется новость, случайность, неожиданность, открывающая для предпримчивого человека новые возможности овладения миром.

По типологии, предлагаемой Ю.М. Лотманом (по отношению культуры к хаосу), мы впервые встречаемся здесь с культурой, испытывающей интерес к новому и рассматривающей неизвестность, неопределенность как резерв развития. Экстрактом этих форм культуры со временем закономерно становится складывающаяся культура Нового света, собравшего людей, способных оторваться от привычных форм жизни в родных местах. Девиз – «новые возможности» – становится общепринятой расхожей ценностью Нового мира.

Людям разных культур и, в частности, Средневековья и Нового времени, очень трудно понять друг друга, их набор идеальных ценностей несовместим. Когда мы недоумеваем, почему какие-то мелочи разъединяют людей, делают их врагами: двоеперстие – троеперстие, язык церковной службы, какие-то привычки, стиль бытовой жизни, мы часто не понимаем, что эти мелочи отражают при-

верженность развитию разных, может быть антагонистических уровней сознания.

Вспомним, например, конфликт между героями романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» – как идиотически выглядит в глазах рационального естествоиспытателя Базарова Павел Петрович Кирсанов со своей тупой косностью: «Должны же быть известные принципы», и как мерзок и дик Павлу Петровичу этот «нигилист» – потрошитель лягушек. Безусловно, дуэль между этими конфликтующими сознаниями неизбежна. И мы знаем, какими потрясениями, войнами сопровождались процессы перехода к Реформации, господству культуры Нового времени.

Принятие нового как ценности в этой культуре связано с переживанием индивидуальной активности и уверенности в собственных силах в борьбе с обстоятельствами, ощущением себя хозяином мира. И. Пригожин (1986) пишет о мотиве господства, доминирования человека над природой как об основном мотиве культуры Нового времен. К.Г. Юнг (1991) замечает, что самым распространенным суеверием человека Нового времени является мнение, что там, где есть воля, там есть путь. О. Шпенглер определяет основной мотив времени: человек – хозяин своей судьбы, судьба создается своей волей. Он же, характеризуя активность новых ценностей, обращает наше внимание на отказ Гете от традиционной библейской формулы «вначале было Слово» и ее замену формулой «вначале было дело».

Для культуры, избравшей своей главной ценностью экспансию, основным типом переживания является переживание напряжения между возможностью победы и поражения, азарта игры с обстоятельствами. Здесь прослеживается явная аналогия между культурой Нового времени и реконструированным нами третьим уровнем организации сознания. Складывающаяся в этой культуре характер-

ная картина мира, формы самоощущения человека в нем, способы организации взаимоотношений с миром определяются его направленностью на экспансию. Особые формы акцентуированного идеального сознания определяют характерные преимущества, равно как и недостатки этой культуры. Рассмотрим, как историки, философы и культурологи определяют характер Нового времени.

Прежде всего, обратимся к особенностям построения в этой культуре картины мира. При обостренном внимании к новизне мицроздание теряет свою устойчивость, мир предстает перед человеком бесконечно изменчивым, полным неожиданностей, приключений, опасностей, но и чудесных открытий, увлекательных загадок. Он распадается на множество отдельных, притягивающих внимание явлений и теряет, таким образом, свою целостность мира – живого тела и мира – отражения высших духовных законов.

Тем не менее, при всей своей загадочности он представляется человеку Нового времени (как и человеку культуры Средневековья) принципиально познаваемым. Однако если для человека религиозного сознания мир был постижим как отражение системы вечных ценностей, то здесь он понятен, потому что организован по простым и универсальным причинно-следственным законам. Ю.М. Лотман (*Лотман, 1992 б*) отмечает характерное для этого типа культуры заострение внимания к причинно-следственным связям и отслеживанию результативности действия (фиксируется не когда был начат сев, что было важно для культур, ценностью которых был, прежде всего, порядок, а сколько собрали).

М.М. Бахтин (*Бахтин, 1965*) характеризует переход к Новому времени как переход от иерархически вертикально организованной символами картины мира к картине горизонтальных связей. Мир теряет единую иерархическую организацию и рисуется отдельными линиями причинно-следственных связей, выделение которых

позволяет разрешать все новые и новые задачи, встающие перед человеком. Потеря целостного восприятия мира компенсируется не только широтой экспансии, но и возможностью концентрировать внимание на понимании внутренних причинно-следственных закономерностей отдельных явлений. Именно в культуре Нового времени рождается идея развития: выдвигаются понятия развития природы – эволюции, общества – исторического процесса⁵⁵, индивида – возрастного развития организма.

Вместе с тем особое внимание к результату собственных действий определяет и понимание развития причинно-следственных отношений как целенаправленного процесса. В наибольшей степени это отражается в любимой идее культуры Нового времени – идее непрерывного исторического прогресса, развития достижений цивилизации, освоения природы, возможности последовательного продвижения человека от одной победы к другой, где последующая затмевает предыдущую (*Штенглер, 1993; Лотман, 1992 б.*).

«Природа – не храм, а мастерская» (реплика Базарова) – характерный девиз для человека Нового времени. Отношение к природе приобретает объектный характер (*Гуревич, 1984*), она предстает материалом, требующим творчества, в котором проявляются неограниченные возможности человека. В то же время И. Пригожин (1986) отмечает, что природа для рационального сознания открывается как пассивная, количественно измеряемая, разбиваемая на части и механически моделируемая.

Картина мира в этой культуре постоянно активно дополняется, развивается. Если культуры, стремящиеся сохранить сведения о

---

⁵⁵ Рождается сознание, рассматривающее историю уже не как средство сохранения в памяти событий, образцов человеческих действий, или манифестацию божественного промысла, а как процесс, подлежащий анализу и обусловленный причинно-следственными связями (*Элиаде, 1984, 1995, 1996*).

порядке, а не о его нарушениях, заботились о календарях, обычаях и ритуалах, то есть не об умножении, а о точном воспроизведении образцов поведения, текстов, то здесь важна фиксация именно отклонений, событий единичных⁵⁶ (Лотман, 1992 б). Понятно, что теперь недостаточно переписывать канонические тексты, должно появиться книгопечатание, и оно появляется именно в это время, хотя сама идея применения отпечатка несравненно древнее, но используется она ранее, как известно, для других целей. Очень скоро возникает и периодическая печать, призванная доносить до всех уже не самые важные, а самые свежие новости. Все это создает предпосылки лавинообразного умножения числа текстов культуры, а значит и к ее возможной перегрузке рядоположенной, иерархически не организованной информацией.

В этом новом мире, естественно, коренным образом меняются переживания пространства и времени, которые тоже становятся объектом деятельности человека. Отделенные от ритмов жизни тела и нравственных установок, они теряют свою качественную неоднородность, свой рельеф, ограниченность аффективной структурой, но вместе с тем, согласно А.Ф. Лосеву (1991, с.33) утрачивают и свое индивидуальное человеческое лицо, делаются бесформенными и бесконечными. «Наша физика и механика оперируют с <...> миром однородного пространства, в котором находятся механизмы, механизмами же движущиеся». Пространство и время становятся бесконечными и однородными в своих свойствах, но именно это и позволяет человеку разработать объективные эталоны и ввести их в ежедневную практику, создать системы измерения пространства и времени (Гуревич, 1984). Пространство и время

---

⁵⁶ Ставятся модными собрания диковин, кунсткамеры.

унифицируются и воспринимаются человеком как условия разрешения его отдельных задач.

Если в культуре моральных ценностей они сами были активны в отношениях с человеком, то в Новое время характерна особая активность человека по отношению ко времени и пространству, которая выражается в возрастании значения связывающей их категории скорости (Гуревич, 1984). Под влиянием силы, мощности человека пространство сжимается, съедается скоростью; сближаются самые удаленные точки земного шара. О. Шпенглер (1993) в связи с этим говорит о планетарности такой культуры, беспредельных зонах политических, экономических и военных интересов и, соответственно, о потребности в быстрых средствах сообщения, лавине географических открытий, покорении полюсов, вершин и глубин.

Динамика в отношениях человека и пространства отражается и в изменении канонов живописи. Как мы знаем, переход к новым формам культуры сопровождается появлением в живописи прямой перспективы, которую Шпенглер считал принципиальной характеристикой культуры. Мир в новой живописи невозможен без «Я», оно становится функциональным центром вселенной, прямая перспектива утверждает господство смотрящего над пространством. Перспектива картины строится теперь от субъекта и отражает активность его взгляда на картину (Гуревич, 1984; Лихачев, 1987 а), что противоположно разворачиванию смыслов изображения для субъекта – обратной перспективе средневековой культуры (Лосев, 1991).

Активное овладение человека пространством, однако, сопровождается его возрастающей зависимостью от времени, порабощением им (Гуревич, 1984). Фактор времени становится решающим в овладении меняющимися обстоятельствами, и, как известно, именно при переходе к Новому времени в XIV-XV вв. часы появляются на ратушах городов, а вскоре возникает необходимость и в карман-

ных часах. Дело не в их изобретении, а в формировании потребности постоянно следить за временем, спешить, успевать вписываться в точку, скользящую из настоящего в будущее.

Именно этот момент, когда ускользающее время начинает переживаться, как потеря неосуществленных возможностей, считается ключевым в понимании новой культуры. До этого в средневековой культуре время не ценилось, и А.М. Гуревич приводит старую поговорку: «Когда Бог создавал время, он создал его достаточно» (Гуревич, 1984, с.157). Новая культура дорожит временем, от того, как оно используется, зависит будущее, конкретное будущее отдельного человека и общий прогресс в отношениях с миром. Из характерного для Средневековья линейного, скрепленного символическими вертикалями отрезка между точками сотворения мира и конца света время превращается в процесс активного движения, преобразования настоящего в будущее.

В новом сознании меняется само переживание материальности, реальности мира. В сознании традиционных культур реальностью обладала, прежде всего, жизнь тела, в сознании нравственной культуры реалии мира коренились в его нравственных символах. Для сознания Нового времени реальность – это взаимоотношение сил, динамика отношений. Шпенглер обращает наше внимание на определение материи как константы отношения массы и ускорения, он видит уже в архитектуре Ренессанса и барокко потерю чувственности – чисто музыкальные моменты взвивающихся и волнообразных линий. Пригожин оценивает это сходным образом, говорит, что рационализм воспринимает природу как унылую штукку без звука, без запаха, без цвета, как спешащую материю.

Вещи перестают быть непосредственной принадлежностью наследственного уклада, в большей степени чем добротность, изно-

состойкость, начинает цениться их новизна и оригинальность⁵⁷. Новые времена, вернее, новое восприятие времени в корне меняет и отношение человека к деньгам⁵⁸, важно, что теперь они требуются быстро и вовремя. Возрастает необходимость получения ссуды, ответом становится возникновение первых банков⁵⁹, создается и развивается отдельная финансовая сфера деятельности, где важным становится сам оборот денег, их постоянное виртуальное движение, при ослаблении непосредственной связи с материальным результатом подобной деятельности, появляются биржи, биржевые спекуляции, игра на бирже.

Меняется и отношение к числу. Если для традиционной культуры оно неотделимо от материального объекта, а религиозное сознание открывает для себя символическую математику, и Николай Кузанский, созерцая беспредельность Бога, приходит к пониманию существования бесконечно малых и бесконечно больших чисел, то в математике Нового времени число – это, прежде всего, отношение, функция (*Шпенглер, 1993*). Шпенглер подчеркивает независимость такого числа от чувственного, его динамизм, энергию, и математикой Нового времени считает математический анализ – определение посредством чисел положения точки в каком-либо, даже не всегда трехмерном, пространстве.

Господство переживания динамики отношений влияет и на характер музыки этой культуры. Шпенглер указывает, что именно в

---

⁵⁷ Потребность в постоянной смене вещей, престижность чуткого следования моде вносит свой вклад в формирование общества потребления.

⁵⁸ Известно, что деньги появляются в традиционных культурах как вполне материальное средство совершенствования и упорядочивания натурального обмена. В нравственных же культурах они становятся, кроме всего прочего, и символом телесного благосостояния, богатства, которое приобретает здесь отрицательное значение в сопоставлении с моральными ценностями, деньги начинают олицетворять зло и соблазн.

⁵⁹ Как известно, это тоже происходит в Италии в эпоху Возрождения.

это время Монтеverди создает первый настоящий оркестр, рождаются правила контрапункта, в 1630 году появляется первый виртуоз игры на органе. В качестве основных взаимосвязанных признаков западной культуры Нового времени Шпенглер называет аналитическую математику, контрапункт в музыке и центральную перспективу масляной живописи.

Рассмотрим теперь особенности самоощущения человека этой культуры. Новое время коренным образом меняет отношение к жизни тела. В Средневековой культуре, утверждавшей торжество моральных ценностей над жизнью тела, идеалом было телесное самоограничение, лишения, страдание. Теперь дуализм верха и низа становится менее напряженным, и страдание перестает быть знаком милости Божией, а удовольствие – грехом. В то же время это не является и возвращением к архаической или античной культуре естественной гармонии жизни одушевленного тела.

Новое время культивирует иную форму дуализма, обусловленную активным вмешательством деятеля в природные процессы. Соответственно и тело начинает рассматриваться как объект изучения⁶⁰, средство достижения целей экспансии или удовольствия. С одной стороны, за ним начинают больше следить и ухаживать, растет стремление за счет искусственных «приставок» расширить пределы возможностей руки, слуха, зрения, найти техническую возможность выйти в другие, ранее недоступные для тела среды. С другой, – тела теперь стыдятся, стараются все больше контролировать его естественные проявления.

---

⁶⁰ Человеческое тело перестает рассматриваться в соотнесении с природными ритмами и гармонией космоса, начинается активное изучение его устройства, возникает лавина открытий в анатомии и физиологии: тело препарируют и исследуют как механизм, выделяют отдельные функции; возникает и нарастает специализация врачей и исследователей. Соответственно понятен и отход от старых принципов лечения недугов – принцип «подобное подобным» теперь вызывает у специалистов лишь усмешку, ищется средство непосредственного воздействия на причину заболевания и восстановления телесной функции.

А.М. Гуревич (*Гуревич, 1984*), цитируя работы Н. Элиаса, отмечает, что контролировать телесные проявления, стыдиться их начинают не в Средневековье, а при переходе к Новому времени. Именно тогда появляются многочисленные трактаты о застольных манерах (в том числе Эразма Роттердамского), в которых осуждаются естественные для средневекового человека вещи – запрещается есть руками, из общей миски, пить из одного кубка, плевать и сморкаться за столом. Сдвигаются границы стыдливости в естественных отправлениях: отход ко сну и подъем из постели выделяются из сферы общественных отношений и перемещаются внутрь семьи, появляется особая одежда для сна, носовой платок, вилка, стремление к чистоплотности становится добродетелью. Только к XVIII веку утверждается правило, согласно которому в комнате для сна размещаются только лица одного пола. Сексуальные отношения перестают быть частью социальной жизни и уходят в недра семьи, появляется стремление исключить их из поля зрения ребенка (*Арьеc, 1999*).

Идеальный человек Нового времени отказывается от господства обычая и принимает условия неопределенности, опасности, он сам выбирает стратегию своего поведения (*Лотман, 1992 б*). А.М. Гуревич (1984, с.325) определяет культуру Нового времени как культуру «человека на распутье», вновь и вновь оказывающегося в ситуации выбора, причем не жестко дуалистического, который предполагает нравственное сознание, а множественного, происходящего в условиях неопределенности. Этапоном здесь становится уже не моральная личность Средневековья и тем более не родовая личность архаической культуры, а творческая, самоутверждающаяся и самовыражающаяся личность. Именно эти ценности избираются культурой Возрождения и утверждаются в философии Гуманизма – человек становится активным центром мира.

Традиционная и нравственная культура сочли бы бесчестным и слабым человека, уклоняющегося от велений судьбы и морального долга, но Новое время формирует человека, который «делает себя сам», берет на себя ответственность за выбор и, нарушая традиции, находит свое собственное решение задачи – индивидуалиста, авантюриста, исследователя, испытателя. Человек сознает себя творцом истории и хочет быть им (*Элиаде*, 1987), при этом он становится менее связан правилами и нормами поведения, формулируются новые принципы политической жизни – «цель оправдывает средства».

Дж. Нидэм указывает, что именно в конце средних веков общество перестает относиться с презрением к новаторам в ремесле и технике, а до этого их творчество оценивалось полупрезрительно, как хитрые уловки (цит. по Пригожину). В идеалах культур, стремящихся к стабильности, порядку, достойный человек достигает превосходства силой, совершенством, но никогда изобретением нового, неожиданностью (*Лотман*, 1992 а). В Новое время изобретатель также становится все более свободным от моральных норм и использует все возможности, как бы они ни были опасны для социума⁶¹ (*Пригожин*, 1986).

Таким образом, в культуре Нового времени человек в большей степени оценивается не по своим естественным природным достоинствам и моральным качествам, а по активности, способности влиять на ситуацию, преодолевать обстоятельства. Развитие цивилизации в Новое время – это, как мы знаем, прежде всего, развитие науки⁶²; двигателем ее, по Пригожину, является мотив господства.

---

⁶¹ Характерно распространение в это время фантастических сюжетов о механическом создании, монстре, вырвавшемся из-под контроля изобретателя.

⁶² Научное сознание дает истинную, достоверную картину мира, оно противопоставляется сознанию обыденному, содержащему поверхностное, примитивное зна-

---

*КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ
СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ*

Наука развивает мощности человека от первых паровых и водяных двигателей до овладения энергией атома, а также дает ему возможность добывать, овладевать все новой и новой информацией. Это неизбежно стимулирует развитие индустрии новостей: средств связи, массовой прессы, потока радио- и телесообщений, развитию электронных средств коммуникации. Промышленная революция закономерно перерастает в научно-техническую и информационную.

Если в архаической и средневековой культурах поведение человека организуется традициями, социальным статусом, моральными правилами, то в Новое время рождается «культура, ничего не предрешающая раз и навсегда и не программирующая неизменного хода жизненного бытия, культура поиска, выводящая себя за свои собственные пределы, культура открытых возможностей» (Гуревич, 1984, с.325). Ее сознание является романтическим (Лотман, 1992 а), противопоставляющим героя толпе, презирающим прошлое (по В.И. Далю – прошедшее, былое), ставящим себя выше социальных правил.

Человек Нового времени не вписывается в ритмы как природного мира, так и в образцы идеального социального поведения, а ведет активный диалог с ними, диалог индивидуальных возможностей и уникальных обстоятельств, происходящий здесь и сейчас, где человек является творцом, причиной изменения внешней среды, своей судьбы, социальных норм и самого хода истории. Поэтому и основным способом познания мира становится не разработка его единой стабильной картины, а прослеживание отдельных ди-

---

ние, не вскрывающее причин происходящего. Это противопоставление сравнимо по напряженности с противостоянием сакрального и профанного в традиционных и нравственных культурах, в культуре экспансии в науку тоже верят.

намичных причинно-следственных связей. Жизненно важным представляется выделение горизонтальных линий, цепочек причин и следствий, позволяющих изменить будущее, решив стоящую здесь и сейчас задачу.

Время, место, социальная структура ослабляют свое формообразующее влияние на повседневное поведение человека. Общий праздник также перестает быть основным организатором и стабилизатором системы жизненных смыслов человека, связывающим его с нормами, заданными прошлым и будущим. На первый план выступают формы личного праздника, отмечающего индивидуально значимые события⁶³, а затем и просто удовольствия, организуемого произвольно и удовлетворяющего конкретные нужды саморегуляции – релаксации, «разрядки», «встряхивания» или «зажигания».

Характерно, что именно при переходе к Новому времени из общего праздничного действия выделяются самостоятельные виды искусств со своими специальными эстетическими задачами, с мотивами личных достижений и с отношением к творчеству как самоценности. Культуре аффективной саморегуляции Новое время предлагает разработанные формы азартных игр, рискованные приключения, спорт, а также моду как эпатаж, экстравагантность, цель которой – противостояние толпе, триумф – возмущение обывателя, риск – возможность остаться незамеченным (*Лотман, 1992 а*).

К. Леви-Стросс (1994) отмечает принципиальное отличие азартных игр Нового времени от ритуальных игр в традиционных культурах. Если в последнем случае результат всегда предопределен и заключается в установлении определенного равновесия (в Новой Гвинеи тоже с удовольствием играют в футбол, но ровно столько

---

⁶³ Например, начинают праздноваться не именины, а собственно день рождения.

партий, сколько необходимо для достижения ничейного результата), в новое время результат не определен – все зависит от самих участников. Ритуальная игра приводит к победе «команды жизни» над «командой смерти», переводит всех через обряд инициации, в азартной же игре, наоборот, из подчеркнутого равновесия равных возможностей возникает и утверждается неравновесие – личная победа.

Новое время знаменуется развитием сюжетного искусства, связанного с драматическими событиями индивидуальной жизни человека, с психологическим анализом его переживаний. Если для античной культуры трагедия являлась трагедией случайного мига в жизни материальной личности, и для нее необходимо было сохранение единства времени и места, то трагедии Шекспира являются трагедиями развития индивидуальной души и менее зависят от внешних обстоятельств (Шпенглер, 1993).

В живописи символы вечной красоты сменяются индивидуальными портретами в живописи, приобретает популярность жанр личных записок, мемуаров, исповеди. Изящная словесность, «плетение словес», постепенно вытесняются литературой, привлекающей пружиной сюжета – нагнетанием помех, сложностей, опасностей на пути героев к цели, кульминацией, победой героев над обстоятельствами и развязкой – счастливым концом.

Если исходно это – сюжет полнокровного пронзительно личного переживания (О. Шпенглер говорит об этой культуре не только как о культуре аналитической математики, масляной живописи и карманных часов, но и как о культуре автобиографий, дневников, исповедей), трагической напряженности душевной жизни, то позже происходит все более механистическое заострение сюжета приключения. Происходит специальное выделение остросюжетного,

приключенческого, детективного жанров литературы. В дальнейшем проигрыш ситуаций катастрофы, ужаса, уже без обязательной благополучной развязки, приводит к потере сюжета, связанного с индивидуальной жизнью, и к развитию искусства непосредственной механической стимуляции переживания испуга, нарушения равновесия. Как мы знаем, подобная стимуляция острых ощущений особенно характерна для наиболее массового современного искусства – кинематографа.

Мы видим, что культура экспансии развивает не только объективное отношение к собственному телу, но и рождает дуализм в восприятии своей душевной жизни. Как и тело, душа становится отстраненным объектом исследования, выделяются и успешно изучаются отдельные психические функции, выстраиваются гениальные конструкции, однако накапливаемые объективные знания не дают целостного понимания душевной жизни. К.Г. Юнг (1992), обсуждая общую тенденцию объектного отношения к жизни души, говорит и о психоанализе как о реинтеграции психики, выделении отдельных психологических проблем и постановке узких профессиональных задач психотерапии. Страдание перестает восприниматься как необходимая душевная работа, испытание, посланное Судьбой или Богом, душевная травма рассматривается как нарушение нормального функционирования психики, мешающая успешно жить и требующая вмешательства специалиста.

Понятно, что именно в этой индивидуалистической культуре человек остается наименее эмоционально защищен перед лицом неизбежной грядущей смерти (Элиаде, 1995, 1996; Арьеc, 1999). Она уже не воспринимается как естественный переход между жизненными циклами, или как высокий момент подведения итога достойно прожитой жизни. Это даже не просто конец индивидуально-

го существования, но в какой-то степени и проигрыш, поражение человека в борьбе с обстоятельствами. Арьеc замечает, что в современном обществе, где необходимо поддержание оптимистического настроя, смерть просто начинает игнорироваться. Она все более прячется в палаты больниц, отдается в руки профессионалов, и даже траур по близкому становится необязательным, выражения скорби начинают скрываться, поскольку воспринимаются как неприличные.

Новое время создает свои культурные формы отношений с идеальной сферой. Во-первых, идея Бога все больше совмещается с идеей первого толчка, первопричины, открывшей цепь причинно-следственных зависимостей. Складывающуюся в рациональном сознании механическую модель мира необходимо дополняет образ Часовщика, Механика, Главного Конструктора. Во-вторых, человек сам утверждает право на творчество, которое раньше принадлежало лишь Богу. Решение моральных проблем превращается в субъективный творческий акт (*Юнг*, 1992), а вечные ценности, «трансцендентальные реальности» присваиваются, становятся субъективными идеями» (*Лосев*, 1991, с.107), и человек начинает отстаивать свое право вести активный диалог с Богом, как и с миром.

Как мы знаем, в Европе переход к Новому времени связан с мощными революционными движениями, войнами Реформации. Потребность в личном, свободном толковании священных текстов, личного участия в религиозной службе, проводимой для этого на родном языке, сочетается с отказом от сложной системы сакральных ритуалов и символов. К.Г. Юнг (*Юнг*, 1991) считает Реформацию утверждением права субъекта на свободный диалог с Богом, права толковать Слово Божие, основным моментом культуры Нового времени и связывает возникновение этих новых возможностей

с потерей культуры католического ритуала и символики, дающей формальные гарантии единения с высшими ценностями и защиты от переживания Хаоса.

Протестантское напряженное и обостренное отношение к Богу как «Я» к «Ты» – по Юнгу, великий риск и великая возможность человека. Протестант остается в одиночестве перед Богом, воспринимая религиозный опыт без защиты ритуала и символа. Католические формы религиозной жизни произвольно организуют переживание нуминозного в ритуалах и символах. Они открывают путь к пониманию божественного, но одновременно и предохраняют от непосредственного соприкосновения с ним. Реформация, разрушая религиозные ритуалы и символы, пробивает брешь в защитной стене и оставляет человека в оголенном мире символической нищеты.

Таким образом, если мы попытаемся подытожить вышесказанное, то должны будем выделить, что основным ценностным переживанием культуры Нового времени является переживание индивидуальной экспансии: прогресса, роста возможностей человека, освоение им новых пространств, преодоление преград, победы над стихиями, болезнями. Это определяет содержание сознания человека Нового времени – картина мира строится в активном диалоге с ним как ответ на собственное воздействие, в ней ценна прежде всего новость, открывающая человеку возможность следующего активного хода. Если мир человека средневековья был репликой вечных ценностей, то теперь это ответ активности, личного творчества.

Мир теряет свою устойчивость и единую вертикальную иерархическую организацию и рисуется горизонтальными линиями причинно-следственных связей, распадается на отдельные явления. В

отношениях с миром возникает дуализм активного субъекта и объекта действия. Человеческая личность ценна творчеством, способностью принимать решения, брать на себя ответственность, делать выбор. Личность стремится к все большим мощностям, к овладению потоком информации и видит путь цивилизации в прогрессивной победе над силами природы. Она стимулирует себя переживаниями риска и азарта и, присваивая вечные ценности, рассматривает их как субъективные убеждения.

Объектом творчества становится не только природа, но и тело человека, душевная жизнь. Тело лечат, за ним ухаживают, совершенствуют, его стыдятся, психология, психотерапия исследуют и разрешают отдельные проблемы душевной жизни, идеология, пропаганда, реклама развиваются культуру манипуляции сознанием, служат целенаправленной организации поведения человека.

Сравнивая этот тип идеальной организации сознания с сознанием третьего уровня, мы можем отметить, что в обоих случаях основной адаптационной задачей является организация активной жизни в нестабильных условиях, в ситуации неопределенности, постоянного множественного выбора. Сознание, мироощущение организуется одним типом переживания личной экспансии; совпадает тип картины мира – восприятие времени и пространства, способы познания с помощью установления причинно-следственных связей, средства организации поведения с ориентацией на новые возможности, разворачиванием активного диалога с обстоятельствами.

Мы видим, какие огромные возможности открывает этот тип культуры, подобная акцентуация индивидуального сознания, но знаем также и о связанных с этим огромных опасностях. Потеря переживания мира как живого, одушевленного тела, его единства с человеком, индивидуализм и механицизм, объективность в отноше-

ниях при бесконтрольном наращивании собственных мощностей и потока информации ставят, как мы знаем, под угрозу само существование мира.

Вторая половина XX века характеризуется общим осознанием тупиковости развития этой чистой линии культуры, пониманием односторонности картины мира, ее дегуманизации, механизации, изоляции в ней человека от мира. И. Пригожин пишет о том, что в нашей позитивной культуре скрыт элемент насилия, замаскированный под жажду знаний, и ее технологический и научный остов – основа этого насилия, научный эксперимент – это допрос природы на дыбе. Успехи рациональной, экспериментальной науки с помощью разбивания явления на части, сведения сложных закономерностей к простым, универсальным законам, сверхценное отношение к количественным измерениям открывают нам, к сожалению, уже мертвую, пассивную природу.

А.Ф. Лосев (*Лосев, 1991, с.31*) пишет о том, что уже «механика Ньютона построена на гипотезе однородности и бесконечности пространства. Мир не имеет границ, т.е. не имеет формы. Для меня это значит, что он бесформен. Мир абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скучой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод между планетных пространств. Что это, как не черная дыра, даже не могила и даже не банка с пауками, потому что и то, и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорят о чем-то человеческом... Этому вполне соответствует новоевропейское учение о бесконечном прогрессе общества и культуры».

С этой тоской по потерянному единству человека с миром и его внутренней целостности связано понимание необходимости поиска нового баланса ценностей. Возможность альтернативного развития

ищут, прежде всего, в формах традиционных культур, и именно с этим связаны характерные для XX века интенсивные сравнительные исследования в области культурологии.

Кроме того, в центре внимания исследователей уже с конца XIX века часто оказываются культуры Дальнего Востока, в которых видится совершенно особый и чрезвычайно соблазнительный для западного человека тип отношений с миром. Многие западные мыслители видят в нем путь выхода современного сознания за пределы мира количества в мир качества, в целостный мир становления и возникновения живых существ и их сообществ (Пригожин, 1986). В идеале этот тип отношений воплощен в учениях индуизма, даосизма и затем буддизма и дзен-буддизма. Однако К.Г. Юнг (Юнг, 1991) вновь предостерегает нас, утверждая, что выход в этот мир возможен только при кардинальной смене системы основных ценностей. Присвоив лишь методы отношений с миром, с телом, собственной психикой, западный человек сможет использовать их скорее во зло себе, все более контролируя свое естество. Так Юнг, например, считает, что человек западной культуры не годится для индийской йоги, поскольку наша интенсивность и узость действия может с помощью этих методов быть навязана и нашему подсознанию.

Культура интуитивного сознания

Итак, культура Нового времени открывает огромные возможности в завоевании человеком господства над жизненными обстоятельствами, в развитии науки и техники, свободы личности, оборотной стороной которых являются проблемы акцентуированного развития культуры. В настоящее время критика господствующей западной культуры в наибольшей степени ведется по двум основаниям.

Во-первых, общим стало понимание опасности принципиальной бесконтрольности развития научно-технического прогресса, понимание того, что подвластные человеку огромные мощности и совершенные технологии при отсутствии целостного подхода к миру несут угрозу его существованию, что лавинообразное умножение текстов культуры неминуемо ведет к информационной перегрузке, столь значительной, что в итоге значение новой информации обесценивается. Таким образом, мы видим, что именно сильные стороны культуры во многом теряют свое адаптивную ценность, ставятся под сомнение идея победоносного шествия цивилизации и прогресса.

Во-вторых, неудовлетворенность вызывают и характерные для этой культуры переживание дуализма, растущего отчуждения человека от жизни природного мира, необходимость жесткой гонки за достижением, зависимость от времени, потеря чувства реальности непосредственной индивидуальной жизни собственного тела и собственной души. Символическая нищета, отказ от религиозного ритуала – оголенный мир идеальных ценностей Реформации, требующий обостренных и напряженных отношений Личности и Бога, увеличивает опасность психической декомпенсации человека.

Все это стимулирует поиск альтернативных ценностей, иного взгляда на мироздание внутри самой западной культуры и привлекает особое внимание к другим культурам, приоткрывающим иные взаимоотношений человека с миром. И здесь закономерно обращение западного человека к Востоку – динамики западной души к «соблазну» восточных ценностей (*Юнг*, 1991).

Это действительно совсем другой путь в развитии отношений человека и мира, привлекательный и одновременно пугающий человека Запада. Его попытки опробовать этот путь отмечены уже на заре развития культуры Нового времени, вернее, на перепутье от

культуры Средневековья к культуре Нового времени. Тогда они были связаны для западного человека с развитием его религиозных и нравственных переживаний. Протестант, отказывающийся от наследства системы религиозных символов и разрушивший религиозный ритуал, неминуемо начинает испытывать на себе разрушительное воздействие индивидуального откровения (Юнг, 1991). Для него распадаются до того времени незыблемо определенные формы мира, поведения, идеалов человека, он начинает воспринимать себя, природу, Бога как Пустоту, Ничто и Никто – путь, уже пройденный многими восточными религиозными практиками.

Тогда, на исходе Средних веков, в период разложения культуры нравственного сознания и зарождения культуры Нового времени, Запад испугался экспериментов в этом направлении. Й. Хейзинга (1988, с.211, 241) пишет, что, когда религиозные переживания в позднем Средневековье стали приобретать окраску индивидуального растворения в мистических интуициях, и переживание Божественного стало терять четкие очертания Бытия, Добра или Истины, и начало восприниматься как Божественная Пустота, и, главное, когда эти умонастроения от практики отдельных докторов мистики стали распространяться в массах, парижский университет во главе со своим деканом Ж. Жерсоном призвал к борьбе за сохранение церковных форм контроля над интуитивным религиозным переживанием.

Была признана опасность потери стабильных форм мироощущения с приоритетом контроля моральных ценностей и индивидуальной моральной ответственностью личности. Й. Хейзинга считает, что одним из проявлений борьбы с размыванием, интуитивностью религиозного переживания стало движение инквизиции, расцвет которой приходится не на времена «мрачного» Средневеко-

вья, а именно на период его разложения. Массовые репрессии этого времени говорят и о сильной тенденции к развитию интуитивного в отношениях с Богом.

В более близкие нам времена кризиса культуры Нового времени перед массовым сознанием западного человека широко открылся уже не только экзотический религиозный опыт, но и целостное мироощущение человека Востока, его способ жить. Он интересен современному западному сознанию именно потому, что культивирует выбор, дополняющий ценности современной западной культуры.

Конечно, привлекающие нас духовные традиции Индии, Китая, Японии не исчерпывают целостных форм развития культуры Востока, они отражают их лишь отчасти и в родной среде имеют системы необходимых культурных «противоядий», уравновешивающих эти великие открытия другими ценностями жизни человека, как, например, даосизм и дзен-буддизм в китайской культуре уравновешены конфуцианством – культурой морального долга, порядка, формы и ритуала. Понятно, однако, что нас интересует, прежде всего, та сторона восточного опыта, которой не хватает нам.

Культуры индуизма, буддизма, даосизма и дзен-буддизма как основную ценность выделяют настояще мгновение, каждодневную жизнь в ее естественности и неповторимости, растворение в потоке жизни, в непосредственном интуитивном контакте с миром; главное для них не что, а как делается и что при этом чувствуется. Основной ценностью является освобождение от погони за ускользающим миром форм, трафаретов, дуализмов, в том числе дуализма добра и зла, жизни и смерти, Я и обстоятельств; спасение от погони за временем – в переживании вечно длящегося момента настоящего (Watts, 1957, 1960; Needham, 1969; Абаев, 1989).

Представляется, что обращение к непосредственному потоку жизни, интуитивности, спонтанности рождают формы культуры, акцентирующие развитие механизмов первого уровня сознания – уровня пластической интуиции в отношениях с миром.

Поскольку основное ценностное переживание совершенно по-особому организует и своюственную культуре общую картину мира, и основные категории сознания идеального для данной культуры человека, и его повседневный образ жизни, и искусство, попробуем, рассматривая основные формы жизни культуры Востока, со-поставить их с реконструированными нами формами организации сознания и поведения первого уровня.

Прежде всего, если следовать типологии Лотмана и определять культуру по ее отношению к Хаосу, то необходимо отметить, что мы имеем здесь дело с культурой, которая не стремится их четко разделять (Watts, 1957, 1960). В великих восточных традициях индуизма, даосизма, дзен-буддизма мир предстает симультанно целостным, чувственно протекающим и не делится на области Порядка и Хаоса. Он спонтанно и целостно произрастает в естественном равновесии.

Эти культуры развивают концепцию природы как организма, который отличен от мира – живого тела Античности. О.Шпенглер (1992) определяет греческий Космос как мир, не становящийся, а пребывающий, и человек античности, по его мнению, был не становящимся, а пребывающим, и душа его была покоящейся душой, восточный же мир он видит в его живом непрерывном становлении. Именно отсутствие четкой границы порядка, формы и хаоса отличает живой мир Востока от мира совершенных форм живого тела Античности.

Таким образом, образ мира здесь текуч и спонтанно изменчив. Факты, события, формы, измерения, наименования, классификации

не являются для этого мира достоверной реальностью (это Майя, обманный лик мира). Мир нельзя поймать, он всегда ускользает, его нельзя определить, опираясь на слова и описания, реально войти в него можно, только растворившись в конкретном чувственном потоке, отколовшись от бесплодных попыток уцепиться, удержать мир в словах и формах.

Дж. Нидхэм рассказывает об иронии, с которой просвещенные китайцы в XVIII веке встретили сообщения европейцев о триумфах современной науки. Центральное представление Западной культуры о том, что природа подчиняется простым универсальным законам, была воспринята в Китае как пример непревзойденной антропоцентрической глупости (*Needham, 1969*).

Вместе с тем мир для этой культуры не рушится в Хаосе. Образ мира предстает в дзен-буддизме как спонтанная самоорганизация, рождающая динамический порядок (*Watts, 1957, 1960*). Характерно, что к подобным выводам приходят и многие ведущие современные мыслители Запада: это уже вошедшее в массовое сознание представление о целостности мира экологических систем, идеи В.И. Вернадского о Био- и Ноосфере; современные мысли И. Пригожина о возможности самоорганизации материи из хаоса во многом близки восточным и, более всего, китайским и индийским культурным традициям.

Как известно, И. Пригожин считает, что главную роль в реальности играет неустойчивость и неравновесность, он концентрирует внимание на изучении неустойчивых динамических систем, открытых систем, обменивающихся энергией и информацией с внешним миром. Таким образом, он выходит из равновесного мира мертвой материи классической физики Нового времени в открытый мир фундаментальной неопределенности.

*КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ
СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ*

Результаты исследований Пригожина выявляют механизм предбиологической адаптации структур к внешним условиям, показывают, что, если в устойчивых, равновесных системах материя слепа, то в сильно неуравновешенных структурах она обретает способность воспринимать различия, флуктуации во внешнем мире и учитывать их в своем функционировании. В этом случае в них может возникать некая «коммуникация» между молекулами – преддомена существования биологической системы.

Так он приходит к пониманию развивающейся вселенной, представлению о спонтанно изменяющемся, самоорганизующемся мире. Если энтропия – это то, что создает неравновесную систему, в которой материя спонтанно активна, способна к саморазвитию от хаоса к живому порядку диссипативных структур, то в итоге энтропия есть разложение и разрушение, порождающее порядок из хаоса.

В своих исследованиях И. Пригожин приходит к пониманию времени, близкому к переживанию времени в Восточных культурах. Как барьер скорости света ограничивает распространение сигнала, так энтропийный барьер отделяет в неравновесных системах прошлое от будущего. В неравновесных структурах мы уходим от повторяющихся, циклических временных процессов к уникальным направленным и специфическим – так в Западной культуре рождается понимание темпоральности, неповторимости момента, в котором мы живем, переход к определенному еще А. Бергсоном (1914) «живому времени» становления и необратимости. Пригожин считает, что если до сих пор старая наука омертвляла, опространствляла время, то теперь нас ждет – оживление, овременение пространства.

О. Шпенглер (1992) определяет Восточные культуры прежде всего как культуры становления живого мира с временем личным,

направленным и необратимым. В традициях дзен-буддизма пространство и время сливаются в общем движении потока жизни, их нельзя измерить, представить в какой-то форме. В то же время, однако, для человека, растворившегося в потоке жизни, ее каждый уникальный момент начинает существовать замкнуто и неподвижно. Человек, переставший сопротивляться потоку событий, испытывает странное ощущение вневременных мигов, особой неподвижности и самодостаточности каждого мгновения. Здесь осуществляется желание «выйти из времени», которое, по М. Элиаде (1987), является одним из основных стремлений человека.

Это переживание замкнутого в себе мига жизни отражено не только в теории, но и в формах жизни Востока, в частности, в традициях живописи, поэзии, чайной церемонии – бесконечно разросшегося мига настоящего. А.Ф. Лосев, анализируя типы перспектив в живописи, выделяет как характерную для китайской и японской живописи организацию пространства изнутри картины, распространяющуюся радиально вовне, но не адресованную активно человеку.

Пространство для человека восточной культуры безгранично так же, как и для человека Нового времени, но он не притязает на власть над ним. Шпенглер (1992) замечает, что китайская душа свободно странствует по миру – линии перспективы сходятся внутри картины. Даль есть душа ландшафта, и зритель воспринимает пространство из среднего плана, причем он свободно витает в глубине и вблизи, не создавая пространство, а теряясь в нем.

Идеальный человек в даосской традиции и в развивающей ее традиции дзен-буддизма – это полноправный член триады небо-земля-человек. Единство с миром достигается через снятие момента активного выбора, «Я» растворяется в потоке психики, психика растворяется в потоке жизни. Совершенный человек доверяет

спонтанному, неопределенному миру и живет, не цепляясь за определенные формы, числа и имена. Поскольку именно попытки цепляться мешают ему воспринимать мир: «Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус» (*Дао де цзы*, 2005, с.29). Признание невозможности выразить мир в словах и формах позволяет ему преодолеть ограниченность дискурсивного мышления с его непременным выделением оппозиций.

Совершенный способ познания мира определяется в этой культуре не как сукцессивное, логическое, вербальное мышление, а как симультанные представления конкретной чувственной интуиции. Поэтому, когда даосская традиция говорит о необходимом умении развинтить свой ум, чтобы избавиться от излишней резкости, задачей является не доведение ума до идиотизма, а достижение способности пользоваться умом без усилия, дать проявиться спонтанным силам сознания.

Даосские мудрецы пытаются объяснить нам способы совершенного истинного познания. Лао-Цзы говорит об искусстве отпустить свой ум на два вершка от земли, о том, как он перестал отличать внутреннее от внешнего, как все его чувства слились в одно целое: зрение уподобилось слуху, слух – обонянию, обоняние – вкусу, как он перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и подобно листу с дерева или сухой шелухе, и в конце концов перестал понимать, ветер ли оседлал его или он – ветер.

Чжуан Цзы определяет, что для такого познания необходимо умение воспринимать мир периферическим сознанием, ощущением угла глаза, не всматриваясь, не вслушиваясь, тогда ум становится зеркалом, ничего не выхватывающим и не отвергающим, не хранящим. Так младенец целыми днями глядит вокруг, не мигая, по-

тому что глаза у него не сфокусированы на каком-либо одном предмете. Он идет, сам не зная куда, он останавливается, не зная зачем. Сжиматься и разжиматься вместе со всеми вещами, плыть с ними на одной волне – таково главное в психической гигиене.

В случае такого отстраненного созерцания, отказа от активного выбора, сознание как зеркало вод отразит реальность адекватно, и в нем как самоочищение мутной воды произойдет самовыявление сущности вещей. И понятно тогда, почему интуиция, совершенный способ познания в традиции дзен-буддизма, определяется просто как возможность прямо ткнуть, избежав выбора (Watts, 1957, 1960; Needham, 1969; Древнекитайская философия, 1972; Абаев, 1989; Дао де цзин, 2005).

Организация поведения человека в этой восточной традиции строится, в отличие от Запада, не на основе постоянного контроля разума и ответственного нравственного выбора, принятия решения, стремления к достижению, не по определенным правилам и стереотипам. По мнению О. Шпенглера (1992), для отношений с миром и людьми здесь характерно не подчинение или механическое господство, а созерцание и приятие судьбы как целостной органической логики естественного развития событий.

Даоские мудрецы говорят, что ситуация развивается сама и ее нельзя торопить, лучшее, что может сделать человек – не вмешиваться активно и следовать естественному ходу событий: идешь – иди; сидишь – сиди, главное не мельтеши без толку. Традиции индуизма и буддизма учат, что целей не существует в реальности, невозможно активно строить жизнь, улучшать, измерять, контролировать и планировать. Решение одной проблемы рождает множество других, стремление к достижению вводит нас в этот порочный круг, а попытки планировать и контролировать ситуацию неизбеж-

но ведут к фрустрации. Человек ставит миру ловушку, но попадает в нее сам.

Эта культура считает, что разумнее не цепляться за жизнь, лучше отказаться от активного выбора, выйти из круга обусловленных действий, и, когда перестаешь сопротивляться изменчивости мира, насиливать его своей активностью, он становится реальным, и происходящее вызывает в нас чувство восторга, полноты жизни.

Отказ от активного целенаправленного действия вознаграждается освобождением от стереотипов, обретением спонтанности и естественности в отношениях с миром. Спонтанное действие – это действие, в котором отражение и реакция осуществляются в каждый момент симultanно, без промежутка, нет реагирования, а есть ряд синхронных изменений всей системы – континуум, интуиция без дополнительных инстанций переработки информации, где адаптация происходит непосредственно. Дао никогда ничего не делает специально, но не бывает ничего несделанного (Watts, 1957, 1960; Абаев, 1989; Древнекитайская философия, 1972; Абаев, 1989; Дао де цзин, 2005).

Спонтанность рождается в слиянии, растворении в потоке проходящего, в целостном изменении вместе с проходящим. Как говорил Чжуан-Цзы: пьяный, вывалившийся на ходу из повозки, может сильно разбиться, но не до смерти. Кости у него такие же, как у других людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. Думы о жизни и смерти, удивление и страх не проникают к нему в сердце, и поэтому, сталкиваясь с предметом, он не сжимается от страха. Если человек обретает подобную целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы (Watts, 1957). Действия совершаются без внешней дисциплины, но сознательное и бессоз-

нательное находятся в непротиворечивом единстве и гармоническом взаимодействии психосоматической целостности. Так проявляется объективированная воля истинной природы человека (Абаев, 1988).

Таким образом, мы можем понять, что культивируется собственно не пассивность, а способность к слиянию с ситуацией и спонтанному принятию решения – искусство управления случайностью. Считается, что достижение такой спонтанности и целостности, когда делается то, что делается и как чувствуется, является подготовкой к акту творения (по Судзуки Д.Т. – см.: Абаев, 1989). Если обычно интуиция работает вспышками, то здесь ставится задача увеличить время ее работы, превратить в постоянно действующий фактор адаптации. Спонтанный, целостный человек одарен и практически, и эстетически, и морально, каждый человек может стать художником своей жизни.

В то же время воспитание способности к такому непосредственному творчеству – это долгая и трудная работа, ремесло в Японии – путь подвижника, обучение – постепенный рост художника. Нужно много тренироваться, чтобы вырастить случайность, чтобы было, что отпустить, и чтобы сама по себе рисовала кисть, и спускалась тетива.

Эта культура, не отдаляя человека от мира, не допускает и развития дуализма по отношению к собственному телу. Рождается совершенно особое отношение к телу, отличное от переживания тела в Античности; субъект не отождествляет себя ни с телом, ни с ощущением, как не отождествляет с мыслью, ведь он вообще в идеале не выделяет себя из мира: человек есть ничто и никто. Он растворен в мире, и его тело тоже не имеет определенной формы, оно не нуждается в особом избирательном внимании.

Подчеркивается важность освобождения тела. Тело не может быть греховно, оно естественно «отпускается» во внешний поток жизни. Культура дзен-буддизма говорит о приятии тела, как приятии мира. Лучше отпустить страсть, чем бороться с ней. В то же время это не потворство, а доверие телу, такое же, как доверие человека природе вообще. Отказ от контроля и диктовки способствует обретению спонтанности и психофизиологической целостности, что открывает возможности влияния на протекание физиологических процессов, развития особой телесной чуткости, усиливает значение периферических ощущений угла глаза, не вслушивающегося уха, расслабленной мускулатуры.

В организации отношений с другими людьми идеальный человек этой культуры также отказывается от определенных моральных форм, правил, ритуалов и социальных ролей. Более того, он считает их появление дурным признаком отхода от спонтанных отношений с жизнью. «Когда устранили великое Дао, появились “человеколюбие” и “справедливость”. Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются “сыновья почтительность” и “отцовская любовь”. Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются “верные слуги”» (*Дао де цзы*, 2005, с.41).

В то же время эта позиция, в сущности, не является просто пассивным подчинением обстоятельствам. Позиция отстраненности, созерцания рождает особые отношения с собственными страстями, возможность проявлять ярость, но не быть яростным (Абаев, 1988). Контроль над ними осуществляют не правила, а внутренняя психофизиологическая целостность человека. Нравственность должна проявляться естественно и как само собой разумеющееся. Поэтому понятно приводимое И. Бродским (1990, с.64) и совсем не парадок-

сальное в этой культуре высказывание Р. Акутагава: «У меня нет никаких принципов; у меня только нервы». Точно так же не предполагается социальной иерархии высоких и низких занятий. Охват социального мира осуществляется непосредственнее, шире и глубже, остается возможность для спонтанного развития отношений.

Понятно, что в культуре, в которой важно, прежде всего, сохранение внутренней целостности, спонтанности сознания, огромная роль должна принадлежать развитию саморегуляции. И мы знаем, как изошленно в подобных культурах развиты приемы стимуляции переживания гармонии в отношениях с миром, слияния, растворения в созерцании, в потоке жизни. В духовный опыт всего человечества эти культуры ввели особое понимание эстетического переживания, которое вызывают не прекрасные застывшие формы, а живое дыхание мира, где идеал видится в моменте трудноуловимого перехода от покоя к движению, от времени остановившегося к времени текущему (индуистские статуи), где сами произведения искусства в идеале должны стать явлениями природы, где развивается искусство организации живого, развивающегося пространства, создания не только садов растений, но и садов песка и камней, садов, в которых нет ничего намеренного – камни, лишайник, песок (так растет).

Художество здесь – это эстетика чудесной пустоты, из которой рождаются события, живое отсутствие симметрии, это настроение прозрения данного мига, его покоя, тишины, безмолвия ума. Поэзия почти бессловесна, это камешек, брошенный в заводь сознания, рождающий в нем новый поток живых ассоциаций. Эта культура развивает искусство икебаны – сосредоточения на пространственной композиции цветов и веток, где форма, может быть, более важна, чем чувственная фактура композиции, в этой культуре по-

является искусство чайной церемонии – введение человека в переживание бесконечно разросшегося мгновения настоящего. Рождается переживание мудрой самоиронии, отстраненной улыбки мудреца, созерцающего поток своих страстей.

И, конечно, это – культура медитации, мощного психотехнического средства прекращения волевого движения, приведения человека к опыту целостной, спонтанной душевной жизни. Она ведет сознание от сосредоточения на одной точке, без образа, без идеи (пустоты не-сознания) к свободно движущемуся как вода потоку мыслей, образов, чувств, абсолютно свободных, не связывающихся между собой и не оставляющих в сознании следов. Медитация есть релаксация, но не расслабленность, а идеально уравновешенное состояние сознания, в дзен-буддизме она понимается как состояние отрешенного созерцания потока своего сознания. В идеале это естественное состояние мудреца, в котором он пребывает, выполняя обычные дела, и сознательное стремление к медитации расценивается им как тупость или болезнь. Однако искушение развития метода торжествует в итоге и в этой культуре. Возникают и фиксируются специальные изошренные способы организации медитации, с опорой на физические упражнения и физиологические ритмы тела, где особое значение имеют ритмы дыхания.

В этой культуре отношение к идеальному основано на принципиальном единстве духа и природы, души и потока жизни. Космос пребывает в спонтанной гармонии и не нуждается в идее специального внешнего регулятора – Часовщика, Божественной первопричины, необходимой западной цивилизации. Единая концепция божественного организма мироздания, спонтанности божественного мира, отраженная в самом происхождении индуистского определения Бога от слова «расти», не допускает понимания Бога как Твор-

ца, имеющего некий определенный план творения, что характерно для традиционных культур. Нет здесь и понимания Бога как Нравственного Закона, потому что гармония в природе, обществе и на небесах резонирует, естественно составляя гармоническое созвучие. Если закон и существует, он недостижим ни для Бога, ни для человека, он не предустановлен создателем (*Needham*, 1969). Бог – Пустота, Ничто и Никто – если мы пытаемся определить его словом, и все мироздание – если отказываемся от этих бесплодных попыток. Наибольшее, что человек этой культуры может себе позволить – это представить Бога как Образ Мандалы – пространственной гармонии круга, квадрата, креста, дающего наглядное представление о целостности Мироздания, Бога и Души.

Нам кажется, что человек этой культуры в идеале должен развивать акцентуированные формы сознания первого уровня. Культура готовит его к жизни в конкретном, спонтанно изменяющемся потоке впечатлений. Образ мира принципиально текуч, время и пространство неразделимы в становлении конкретного мига жизни, и человек должен искать в нем целостное динамическое равновесие. Предлагаемые формы ориентировки в мире не связаны с развитием избирательности, с сукцессивным вербально-логическим, причинно-следственным или символическим мышлением. Эта культура особенно выделяет и разрабатывает формы организации познания первого уровня – в симультанных представлениях непосредственной конкретной интуиции.

Идеальные формы адаптации к миру предполагают не активный выбор, преодоление, планирование и контроль, а целостный спонтанный ответ непосредственной интуиции, где нет отдельного реагирования, а есть континuum синхронных пластичных изменений всей системы взаимоотношений субъекта и обстоятельств, пла-

*КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ
СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ*

стичного приятия меняющейся формы мира, что характерно именно для первого уровня. Особое значение эта культура придает развитию способности к творчеству, и это тоже определяет ее обращение к стимулированию механизмов адаптации первого уровня. Неразделенность в сознании первого уровня субъекта и объекта действия, внутреннего и внешнего, «Я» и потока сознания, создает в этой культуре предпосылку для развития особой формы целостной психики человека, самоорганизующегося в естественной гармонии становления мироздания. Культура саморегуляции восточных традиций, как мы видим, тоже преимущественно основана на стимуляции переживаний первого уровня: гармонии становления целостного и уникального момента индивидуальной жизни, рождения движения из покоя, динамического равновесия живого, становящегося пространства.

* * *

Можно заключить, что реконструированные выше уровни организации индивидуального сознания в целом могут быть соотнесены с особыми формами целостного мироощущения, характерного для разных типов человеческой культуры. Так, в общем стиле мироощущения традиционных культур можно увидеть акцентуированное развитие механизмов аффективных стереотипов; в мировоззрении, идеальном для носителя культуры нравственных ценностей, пропускают черты, характерные для уровня эмоционального контроля; в культуре Нового времени – особенности сознания уровня экспансии; в традициях же восточных культур явно прослеживается обращение к развитию механизмов аффективной пластиности. Концентрация этих черт в устойчивых типах культиви-

руемого сообществом идеального мироощущения является для нас одним из аргументов в пользу реконструированных уровней индивидуального сознания.

Возвращаясь к рассмотренным выше типам культур и даже в большей степени к логике их последовательной актуализации в истории человечества, мы можем отметить, что этот процесс трудно оценить как однозначно прогрессивный, хотя, конечно, мы видим, что он связан с развитием более активных форм организации культурного сознания. Каждая из этих культур, решая свои адаптационные задачи, формирует свой комплекс достоинств и недостатков, обусловленный акцентуированным развитием одного из уровней сознания, и опыт показывает, что со сменой ценностных акцентов мы каждый раз теряем почти столько же, сколько выигрываем. В целом, существовавшие, существующие и будущие культуры скорее взаимодополняют друг друга, как дополняют друг друга отдельные уровни индивидуальной души⁶⁴. Обращает внимание, что существует, по-видимому, определенная закономерная последовательность в переходе от одной формы культуры к другой, к иным идеальным ценностям и формам культивируемого сознания. Поскольку смена основных ценностей, определяющая его общую конфигурацию, связана с актуализацией новой адаптационной задачи сообщества, закономерность можно искать именно в этом ряду последовательно встающих перед сообществом задач.

---

⁶⁴ В связи с этим хочется заметить, что «иначе организованные души» разных культур, видимо, не столь замкнуты в себе, как думал Шпенглер. При определенной душевной работе они могут стать созвучны переживаниям человека любой другой культуры, потому что при всем различии черт их своеобразие обусловлено акцентуированным развитием слоев души, необходимо присущих и каждому отдельному человеку, и каждой другой культуре.

Можно отметить, что последовательность смены культур, по крайней мере, в развитии нашей, западной цивилизации, может быть соотнесена с рассмотренным нами порядком становления уровней в развитии системы организации индивидуального сознания. В частности, и в онтогенезе (Баенская, 1990, 1999), и в процессе исторического развития сначала становятся актуальными задачи адаптации к стабильным условиям жизни, соответствующие второму и четвертому уровням. Это отражается в развитии форм Архаических, Традиционных культур и переходе затем к культурам Монотеизма, опирающимся на категории нравственного сознания. Значительно позже и для ребенка, и для сообщества значимыми становятся задачи активной адаптации к неопределенному, динамичному миру, что и проявляется в развитии культуры Нового времени. И так же, как мудрость обычно приходит к человеку лишь с возрастом, так и зрелому человечеству дается возможность выйти за пределы обособленности и осознать свое единство с вечно распахнутым миром.

Мы видим также, что переход от одного типа культуры к другому сопровождается кризисом смены основных ценностей сообщества: утверждением новых при полной дискредитации старых. Отчасти это связано с развитием возможностей человечества и актуализацией для него задач более активного взаимодействия с миром, но отчасти – и с «порчей» со временем и самой старой культуры⁶⁵. Удивительно, но в своем последовательном и логичном развитии каждая культура снова и снова изживает себя: обретаемые со сменой ценностей преимущества в процессе реализации культурой

---

⁶⁵ Как справедливо считали люди традиционных культур, мир со временем неизбежно стареет и портится.

своих устремлений каждый раз обираются в нечто противоположное. Особенно эта тенденция заметна при обращении к наиболее близким нам культурам экспансии и нравственности.

Возможно, что в своем пассионарном истоке ценности культуры проявляются, прежде всего, в своей активной ипостаси, они расширяют возможности людей в реальной жизни и открывают новые пути душевного роста. Закат же культуры приближается тем, что со временем она все более обирается своей защитной стороной – преимущественно развиваются формы культурной жизни, обеспечивающие сохранение и фиксацию уже достигнутого. Возможно, это связано с тем, что открываются новые пути личностями неординарными, а культура строится для многих и, успешно выстраивая свои формы, втягивает в свою орбиту все больше людей, нуждающихся не в расширении возможностей, а в их защите и, соответственно, работающих именно на нее. И этот жизненный цикл, по-видимому, должен осуществляться тем быстрее, чем активнее сама культура.

Благая Весь две тысячи лет назад свидетельствовала нам о существовании не только телесного, но и духовного родства, возможности общего братства и спасения в вечной жизни; о щедрости чувств, позволяющей равно воздать работникам первого и последнего часа; о радости жертвы и безмерности сострадания каждому заблудившемуся и потерявшему без опасения потерять при этом все стадо; о ценности дружеской близости, о понимании того, что когда мы все вместе, надо радоваться, это потом, в разлуке, будет время поститься и горевать; о том, наконец, что сама жизнь важнее ее формы – не человек для Субботы, а суббота для Человека. Но мы видим также, что по мере всеобщего признания и утверждения государством и социумом ценностей человеколюбия и сострадания, они все больше заключаются в утвержденные формы правил, запретов и догм, выливаются в требования арифметической справедливости или выражаются в ханжестве,

*КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ
СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ*

морализаторстве и спекуляциях отвлеченными символами, выхолащающими и регламентирующими жизнь людей.

Так же и Гуманистическое мировоззрение, рожденное великими людьми Возрождения, в своем истоке утверждает активность и уникальность личности, ее право свободного выбора, творчества, активного диалога с обстоятельствами, достоинства и неприкословенности частной жизни. А в итоге, с утверждением господства культуры экспансии все это оборачивается уже не свободными и равными отношениями человека с миром, а зависимостью от выигрыша и успеха, пассивным вовлечением в процессы потребления, постоянным страхом не успеть и поглощенностью потоком информации. Доминирование субъект-объектных отношений ведет к потере не только целостных отношений с миром и созданию угрозы самому его существованию, но и к утрате ощущения реальности жизни собственного тела и души – ее выхолащиванию, механистичности и, в конце концов, к потере переживания индивидуальности и уникальности собственного существования.

К счастью, однако, устремления культурного сознания осуществляются не столь последовательно и радикально, как это могло бы быть при реальном существовании рассмотренных выше относительно «чистых» типов культуры. В действительности же они реализуются в формах множества отличных друг от друга культурных сознаний, где основные акцентуируемые ценности дополняются и по-разному уравновешиваются другими жизненными приоритетами, которые все вместе создают уникальную системную целостность каждой культуры.

Поэтому в завершение мы должны еще раз подчеркнуть, что одним из основных условий сохранения жизнеспособности уникальных форм культуры, развивающихся в пределах ее более общего типа, является их уравновешенность. Каждая культура, выделяя свой выбор

идеальных ценностей и реализуя их в формах жизни, должна, сохранив свою целостность, развивать и набор уравновешивающих их оппозиций. Так, например, как в культуре Китая мироощущение спонтанности, поддерживающееся традициями даосизма и дзен-буддизма, уравновешивается столь же традиционными моральными ценностями конфуцианства.

И конечно, самую главную здоровую оппозицию доминирующему в культуре формам идеального сознания представляет обычный, нормальный человек, ее носитель и обыватель. При всем стремлении соответствовать идеалу своей культуры он неизбежно встает перед необходимостью искать компромисс, ежедневно разрешая разнообразные, часто полярные адаптивные задачи, поэтому для него актуальны все типы переживания, и все уровни его сознания остаются живыми. Реальная жизнь постоянно вступает в противоречие со своими идеальными культурными формами. Именно это несовпадение идеального культурного и индивидуального сознаний создает условия для выхода при необходимости на первый план иных ценностей и творческого развития новых идеальных форм культуры, отвечающих потребности разрешения задач следующего этапа адаптации сообщества.

Индивидуальность культуры

Конфигурации культур, которые мы рассматривали выше, безусловно, являются крайне обобщенными⁶⁶. Речь до сих пор шла, например, об условном и усредненном Средневековье или Новом времени в целом. И соотносили мы их с акцентуацией в развитии одного из четырех уровней системы культурного сознания при ус-

---

⁶⁶ Большее обобщение можно найти только у Ю.М. Лотмана, разделявшего, как известно, культуры на две категории: обращенные преимущественно к стабильной или к динамично меняющейся жизни.

ловии, что все остальные развиваются без особенностей. Понятно, однако, что внутри каждой из них существует бесконечное разнообразие частных форм культурного сознания, определяемых и конкретными условиями жизни, и особенностями самой «породы» создающих его людей.

Так, мы уже упоминали, что характеристики самого формообразующего уровня могут кардинально различаться в зависимости от того, актуализируется ли его адаптационная задача в большей степени своей защитной стороной или же направленностью на принятие и освоение мира⁶⁷. В первом случае в культуре будут больше выступать черты сдержанности, эстетизма, чувства формы, тщательной разработки уклада жизни и социальных структур, во втором – артистизма, пластичности, бесшабашности, возможно, пассионарности.

Основной акцентуации в развитии системы могут сопутствовать и самые разные комбинации проявлений разнонаправленной активности ее других уровней. И все это создает уникальную основу для развития и характерных типов⁶⁸, и бесконечного разнообразия характеров – неповторимой целостности индивидуального сознания каждой культуры. Понятно, что рассмотрение уникальных черт живого культурного сознания требует гораздо большей деликатности, чем выделение его обобщенного типажа. Рискнем, все же, обратиться к тому, что нам ближе всего – к своей культуре, взглянем –

---

⁶⁷ На этих вариантах мы подробнее остановимся в следующей главе, когда будем рассматривать индивидуальные различия и отклонения в развитии аффективной сферы.

⁶⁸ Так, М. Мид (1988) и Э. Эриксон (1992), описывая варианты культуры традиционных ценностей, выделяют и сопоставляют сходные оппозиции: сообщества, где решение задач выживания рода опирается на эмоциональную общность и поддержку людьми друг друга (горные арапеши и индейцы сиу) и те, где в решении этих же задач более важную роль играет личная инициатива и частная собственность (ятмулы и индейцы племени юрок).

ся в родное лицо (не без чувства вины за столь грубое приближение) и постараемся уловить внутреннюю взаимосвязь знакомых черт.

Для этого мы должны не более и не менее как определить ее основные ценности. Конечно, это непомерная претензия. Понятно, что любой произвольно выделенный набор значимых ценностей может быть по праву изменен каждым из нас. Постараемся упростить задачу и провести нехитрый эксперимент: просто оценить, следуя выделенным нами уровням, какие из задаваемых ими смыслов, доставляемых радостей и способов организации жизни традиционно вызывают симпатию и принимаются нами как свои, а какие оставляют равнодушными или даже раздражают, вызывают отторжение. Оценить, даже не вдаваясь в рациональную аргументацию (то есть с помощью переживания первого уровня), что нам традиционно удобно, а что дискомфортно.

Первый уровень, ориентированный на *приятие мира*, раскрывает нам ценности безграничного, пьянящего и затягивающего пространства и вольного безоглядного движения; переживания полноты и единства в слиянии с миром; спонтанного порыва, естественной непосредственности реакции; счастливого случая, везения, удачливости; интуиции, сообразительности и одаренности в действиях, пластичности и артистизма.

И он же, но *нацеленный в большей степени на защиту*, выводит на первый план ценность покоя, комфорта; завороженного созерцания, отстраненного эстетизма, утонченного чувства формы, совершенства пропорций, ощущения ускользания времени и уникальности каждого мига жизни; радости углубленного творчества и одаренности в понимании целостной структуры явления.

Наверное, мы согласимся, что и то, и другое понимается и высоко ценится нами. Было бы лестно остановиться на втором, но, по-

жалуй, мы не чувствуем себя столь утонченными и изысканными, а ближе и ловчее нам все-таки первое, по особому отзываются в нас слова «простор», «воля», «случай».

Второй уровень в своей стенической направленности представляет нам образы богатырской силы, плодородия и изобилия, дома – полной чаши, пира на весь мир; щедрости, широты души; горячего нетерпения, кипения страстей при отходчивости и без памяти зла; выразительности и заразительности и в веселье, и в горе.

При астеническом акценте – выделяются преимущества тонкой и детальной укорененности в жизни, подробной разработки ее предметности, уклада, устойчивости, реальности, порядка; четкого представления о пользе, разумной расчетливости и бережливости; стремления к накоплению; осторожности и предусмотрительности, чистоплотности и аккуратности; изобретательности и искусности в многочисленных полезных навыках.

Известно, что нас традиционно огорчает привычное для нас отсутствие порядка и чистоты вокруг. При этом, однако, «умеренность и аккуратность», так же как расчетливость и «скопидомство» – оборотная сторона этих достоинств нам столь же традиционно не симпатичны, в то время как изобилие земных благ, как и широта души, страсть ее порыва понятны, близки и вызывают сочувствие.

Третий уровень, с одной стороны, задает ценность движения за границы известного и пределы возможного, поддерживает желание испытать себя, иметь право выбора, принимать решения; осваивать новое, экспериментировать, разрушать устои, реализовать себя в активном жизнетворчестве.

С другой – утверждает ценность последовательности и целенаправленности; упорства, настойчивости в преодолении препятствий.

вий; стремления к успеху, к доведению дела до победного конца; ответственности и обязательности, верности своему слову; чувства чести и щепетильности; честолюбия, желания социальной реализации, утверждения и сохранения достойного места в ее иерархии.

Первое, несомненно, впечатляет нас, вызывает уважение и восхищение, но, может быть, несколько отстраненное и даже осторожное, как к «рисковости» или даже «лихости», склонности испытывать судьбу, к которой мы имеем несомненное уважение. Второе же, при всем нашем уважении к настойчивости и целенаправленности, сожалении о безответственности, царящей вокруг, на практике может и не одобряться нами, восприниматься как «упергость», вызывать ироническое отношение – «тебе что, большие всех надо?»⁶⁹. Человек же, показывающей явную заинтересованность в самоутверждении, в социальном и карьерном росте, тоже традиционно может вызывать некоторое недоверие окружающих.

Четвертый уровень в своей выносливости утверждает ценность общности и общения, симпатию к естественно хорошему, доброму человеку; красоту открытости и привязчивости, простоты и ясности в отношениях, доверчивости и доверия; душевности, эмоциональной отзывчивости и теплоты; готовности горячего отклика на призыв, кротости и выносливости в служении общим целям.

В своей же тонкости – утверждает ценность осознанных нравственных установок, страдания и сострадания; терпения и стойкости, самоотверженности и жертвы; скромность, совестливость и деликатность в отношениях; прочность немногих избирательных привязанностей, служение близким и устремленность к высшему и вечному смыслу.

---

⁶⁹ Так И.А. Бунин с некоторым недоумением отмечал, что в деревне с ироническим осуждением относятся к мужикам, надорвавшимся на работе.

КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

Тут, видимо, нечего и обсуждать, все эти ценности глубоко приняты нашей культурой, и близки нам как родные с детства Ростовы и Болконские.

В этом разделении впечатлений на более близкие, свои и чуждые можно отметить, что основные акценты приятия все-таки обнаруживаются нами на первом, втором и четвертом уровнях, видимо, здесь и можно искать ценностные основы нашей индивидуальности.

Взгляды извне обычно, в первую очередь, обращаются к акцентуированности в нашей культуре сильного второго уровня и выделяют как особые черты широту души, страстность и жизнелюбие карамазовских характеров и драм. Характерно, что это, несомненно, лестно для нас, но взгляд изнутри, ориентированный на менее яркие проявления и на повседневность, пожалуй, более задерживается на особенностях первого и четвертого уровней. Возможно, что именно пластичность и эмоциональность можно рассматривать как основные тенденции, формирующие и нашу обыденную жизнь, и национальный характер⁷⁰. Они же, как диаметрально противоположные по функции уровни, создают и основную оппозицию, обеспечивающую устойчивость и целостность системы сознания (первый уровень – обеспечивает адаптацию к изменениям, четвертый придает устойчивость жизни и определяет ее формы).

Понятно, что целенаправленность такой системы обеспечивается доминированием более активного уровня эмоционального контроля, но высокая пластичность оказывает особое влияние и на его характер.

---

⁷⁰ Акцентуация этих уровней в нашем культурном сознании просматривается и в особом выделении нами среди всех возможностей познания способностей к символизации (не причинно-следственные связи, а именно обобщение и классификация определяются нами как высшие возможности мышления) и творческой интуиции. При недостаточности арсенала технологий (и небрежении в их разработке) для нас характерна способность к непосредственному усмотрению выхода из внезапно осложнившейся ситуации.

С одной стороны, она усиливает выносливость четвертого уровня в общении, что увеличивает нашу способность усваивать эмоциональное состояние других людей и социальные установки; вовлекаться в общие порывы – все это поддерживает ценность общей жизни и создает основу для естественно совершающегося подвига. С другой – эта же пластичность несколько размывает устойчивость социальной структуры, препятствует ее детальной разработке. Возможно, именно это и позволяет нам умерять жесткость заданных правил и законов и даже позволяет их обходить⁷¹ – сохраняя нравственные ориентиры, оставаться вольными, быть нравственными, но не правильными.

И вместе они (пластичность и эмоциональный контроль), каждый своим образом, ограничивают формирование механизмов второго и третьего уровней, причем и в том, и в другом случае, как мы видим, в наибольшей степени страдает развитие их защитной стороны.

Так, на втором уровне высокая пластичность, с одной стороны, позволяет расширить избирательность в определяении потребностей, то есть все же ослабить напряженное переживание чувства собственности, снять накал страсти. С другой – что, может быть, самое важное в формировании нашего общего характера, – препятствует фиксации жесткого жизненного стереотипа, развитию и дифференциации уклада, разработке подробностей материальной жизни.

В этом же направлении действует и четвертый уровень. Он подтверждает, с одной стороны, ценность непосредственного общения, щедрости, разделения с близкими земных благ и тягостей: трапезы, праздника, горя – «на миру и смерть красна». С другой, как эмоциональный контроль, он осуждает меркантильность и поддерживает цен-

---

⁷¹ Известно, что строгость российских законов умеряется их неисполнением; но не исполняем мы их часто из лучших побуждений, из чувства сострадания или справедливости. Так, например, правила экзамена легко и без раскаяния нарушаются нами и не только в свою пользу, мы охотно подсказываем конкуренту, и оказать ему помочь нам важнее, чем выиграть соревнование.

**КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗВИТИИ
СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ**

ность жертвы – бессребреничества, непрактичности, невнимания и даже высокомерия в отношении к пошлым мелочам телесной жизни.

На третьем уровне пластиность также делает менее напряженным порыв личной экспансии – достижение поставленной цели, утверждение свободы выбора; менее обязательным – самоиспытание. Для нас характернее не напряженное устремление к выходу за пределы своих возможностей, а, наоборот, мощное импульсивное движение вон из напряженной (стесняющей, давящей, удушающей) ситуации – на волю⁷². А цель и энергия самой экспансии в нашей культуре в большей степени задаются общим эмоциональным порывом и определяются требованиями морального долга. Таким образом, пластиность и эмоциональный контроль ограничивают развитие личного уровня притязаний, упорства в преследовании личной цели, уменьшают активность в продвижении и отстаивании своего места в социальной иерархии. Здесь стыдно проявлять излишнее старание выделиться, неудобно быть слишком успешным, даже если успех очевиден и заслужен⁷³.

---

⁷² Нам привычны оппозиция и взаимодополнение образов милой «девичьей красы» и мужественной «удали молодецкой» – всадника-птицы, бесстрашно и безоглядно несущегося вдаль, без дороги и цели, так же как и образ самой Руси, летящей, Бог знает куда, гоголевской тройки.

⁷³ Вспомним здесь хрестоматийное стихотворение Б.Л. Пастернака:

«Быть знаменитым некрасиво,

Не это поднимает ввысь.

Не надо заводить архива.

Над рукописями трястись.

<...>

Но надо жить без самозванства

– *а как же?*

Так жить, чтобы в конце концов

Привлечь к себе любовь *пространства*

Услышать *будущего зов*

– *Но пространство и будущее*
– *ведь это мотивы первого и четвертого уровней.*

<...>

И окунаться в неизвестность

И прятать в ней свои шаги

Как прячется в тумане местность,

Когда в ней не видать ни зги».

Вернемся теперь от схемы к живым чертам культурного сознания. Высокую пластичность, которую дает нам первый уровень, можно разглядеть в привычке полагаться на судьбу и обстоятельства, на то, что пронесет, в нашем «авось, как-нибудь и образуется». Она в ответе на вопрос «Как дела?» – «Ничего». В уверенности, что разрешение самых крайних обстоятельств есть всегда – просто уйти, в понимании сладости небытия, растворения в пространстве и времени⁷⁴ и в ощущаемом как высшая ценность и достойный итог жизни отказе от воплощения – «мир ловил меня, но не поймал»⁷⁵.

Она в нашей тоске по воле, в тяге – «сорваться куда-нибудь», в способности к творчеству, в умении выкрутиться подручными средствами (это ведь не только от бедности). Это знаменитая спонтанность, как и не менее знаменитая отзывчивость и переимчивость русской души, о которой говорил Ф.М. Достоевский. Ее всегдашая способность очароваться чужим, влиться в его форму и верить, что теперь-то все будет хорошо, но из-за той же пластичности не удержать ее и продолжать очаровываться, впадая в новые соблазны. Форма же не удерживается в связи со слабостью стремления к организации и стабилизации жизненного уклада – нарушенной пропорцией в развитии механизмов второго уровня, защитная сторона которого воспринимается как менее значимая. Что поделать, несимпатичны нам «умеренность и аккуратность», расчетливость и скопидомство собственника, причем оскорбляет нас более всего, именно его мелочность, крохоборство.

---

⁷⁴ Вспомним строки одного из самых известных стихотворений Ф.И. Тютчева:
«Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!»

⁷⁵ Слова, которые Г. Сковорода (1973, с.13) просил написать на своей могиле.

Большое богатство и крепкий хозяин, его страсти могут вызывать симпатию, но при условии отходчивости и щедрой широты души. Вообще страсть, ее порыв, затмение могут служить для нас оправданием даже преступления, раскаянье нечаянного злодея все искупает, а вот обидчивость, подозрительность, злопамятство и счеты человека «себе на уме» не уважаются и не оправдываются, расчеты нас унижают. В целом, постному трезвому собственнику мы предпочтаем жизнелюба, расточителя и гуляку. Как в этих условиях развиться среднему классу – основе и опоре уклада в каждой культуре, дающему прочность ее материальным формам? И понятно, что при подобных обстоятельствах особое значение приобретает женская часть нашей культуры, которой положено с огромным трудом сдерживать общую импульсивность и сохранять в этих условиях постоянство материального уклада жизни.

Высокая пластичность особым образом оказывается и на характере экспансии. Как уже отмечалось, ценность свободы выбора и самоиспытания для нас перекрываются, а возможно и подменяются жаждой воли и тягой к новизне как смене впечатлений. Ценности же защитной стороны третьего уровня вообще дискредитируются и пластичностью, и эмоциональным контролем. Карьеризм, честолюбие, стремление «дожать», поставить другого «на место» не одобряются в нашей культуре, а ведь это, как уже говорилось, оборотная сторона целенаправленности, ответственности и активной социальной жизни, развития и дифференциации ее ячеек – разработанности и устойчивости ее иерархической структуры.

Таким образом, пластичность ослабляет предпосылки не только дифференциации уклада, но и развития устойчивых форм и правил социальной жизни. Достойнее жить по-семейному, по дружбе, по справедливости, действовать по порыву души, «не по закону, а по

совести». Это уже влияние ценностей четвертого уровня. Пластичность же, усиливая эмоциональную восприимчивость, способствует сохранению непосредственности в общении, принятию общих переживаний как собственных и естественному вхождению в общую жизнь. Может быть, самая главная радость для нас, ради которой можно многим жертвовать – это как раз полнота душевной близости, эмоциональная насыщенность бескорыстных дружеских связей.

И вот защитная сторона четвертого уровня, как мы уже отмечали, становится у нас основной оппозицией пластиичности. Формирующей тенденцией нашей культуры становятся нравственные установки, долг, порядочность, совестливость. Само государственное устройство рассматривается нами не столько как разумная организация взаимовыгодного общежития, а скорее как нравственное установление⁷⁶. В нашей культуре нельзя прожить без высших идеалов; иметь нравственную направляющую для нас, может быть, более важно, чем для кого-то другого⁷⁷. Мало у нас других опор, поскольку дискредитация эмоциональным контролем индивидуальных ценностей телесной, материальной жизни, как и личной экспансии и самоутверждения затрудняет формирование устойчивого порядка жизненного уклада и каркаса социальной жизни.

Понятно, что в этих условиях внутри системы закономерно формирование дополнительных, укрепляющих и уравновешивающих ее тенденций. Мы уже упоминали о традиционном значении

---

⁷⁶ И в наше время, выстраивая отношения с другими странами, мы трогательно подчеркиваем установление личных дружеских связей между главами государств – дружеские обязательства представляются нам более надежными, чем расчет и взаимная выгода.

⁷⁷ Возможно, поэтому Ф.М. Достоевский так радикально ставит вопрос: «Если Бога нет, значит все позволено?», – не рассматривая варианты того, что не все позволено и элементарной брезгливостью, и укладом, и собственным выбором, и личной порядочностью.

женской линии в нашей культуре, противостоящей общей импульсивности. Поддерживая развитие уклада (защитной стороны второго уровня) – проработку его природных ритмов, прорисовывание вещественных подробностей жизни, она возвращает нас к ее вкусу и дает ощущение реальности, умеряет нашу смутную тоску и порывы творчества.

Мы можем усмотреть и формирование подобных уравновешивающих тенденций, зарождающихся на третьем уровне. На протяжении нашей истории они меняют свои формы и акценты, но всегда связаны с появлением слоя общества, культивирующего духовную оппозицию ценностям, задаваемым сверху и общепринятым нормам и устоявшемся представлениям. Возможно, такую оппозицию можно разглядеть и в нашем старообрядчестве, вряд ли его движущей силой являлась лишь косная приверженность привычным деталям обряда. Такое предположение расходится с тем фактом, что именно из этой среды вышло столько волевых и предприимчивых людей, знаменитых «капиталистов» конца XIX – начала XX века. Скорее здесь можно думать о естественном сопротивлении уважающих себя людей самому насилиственному вмешательству власти во внутреннюю религиозную жизнь, непризнание права вышестоящих инстанций произвольно менять ее формы.

Далее наш индивидуализм находит себя в приверженности западным ценностям, где идет становление культуры Нового времени, это понятно, поскольку именно там мы находим недостающий нам витамин личной экспансии. Можно вспомнить здесь о знаменитых усадебных отшельниках и философах, отказавшихся от блестательных карьер для свободы частной жизни и вольнодумства. Конечно, это достаточно частные попытки культивировать ценности века Просвещения, как и позже ценности свободы, равенства и братства, байронизма или романтического бонапартизма, однако и

они оказывают несомненное оппозиционное влияние на самоощущение образованной части общества.

Сходные тенденции могут просматриваться и в формировании характерной именно для России особой субкультуры – достаточно широкого слоя демократической интеллигенции. Ее культурной функцией тоже становится противостояние и пошлому (заданному традицией) укладу второго уровня, и бездумному подчинению правилу – четвертого, как и легкомысленной импульсивности первого. Это тоже утверждение права личного выбора, собственного мнения⁷⁸, отстаивание своей нравственной позиции в противостоянии навязанным властью решениям. Понятно, что истоком и опорой здесь тоже становятся западные ценности, оппозиционные идеи западничества, государственники славянофилы как-то не подходят к нашим представлениям об интеллигенции.

В то же время можно отметить, что эта субкультура при всей своей оппозиционности целому, несомненно, принадлежит ему, и в своем идеале сохраняет его черты. Так, при декларации идей самореализации и жизнетворчества, здесь остается явным мотив жертвенности, и мало звучат ценности самого упорства, и, особенно, деловитости, самоутверждения, успешности – уж она-то вызывает явные сомнения в интеллигентности. В идеале, это та же ориентация на высокие нравственные идеалы, стремление к служению справедливости, совестливость, жертвенность, отзывчивость, личная скромность, деликатность и бескорыстие. Более того, мы находим здесь и ту же пластичность, легкость, с которой идеи извне овладевают умами – готовность влиться в новую форму, чуткость к новым веяниям, как и стремление опереться на уже сложившуюся и устойчивую чужую систему ценностей.

---

⁷⁸ Вспомним характеристику, которую дает русским мальчикам Ф.М. Достоевский: «Дай им карту звездного неба, и вечером они вернут ее исправленной».

При утверждении исключительной ценности свободы личности и права собственного выбора, поражает сложность, даже трагичность ситуации расхождения со взглядами единомышленников. Поскольку такие несовпадения оцениваются как отступления от «порядочности», трудно даже признавать саму возможность существования полноценного и полноправного мнения, не совпадающего с общими «передовыми» взглядами, поэтому формирование собственного взгляда на происходящее становится крайне болезненным процессом⁷⁹. Люди самобытные, чудаки и «чудики» в нашей культуре находят место совсем в других общественных слоях, но и там никому никакой оппозиции не составляют. Здесь свободомыслие субъекта чаще реализуется в приверженности общим для группы оппозиционным идеалам и нормам, в сохранении принадлежности к передовой партии и современным взглядам. То есть и здесь мы не находим благоприятных условий для развития истинных механизмов экспансии – свободного личного диалога с обстоятельствами.

Если же говорить о нашем диалоге с другими культурами, то понимание и непонимание, притяжение и отталкивание во многом зависят от соотношения наших ценностей, их совпадения или конфронтации.

Возьмем хотя бы историю наших отношений с европейской культурой. Нас очаровывает в «развитых» странах, прежде всего, не их обеспеченность (наши богатства не меняют дела), а развитие их уклада жизни, чистоты, тысячи уютных и полезных мелочей, которые, кажется, так легко перенести на нашу почву. Мы покупаем инструменты, утварь, везем домой и понимаем со временем, что

---

⁷⁹ На это обращал внимание А.П. Чехов, которого, как известно, озадачивало крайне редкое проявление в нашем интеллигентном сообществе личной свободы.

почему-то не можем использовать эти полезные вещи, в нашем укладе нет таких ячеек⁸⁰.

И о чистоте и порядке остается только тосковать. Не то что мы ничего не делаем для этого, и достигаем замечательных результатов, но они у нас не задерживаются. Так, мы истово убираемся в доме перед праздником, но приходится столько всего сделать, что следующие месяцы можно только отдохнуть от этого порыва, и новый становится неизбежен. Наших же соседей спасает добродетельная привычка – каждый день методично исполнять определенную часть работы: сегодня четверг, следовательно, я должен сделать то-то и то-то (выбить перину, вымыть окна); в посильном регулярном напряжении и во внимании к деталям поддерживается порядок в целом. Таким образом, первое, бросающееся в глаза отличие и наша несбыточная мечта и очарование – это именно лучшая разработка в другой культуре механизмов второго уровня, дающая вещественность, подробность и изящество обыденной жизни, а также устойчивость всей ее структуре.

Вторая наша мечта – это западное правовое государство, возможность, в идеале, надежной защиты гражданина законом, который есть и у нас. При этом часто он не хуже чем у других, но почему-то дает постоянные сбои, и это при нашей-то устремленности к высоким моральным ценностям. Но, возможно, большую надежность западному правосудию дает именно взаимодействие в культурном сознании механизмов второго, третьего и четвертого уровней: морали и права, precedента, и, опять же, развитая структура социального общества, более определяющая права и обязанности

---

⁸⁰ Вместо этого они часто становятся у нас «безделушками», вещами, принципиально бесполезными, но дорогими нам по связанным с ними эмоциональным впечатлениям.

своего члена самой своей формой и данным ему местом в иерархии, чем идеями справедливости или равенства. Мы же всегда разивались с ощущением, что все эти счеты и мелочность – пустое в сравнении с совестью, любовью, жертвой, и они одни дают нам надежду на справедливость, хотя, в общем-то – все случай⁸¹.

Если же думать о том, чем мы удивляем людей другой культуры, за что они могут симпатизировать нам, то это очарование принципиально бескорыстной дружбы и естественно жертвенной любви, близкого и эмоционально наполненного общения; простоты и высокой нравственности, терпения, выносливости и незлопамятности; страсти, широты души и непреходящего смирения, веры то ли в божий промысел, то, ли просто в то, что все как-нибудь обойдется и нашего знаменитого полета – «однова живем».

А неприятны мы, конечно, прежде всего, своей неаккуратностью, необязательностью, безответственностью и беспорядком. Характерен рассказ о раздраженном замечании лидера одной из прибалтийских стран относительно поведения проживающих там наших ветеранов Отечественной войны: праздник свой они отметят как всегда убого – собравшись и нарезав селедку на газете – ужасно и гадко с точки зрения человека культуры детально разработанного жизненного уклада. Но ведь с нашей точки зрения настолько важно то, что мы собирались вместе, что все остальное значения может и не иметь. Может быть, и лучше-то на газете, а не на крахмальной скатерти и кузнецковском фарфоре, потому что «в гробу мы все это видали». Удивительно разный, чаще взаимораздражающий, иногда взаимоочаровывающий, но всегда, безусловно, взаимодополняющий подход к жизни.

---

⁸¹ Интересно, есть ли в иных культурах что-нибудь сродни нашему расхожему «от тюрьмы и сумы не зарекайся».

Так, в любом движении, анекдоте или раздражении отражается особая целостность нашей культуры. Мы, кому она дала жизнь и форму, в сущности, близкие родственники, несмотря на все разнообразие наших кровей и характеров. Кто-то принял эти дары культуры легко и естественно, кто-то вечно препирается с ней, но и, отрицая, воспроизводит ее формы. Понятно, что уникальную индивидуальность культурного сознания, с которым мы так тесно связаны, можно любить, принимать с ее достоинствами и слабостями, и понятно также, что к ней можно испытывать антипатию, она может раздражать как любой живой человек. Она тоже живая, поэтому нельзя требовать от нее механических изменений: мечтать, как убрать это или добавить другое. Она такая, потому что она такая, люби не люби, а жаль будет, если пропадет.

ГЛАВА 6

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ОТКЛОНЕНИЯ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ АФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Не думайте, что я раскладываю людей по полочкам, определяя: это интуитивный тип, а это мыслительный. <...> Не имеет смысла навешивать ярлыки, однако, когда у вас есть большой эмпирический материал, необходимы упорядоченные принципы для его классификации. Без преувеличения скажу, что для меня крайне важно привести материал в порядок <...> в противном случае все остается на уровне «он сказал – она сказала».

К.Г. Юнг (2007, с.25-26)

Мы обсудили выше, что условия жизни сообщества, расставляя акценты насущности в разрешении различных адаптационных задач и, тем самым, выделяя общие приоритеты и основные ценности людей, определяют развитие особых конфигураций культурного сознания. Рискуя вызвать упрек в превышении профессиональной компетентности, мы пытались усмотреть эти конфигурации в известных формах культуры и соотнести с акцентуацией в развитии отдельных уровней индивидуального сознания. В этом разделе вернемся в более привычную нам область и постараемся рассмотр-

реть особенности типичных конфигураций индивидуального сознания.

В данном случае мы тоже будем соотносить их с характерными чертами в развитии отдельных уровней системы организации сознания, которые могут быть обусловлены как внешними, так и внутренними биологическими предпосылками. Эти предпосылки, как уже обсуждалось, могут определить индивидуально большую или меньшую выносливость субъекта в восприятии интенсивности влияний среды, его различную активность в удовлетворении индивидуальных потребностей, разную способность выдерживать напряженность неопределенной ситуации, как и разную потребность в контакте с другими людьми.

Как сама нервная система на разных уровнях организации мозга может иметь разные параметры выносливости, различную реактивность в процессах нервного возбуждения и торможения (*Небылицын, 1966; Данилова, Крылова, 1989*), так, видимо, и психическая система может проявить особую силу, выносливость или особую слабость, чуткость в развитии отдельных уровней сознания. И поскольку целостность всей системы определяется динамичным балансом ее внутренних оппозиций, индивидуальное отклонение параметров одного из уровней не может не сказаться на развитии других и на изменении конфигурации всей системы сознания.

Такая взаимообусловленность в развитии позволяет оформиться огромному числу комбинаций индивидуальных черт отдельных уровней, что создает условия образования множественных самобытных фигур сознания. Далее мы рассмотрим лишь самые выраженные варианты, порождаемые акцентуацией слабости (чуткости) или силы (выносливости) лишь одного из ее уровней. Нашей задачей также будет проследить весь континuum проявления такой ак-

центуации от индивидуальных характеристик уровня, рождающих особые преимущества, даже одаренность целостной системы сознания до формирования его патологических особенностей, ведущих к дисбалансу всей системы, ее деформации и даже поломке или распаду.

Учитывая, что наши рассуждения являются достаточно схематичным обобщением, мы постараемся конкретизировать их, соотнося, где это возможно, выделяемые нами типы организации поведения и сознания с привычными человеческими типажами или с литературными персонажами, которые своей живучестью в культурном сознании доказали узнаваемость в реальной жизни.

Мы не имеем достаточных оснований для прямого соотнесения выделенных нами вариантов дисбаланса, деформации и поломки с конкретными клиническими единицами (исключение составляет лишь попытка определить среди них место детского аутизма – наиболее знакомого нам клинического синдрома). Тем не менее, мы надеемся, что и другие представленные нами патологические варианты будут в некоторой степени узнаваемы для клиницистов и могут дать им материал для размышлений.

Рассмотрим поочередно обе линии изменения системы организации сознания – в зависимости от увеличения выносливости и от повышения чувствительности ее отдельных уровней. Мы будем стремиться проследить, во-первых, как в этих условиях идет развитие механизмов самого акцентуированного уровня; во-вторых, как эта акцентуация влияет на становление механизмов других уровней; и, в-третьих, как в связи с этим меняются их взаимоотношения, формирующие особую целостную фигуру всей системы сознания.

Изменения системы сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня аффективной пластиичности

1. Особенности развития системы сознания, обусловленные увеличением выносливости первого уровня

Рассмотрим сначала, что может происходить с системой организации сознания и поведения в случае, если ее первый уровень проявляет выходящую из общего ряда выносливость или, иными словами, меньшую, чем обычная средняя чувствительность в контактах с миром.

В развитии форм адаптации первого уровня большая выносливость к интенсивности влияний среды, устойчивость к их перепадам определит, прежде всего, высокий порог дискомфорта в отношениях с миром, это позволит субъекту уменьшить дистанцию в контактах с миром. Таким образом, в разрешении адаптационных задач первый уровень будет в меньшей мере ориентирован на защиту.

Благодаря высокому порогу дискомфорта раздвигается диапазон пластиичности – возможности действовать спонтанно и интуитивно, естественно усваивая форму среды. Субъект легко вписывается в меняющуюся ситуацию: он может спокойно, сам того не замечая, уходить от опасности и наилучшим образом использовать складывающиеся обстоятельства, удобно располагаясь в них, впитывая необходимую информацию и походя решая намечающиеся проблемы, в сущности, еще до их появления. Со стороны это производит впечатление постоянного «везения» в счастливо складывающихся обстоятельствах.

Соответственно и вклад такого уровня в процессы саморегуляции будет более связан с процессами подъема активности, а не за-

щиты от отрицательных переживаний. Обладая выносливым первым уровнем, субъект приобретает особую способность к тонизированию – открытость, отзывчивость на все происходящее и возможность непосредственно усваивать, впитывать в себя ритмы мира. Душевное равновесие, высшая полнота жизни достигается именно в отстраненном созерцании, а в погружении в стремнину ее потока, «... как будто в бурях есть покой».

Эти индивидуальные особенности развития, и прежде всего, задаваемая высокая пластичность в отношениях с миром, безусловно должны наложить отпечаток на развитие других уровней и системы в целом.

Рассмотрим, что может произойти в этом случае с развитием механизмов других уровней.

Второй уровень в этих условиях может задержаться в развитии индивидуальной избирательности в отношениях с миром. Сам поток впечатлений доставляет субъекту такое удовольствие, что задача фиксации и конкретизации собственных предпочтений может стать для него не столь аффективно значимой. При этом задерживается развитие как положительной, так и отрицательной избирательности: не только недостаточно разрабатывается система индивидуальных пристрастий, привычек, но и проявляются неприхотливость, непривередливость, отсутствие брезгливости.

Необходимо также отметить, что в данном случае недостаточная избирательность может проявиться не только в отношениях с внешней средой, но и в развитии телесного самоощущения, что выражается в особенностях психосоматической регуляции. Поскольку здесь в меньшей степени дифференцируются и фиксируются конкретные ощущения удовольствия и неудовольствия, субъект вместе с особой сенсорной жаждой может проявить и большую,

чем обычно, выносливость к внутреннему соматическому дискомфорту, к недомоганию. Особая выносливость в этом случае проявится не только по отношению к внешним воздействиям, но и к напряжению внутренней потребности, более того, субъект сможет получать удовольствие именно от ее динамики: пробуждения вожделения к жизни и его разрешения при меньшей зависимости от конкретных пристрастий и условий удовлетворения потребности.

Таким образом, при стремлении быть в гуще жизни, жадности к новым впечатлениям, они будут меньше фиксироваться. Аффективная память в меньшей мере станет организатором этого уровня сознания, и механизмы избирательности второго уровня окажутся недостаточно разработанными. Избирательность будет размываться стремлением к смене ощущений, недостаточно сформируются жизненные стереотипы, и это скажется как на развитии индивидуальных пристрастий, определяющих потребностей, так и на фиксации средств защиты.

Высокая пластичность в отношениях с миром повлияет и на формирование структур *третьего уровня*, что выразится в недоразвитии механизмов экспансии. В условиях недостаточной избирательности, когда для субъекта привлекательны и возможны самые различные варианты жизни, не столь актуальным становится и выделение препятствия на пути к цели. Таким образом, смысловое пространство третьего уровня – поле барьеров – тоже может оказаться недостаточно структурированным.

Точно так же в ситуации удовольствия от постоянной смены впечатлений, жажды «новизны вообще» может не складываться и направленное исследовательское поведение как выявление и прояснение новых закономерностей. Новизна в данном случае самочленна, и обследование как целенаправленный диалог с неожиданными обстоятельствами тоже в данном случае не столь актуально.

Отмечая характерную для такого человека тягу к ярким, сильным, меняющимся впечатлениям, мы не можем, однако, связать ее с истинной романтической «мятежностью», со стремлением к риску, с напряженной игрой с опасностью. Субъект не испытывает здесь удовлетворения ни от испытания себя, ни от редукции неопределенности, введения нового впечатления в систему известного и упорядоченного жизненного опыта. В данном случае он не переживает настоящего азарта борьбы или увлеченности исследованием, соответственно, мы не можем говорить о развитом механизме третьего уровня.

На *четвертом уровне* высокая пластиичность и непосредственность субъекта в отношениях с миром также могут обернуться недостаточной эмоциональной избирательностью и, соответственно, слабой фиксацией эмоциональных связей. Потребность в общении проявляется в данном случае не столько как избирательная индивидуальная привязанность, не как стремление войти в устойчивую структуру человеческой взаимопомощи, норм и моральных ценностей, а как заинтересованность в динамичной эмоциональной среде, в которой само качество впечатлений может и не иметь столь большого значения.

Нетребовательность, пластиичность в контактах способствует развитию легкости и бесконфликтности в отношениях, которые обусловлены, однако, не тем, что человек охотно идет на жертвы ради других, а тем, что он удачно вписывается в среду человеческих отношений. Более того, здесь может быть неразвито и само чувство сопереживания: неразработанность индивидуального аффективного кода второго уровня, собственной избирательности в отношениях со средой создает трудности в понимании нужд другого человека. И механизм жертвы может затрудниться в развитии,

поскольку субъект недостаточно ясно ощущает, почему и чем он должен жертвовать.

Мы видим, что высокая психическая пластичность может затруднить и развитие иерархической структуры переживания, аффективной основы произвольной организации поведения. Такой человек часто воспринимается окружающими, как блестящий, талантливый, но спонтанный и непредсказуемый, как «кошка, которая гуляет сама по себе». Как правило, он притягивает своей неординарностью, приятен в общении в кругу своих многочисленных знакомых, но в то же время часто обвиняется ими, особенно самыми близкими, в равнодушии, нечуткости, эгоизме.

Таким образом, выделенные особенности развития первого уровня определяют возникновение характерной фигуры сознания, особого типа человеческой индивидуальности со своими слабыми сторонами и, безусловно, со своей одаренностью в отношениях с миром. Это человек, который с трудом удерживается на месте – все время происходит что-то, увлекающее этого «очарованного странника» дальше. Выносливость, сила первого уровня обуславливает его способность к интуиции в непосредственном действии: это одаренность пластичного человека – живописца, актера, танцора, спортсмена, ремесленника – вообще художника своего дела.

Артистизм, одаренность, возможность пластично войти в поток жизни, принять жизнь во всех ее формах делает таких людей особенно привлекательными. Способность интуитивно находить выход из трудной ситуации, естественно использовать складывающиеся обстоятельства, легко, без страха уклоняться от опасности, как уже говорилось, создает впечатление их особой удачливости, постоянного «везения». Это вольные птицы, они не связывают себя сетью обыденных привычек, привязанностей и поэтому могут доставлять страдание близким, однако, это часто прощается им не

только за их художественные таланты, но и просто потому, что они дарят другим ощущение праздника, новизны, непосредственного восприятия жизни.

Гиперфункция первого уровня

Понятно, однако, что с увеличением выносливости в отношениях с миром нарастают не только пластиность на первом уровне, но и трудности развития механизмов высших отделов: избирательности, целенаправленности, произвольности, а значит, растет и угроза сохранению иерархической структуры, то есть целостности всей системы организации поведения. Рассмотрим, каким образом размывание иерархических связей может привести сначала к акцентуации в развитии системы адаптивных смыслов, затем к ее деформации, и далее – к распаду.

При этом мы не можем, конечно, поставить себе задачу четко определить границу между индивидуальными различиями и патологическими особенностями аффективного развития, но, по крайней мере, на основании здравого смысла условимся считать ненормальной ситуацию, когда механизмы одного из уровней начинают давать постоянные сбои в решении собственных адаптивных задач, и сама система начинает затрудняться в организации целенаправленного взаимодействия и в сохранении равновесия разнонаправленных тенденций.

Акцентуация в развитии механизмов первого уровня и нарастание дисбаланса системы смыслов

На первом уровне непосредственные трудности адаптации могут проявиться как неосторожность в обеспечении защиты от воздействий разрушающей силы или, наоборот, как недостаток пластиности, спонтанности в отношениях со средой. Понятно, что

гиперактивный первый уровень может затрудниться именно в обеспечении безопасности субъекта в контактах со средой. В какой-то момент увлечение динамикой мира, уменьшение дистанции в контактах с ним может стать объективно неоправданным, субъект может становиться все «легкомысленнее», и, наконец, начать терять «чувство края», чаще чем другие оказываясь в ситуациях угрожающих, опасных и физически и социально.

Рассмотрим, что может происходить при этом с другими уровнями и со всей системой в целом. Мы уже говорили о том, что особенно выносливый первый уровень, дающий субъекту высокую пластичность в отношениях с миром, может препятствовать формированию механизмов организации высших отделов. Задерживать развитие индивидуальной избирательности – четкого определения предмета потребности, фиксации условий и способов ее удовлетворения; выделения объектов экспансии и, соответственно, организации исследовательского поведения и целенаправленного со средоточения на разрешении задачи; развитие эмоциональной привязанности, произвольности в отношениях с миром.

Понятно, что, если эти тенденции достаточно выражены, несформированность высших структур нарушает развитие иерархии адаптивных смыслов, отношения между уровнями могут размыться, становиться менее определенными. У системы, таким образом, остается все меньше возможностей модулировать и ограничивать пластичность первого уровня. Она получает в этом случае слишком много степеней свободы и рискует потерять целенаправленность, оказаться неуправляемой.

Единственным реально действующим фактором организации в этих условиях, видимо, остается непосредственное сопереживание другому человеку – усвоение его форм мироощущения. Целена-

правленная организация поведения осуществляется в этом случае исходящими от другого человека наградами и наказаниями, вовлечением в общий уклад и в решение общей задачи, непосредственной апелляцией к ценностям и нормам. Непосредственное заражение и четко организованная извне ситуация смогут в данном случае контролировать поведение субъекта; в этом случае его пластичность проявится как синтонность, и она же поможет ему естественно принять формы социальной жизни.

Мы видим, что система организации поведения выстраивается здесь как в детстве – при постоянной внешней помощи другого человека, в данном случае, с помощью пластичного усвоения формы другой, устойчивой и иерархически организованной системы смыслов.

Таким образом, здесь мы имеем дело с *патологической незрелостью, инфантильностью субъекта*, которая имеет свои особые черты. В непосредственном контакте такой человек может быть упорядочен, поскольку легко заражается и вписывается в формы поведения, задаваемые людьми, с которыми он общается. Это добродушный, бесхитростный и бескорыстный, как часто про него говорят – «в сущности, хороший человек». Он действительно может быть предельно искренним и правдивым, когда обещает и строит планы, но при малейшем отвлечении от непосредственного контакта становится так же естественно непорядочен, хотя затем, по возвращении к близким, испытывает столь же искреннее раскаяние. Он самозабвенно отдается влиянию обстоятельств или другого, может быть, случайного человека как «очарованный странник» Лескова – просто потоку жизни, принимая любые ее формы. Понятно, что это материал для асоциальных групп, к которым его и тянет в поиске ярких впечатлений.

Деформация системы

Можно предположить, что увеличение выносливости первого уровня может привести к дальнейшему размыванию иерархии отношений, настолько выраженному, что это повлечет уже не импульсивность и периодические ускользания из привычных форм жизни, а стойкую смысловую деформацию системы организации сознания. В этом случае сопереживание другому человеку уже не сможет задать целостную форму системе сознания, дефектный уровень сам станет основным смыслообразующим, и все остальные будут обслуживать разрешение его задач.

Такая деформация системы смыслов в целом упрощает и огрубляет ситуацию. Во-первых, снимаются внутренние противоречия в переживаниях субъекта: в этом случае он не будет испытывать раскаяний и сожалений, и даже тень возникающего душевного дискомфорта будет идеально вытесняться из его сознания. Во-вторых, уходит то напряжение, с которым до сих пор поддерживалось доминирование уровня эмоционального контроля – нормальная иерархическая организация системы. В данном случае, как мы уже отмечали, таким нормализующим усилием было постоянное эмоциональное воздействие близкого человека. Оно уходит просто в силу своей бесполезности, поскольку при смысловой деформации системы за счет сильного первого уровня другой человек теряет возможность существенно влиять на организацию поведения субъекта – не может конкурировать с теми яркими впечатлениями, которые дает динамика внешнего мира.

Основой адаптации в данном случае все более становится свободное маневрирование в потоке впечатлений. *Второй уровень*, обслуживая решение этой задачи, начинает активно разрабатывать соответствующие формы жизни: фиксировать способы ухода от

повседневного однообразия, приемы, позволяющие избежать социального давления. **Третий** – возьмет на себя преодоление препятствий на пути к освобождению, причем, как основное препятствие, будет рассматриваться другой человек: именно его необходимо перехитрить, найти уловку, лазейку, позволяющую избежать навязываемой рутины. На **четвертом уровне** переживания другого человека будут восприниматься субъектом вне зависимости от их эмоционального качества, положительной или отрицательной оценки происходящего. Они будут просто сливаться с общим потоком впечатлений, в котором важны, прежде всего, его новизна и яркость. Появляется возможность безлично использовать других людей, просто как обстоятельства, вписываясь в них, пластично принимая их форму.

Таким образом, возникает особая целостность психопатической конструкции. В сравнении с инфантильным типом субъект здесь становится даже более адаптирован, целенаправлен и хитроумен в достижении своих целей, адаптивные смыслы других уровней не «сбивают», не противоречат ему в этом, и все аффективные механизмы развиваются для их удовлетворения. Например, для него относительно более безопасны контакты с асоциальной компанией, поскольку он не усваивает и ее правила, а просто держится рядом и использует ее в своих целях для получения сильных и ярких впечатлений, пока не становится слишком «горячо».

Понятно, однако, что эта, в полном смысле асоциальная адаптация, осуществляется все-таки в социуме и в общем-то паразитирует на нем.

В этих условиях формируются особые способы аутостимуляции. Тонизация интенсивными, яркими впечатлениями может происходить теперь без жесткой эмоциональной цензуры. Так, например,

взрастет возможность направленно извлекать удовольствие из впечатлений, связанных с различными скандалами, криминальными происшествиями, катастрофами (чем больше жертв, тем более захватывает), с порывами и агрессией толпы. Эти впечатления захватывают именно своей силой, субъект загорается от них как от языков пламени, воодушевляясь тем, что что-то активно происходит и вызывает яркую аффективную реакцию окружающих. Вспомним, известный рассказ О'Генри, героя которого, страстные зеваки, бросаются в толпу поглазеть на свадебный кортеж, напрочь забыв, что это их собственная свадьба.

Не удовлетворяясь случайностью таких развлечений, субъект и сам начинает будоражить себя, сталкивая окружающих, пуская сплетни, активно выдумывая, гиперболизируя происходящее, представляя себя в потоке немыслимых по интенсивности событий («сорок тысяч курьеров скачут»). Стремление пережить яркие впечатления может оформиться не только как влечение к фантазиям, но и как потребность вовлечь в них других – умножить удовольствие, провоцируя и питая их удивление, возмущение, восторг. Провокации и ложь, в которых часто упрекают таких людей, в этом случае не столько преследуют конкретную выгоду, сколько являются действенным средством аутостимуляции.

Гоголевский Хлестаков со своей необыкновенной «легкостью в мыслях», наверное, может быть назван как самое яркое и точное воплощение этого типа патологически деформированного инфантилизма. Вероятно, именно его идеальная непосредственность, способность вписаться в самые разные условия, с естественностью хамелеона принять форму любого партнера, приспособиться к любой ситуации и позволяет ему заморочить голову умнейшим людям города NN. Возможно, он представляется им интересной и значи-

тельной персоной именно потому, что каждый видит в нем свое отражение.

Распад системы

Как известно, при всем своем легкомыслии и неудержимом полете «завильтых» фантазий Иван Александрович Хлестаков все-таки удачно и, главное, точно вовремя «смыывается» из города: выходит из ситуации, не раньше и не позже, а именно тогда, когда она становится действительно угрожающей. Деформированная система, как мы уже обсудили, *остается иерархически организованной* и сохраняет свои адаптивные функции, что позволяет субъекту максимально использовать сложившиеся обстоятельства и находить рискованные, но все же относительно безопасные формы аутостимуляции. В то же время можно предположить, что дальнейшее нарастание выносливости первого уровня приведет к полной потере ее целенаправленности и, соответственно, к дезадаптации.

Это может случиться, если упоение от растворения в потоке жизни начнет настолько превалировать, что сотрет для субъекта грань между реальной адаптацией и аутостимуляцией. В этом случае нарушается нормальное соотношение этих функций, поскольку в норме аутостимуляция прежде всего обслуживает нужды реальной адаптации, обеспечивая необходимый для нее уровень активности.

Эту нарастающую угрозу мы могли бы отметить уже на этапе деформации системы смыслов, когда начинают четко очерчиваться патологически напряженные влечения к ярким впечатлениями (выше мы упоминали о возможном патологическом фантазировании, тяги к провокациям и т.п.). Формирование устойчивых влечений может быть обусловлено особенностями самой структуры де-

формированной системы смыслов. Она характеризуется не только сменой главенства, но и упрощением взаимоотношений подчиненных уровней. Недоразвитие собственных смыслов ослабляет их взаимные ограничения, смысловые противовесы, препятствующие сверхсосредоточению субъекта на определенных однородных впечатлениях, что и позволяет сформироваться патологическим влечениям слишком выносливого уровня⁸².

Наращение влечений, потеря адаптивного смысла самим первым уровнем влечет за собой распад всей искаженной системы смыслов. Если в случае деформации субъект для достижения своих целей еще мог хитрить, манипулировать чувствами других людей, активно использовать обстоятельства, выходя «сухим из воды», то здесь это становится гораздо менее возможным. Кроме того, при нарастающей выносливости такой человек практически перестает адекватно реагировать на неприятные впечатления, даже на голод, холод или боль. Он полностью поглощается потоком впечатлений и в своем стремлении к удовольствию становится игрушкой поля интенсивностей. Тяга к опасным, максимально интенсивным ощущениям может оформиться, как влечение не просто к асоциальной компании, а к бродяжничеству, к аффективно заряженной толпе. Это своего рода наркотизация, при которой, в поиске интенсивного допинга, субъект ищет ситуации, опасные как для него самого, так и для других людей и может даже провоцировать их, становиться инициатором или активным участником асоциального действия, например, поджога.

Таким образом, с увеличением выносливости к интенсивности среды сначала появляются предпосылки нарушения равновесия в ра-

---

⁸² Представляется, что деформированная система смыслов по своей структуре больше соответствует системе, направленной на решение задач не непосредственной адаптации, а саморегуляции – задаче овладения травмирующими переживаниями.

боте самого первого уровня: уделяется все меньшее внимание защите и нарастает пластичность в отношениях с миром, что создает проблемы в развитии механизмов более активных уровней и, соответственно, задержку развития иерархических отношений в системе их взаимодействия. Сохранение стабильности и целенаправленности такой «незрелой» системы во многом зависит от ее поддержки извне – организации системой смыслов другого человека.

Высокая пластичность создает угрозу устойчивой патологической деформации системы адаптивных смыслов: ее функции редуцируются, на первый план выступают задачи слишком выносливого первого уровня. При этом система не просто упрощается, она становится менее устойчивой, поскольку активность других уровней в меньшей степени уравновешивает тенденции первого. Создаются условия, благоприятные для очерчивания и фиксации патологических влечений, что, в свою очередь, увеличивает риск нарушения баланса между саморегуляцией и адаптацией и самого первого уровня, и всей системы – если это происходит, она теряет адаптивный смысл.

*2. Особенности развития системы сознания, связанные
с повышением чувствительности первого уровня*

Рассмотрим теперь обратную ситуацию – случай, когда первый уровень выделяется из общего ряда своей особой чувствительностью, то есть меньшей, чем средняя, выносливостью в отношениях с миром.

Обратимся сначала к характеристике развития в этих условиях самого первого уровня. Его чуткость проявится в увеличении чувствительности к изменению в соотношении сил, в интенсивности воздействий среды, в переоценке значимости ее перепадов, то есть в снижении порога дискомфорта в отношениях с миром.

Самым общим следствием этого, с одной стороны, становится увеличение индивидуальной дистанции в контактах с миром. Понятно также, что легкость возникновения дискомфорта, тревоги, испуга обуславливает уменьшение диапазона пластичности субъекта в контактах с миром. Механизмы уровня начинают в большей степени работать на защиту, на сохранение комфорта, поиск безопасной позиции и ограничивают возможность спонтанного реагирования, непосредственного усвоения формы, органичного вписывания в складывающиеся условия жизни, в отношения людей.

С другой стороны, такая настороженность в отношениях с миром обуславливает и установку субъекта на предвосхищение потенциального изменения, обостряет предчувствие возможного развития событий. Здесь проявляется особая чуткость в восприятии целостного соотношения внешних сил, в оценке пропорций среды, позволяющих интуитивно предугадать ее возможные трансформации. Понятно, что это касается не только пространственных, но и других соотношений, например несоответствия интонации голоса и выражения лица, улыбки и взгляда другого человека. Можно сказать, что при меньшей способности к непосредственному опирающему вписыванию в обстоятельства здесь возможно их большее отстраненное понимание и предвосхищение тенденций их развития.

Соответственно, чуткий первый уровень определяет и особый стиль в развитии способов саморегуляции. Понятно, что он ограничивает возможность пластичного усвоения ритмов внешнего мира, способность безмятежно отдаваться его волнам, но зато одаривает человека тонким вкусом, способностью глубоко переживать комфорт, покой – эстетическим чутьем в восприятии равновесия, гармонии пропорций.

Особый стиль первого уровня в восприятии и организации разрешения адаптационных задач определяет и характер межуровневых отношений, что, в свою очередь, отражается на формировании механизмов других уровней. Рассмотрим, какое влияние оказывает чуткий первый уровень на их развитие при условии, что исходно сами они ничем не выделяются из общего ряда и обладают средней выносливостью и чуткостью.

Второй уровень в ситуации уменьшения пластиности в освоении среды неминуемо проявляет особенности в оценке ее качества. Мы уже говорили о том, что низкий порог дискомфорта способствует возникновению тревоги, а значит, увеличивает вероятность фиксации ограничения, запрета. Индивидуальная избирательность в этом случае развивается с предпочтением ограничения интенсивности даже для впечатлений субъективно хорошего качества. Качество жестко контролируется с точки зрения его интенсивности, поэтому индивидуально опредмеченная потребность включает выраженное стремление к комфорту, возможно развитие отстраненно-эстетического отношения к удовлетворению потребности, как и некоторый отпечаток пресноты во вкусах.

В условиях дискомфорта при легком возникновении испуга в окружающем чаще узнается и опредмечивается страшное. На втором уровне это оборачивается фиксацией опасений, антипатий, дурных предчувствий, что влечет за собой интенсивную разработку индивидуальных защитных стереотипов. Особое значение для субъекта при этом приобретает сохранение постоянных условий жизни, их предсказуемость, дающая гарантию защиты.

Так, недостаточная пластиность в адаптации первого уровня может обернуться на втором уровне особой жесткостью жизнен-

ных стереотипов, то есть опять же недостаточной пластичностью субъекта в разработке индивидуального стиля жизни. Второй уровень тоже в большой мере начинает работать на защиту, предсказуемость и ограничение контактов с миром.

Особая чуткость первого уровня проявляет себя и в чувствительности к протеканию соматических процессов, в легкости возникновения ощущения внутреннего дискомфорта. При этом субъекту может быть трудно четко определить и конкретно выразить свои неприятные впечатления. Однако смутные переживания «нечего», и «что-то не так» могут способствовать развитию общего ощущения недомогания, которое, в свою очередь, может стать причиной формирования ипохондрической установки.

В этом случае даже само напряжение потребности, нормальная динамика соматических процессов оцениваются субъектом как состояние дискомфорта, например, ощущения голода, могут восприниматься как недомогание. Витально важным может становиться не столько само удовлетворение потребности, сколько стремление к редукции ее напряжения. Подобный дискомфорт может провоцировать развитие привычной раздражительности, как и болезненной нетерпеливости в удовлетворении потребности.

Третий уровень в этих условиях проявит особую чувствительность к выделению новизны. Однако в связи со стремлением к упорядоченности, с потребностью в организации стабильной картины мира чуткость к новизне будет в данном случае сочетаться со стремлением к ее редукции, то есть к упорядочиванию впечатлений, их связыванию и определению новых устойчивых закономерностей в жизни.

В то же время низкий порог дискомфорта обуславливает и легкость узнавания и выделения препятствий, помех на пути к цели.

Среда часто предстает для такого субъекта агрессивной даже там, где она комфортна или нейтральна для других людей.

В случае достаточно выносливого третьего уровня, субъект производит впечатление человека, не только видящего во всем проблему, но и героически преодолевающего невидимые другим преграды, «бойца», не дающего судьбе спуску даже в мелочах и затевающего баталии по пустячным для других поводам. Если же третий уровень и сам недостаточно вынослив, и малая пластичность усугубляется недостаточностью экспансии, то может возникать ощущение хронической затравленности и неудачливости. Однако и в том, и в другом случае малая пластичность в адаптации первого уровня проявляется на третьем тоже как недостаток пластичности в экспансии.

Четвертый уровень в этих условиях также приобретает особые черты. С одной стороны, потребность в эмоциональных контактах в данном случае во многом обусловлена поиском защиты от агрессивной среды. Поэтому особенно ценными для субъекта в человеческих отношениях становятся их постоянство, предсказуемость, комфорт, гармония. Все это в данном случае предпочитается напряженности и яркости чувств, динамичному развитию отношений.

С другой стороны, при стремлении к этому идеалу, сам субъект не может быть достаточно пластичен и «легок» в контактах с другими людьми. Быстро возникающий дискомфорт, тревога по отношению к излишней активности других, чуткость к фальши (возможность почувствовать дисгармонию в отношениях, нарушение пропорций в эмоциональных проявлениях других людей), рождают ранимость, особую избирательность в контактах.

В то же время выраженная потребность сохранить собственный покой и комфорт до некоторой степени затрудняет и развитие самих механизмов четвертого уровня – механизмов жертвы. Такой человек может проявить недостаточную пластичность в организации взаимодействия с другими, стремясь, прежде всего, к редукции напряжения: он или, жертвуя всем, отказывается от всех притязаний, или же, наоборот, уходит от контактов, которые требуют жертв.

Таким образом, мы видим, что слабость, так же, как и сила первого уровня, диктует свои требования к развитию механизмов других уровней, которые все вместе образуют типичную фигуру сознания, совершенно особый в своей целостности характер, со своими трудностями – недостаточной пластичностью в адаптации всех уровней, но и своими преимуществами по сравнению с «золотой серединой». И пока уровень в целом справляется с адаптационными задачами, его своеобразие проявляется, прежде всего, как одаренность.

Если в случае выносливого первого уровня мы говорили о развитии у субъекта талантов действенной интуиции, то в данном случае речь идет об особой интуиции понимания, благородной отстраненности, эстетическом отношении к миру, чувстве пропорции во взаимоотношениях с ним и в тонкости, проницательности в отношениях с людьми. Внимание к новому в сочетании с потребностью в формировании упорядоченной, целостной картины мира и чувством пропорции создают предпосылки для развития особых творческих способностей, которые могут проявиться как одаренность исследователя, талант ученого, теоретика в разных областях жизни.

Наиболее мощным стимулом к упорной творческой работе для такого человека может являться не жизненная необходимость, не

самоутверждение, даже не долг, а именно эстетическое переживание красоты структуры раскрывающегося явления. Возможно также, что это талант определенного типа поэта, по воспоминаниям мы знаем, что стихи могут рождаться из целостной пропорции, мелодии, «погудки», по О. Мандельштаму, которую нужно не испортить, проясняя и подбирая верные слова.

Гипофункция в развитии первого уровня

*Акцентуация в развитии механизмов первого уровня
и нарастание дисбаланса системы*

Понятно, что повышенная чувствительность, чуткость первого уровня в определенный момент начинает выступать уже преимущественно как его слабость, ранимость в отношениях с миром. Если «толстокожий» первый уровень, уменьшая дистанцию в контактах со средой, создает угрозу потери «чувствия края», то его излишняя чувствительность, увеличивая дистанцию, мешает организации непосредственного взаимодействия.

Первостепенной задачей такого уровня становится защита субъекта от интенсивности влияний среды, но и ее, как мы увидим, он уже не может разрешить самостоятельно. Это происходит в том случае, когда человек продолжает чувствовать себя дискомфортно в нормальных для большинства других людей обстоятельствах и реально найденная безопасная позиция не подкрепляется для него субъективным ощущением покоя. Хроническое переживание ситуативного дискомфорта перерастает в чувство постоянной тревоги, настороженности. Понятно, что в этом случае не просто серьезно уменьшается возможность пластичной адаптации к среде, но поведение непосредственного интуитивного приспособления, «вписывания» субъекта в обстоятельства дезавтоматизируется.

В ситуации такого хронического дискомфорта компенсаторную роль вынужденно берут на себя высшие, более активные уровни. И акцентуацию развития системы мы рассматриваем здесь как результат той дополнительной нагрузки, которую они испытывают, пытаясь при этом полностью выполнять и свои собственные функции, когда система в целом стремится сохранить свою нормальную смысловую конфигурацию. Рассмотрим, как помогают и могут помочь в этом случае ранимому первому другие уровни.

Второй уровень в условиях стойкого дискомфорта может избирательно выделить неприятную ситуацию, закрепить и определить испуг, превратить его в конкретный страх. Оформляющиеся в этом случае страхи могут определяться витально важными для первого уровня впечатлениями пространства и движения, например, они могут опредметиться как боязнь широких, открытых площадей (агорафобия) или тесного, замкнутого помещения лифта (клаустрофобия), как страх перехода оживленной улицы, толпы, езды в транспорте и т.п. Но они могут быть связаны и со сверхценным отрицательным отношением к резким изменениям вообще, в самых разных областях жизни.

Второй уровень накапливает не только сами страхи, но и защитные реакции, формы поведения, которые объективно или субъективно уменьшают переживание дискомфорта и тревоги. Поэтому реальные защитные действия могут обрасти аффективно связанными с ними деталями и оформляться в поведенческие ритуалы (например, желание переходить улицу только в определенном, действительно наиболее спокойном месте, может дополниться стремлением непременно дотронуться перед этим, для пущей уверенности, до ствола ближайшего дерева). Повторе-

ние этого ритуального действия аффективно связывает для субъекта настоящую ситуацию со сходной, удачно завершенной в прошлом, и это, как мы уже обсуждали, отчасти связывает и его страх перед непосредственно происходящим.

Как известно, сложившиеся таким образом защитные ритуалы могут в дальнейшем приобретать характер навязчивостей. Субъект становится зависимым от воспроизведения внешне бессмысленных стереотипных действий, которые в данном случае выполняют важную для саморегуляции функцию связывания переживания генерализованной тревоги, редукции возникающего напряжения.

Патологическая фиксация простейших телесных защитных реакций может превращать их в насильтственные тики. Известно, что впервые они могут возникать именно в условиях сенсорного дискомфорта, однако конкретное ситуативное неудобство от трущего воротника или дужки очков, от насморка может быть устранено, а фиксированные защитные реакции – движения шеи, гримасы, покривление, шмыганье носом надолго остаются универсальным средством саморегуляции и легко провоцируются в разных ситуациях нарастанием внешнего и внутреннего дискомфорта.

Таким образом, беря на себя защитные функции первого, второй уровень может использовать только свои, в данном случае во многом неадекватные средства, которые во многих случаях усугубляют дезадаптацию субъекта. Это касается даже организации процессов удовлетворения соматических потребностей. В частности, для чувствительного первого уровня дискомфортным может стать само напряжение потребности, и то, что обычный человек ощущает как бодрящий вкус к жизни, в данном случае будет пе-

реживаться как болезненное недомогание. В то же время необоснованная фиксация вторым уровнем дискомфортных ощущений мешает и протеканию процессов нормального удовлетворения потребности, создает патологические стереотипы его прерывания – спазмы. Самым простым примером является привычная рвотная реакция на кипяченое молоко, сформировавшаяся как ответ на когда-то попавшуюся в нем пенку.

Трудности адаптации первого уровня, таким образом, накладывают отпечаток на развитие механизмов второго: не только больший вес приобретают формы защитного поведения, но и сама потребность, ее удовлетворение начинают все более восприниматься в отрыве от качества, удовольствия жизни, как возрастание и редукция неприятного напряжения.

Третий уровень в условиях хронического дискомфорта, накопления страхов, возрастания зависимости от защитных стереотипов поведения теряет свою направленность на экспансию. Как на втором уровне начинает болезненно восприниматься напряжение потребности, так на третьем становится неприятной любая новизна и вообще неопределенность ситуации. Теряется способность пережить риск как азарт и удовольствие, поскольку важнее всего оказывается редукция напряжения.

Субъект вынужден не просто осторожнее относиться ко всему новому, к изменению в привычных условиях жизни; важным становится выявление новизны как возможной угрозы. Значимым является не преодоление препятствия и расширение жизненного пространства, а защита привычных форм жизни. Зависимость от сохранения постоянства внешних обстоятельств, от собственных ритуалов защитного поведения, насилиственное возвращение типов в напряженной ситуации заставляют субъекта стремиться как

можно более полно контролировать ситуацию. Одновременно он переживает свою особую уязвимость и беспомощность.

Четвертый уровень, пытаясь компенсировать недостаточность первого, задает систему защитных правил, фиксирующих порядок, увеличивающих дистанцию в контактах с миром. В отличие от индивидуальных защитных стереотипов, разработанных вторым уровнем, это – стандартные социальные установки, опирающиеся на эмоциональный опыт сообщества, не несущие по этому субъективного оттенка механической навязанности и в большинстве случаев не создающие у окружающих впечатления явной болезненности.

Вместе с тем подобные установки на увеличение дистанции в контактах, редукцию напряжения как экономию собственных сил, могут создавать проблемы в личном общении. Они вступают в противоречие с ожиданиями близких, что вызывает напряженность в личных отношениях и служит препятствием в развитии механизмов самого четвертого уровня. Субъект готов принять от сообщества средства защиты, редукции напряжения, но, испытывая постоянный дискомфорт, затрудняется в развитии механизма личной жертвы.

Таким образом, мы видим, что высшие отделы пытаются взять на себя функции низшего, но используют при этом собственные средства, неадекватные для решения его задач. Дискомфорт не снимается ими, а определяется как страх, переживание несостоятельности в напряженной ситуации, давление со стороны других людей. Кроме того, необходимость выполнения не свойственных функций затрудняет развитие их собственных механизмов. В решении всех задач субъект будет стремиться обеспечить прежде

всего защиту от дискомфорта, поэтому второй уровень не сможет в полной мере определить индивидуальные потребности, третий – организовать экспансию, четвертый – сформировать механизм естественной личной жертвы.

Снижение активности, разработка ограничений в отношениях с миром и людьми усугубляются и недоразвитием механизмов саморегуляции всех уровней. Переживание дискомфорта мешает субъекту поддерживать психический тонус в чувственном контакте с миром, в игре с обстоятельствами или в непосредственном эмоциональном общении, то есть в целом отношения с миром дают меньше радости, становятся более выхолощенными.

Основным направлением в саморегуляции в данном случае тоже становится разработка средств защиты от дискомфорта, сбережения сил. Формируются ритуалы, фиксируются защитные действия, дающие редукцию напряжению, но развивается и патологическая зависимость от них, фиксируется их навязчивое и насилиственное воспроизведение. Важное значение приобретает также стимуляция чувства защищенности от неожиданности и новизны в воспроизведении порядка, в увлечениях систематизацией, упорядочиванием информации. Поэтому здесь характерны увлечения коллекционированием (филателией, нумизматикой); составлением схем (изучением энциклопедий, генеалогии и т.п.).

Мы видим, таким образом, что при дискомфорте, возникающем при контакте с динамичной средой, и для адаптации, и для саморегуляции используются в основном средства уровней стабильной адаптации к миру. Развитие механизмов динамической адаптации перестает их уравновешивать, и это определяет малую пластичность самой системы, ее особую хрупкость. Проблемы развития механизмов высших уровней, и прежде всего – четвер-

того, ослабляет иерархические связи. Все это создает угрозу деформации всей системы смысловой организации сознания.

Деформация системы

Снижение выносливости к интенсивности влияний среды, нарушения пластиичности в адаптации, тревога могут достигнуть такой степени, что проблема сохранения комфорта, безопасности в какой-то момент становится устойчиво доминирующей по отношению ко всем другим адаптационным задачам. В этом случае неминуемо происходит деформация смысловой системы аффективной организации сознания. Этому способствует и хрупкость самой системы, возникающая из-за перегруженности и выхолощенности ее высших отделов, нарушения развития средств саморегуляции.

Характерно, что упрощение смысловой иерархии (как и в предыдущем случае ее деформации сильным первым уровнем) снимает внутреннюю напряженность системы сознания, делает более последовательной и целенаправленной адаптацию, более действенными механизмы саморегуляции, поддерживающие переживание комфорта. Необходимо, однако, отметить, что эта большая «успешность» связана с формированием психопатической личности, которая может развиваться только в условиях социума и за его счет.

Рассмотрим, что происходит с уровнями в деформированной системе, которая начинает полностью обслуживать нужды своего «слабого» первого уровня. Механизмы всех уровней здесь развиваются в русле адаптационной задачи первого: *второй* разрабатывает не способы связи с миром, не варианты возможных форм удовлетворения потребностей, а стереотипы защиты от дискомфорта; *третий* активно задействуется в их целенаправленном от-

стаивании – часто в мелочном, детальном сохранении рутины жизни; **четвертый** ограничивает возможность непосредственного переживания, жестко, фиксируя дистанцию в отношениях с людьми, использует для этого формализованные правила, педантично соблюдаемый регламент. Разрушение этой брони вызывает у субъекта переживание краха.

Таким образом, в разрешении ведущей адаптационной задачи ограждения себя от дискомфортной среды, формируется совершенно особый, патологически гротескный тип. В данном случае уместно вспомнить чеховского учителя древних языков Беликова. «Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате <...> носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх» (Чехов, Человек в футляре, 1957, с.76). «Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь <...> Когда в городе разрешали драматический кружок или чайную, то он покачивал головой и говорил тихо: “Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло” <...> Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние» (*там же*). Эта защита совершенно необходима для него; мы помним, как трагично заканчивается попытка Беликова «выйти» из своего футляра и выстроить иную иерархию жизненных ценностей.

Выше мы уже говорили о том, что в подобных случаях часто очерчивается особый круг пристрастий, необходимых для поддержания стабильности аффективной жизни. Они могут проявиться в коллекционировании, систематизации, в приверженности стройным схемам, законченным системам и классификациям. Впечатления

упорядоченности мира несут переживание комфорта и безопасности. А.П. Чехов пишет о своем герое: «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге <...> и древние языки, которые он преподавал, были для него, в сущности, те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни» (*там же*, с.77).

Проблема защиты в данном случае становится настолько актуальной, что и здесь, как в предыдущем случае, хотя и по диаметрально противоположной причине, возникает угроза нарушения баланса функций самой системы: реальной адаптации к миру и саморегуляции. В данном случае субъект сосредоточивается лишь на задаче борьбы с отрицательным переживанием, поддержании ощущения комфорта. Если это происходит, система организации сознания тоже теряет свою приспособительную направленность, и тогда нам приходится говорить уже не о деформации, а о распаде смысловой структуры или поломке системы на ее первом уровне организации.

Поломка системы

Она происходит, когда слабость, чувствительность первого уровня проявляются экстремально. Задача сохранения комфорта решается в этом случае радикально. Первый уровень уже целиком работает на защиту, на предотвращение соприкосновения с миром, он начинает зеркально отражать все воздействия и таким образом полностью теряет свой адаптивный смысл преднастройки к активному контакту с окружающим. Основным типом поведения становится пластичное ускользание от контакта, что в речи проявляется как защитная эхолалия.

В ситуации постоянного избегания контакта с миром практически полностью прекращается развитие механизмов второго уровня, который не может выработать индивидуальную избирательность,

опредметить потребности индивида во внешнем мире. Он не в состоянии фиксировать и конкретизировать даже ощущения удовольствия и боли, голода, холода, жажды; выработать самые простые привычки и жизненные навыки; образовать связи между словом и действием, построить избирательное речевое действие.

В этих условиях не может развиваться и механизм третьего уровня экспансии: новизна и препятствие просто не выделяются субъектом, не формируется способность целенаправленного сосредоточения на разрешении какой-либо задачи. Также страдают механизмы организации эмоционального взаимодействия четвертого уровня. Поскольку в норме другой человек воспринимается нами как наиболее сильный средовой раздражитель, он становится здесь наиболее избегаемым фактором среды. Прямые попытки организовать внимание субъекта воспринимаются как самые неприятные воздействия, формируется особый тип аутистического поведения – постоянного ухода, ускользания от вмешательства в его жизнь других людей.

Активные взаимоотношения с миром полностью подменяет аутостимуляция. Причем это тот тип аутостимуляции, который может быть организован первым уровнем – отстраненное созерцание изменений в окружающем мире и собственное половое движение, тонизирование впечатлениями, получаемыми «походя» и погружающими субъекта в переживание отрешенного покоя, комфортной самодостаточности.

Распад смысловой структуры сознания в данном случае предстает как слом аффективного развития на первом уровне организации поведения. Понятно, что в критической ситуации невозможности активного контакта с миром все другие, более сложные адаптационные задачи становятся не актуальными для субъекта. Хотим обратить внимание, что именно подобный слом в развитии мы описали выше

как выделенную в нашей классификации первую группу синдрома раннего детского аутизма.

Итак, мы попытались проследить всю последовательность изменений, происходящих с системой организации сознания при повышении чувствительности – «ослаблении» ее первого уровня, отвечающего за преднастройку, к активному контакту субъекта с миром. Эти изменения в зависимости от степени чувствительности могут проявляться как в индивидуальной одаренности субъекта, так и во все более патологических формах дезадаптации.

Как нам представляется, переход от индивидуальных особенностей к патологическим изменениям системы может быть связан с моментом, когда уровень начинает испытывать в разрешении своих адаптационных задач трудности, которые требуют постоянного вмешательства механизмов других уровней. В то же время, пока эти другие уровни, беря на себя дополнительные обязанности, продолжают справляться со своими собственными, и вся система в целом сохраняет нормальную смысловую иерархию, мы можем говорить лишь об акцентуации в развитии системы и о ее нарастающем дисбалансе.

Следующий сдвиг в углублении дезадаптации происходит в тот момент, когда нарастание дисбаланса приводит к деформации смысловой структуры организации сознания. Целостность системы при этом сохраняется, но меняется ее смысловая иерархия, и механизмы всех уровней, теряя собственное адаптационное значение, начинают обслуживать решение одной приспособительной задачи, в данном случае – соблюдение безопасности в отношениях с миром. Сохранение комфорта становится главным и в осуществлении саморегуляции, и здесь также форсируется развитие специальных приемов снятия тревоги, напряжения, стимуляция переживаний комфорта.

В какой-то момент система, решая задачу сохранения комфорта, теряет приспособительную направленность и начинает работать только на редукцию напряжения. В этом случае мы имеем дело уже с поломкой: панические установки первого уровня не допускают контактов с миром, не позволяют сформироваться активным способам взаимодействия с ним.

* * *

Таким образом, мы видим, что и особая выносливость и сверхчувствительность первого уровня создают предпосылки развития разных типов одаренности. Они также в равной степени могут стать причиной нарушения развития механизмов и самого первого уровня, и высших отделов, и системы адаптивных смыслов в целом. Сверхчувствительность первого уровня мешает развитию механизмов реализации всех адаптивных задач, а его излишняя пластичность затрудняет саму актуализацию адаптивных смыслов более активных уровней.

В обоих случаях и способы адаптации, и формы саморегуляции развиваются крайне однобоко. В первом в основном осуществляется пассивное вписывание в меняющиеся обстоятельства, во втором – разрабатываются средства защиты от изменений, опоры на стабильные, упорядоченные условия жизни. Также и формы аутостимуляции в одном случае развиваются как непосредственное тонизирование динамикой происходящего, а в другом – как стимуляция переживаниями защищенности, стабильностью мира.

И в том, и в другом случае это однобокое развитие ставит под угрозу целостность всей системы смыслов, организующих сознание и поведение. В первом – излишняя пластичность ведет к размыванию межуровневых связей, появлению избыточной свободы в межуровневых отношениях, из-за чего целенаправленность системы начина-

ет зависеть от внешней опоры, от поддержки ее системой смыслов другого человека. Во втором – дефицитарность системы проявляется в формировании слишком жесткой иерархии уровней, и возникающей из-за этого перегрузки ее высших отделов, что ведет к нарастанию ее хрупкости.

Как излишняя пластичность, так и жесткость связей могут обусловить деформацию системы смыслов, при которой ведущим, смыслоопределяющим становится дефектный уровень. Характерно, что подобная деформация, упрощая межуровневые отношения, может способствовать решению адаптивных задач дефицитарного уровня. В то же время редукция уравновешивающих и взаимодополняющих тенденций ослабляет прочность внутрисистемных связей, что повышает риск потери системой адаптивной направленности.

Поломка системы и в том, и в другом случае полностью лишает субъекта способности к целенаправленной организации поведения и делает его игрушкой поля интенсивностей. Однако полевое поведение имеет принципиально разный характер: в первом это абсолютная положительная пластичность, то есть полное растворение в потоке впечатлений; во втором – абсолютная отрицательная пластичность, то есть отражение и ускользание от впечатлений внешнего мира, типичное для аутичных детей первой группы.

Изменения в системе сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня аффективных стереотипов

1. Особенности системы сознания, обусловленные увеличением силы второго уровня

Эти особенности проявляются в первую очередь в развитии механизмов самого второго уровня организации поведения, и, прежде всего, в характере аффективной ориентировки – в активности вы-

явления подходящих и отбрасывания неподходящих возможностей и в широком диапазоне впечатлений, в которых потребность узнает себя, дающих субъекту переживание яркого чувственного удовольствия.

Поскольку отвержение субъектом качественно неподходящего совершается особенно резко, в фокусе сознания оказывается, прежде всего, хорошее качество жизни. Дурное по качеству этими жизнелюбивыми людьми просто отбрасывается, и поэтому средства защиты от него не могут разрабатываться. И, наоборот, яркое переживание удовольствия, его широкий диапазон, связь с конкретным чувственным ощущением обостряет аффективную память и позволяет прочно зафиксировать не только разнообразие значимых целей, но и множество способов их достижения.

Таким образом, положительные аффективные стереотипы позволяют создать разветвленную связь субъекта с окружающим миром и укорениться в нем. Привычные формы жизни оказываются при этом настолько мощно положительно заряженными, что их нарушения, помехи, задержки в реализации потребности вызывают у субъекта взрыв отрицательных реакций. Крепкая и конкретная аффективная память, напряженность, полярность эффекта, нетерпеливость, вспыльчивость могут стать отличительными чертами таких людей.

Среди способов саморегуляции, соответственно, тоже будут разрабатываться средства активации, а не защиты от отрицательных переживаний. В подъеме психического тонуса должно преобладать стремление к непосредственному чувственному контакту со средой и удовлетворение от разработки разнообразных, качественно добрых стереотипов жизни, где удовольствие дает обустройство дома как «полной чаши», изобилие припасов хорошего каче-

ства. Здесь не запасают, чтобы хранить, а припасают, чтобы хорошо, со вкусом использовать.

Проследим, как выносливость второго уровня может повлиять на развитие механизмов других уровней и всей системы в целом.

Первый уровень в этих условиях развивается особым образом. Второй будет активно мешать ему в выполнении его собственных адаптивных задач. Как мы уже говорили, второй уровень ограничивает действие механизма пресыщения по отношению к избранным им впечатлениям хорошего качества и усиливает его в отношении плохого. Явно дурные впечатления здесь активно выбрасываются из сознания, а границы хорошего качества значительно расширяются, и во всей этой области «хорошего» ощущение опасности, угрозы превышения допустимой интенсивности в контактах с миром активно подавляется. Это позволяет субъекту, с одной стороны, в полной мере «насытиться» хорошим качеством жизни, но, с другой – уменьшает его осторожность в отношениях с внешней средой. Мы уже говорили о возможной потере «чувства края» при значительном усилении первого уровня, в данном случае растущую неосторожность можно скорее связать с игнорированием дурного и потерей субъектом «чувства меры» в удовлетворении своих потребностей.

Неосторожность может проявиться и в особенностях организации психосоматических процессов: интенсивность чувственной жизни, допуская излишек хорошего качества, позволяет субъекту длительно игнорировать сигналы телесного дискомфорта. Вспомним, например, как часто тяжелая болезнь незаметно подкрадывается и внезапно подкашивает именно такого – жизнерадостного и полного сил человека.

Третий уровень в данном случае также испытывает сильное влияние второго: его механизмы служат утилитарным земным целям удовлетворения потребности. Новое рассматривается прежде всего с точки зрения его пользы: что хорошего оно может дать для удовлетворения потребностей. Прочно фиксированные, хорошо разработанные аффективные стереотипы тоже могут затруднять поиск новых путей, нового решения проблемы. Преодоление препятствия тоже рассматривается сугубо утилитарно: барьер на пути к цели не становится объектом самостоятельного интереса, исследования, он – всего лишь досадная помеха, которая просто «сносится» на пути к цели. Поэтому для субъекта в данном случае может быть характерно импульсивное агрессивное действие, но не истинная экспансия – не самоутверждение и не выявление границ своих возможностей.

Особенностью в развитии **четвертого уровня** является сохранение в эмоциональном переживании значительного сенсорного, чувственного компонента. Отношения с людьми включаются субъектом в общий аффективный стереотип жизни и, благодаря своей чувственной основе, эмоциональные привязанности фиксируются особенно жестко. Такого человека можно было бы назвать «собственником», потому что объекты привязанности присваиваются им и не воспринимаются отдельно от себя, их потребности переживаются как собственные, а их благополучие – как источник радости и объект заботы, угроза близким вызывает ярость, импульсивную агрессию.

Вместе с тем, напряженность привязанности и аффективная зараженность эмоциональных связей уменьшают пластичность в отношениях и затрудняют развитие диалога в отношениях с людьми. Поэтому в данном случае возможна авторитарность, гневливость,

нетерпеливость и нетерпимость в отношениях с близкими и слепая ярость по отношению к врагам. В то же время для таких людей должны быть характерны и великодушие, доверчивость, отходчивость, возможность простить и забыть «старое» – здесь также прочно фиксируется хорошее; дурное сильный второй уровень просто изгоняет из памяти.

Таким образом, мы видим, что сильный второй уровень тоже может сформировать особый, по-своему прекрасный во всех своих недостатках тип человеческого сознания. Это – одаренность любовью к земной жизни, к ее разнообразию, изобилию; укорененность в ней множеством разнообразных привычек, способов жить, привязанностями и страстями; надежность и великодушие в отношениях с людьми.

В идеале это рачительный и хлебосольный хозяин, живущий широко, тратящий себя щедро и с удовольствием. Этот человек – страстный, но великодушный; вспыльчивый, но отходчивый – прибежище и опора для своих близких. Тем не менее, увеличение выносливости и в данном случае рождает внутренние противоречия в развитии механизмов самого второго уровня, создает проблемы других уровней и всей системы организации поведения и сознания.

Гиперфункция второго уровня

*Акцентуация в развитии второго уровня и нарастание
общего дисбаланса системы смыслов*

Даже при сохранении общей иерархии системы дальнейшее увеличение силы второго уровня может обусловить нарастание проблем в разрешении его собственных адаптивных задач. Прежде всего, как мы видели и при гиперактивности первого уровня, это

приводит к возникновению проблем обеспечения безопасности субъекта.

Во-первых, сверхсосредоточение на приятной чувственной стороне жизни мешает выделению и фиксации признаков опасности, разработке аффективных стереотипов защиты от неподходящего качества среды. Таким образом, целая сторона жизни остается без достаточного внимания субъекта, и это в какой-то момент делает его по-детски беспомощным. Кроме того, нарастание напряженности положительных аффективных связей с миром увеличивает нетерпеливость субъекта, провоцирует дезадаптацию из-за разрядов отрицательного аффекта при нарушении ожидаемого результата.

Первый уровень при этом не только не может кардинально помочь в организации защиты, но и сам затрудняется в обеспечении безопасности субъекта. Мы уже обсуждали, что, если в области удовольствия действие механизма пресыщения значительно ограничивается, а в области дискомфорта, наоборот, резко стимулируется, то это серьезно нарушает пластичность субъекта в отношениях с миром. Вытеснение отрицательного жизненного опыта, потеря чувства меры в удовольствии в сочетании с невниманием к соматическим проблемам может реально поставить под угрозу жизнь человека.

Третий уровень тоже не может в этом случае исправить положение. Опасность подстерегает субъекта не только из-за его недостаточной пластичности в отношениях со средой, но и в связи с нарушением развития механизма экспансии – активной адаптации к неопределенности, гибкого диалога с препятствием. Отношения с барьером все чаще могут развиваться как короткое замыкание, импульсивное агрессивное действие: нарастающая нетерпеливость, нетерпимость к помехе заставляет субъекта, не соизмеряя силы,

бросаться на барьер в слепой ярости быка. Вероятность попасть в беду, разбиться о преграду нарастает.

Решение задач *четвертого уровня* характеризуется нарастанием сложностей в отношениях с людьми. С одной стороны, невнимание к отрицательному опыту проявляется здесь как наивность и бесхитростность, что тоже может быть расценено как проявление незрелости, инфантильности структуры сознания. О таком сильном, но простодушном человеке часто говорят: «большой ребенок».

С другой – напряженность аффективного стереотипа этого человека страстей приводит к усилению доминантности в отношениях, все выраженное проявляется импульсивность и гневливость. Именно в этом случае нарастает опасность развития ситуативного патологического аффекта – «короткого замыкания», неконтролируемого агрессивного действия. Впоследствии такой человек, как правило, потрясен случившимся, однако исправить катастрофические последствия часто уже не в его силах.

Представляется, что и здесь мы имеем право говорить об *особого рода инфантилизме*, незрелости личности этого жизнелюбивого, сильного, страстного, но в высшей степени бесхитростного и наивного человека, неспособного обучаться на собственном дурном опыте, опасного в своей импульсивной ярости для себя и для других. Вспомним, например, о знаменитом шекспировском мавре, и, может быть, больше проясним себе механизм столь органичной связи неистовой ревности Отелло и его детской доверчивости.

Понятно, что такое незрелое сознание тоже нуждается во внешней опоре, которую может дать другая, более уравновешенная система смыслов. В этом случае, наверное, наиболее адекватной будет опора на прочные эмоциональные привязанности, укорененные в

семейных, «кровных» связях и опредмеченные в общем укладе жизни, компенсирующем трудности адаптации субъекта.

Дальнейшее увеличение выносливости второго уровня, однако, ведет к уменьшению возможностей такой компенсации – усилинию трудностей эмоционального взаимодействия и появлению проблем в развитии самого механизма жертвы. Стремлению жертвовать начинает все сильнее противостоять напряжение собственной потребности, карамазовская страсть к жизни, к знаменитым «клейким листочкам». Возникают противоречивые переживания, сопровождающиеся осуждением справедливой опаски окружающих, доминантность в отношениях начинает оборачиваться самодурством.

Таким образом, мы снова видим, что при выходящем из общего ряда гиперактивном уровне (в данном случае втором), у субъекта могут возникать проблемы в обеспечении безопасности, которые другие уровни не могут адекватно компенсировать. Более того, страдает развитие их собственных механизмов – нарушается возможность субъекта быть пластичным, тормозится становление механизмов экспансии, возникают проблемы в отношениях с людьми и в формировании иерархически организованного переживания четвертого уровня.

Недоразвитие механизмов высших уровней и в данном случае создает угрозу сохранению нормальной иерархии сознания, следствием чего может стать деформация системы смыслов, и выдвижение на первый план второго уровня как основного смыслообразующего.

Деформация системы

Патологическое изменение смысловой иерархии адаптивных задач значительно упрощает систему организации поведения. Эмо-

циональный контроль перестает доминировать, и на первый план для субъекта выступают задачи удовлетворения собственных желаний. Внутренние запреты снимаются, и субъект начинает безлично использовать других людей, которые в этом случае имеют дело с потенциально опасным для них жестоким и изворотливым человеком.

Диапазон подходящего качества может расширяться до такой степени, что под угрозой окажется сама избирательность в определении конкретного объекта потребности и способа ее удовлетворения⁸³. Жадность в удовлетворении потребности может стать причиной потери чувства брезгливости. Привычные способы жизни перестают быть устойчивой опорой субъекта, уклад жизни не направляет и не поддерживает социальные установки.

При сохранении иерархической структуры сознания остается возможность целенаправленной организации действий, но эта целенаправленность связана теперь уже не столько с преследованием конкретной, жестко фиксированной цели, сколько просто с удовлетворением потребности, которое обслуживают теперь механизмы всех других уровней. Поведение при этом может становиться даже более пластичным и гибким, так как организация *первого уровня* уже в меньшей степени подавляется устойчивыми аффективными стереотипами. Резкое импульсивное отвержение неприятного смениется более естественным отстранением и «обтеканием».

Теперь субъект может проявить и большую хитрость, изворотливость в стремлении удовлетворить свои потребности. Его аффективные стереотипы уже не так определенно очерчены, не столь активно подавляют ориентировку *третьего уровня*, и это позволяет

---

⁸³ Вспомним здесь уже старшего в семье Карамазовых, не Митю, не Ивана, а их отца – Федора Павловича.

субъекту быть более хитроумным, лучше различать характер препятствий на пути к удовлетворению потребности. В то же время, потеряв свою прямолинейность и импульсивность в движении к аффективной цели (как и саму определенную аффективную цель), субъект не сосредоточен на преодолении препятствия. Поэтому его поведение в поле привлекательных возможностей и барьеров может в большей степени определяться пластичностью первого уровня – желанием выйти из неприятной или напряженной ситуации и удовлетворить желание доступными, подручными способами. Проще говоря, он может выглядеть алчным и неразборчивым, хитрым, изворотливым и трусоватым.

В отсутствие эмоционального контроля *четвертого уровня* другой человек предстает для него безлично – как аффективная цель, средство удовлетворения потребности или, наоборот, как препятствие на пути к цели. Понятно, что на этом фоне могут возникать тенденции к асоциальному поведению. Формируется в достаточной степени адаптированная (лучше, чем при акцентуации) психопатическая личность, живущая за счет других людей.

Как одного из наиболее обаятельных представителей этого типа можно было бы, как нам кажется, вспомнить сэра Джона Фальстафа, представленного в шекспировских «Виндзорских проказницах». Обжора и неженка, трусливый, ленивый, льстивый и хитрый, паразитирующий ради вкусного куска и сладкого глотка, он все же вызывает у нас некоторую симпатию в силу своей неудержимой жажды жизни и способности в полной мере оценить ее дары.

Понятно, что в условиях отсутствия эмоционального контроля и уменьшения упорядоченности в удовлетворении потребностей могут очерчиваться влечения к телесным удовольствиям – например,

сексуальным, к обжорству. Развитие влечений, как уже отмечалось, создает угрозу нарушения баланса адаптивной функции и аутостимуляции, что может привести к полной потере адаптивной направленности самого второго уровня и распаду системы сознания и поведения. Распад смысловой структуры означает для субъекта невозможность целенаправленной организации поведения и ставит под вопрос его самостоятельное физическое выживание.

Распад смысловой структуры

Эта угроза осуществляется, если удовольствие от удовлетворения потребности возрастет настолько, что диапазон приемлемого качества расширяется до потери адекватной избирательности. Это проявится во всеядности, патологической неряшливости, полном отсутствии брезгливости, но не из-за безразличия, как это было характерно для типажа сильного первого уровня, а, наоборот, из-за слишком выраженной чувственности в контактах со средой, слишком сильного напряжения потребности, которая требует немедленного удовлетворения, получения удовольствия любыми подручными средствами. Теперь уже не только потеря чувства меры, но и потеря чувства качества начинает представлять опасность для субъекта.

Грань между реальной адаптацией и аутостимуляцией стирается, и механизмы всех уровней тоже теряют свое приспособительное значение. Уходит хитрость, изворотливость, трусость, исчезает жизнелюбие Фальстафа, его способность к выживанию и приспособлению, использованию себе на пользу любых обстоятельств. Человек сам становится игрушкой поля, но не поля внешних воздействий, как это было при поломке системы сильным первым уровнем, когда субъект мог просто уйти, растворившись в потоке

внешних ощущений, а игрушкой своих собственных влечений, внутреннего напряжения потребностей. И это тоже создает ситуации экстремально опасные и для него самого, и для окружающих его людей.

Таким образом, с нарастанием выносливости второго уровня, мы отмечаем сначала опасность нарушения равновесия внутри самого второго уровня: больше внимания уделяется хорошему качеству среды и разработке положительного индивидуального опыта и меньше – созданию аффективных стереотипов защиты, предупреждения опасности. Это создает предпосылки для формирования определенного типа инфантильной личности, нуждающейся во внешней поддержке. Дальнейшее увеличение выносливости может стать причиной деформации системы смыслов.

Такая деформация, выводя на первый план разрешение задач дефектного уровня, упрощает организацию адаптации субъекта, но ставит под угрозу сохранение баланса функций адаптации и саморегуляции. В отсутствие противовеса в развитии механизмов других уровней, сильный второй формирует бесконтрольные влечения, уделяет все большее внимание непосредственной аутостимуляции впечатлениями удовольствия и теряет возможность адекватного учета реальных обстоятельств. Это означает потерю приспособительной направленности не только для второго уровня, но и для всей системы организации поведения.

2. Особенности развития системы сознания, связанные с увеличением чувствительности второго уровня

Рассмотрим, как проявляются эти особенности в развитии механизмов самого второго уровня организации сознания.

С одной стороны, это выражается в развитии тонкой положительной избирательности, особой индивидуальности, прихотливости

сти в опредмечивании потребности, а с другой – здесь точно определяется и фиксируется и то, что субъект не любит, разрабатываются способы защиты от плохого качества среды. Таким образом, с нарастанием чувствительности и разборчивости сужается область положительной и разрастается диапазон отрицательной избирательности, начинает в большей степени фиксироваться и разрабатываться отрицательный опыт.

Характерно, что очень точно определяется не только сама потребность, но и способы ее удовлетворения, аффективные стереотипы жизни также детально разрабатываются, как и признаки хорошего и плохого качества в предмете потребности. Они жестко фиксируются, и субъект может проявить педантизм и «принципальность» в представлении «как, когда, где это делается» и «как, когда и где этого не надо делать». Он может предстать утонченным, упорядоченным, подчеркнуто чистоплотным и даже брезгливым. Эта сосредоточенность на порядке тоже отражает направленность субъекта на защиту, на обеспечение гарантий удовлетворения потребности.

В регуляции соматических процессов чувствительность второго уровня проявляется и как очень точное определение удовольствия, и как особая чуткость к нарушению нормального течения физиологических процессов. В отличие от неопределенной чуткости первого уровня, второй фиксирует телесный дискомфорт в его конкретных сенсорных оттенках, и недомогание поэтому может четко выражаться субъектом словесно, с подробностью представляться в ярких сенсорных образах.

Чуткий второй уровень определяет и развитие особого качества аутостимуляции. Если его сила и выносливость позволяют нам получать радость от разнообразного сенсорного контакта со средой,

от ее изобилия, яркости, то чуткость дает возможность развить изысканный вкус дегустатора, привлекает внимание к приятным чувственным подробностям жизни. Глубокое удовлетворение приносит здесь и переживание разработанности ритмов жизни, системы их примет, детальной очерченности всего бытового уклада и, в особенности, его стороны, связанной с защитой от плохого качества. То есть в этом случае и тонизирование будет в большой мере связано с переживанием защищенности от дурного качества и от нарушения порядка.

Рассмотрим, как это своеобразие второго уровня отражается на развитии механизмов других уровней организации сознания.

На *первом уровне* наблюдается тенденция к уменьшению пластичности в отношениях с миром, снижение порога дискомфорта. Мы уже говорили о снижении порога дискомфорта в связи с увеличением чувствительности самого первого уровня, но в данном случае оно будет носить избирательный характер: затронет не все взаимодействие со средой, а лишь область ее субъективно плохого качества. Чуткое узнавание плохого качества, фиксация защитных реакций мешают легко вписаться в среду, бездумно уклониться от дискомфорта, получить удовольствие от свободного потока впечатлений, а, значит, уменьшается возможность тонизироваться впечатлениями первого уровня. С расширением зоны плохого качества сужается область пластичности субъекта.

На *третьем уровне* чувствительность к плохому качеству среды проявляется нелюбовью к неожиданностям, настороженностью по отношению к новому. Для человека, столь чуткого к качеству, существует мало шансов того, что со стороны неупорядоченного мира может прийти нечто хорошее. Особой заботой становится не экспансия, не развитие контактов с миром, а сохранение наработанного,

обеспеченного качеством уклада жизни. Преодоление препятствия также имеет для такого человека очень утилитарный смысл, но эта утилитарность принципиально отличается от направленности человека с выносливым вторым уровнем.

В обоих случаях при разрешении поставленной обстоятельствами задачи для субъекта значимо не определение границ своих возможностей, не расширение жизненного пространства. Отличие проявляется в том, что важным для человека с чутким вторым уровнем является даже не столько достижение аффективно значимой цели, сколько тщательное воспроизведение, несмотря на все возможные помехи, искомого стандарта качества. Поэтому в процессе преодоления трудностей новое решение рождается, как прием, изобретательность в способах достижения стандарта (его варианты не рассматриваются). При невозможности получения идеального качества субъект скорее откажется от достижения цели совсем, чем пойдет на компромисс.

На *четвертом уровне* стремление к общению формируется у субъекта тоже под знаком потребности в разработанном и проверенном ритуале жизни, в гарантиях защиты от ее плохого качества. Это создает предпосылки для развития особой зависимости от характера взаимодействия с окружающими. В личном общении такой человек может также проявлять особую чувственную избирательность, что, с одной стороны, проявляется в особой тонко разработанной аффективной фиксации, вплетенной в развитие эмоциональных привязанностей, а с другой – обусловливает развитие стойких эмоциональных антипатий, тоже вырастающих на чувственной основе и связанных, например, с особой брезгливостью субъекта.

Заботливость по отношению к близким здесь также связана с некоторой жесткостью и доминантностью. Однако в данном случае

она может проявляться как тревога за близких, стремление уберечь их, сохранить и отстоять их благополучие и здоровье. Такие люди чутко реагируют на недомогание других, и именно из-за настойчивого желания удержать близких в рамках разработанного хорошего (безопасного) стереотипа жизни здесь также может возникать некоторая авторитарность, нарушение способности к гибкому диалогу, пластиичности в отношениях.

Таким образом, мы выделяем конституциональные предпосылки формирования еще одного типа сознания, в котором своеобразные недостатки также уравновешиваются особой одаренностью в отношениях с миром и людьми. Это – тонкость в разработке стереотипа жизни, в разработке его не вширь, а вглубь, особый вкус к подробностям, деталям, тщательное освоение и сохранение традиций, накопленных поколениями. Это – прочная индивидуальная привязанность, стремление и реальное умение не только заметить и определить неблагополучие, но и подобрать средство предотвращения или избавления от него. Это дар осмотрительности и предусмотрительности, умения сохранять, выкармливать, выхаживать, вынищивать и, возможно, с ним связан исходно и талант хорошего врача – диагностика и лекаря.

Вместе с тем нарастание чувствительности и в данном случае создает особую угрозу как для развития механизмов самого второго уровня, так и всей системы организации поведения и сознания.

Гипофункция второго уровня

*Акцентуация в развитии второго уровня
и нарастание дисбаланса всей системы*

С увеличением чувствительности второго уровня его особенности все более начинают ощущаться как слабость, быстрое пресыщение жизненных потребностей, и на первый план выступают уже

не преимущества, а трудности адаптации. При сохранении целостности всей системы и нормальной иерархии ее уровней жизнедеятельность второго уровня приносит все меньше радостей и все больше болезненных забот.

Слишком точно дифференцируя качество впечатления, субъект перестает получать удовольствие даже в ситуации, объективно благоприятной для удовлетворения желания. Без достаточного положительного подкрепления возникает угроза дезавтоматизации процесса удовлетворения потребности и, соответственно, угроза сохранению жизненного стереотипа, сохранности индивидуального арсенала привычек, вообще привычных способов жить – того, что поддерживает ощущение реальности, надежности существования.

Эта драматическая ситуация ярко проявляется именно в обыденной жизни. При отсутствии удовольствия от легкости, ловкости, точности своего действия, субъект не получает выраженного подкрепления от реализации своего намерения. В этих условиях естественно возникает вопрос: «Сделал ли я это или нет?» Установка на защиту, сохранение сложившегося стереотипа завершает дезавтоматизацию привычных действий. В результате возникает постоянная тревога, фиксируются страхи: погасил ли я свет, выключил ли газ или утюг, взял ли ключ, закрыл ли дверь. В связи с этим разрабатываются защитные стереотипы перепроверки себя, и появляется субъективная зависимость от них, навязчивое стремление к их повторению, потому что они, как и в случае слабости первого уровня, начинают уже не столько реально контролировать совершающее действие, сколько снимать нарастающее напряжение неопределенности.

Сходную картину мы увидим, если обратимся и к аффективной регуляции соматических процессов. Слишком большая «привередливость» второго уровня к качеству ощущений лишает субъекта чувства телесного благополучия, непосредственной радости жизни, а это, в свою очередь, может привести к дезавтоматизации процессов удовлетворения органических потребностей.

Можно предположить, что в отличие от психосоматических нарушений, провоцируемых слабым первым уровнем, процесс удовлетворения не становится болезненным в связи с дискомфортом самого напряжения потребности. Он не прерывается внезапным спазмом из-за ощущения дискомфорта или испуга, а, скорее, недостаточно подкрепляется положительными впечатлениями, и значит, тоже подвергается опасности дезавтоматизации. В связи с этим снижается общая физиологическая активность субъекта, возрастает его брезгливость, разборчивость. Кроме того, сверхчувствительность субъекта к характеру своих телесных ощущений создает благоприятную почву для подробной фиксации и упорядочивания проявлений мнимой болезни. Здесь возникают не общие ипохондрические установки, а конкретные версии, охотное узнавание своих ощущений в симптомах известных заболеваний.

В целом можно сказать, что в данном случае происходит общее снижение чувственной памяти на приятные впечатления, при особой «заметливости» и памятливости на дурное. Картина чувственного мира прорисовывается в основном в темных тонах, в неприятных подробностях, а удовольствие становится все менее реальным. Для его достижения требуется все больше усилий – строгое педантичное следование тщательно разработанным стереотипам жизни, а они в данном случае имеют тенденцию дезавтоматизироваться. Теряется способность тонизирования в саморегуляции второго уровня.

Переживания внутреннего и внешнего неблагополучия заставляют механизмы других уровней подключаться к организации жизненных стереотипов. Их средства, однако, тоже оказываются неадекватными и чаще всего усугубляют дезадаптацию.

При нарушении пластиности в разрастающейся области плохого качества *первый уровень* может предложить только увеличение дистанции, то есть еще большее отстранение от жизни; *третий* усугубляет положение переживанием навязчивости, возвращения переживания тревоги, страха, зависимости от стереотипов контроля; а *четвертый* развивает приемы постоянной сознательной перепроверки себя – то есть фиксирует тревожные вопросы: «а взял ли я..., а выключил ли я..., сказал ли я..., посмотрел ли я...?», систематизирует ипохондрические опасения. Складываются целые системы самопроверки, формируется направленность на поиск надежных систем оздоровления: учений о правильном питании, комплексов особых физических упражнений или водных процедур. При этом у субъекта возникает особое чувство защищенности, если он входит в группу единомышленников, исповедующих, например, единые принципы здорового образа жизни.

Все это создает дополнительную нагрузку на высшие отделы, которые и сами испытывают трудности в развитии. Экспансия в этих условиях развивается с трудом, поскольку для субъекта важно, прежде всего, сохранение жизненного стереотипа, новое оценивается им положительно, только если оно связано с развитием защитных стереотипов, например различных методов лечения.

Трудности возникают и с развитием механизма эмоционального контроля. Во-первых, «брэзгливый» второй уровень создает выраженный отрицательный аффективный фон восприятия других людей, субъект с трудом отвлекается от малейших примет неопрятно-

сти и незддоровья. Нечистые ногти, сомнительный цвет лица – все это может формировать стойкие антипатии, аффективную пристрастность в отношениях с людьми.

Во-вторых, даже в случае эмоциональной привязки и прочной привязанности могут возникать постоянные трения в отношениях. Напряжение нарастает в самой иерархической структуре переживания четвертого уровня. Жертва становится все более трудной при жестокой необходимости отстаивания индивидуальной избирательности, защиты своих привычек. Люди часто наступают такому человеку на большую мозоль, и травмы, обиды прочно и в деталях фиксируются им. Именно для такого случая может быть характерно развитие мелочной обидчивости и злопамятности в отношениях.

Перегруженность верхних отделов заботами второго уровня при трудности их собственного развития создает особую жесткость и хрупкость всей системы, ее сверхзависимость от работы четвертого уровня. И если учесть, что иерархическая структура четвертого уровня сама находится в опасности в связи с дальнейшим повышением чувствительности второго уровня, понятна угроза деформации всей системы смысловой организации сознания.

Деформация системы смысловой организации сознания

Она происходит, если эмоциональный контроль теряет свое ведущее значение, и на первый план выступают задачи слабого второго уровня: защитить индивидуальное благополучие, обеспечить свое существование. Упрощение системы адаптационных задач и в этом случае сразу снимает ее внутреннюю напряженность. Если на предыдущей ступени субъекту, прежде всего, было трудно самому, то теперь, как и в других случаях деформации системы смыслов, адаптация происходит за счет других людей.

Упрощенная структура остается целенаправленной и даже, как и в других случаях, – более результативной, поскольку все остальные уровни мобилизуются на решение одной адаптационной задачи – защиты от плохого качества жизни и сохранения здоровья субъекта. Первый борется с плохим качеством среды увеличением дистанции в контактах, механизмы третьего обеспечивают преодоление помех в достижении этих целей. Человеческая среда в данном случае тоже воспринимается как гарантирования защиты, но другие люди легко становятся средством разрешения проблем субъекта, и в манипуляции ими может проявиться способность подладиться, изобретательность и хитрость. Кроме того, при отсутствии эмоционального контроля в отношениях с людьми обидчивость все больше становится злопамятностью, нарастают холодность и подозрительность, возможно возникновение идей отношения, «вредительства».

Особое значение приобретает развитие средств саморегуляции, в данном случае речь идет уже не о повышении тонуса, а о защите от отрицательных переживаний. Легко очерчиваются особые пристрастия субъекта, распространенным способом аутостимуляции становится «коллекционирование» как накопление средств защиты. Если для коллекционирования, характерного для слабого первого уровня, субъективно важно было переживание самого построения устойчивой упорядоченной системы, и в коллекции на первый план выступала ее структура, то здесь значима именно гипотетическая польза собираемых вещей или идей, рецептов безопасности, их ценность в свете возможного «черного дня». Сохранение и преумножение такой «коллекции» гораздо важнее, чем ее реальное использование, потому что оно становится для субъекта реальным мощным средством борьбы со страхом.

Это может быть « коллекция », вместившая в себя маленький листок чистой бумаги, кусок черствого кекса, почти совсем целую кофту, старое одеяло – все это может когда-нибудь пригодиться и спасти коллекционера, в котором мы, конечно же, узнаем гоголевского Плюшкина. Пронзительный образ скупца, который с непосредственным детским эгоизмом жертвует близкими ради страсти собирания « полезных вещей », характерен, наверное, для многих культур: для нас это прежде всего Плюшкин. Помня знаменитого Скупца Ж.Б. Мольера и нашего Скупого рыцаря, мы понимаем, что и деньги копятся ими с такой страстью тоже не для реальных нужд. Дешевное благополучие зависит от сохранения их сверхзапаса.

Возможен также вариант, когда слабый второй уровень в качестве сверхзадачи выдвигает предотвращение болезни – знаменитый Мнимый больной Мольера, чтобы получить в свое пользование домашнего доктора, пытается против воли выдать свою dochь замуж. Его способы аутостимуляции напоминают нам многих «мнимых больных» с их постоянной заботой связывания страха болезни. Они тщательно фиксируют, подробно определяют и упорядочивают многочисленные признаки своего телесного неблагополучия и систематизируют их соотнесением с симптомами известных болезней. Эти « коллекции » умеряют страх перед реальным страданием, так же как « коллекции » лекарств, целителей, способов излечения вызывают чувство защищенности, а многочисленные лечебные процедуры служат средством редукции нарастающего напряжения. То есть формируется зависимость от процесса лечения.

При деформации смысловой системы у субъекта, как уже отмечалось, сохраняется возможность целенаправленной адаптации к окружающему. Отказавшись от эмоционального контроля над своими действиями, такие люди, используя других, могут прояв-

лять достаточную активность, изворотливость, маниакальную предприимчивость в решении своих задач. Однако в данном случае возникает другая опасность – очерчивание компенсаторных влечений и нарастание субъективной зависимости от них. Дальнейшее увеличение чувствительности второго уровня приводит уже к нарушению баланса между функциями адаптации и саморегуляции – к поломке системы смысловой организации сознания и полной дезадаптации субъекта.

Поломка системы смысловой организации сознания

В этом случае диапазон приемлемого качества становится столь экстремально узок, что уровню приходится решать свою задачу защиты радикальнейшим способом: ограничить субъекта одним единственным и неизменяемым жизненным стереотипом и наложить запрет на все другие формы контакта с миром. Таким образом, уровень полностью теряет свои приспособительные функции установления индивидуальных связей с миром, накопления навыков контакта с ним.

При этом работа *первого уровня* характеризуется грубым нарушением пластичности в контактах со средой, поскольку и дистанция, и форма отношений с миром жестко заданы патологическим аффективным стереотипом второго уровня. При возможной ловкости в отдельных стереотипных навыках характерны общая скованность, нарушения пространственной интуиции; применение речевых штампов, жестко привязанных к конкретной ситуации, сочетается с отсутствием спонтанных высказываний.

Третий уровень в этих условиях не может развивать свои механизмы. При господствующем стремлении сохранять постоянство в окружающем новизна вызывает панический страх, препятствие не

сосредотачивает, а провоцирует генерализованную агрессию. Понятно, что в этих условиях невозможно развитие диалогических отношений ни с другим человеком, ни с обстоятельствами в целом.

Иерархическая структура переживания *четвертого уровня* в этих условиях также не может быть сформирована. Отношения с людьми могут развиваться лишь в рамках жесткого аффективного стереотипа, в частности как особая симбиотическая связь. Близкий воспринимается как основное условие существования, которое необходимо жестко контролировать, взаимодействие с ним должно быть полностью предсказуемым. Сохранение стереотипа настолько важно, что при его нарушении субъект не в состоянии подождать, уступить, войти в положение и пожалеть даже самого близкого человека. Вместе с тем, это не значит, что он в принципе не способен к сопереживанию. Выраженные проявления горя близких, например их слезы, вызывают и у него тяжелый дискомфорт, но именно это может спровоцировать не только его самоагgression, но и импульсивное агрессивное действие.

Крайне затруднена произвольная организация, которая в отсутствие механизма жертвы происходит только с помощью конкретных наград и наказаний или посредством прямого насилия, что часто заканчивается взрывом негативизма. Характерно активное сопротивление, отвержение любых попыток установления контакта вне устойчивого аффективного стереотипа.

Активные отношения с миром и другим человеком заменяет аутостимуляция. Она принимает черты, характерные именно для второго уровня – активного самораздражения с помощью стереотипных действий. Наиболее грубые из них связаны с самораздражением тела, возможны воспроизведение одного и того же сенсорного ощущения с помощью стереотипной манипуляции с объектами

(часто очень изощренной), такая же игра со звуками и речевыми формами, вовлечение близких в одни и те же моменты эмоционального контакта. Особенно напряженно эти приемы используются для заглушения неприятных впечатлений.

Распад смысловой структуры предстает здесь как слом аффективного развития на втором уровне системы организации поведения. Мы видим, что невозможность разрешения адаптивной задачи второго блокирует формирование механизмов других уровней. В результате стресса дезадаптации их задачи становятся неактуальными для субъекта, и возникает поломка на втором уровне организации сознания. Клинически в данном случае мы имеем здесь дело со второй группой синдрома раннего детского аутизма.

Таким образом, отслеживая последовательность изменений, происходящих с системой сознания по мере увеличения чувствительности ее второго уровня, мы видим и здесь переход от особой индивидуальности, одаренности – к патологическим изменениям: акцентуации, деформации системы смыслов и ее поломке – полной потере адаптивного смысла. Патологические изменения возникают в тот момент, когда механизмы всех уровней начинают вынужденно использоваться для разрешения адаптивных задач слишком чувствительного уровня. В этом случае, сосредоточение всех уровней на решении одного типа задач не только создает общую перегрузку высших уровней организации сознания, но и затрудняет развитие их собственных механизмов, что определяет хрупкость смысловых иерархических связей системы, создает опасность ее деформации.

Деформация, упрощая систему и организуя ее на решение одной задачи, снимает внутренние противоречия и делает субъекта более приспособленным, конечно, за счет окружающих. Однако в системе с деформированной иерархией, с нарушением смыслового кон-

троля высших уровней и смысловых ограничений уровней-антагонистов повышается опасность возникновения дисбаланса между развитием механизмов реальной адаптации и саморегуляции – способов защиты сознания от отрицательных переживаний. Мы проследили этот процесс от появления зависимости от определенных способов защиты к их доминированию и распаду системы адаптивных смыслов, ее поломке на втором уровне.

* * *

Таким образом, рассмотрев возможные изменения конфигурации системы сознания в связи с особенностями формирования механизмов второго уровня, мы можем выделить еще два типа индивидуальной одаренности, без которых трудно представить развитие человеческого сообщества. Акцентуация же в развитии второго уровня проявляется в том, что при излишней выносливости он организует жизненное пространство исключительно с помощью аффективного стереотипа удовлетворения потребности, а при сверхточности в определении дурного качества, наоборот, пытается связать и обезвредить его с помощью защитного стереотипа⁸⁴. И в том, и в другом случае в своем крайнем выражении это может привести к парадокльному результату. Уровень, отвечающий за развитие индивидуального стиля жизни, может потерять избирательность в

---

⁸⁴ Представляется, что подобные варианты акцентуации можно рассматривать как конституциональные предпосылки к развитию характерологических особенностей эпилептоидной личности. Известно, что в клинике такие особенности описывают неоднозначно: с одной стороны, как брутальность, склонность к аффективным взрывам, даже патологическому аффекту, и эти черты традиционно связываются с атлетической конституцией. С другой, наоборот, как педантичность, угодливость и одновременно злопамятность в отношениях с людьми. Возможно, эти две тенденции в развитии эпилептоидной личности можно связать с разными полюсами в формировании акцентуации второго уровня.

контактах с миром: в одном случае из-за ее сверхрасширения и развития всеядности, а в другом – из-за экстремального сужения.

Формы саморегуляции тоже развиваются однобоко: в первом случае – преимущественно как средства тонизирования, во втором – в качестве защиты от отрицательных переживаний. Однако в обоих случаях нарастание акцентуации уровня может привести к формированию на их основе патологических установок, ставящих под угрозу сохранение адаптационной направленности поведения субъекта.

Излишняя выносливость и ранимость второго уровня создают проблемы для развития других уровней организации поведения и целостности всей системы. Если первая, расшатывая межуровневые отношения и делая их все менее определенными, провоцирует деформацию и распад системы смыслов, то во втором случае опасность представляет хрупкость структуры, обусловленная особой жесткостью межуровневых связей и перегруженностью контролем ее высших отделов.

Изменения системы сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня экспансии

1. Особенности развития системы сознания, обусловленные увеличением выносливости третьего уровня

Если, обсуждая выносливость первого уровня, мы имели в виду устойчивость субъекта к интенсивности влияния среды, то, рассматривая особенности в развитии третьего уровня, мы будем говорить о выносливости субъекта в напряженной ситуации – его способности чувствовать себя уверенно в неопределенной, нестабильной, агрессивной среде. Опасность в данном случае не просто не ощущается таким человеком (как это было в случае слишком

выносливого первого уровня), она осознается, но не угнетает, а бодрит, мобилизует, обостряет все его способности.

Рассмотрим, как развиваются в этом случае механизмы самого третьего уровня.

Высокий потенциал уверенности в себе, в своей способности справиться с обстоятельствами позволяет субъекту с удовольствием обследовать среду, легко выходя при этом за границы известной и освоенной области; без колебаний и рефлексий делать выбор, принимать решения, идти на преодоление препятствий, в общем, чувствовать себя хозяином положения и «не терять голову» даже в самой рискованной ситуации.

Это происходит потому, что выносливый к переживанию напряженности третий уровень разрешает субъекту свободно приближаться к пределу своих возможностей. Отдельные неудачи здесь не имеют фатального значения для сохранения уровня притязаний и не приводят к прекращению самоиспытаний; пословица «попытка не пытка» удачно отражает такую установку. Важнее, чем разрешение отдельной конкретной задачи, для субъекта становится само движение к расширению границ своих возможностей. Проигрыш рассматривается в данном случае всего лишь как частный эпизод в серии таких попыток и переживается совсем не так остро, как отвоеванный у судьбы выигрыш (подробнее это различие в «цене» проигрыша и выигрыша в игре, идущей у предела возможностей, мы обсуждали выше, в главе, посвященной уровню экспансии). Таким образом, и здесь отрицательный опыт проигрыша, поражения не будет иметь большого значения в организации поведения субъекта.

Огромное удовольствие субъект испытывает не столько от конкретного выигрыша, сколько от самой игры, ее риска, азарта. На-

градой в данном случае является сам процесс борьбы, нарастание напряжения, а не его редукция. Поэтому основным способом ауто-стимуляции становится риск, опасность – игра на пределе возможного.

Соответственно развитие механизмов других уровней тоже приобретает особые черты.

Первому уровню предоставляются дополнительные возможности применить свою пластичность – максимально полно воспринимать поток информации и вписываться в обстоятельства, динамично используя вновь открывающиеся возможности. Благодаря тому, что испуг не возникает и ограничения не фиксируются, пластичность субъекта сохраняется даже в ситуации выраженного дискомфорта. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело не с пластичным интуитивным уходом от опасности. Опасность сознается, но не пугает, не угнетает, а наоборот бодрит, обостряет способности, и именно благодаря этому субъект может внезапно найти выход из опасного положения, увидеть решение сложной задачи.

В то же время выносливость в экспансии не создает благоприятных условий для формирования механизмов *второго уровня*. Расширение адаптивного пространства пластичности и экспансии снижает субъективную ценность устойчивого жизненного стереотипа, нарушения которого не рассматриваются как большая неприятность. Разработка индивидуальной избирательности в контактах со средой может характеризоваться не столько опредмечиванием потребности, сколько стремлением к экспериментам в области качества. Накопление арсенала навыков тоже не имеет слишком большого значения для субъекта, он легко отбрасывает привычные способы и заново находит варианты решения жизненной задачи, ведя диалог с конкретными обстоятельствами.

Особенности могут проявиться и в психосоматической регуляции как большая, чем обычно, вариативность в организации процесса удовлетворения потребности, ее стимуляции новизной, необычными и рискованным условиями. Кроме того, повышение выносливости третьего уровня оборачивается здесь (как и в случаях особой выносливости других уровней) некоторым субъективным пренебрежением к неприятным телесным ощущениям. Однако в данном случае это пренебрежение может становиться осознанным, возможно формирование особой требовательности к выносливости тела, к развитию способности владеть им. Субъект и здесь стремится встать над обстоятельствами.

Четвертый уровень в этих условиях тоже развивается особым образом. Уверенность в себе и меньшая связанность стереотипным укладом жизни проявляются в малой потребности в определении стабильного места в укладе и иерархии, и соответственно в большей свободе выбора форм взаимодействия с людьми. Она подталкивает субъекта к экспериментам в человеческих отношениях, позволяет ценить в них динамизм и напряженность, борьбу, соревнование.

Уверенность в себе позволяет субъекту меньше нуждаться в других людях и потому не столь стремиться к их одобрению. Устойчивость в напряженной ситуации помогает не переживать остро непосредственную отрицательную оценку окружающих и в меньшей степени ощущать давление общепринятых норм. Это дает толчок к развитию большей независимости индивидуальной эмоциональной оценки, то есть выраженной расположности к самостоятельному присвоению общечеловеческих ценностей, что, в сущности, является предпосылкой личностного развития.

В то же время, пренебрежение своими телесными нуждами, недостаточная разработка привычных форм жизни создают трудности в понимании состояния других людей. Точно так же незаинтересованность в стабильности эмоциональных связей влияет на прочность собственных эмоциональных привязанностей. Поэтому другой человек скорее будет восприниматься как обстоятельство, средство или даже препятствие, может проявиться стремление легко решать за других, использовать их в своих целях, манипулировать людьми.

Таким образом, мы снова видим тенденцию формирования яркого, одаренного особыми возможностями типа сознания. При некоторой трудности вхождения в контекст обыденного стереотипа социальной жизни такой человек получает огромные преимущества в нестандартной ситуации, может взять на себя решение проблем других людей. В идеале это романтический герой, деятель, которого призывает к жизни опасность – блестящий полководец, политик эпохи потрясений, искатель приключений, путешественник и т.п.

Вместе с тем, мы видим и уязвимость этой фигуры и понимаем, что дальнейшее усиление способности хорошо чувствовать себя в напряженной ситуации тоже может вызывать трудности адаптации и серьезные проблемы развития всей системы сознания.

Гиперфункция третьего уровня

Акцентуация в развитии системы сознания

При дальнейшем нарастании выносливости третьего уровня возможность выдерживать все большее напряжение, чувствовать себя комфортно во все более неопределенной и агрессивной среде ставит под угрозу безопасность субъекта (мы отмечали это и в слу-

чае увеличения выносливости других уровней). В данном случае это происходит по многим причинам: и из-за пренебрежения интенсивностью воздействия среды, и из-за активного экспериментирования с ее качеством, и из-за недостаточной ориентации на опыт других людей. Однако главная угроза – это неспособность учитывать собственный опыт поражений, неудержанное стремление постоянно испытывать себя и браться за все более сложные и опасные задачи, легко ставя на карту свое благополучие и саму жизнь.

Как и в случае других гиперактивных уровней, такая установка снижает значимость всех других жизненных задач, тормозит развитие механизмов других уровней, как и межуровневого взаимодействия. Даже при сохранении общей иерархии системы отношения между уровнями становятся все менее обязательными. Это расшатывает систему, делает ее неустойчивой.

Первый уровень, стимулируемый стремлением к экспансии, сокращает дистанцию в контактах со средой. Вместе с тем сосредоточенность на эксперименте, вовлечение в череду предприятий затрудняет способность к объективной оценке ситуации в целом. Другими словами, способность заигрываться в какой-то момент начинает мешать «везению» субъекта. Обстоятельства могут складываться не в его пользу, но азарт будет удерживать его от ухода, и он может попасть под неожиданный удар, что, как мы помним, было гораздо менее вероятно в случае сверхвыносливого первого уровня.

Общая слабая разработка аффективных стереотипов *второго уровня* (и в ширину, и в глубину) может дополниться особым отношением к плохому качеству среды. Характерны не просто неприхотливость и отсутствие брезгливости (как мы это видели в случаях увеличения выносливости первого уровня), а особый инте-

рес к «острому», «сомнительному» и рискованные эксперименты с качеством, которые могут заходить все дальше. Опасность связана здесь и с переоценкой своих телесных возможностей.

Механизмы *четвертого уровня*, развивающиеся в условиях недостаточной ориентировки на стабильность в жизни, на опыт других людей могут проявить свою недостаточность, ослабление эмоционального контроля. Человеческая среда начинает все больше рассматриваться как область экспансии, все чаще другой человек становится безличным объектом манипуляции, препятствием. Все это увеличивает вероятность совершения жестокого поступка. Под угрозу, таким образом, ставится устойчивость иерархической структуры переживания четвертого уровня, как и иерархия смыслов всей системы организации сознания.

И снова мы видим *особую инфантильность в развитии*, имеем дело с вечным подростком с азартной устремленностью в неизвестность, на самоиспытание и расширение границ своих возможностей, постоянно ввязывающимся в трудные и рисковые предприятия и даже с очерчивающимися влечениями к рискованным впечатлениям. Понятно, что подобный типаж тоже нуждается во внешней поддержке, страховке, которую ему может дать тесная связь с другим человеком, опора на более уравновешенную систему сознания.

Понятно также, что формы такой компенсирующей внешней организации различны при незрелости, обусловленной разными типами излишней выносливости. Специфика в том, что они должны выстраиваться с опорой на обращение к соответствующему гиперактивному уровню. В случае первого уровня это, прежде всего, вовлечение в непосредственное эмоциональное сопреживание и

создание на его основе общей формы организации поведения, в случае второго – это формирование привязанности при опоре на общий уклад жизни, а в случае третьего, вероятно, более эффективным будет строить компенсирующие взаимоотношения с опорой на общие «интересы» в общей целенаправленной деятельности.

Деформация системы смыслов

Рассмотрим, однако, что может произойти, если эмоциональный контроль потеряет свою ведущую роль и на первый план выступят интересы слишком выносливого третьего уровня. Основной адаптационной задачей при этом становится организация экспансии – выхода в неизведанное и установление господства во все новых и новых областях жизни, и все другие уровни начинают обслуживать выполнение этой задачи.

Для *первого уровня* это означает не просто потерю «чувствия края», а активное стремление выйти «за край», для *второго* – не только невнимание к качеству и независимость от привычных форм жизни, но и активное стремление разрушать стандарты и стереотипы, а для *четвертого* – желание нарушать правила, ограничения, нормы общей жизни, жить как «беззаконная комета в кругу рассчитанных светил». Самооценка здесь опирается не на эмоциональное качество, а на силу – важно быть самым сильным, а не хорошим, доминировать, а не жертвовать.

Деформированная смысловая иерархия, тем не менее, остается управляемой системой. Возможно, субъект в этом случае даже становится более удачлив, предпримчив, он не стеснен в выборе средств в преследовании целей экспансии, в сравнении с человеком с акцентуированным третьим уровнем, которого отчасти сдерживают механизмы низших уровней сознания и которому продолжает

мешать, «толкать под локоть» уровень эмоционального контроля. Однако этот выигрыш возможен лишь потому, что другие люди продолжают «играть по правилам», то есть и здесь успех психопатически деформированной личности связан с использованием социума. Кроме того, как мы уже отмечали, упрощение системы, лишение ее внутренних противовесов создает другую опасность.

Огромное удовольствие от игры с обстоятельствами стимулирует появление бесконтрольного влечения к риску, которое конкретизируется в формах, задаваемых разными уровнями. Это может быть стремление к впечатлениям, рискованным с точки зрения первого уровня – тяга к переживанию опасности высоты, глубины или второго – могут очертиться устойчивые влечения к необычным, «острым» (опасным) способам удовлетворения телесных потребностей. Влечения к переживаниям «выхода за пределы возможного» начинают реализовываться на четвертом уровне как антисоциальные тенденции, как намеренное обострение отношений⁸⁵, опасная игра с людьми, походя разрушающая их судьбы. Социальная среда используется для ее эпатажа, подтверждающего собственную исключительность, выделение из «пошлой толпы». Но при этом возникает и очерчивается и зависимость от ее восторгов, жажда стимуляции ее потрясениями, ужасом и осуждением – стремление быть всегда в центре внимания.

Этот человеческий типаж вызывает в памяти толстовского Долохова, одну из притягательных фигур «Войны и мира», с его тягой к риску, возможностью все потерять, проиграть и азартно начать сначала, с неизменной удачливостью игрока и бретера. Где-то там, в московских переулках, существуют мать и горбатая сестра, для

---

⁸⁵ Часто говорят, что он просто «нарывается на скандал».

которых он остается единственной надеждой, но это уже не имеет никакого реального значения. Этот образ уже не связывается для нас с незрелостью, скорее это сложившийся психопатический тип, «демонический» идеал, ужасающий и притягивающий «подростков», к сожалению, часто не обладающих его удачливостью.

Вместе с тем, развитие очерченных влечений к опасности и к нарушению социальных норм рождает зависимость от них и у этого человека, а это уже ставит под угрозу сохранение адекватных отношений между адаптацией и аутостимуляцией. Переживание экспансии в этом случае становится более важным, чем сама экспансия, поэтому особенно значимым для субъекта становится именно эпатаж обывателя и пошлой толпы вообще. И снова мы видим, как при нарушении этого баланса происходит распад всей смысловой системы сознания.

Распад смысловой структуры

Признаком распада становится потеря приспособительного смысла самим сверхвыносливым третьим уровнем. Удовольствие от переживания риска может стать настолько сильным, что субъект начинает все больше заигрываться, но эта игра с опасностью, как обсуждалось выше, уже не является экспансией. Важен уже не выход в «новые пределы», а непосредственное ситуативное удовольствие, получаемое в основном подручными средствами, которые поставляют механизмы всех других уровней.

Не только эмоциональное сопереживание, но и чувство самосохранения, насущные потребности организма теряют реальный смысл в этой игре. Плюс и минус всех уровней извращаются, меняются местами. Удовольствие доставляет не только непереносимая для других интенсивность ощущений, влечет кровь, грязь, при-

тягивают все впечатления, определяемые другими как зло, в том числе и страдания других людей.

Можно сказать, что и в этом случае с распадом системы смыслов субъект теряет возможность целенаправленной организации поведения. При этом его действия перестают быть приспособительными, и он становится игрушкой тенденций поля. Особенность распада системы смыслов на третьем уровне – появление особого типа этого поля – поля напряжений: ограничений, запретов, опасностей.

Таким образом, с нарастанием выносливости третьего уровня мы отмечаем сначала нарушение равновесия внутри самого уровня экспансии: уменьшение способности фиксировать опыт неудач и адекватно определять границы своих сил, усиление стремления испытать себя. Этот дисбаланс фиксирует незрелость в развитии системы, требующей для сохранения устойчивости и целенаправленности поддержки другого человека. С дальнейшим увеличением выносливости в напряженной ситуации связано нарушение межуровневого взаимодействия и недоразвитие механизмов других уровней, уравновешивающих стремление к экспансии, что и приводит к деформации системы смыслов и затем к ее распаду.

2. Особенности развития системы сознания, связанные с увеличением чувствительности уровня экспансии

Увеличение чувствительности третьего уровня выражается в особой чуткости к изменению в соотношении сил субъекта и среды и уменьшении выносливости в ситуации напряжения риска, возрастания неопределенности. Это сужает диапазон конструктивной экспансии, зону, в которой субъект «не теряет головы», заставляет его лишний раз не искушать судьбу и не приближаться в выборе

задачи к границам своих возможностей. В то же время увеличение чувствительности обуславливает и сосредоточенность на преследовании поставленной цели, особое упорство в разрешении принятых задач, самолюбие, которое проявляется в нежелании сдавать позиции, мириться с поражением.

Как и в случаях других чутких уровней, мы видим здесь выраженную направленность на развитие механизмов защиты – поведение формируется в большей степени отрицательным опытом. Сама экспансия проявляется более не как постоянная борьба за расширение зоны влияния, которая требует активности на пределе возможностей, а как упорство в отстаивании уже сложившегося уровня притязаний, стремление завершить начатое, успешно разрешить поставленную задачу. И если для человека с выносливым третьим уровнем, хорошо переносящим напряженность неопределенной ситуации, важен сам процесс активного взаимодействия с меняющимися обстоятельствами, то для более чуткого субъекта характерно будет упорное сосредоточение на отдельных препятствиях, диалог с условиями, очерченными поставленной и принятой задачей.

Также и для саморегуляции более важным здесь является не сам процесс игры, как мы это видели в предыдущем случае, а переживание успеха, победы. К новизне же, риску отношения, наоборот, должно быть достаточно осторожным. Новое впечатление – это всегда в некотором роде испытание себя, и здесь оно может быть даже неприятно, поскольку субъекту для аутостимуляции в данном случае требуются впечатления не самоиспытания, а самоутверждения.

Рассмотрим теперь влияние этих особенностей экспансии на развитие механизмов других уровней.

Первый уровень. Сам порог дискомфорта в этих условиях может быть и не снижен, поскольку зависит от параметров чувствительности-выносливости первого уровня. Особенностью же является то, что механизм экспансии бурно и резко включается в действие непосредственно у самых границ порога дискомфорта. И это, конечно, уменьшает пластичность первого уровня, субъект может зарекомендовать себя человеком излишне суевяющимся, «делающим из всего проблему». Он может специально сосредоточиваться как на задаче на том, что все другие люди решают «походя», проявлять крайнюю щепетильность в вопросах чести и чувствовать себя задетым в обстоятельствах, которые не столь чувствительный человек не сочтет оскорбительными. Субъект, таким образом, теряет в способности мудро следовать естественному ходу событий, уменьшается его интуитивная уверенность в том, что все «образуется» и можно позволить узлам обстоятельств развazyваться самим.

На втором уровне сужение пространства экспансии проявится в усилении стремления к сохранению стабильности. Однако если для чуткого первого уровня стабильность – это защита от интенсивности влияний среды вообще, для чувствительного второго – это гарантия ее качества, то здесь она ценится, прежде всего, за то, что снижает напряженность отношений со средой: предсказуемость хода событий уменьшает неопределенность происходящего, поддерживает уверенность в себе. В то же время, эта установка не может не повлиять и на развитие самой избирательности субъекта, на характер опредмечивания потребностей. Осторожное отношение к новизне сдерживает здесь развитие разнообразных чувственных связей с миром.

Способность видеть противодействие даже там, где его нет, снижение пластичности во взаимодействии не может не влиять на

развитие механизмов *четвертого уровня*. Человеческие отношения оцениваются не только по их качеству, но и, в большой мере, с точки зрения успеха и неуспеха, признания и непризнания, удовлетворения или уязвления честолюбия. В связи с этим в восприятии человеческой среды должна четче обозначаться ее иерархическая организация и оценка собственного положения в ней. Во-первых, место в иерархии становится значимым фактором, определяющим и фиксирующим и уровень притязаний, и самооценку. Во-вторых, самоопределение в иерархии важно как возможность уменьшить неопределенность в отношениях с людьми, обрести их предсказуемость. В связи с этим для такого человека должны быть жизненно важны разработка и соблюдение формы социальных отношений, их регламентация и ритуализация.

Мы видим, что и здесь складывается особый и узнаваемый тип человеческой индивидуальности, дополняющий все те, о которых мы говорили до сих пор. И здесь мы можем говорить еще об одном роде одаренности, органически связанной с заострением своих трудностей.

Если в случае выносливого третьего уровня мы говорили о способности быть свободным, то здесь, при его чуткости, мы имеем дело с человеком, одаренным чувством ответственности, упорством в достижении цели. Недаром, видимо, мы так часто связываем эти качества: «не может быть свободы без ответственности» – они действительно определяются одним уровнем организации сознания, сокрушаемся о недостижимости такой гармонии – они представляют две стороны его развития⁸⁶.

---

⁸⁶ Характерно, что волю с ответственностью мы впрямую не связываем, интуитивно сознавая, что она соотносится совсем с другой стороной нашей жизни – с отзывчивостью и пластичностью первого уровня.

Это тип человека чести (может быть, даже «невольника чести»), человека слова, на него можно положиться, он отвечает за свои обещания, упорно преследует поставленную цель и доводит до конца начатое дело. При некотором снижении этого образа, его можно представить, например, идеальным исполнителем – чиновником эпохи стабильности, в это время он чрезвычайно ценен для других и ощущает себя на своем месте, до тех пор, однако, пока не достигает высших степеней иерархии. Постоянное напряжение неопределенности, риск, необходимость непрерывного выбора – это не для него. Таланты такого человека в здравомыслии, расчетливости, в «умеренности и аккуратности» не слишком ценимы в нашей культуре, и все же вместе с Чацким мы в какой-то момент сознаем, что они могут «...стоить наших всех», и ирония тут не спасает.

Особое значение для такого человека могут иметь соображения карьеры, внешние знаки успешности, свидетельства подъема по лестнице социальной иерархии. При потребности сохранить свою позицию возможны особая щепетильность, даже счеты в отношениях, стремление «поставить на место». При необходимости насторожить на своем, утвердить свою линию поведения, возможны и трудности организации взаимодействия, возникновение желания «дожать» другого человека, «поставить на своем» – втиснуть его в свою программу действий.

Таким образом, эта конструкция одаренности, как и все до сих пор рассмотренные нами, имеет свои слабости в индивидуальной адаптации и свои сложности в отношениях с людьми. Фигура самолюбца и честолюбца в нашей культуре традиционно не вызывает симпатии. Постараемся, однако, отдать ей должное, поскольку именно таким людям мы обязаны оформлением структур социальной жизни. Понятно также, что и в этой конструкции заложена

возможность развития дисбаланса системы. Эта угроза актуализируется, когда чувствительность третьего уровня возрастает настолько, что он перестает сам справляться со своими обязанностями.

Гипофункция третьего уровня

Акцентуация и нарастание дисбаланса системы

Мы можем сказать, что третий уровень слаб и не выполняет своих обязанностей, если человек испытывает хроническую неуверенность в своих силах в диапазоне трудностей, в котором реально может контролировать ситуацию и браться за встающие перед ним жизненные задачи. При этом объективно такой человек решает эти задачи не хуже других людей, но сам больше отмечает свои неудачи.

Разрешение проблемы не подкрепляется в этом случае ярким переживанием успеха, и субъект продолжает чувствовать себя неуверенно, не может определиться в своем уровне притязаний: возникают сомнения в выборе следующей задачи, вообще трудности принятия решения в ситуации неопределенности. И даже когда решение принято, остаются постоянные сомнения в его правильности. Процесс экспансии, таким образом, дезавтоматизируется, и его функции вынужденно берут на себя механизмы других уровней.

Отсутствие подкрепления не позволяет человеку пережить завершение выполнения задачи и субъективно выйти из напряженной ситуации. В реальности или в воображении он, как бы перепроверяя себя, постоянно возвращается к ней, снова стремится к успеху и снова не получает «разрядки». Подобные воспроизведения субъективно незавершенной ситуации, как уже обсуждалось, переживаются как навязчивые.

При сохранении иерархической организации системы нарастает ее напряжение, жесткость внутренних связей, поскольку основная

тяжесть и в данном случае ложится на уровни адаптации к стабильным условиям жизни. *Первый уровень* в этих условиях не обеспечивает пластичности в отношениях со средой. Неуверенность и суета блокируют интуитивное вписывание такого человека в целостную ситуацию и могут сделать его «неудачником» (напомним, что и в случае слабого первого уровня мы говорили о том, что человеку может объективно «не везти»). Но здесь дело даже не в том, что обстоятельства складываются не в его пользу, скорее, он сам из-за своей нерешительности не сможет их использовать, уверенно взять то, что «само идет в руки». Осознание себя «неудачником» усугубит у такого человека тревогу и чувство бессилия перед обстоятельствами, ощущение несправедливости судьбы.

Второй уровень способен предложить здесь лишь свои приемы защиты от дезорганизующей неопределенности. Главное его средство – жесткое, педантичное следование жизненному стереотипу, обеспечивающее предсказуемость. Стереотип позволяет избежать выбора, принятия собственного решения, он сам определяет, за какие задачи должен браться субъект. В данном случае (как мы видели на примере других слабых уровней) тоже возможно специальное развитие особых ритуальных действий аффективной защиты, которые, однако, не служат средством борьбы с общей тревогой или определенным страхом, а совершаются направленно «на удачу», и субъективно способствуют принятию решения, помогают сделать правильный выбор.

Ритуал аффективно связан с прошлой удачей, особыми приметами благоприятных обстоятельств, собственными успешными действиями. Его основой могут быть действительно полезные мероприятия, к которым, как и в случае ритуала слабого первого уровня, присоединяются ухищрения бытовой «прикладной магии»,

действия, стимулирующие уверенность в успехе. С помощью таких ритуалов укрепляется уверенность в том, что день будет удачен, нужно только, например, выходя из подъезда, наступить на определенную шашечку тротуара. Эти ритуалы, обеспечивая саморегуляцию, могут становиться для субъекта все более значимыми, потому что тоже осуществляют реальную редукцию напряжения. Человек может испытывать зависимость от них, тяготиться переживанием их навязанности.

В этой ситуации нарушается развитие и самих механизмов второго уровня: жизненные стереотипы здесь начинают в меньшей мере строиться на основе переживания удовольствия или отвращения, вызываемого качеством сенсорной среды. Они формируются костяной рукой страха перед нарушением порядка, без радости, но «чтобы было как всегда». Соответственно страдает индивидуальная избирательность субъекта, возможность узнавания им предмета собственных потребностей, теряется чувственное удовольствие от контакта с миром.

Понятно, что в этих условиях возможны и особые нарушения психосоматики. В данном случае протекание физиологических процессов чрезвычайно зависит от формального сохранения стереотипа удовлетворения потребности. Физиологические сбои легко фиксируются как неудачи, что закрепляет зависимость соматического благополучия от соблюдения внешних ритуалов, способствующих нормальному протеканию процессов.

Неуверенность в себе, потеряянность в неопределенной ситуации проявляются и в особенностях адаптации в человеческой среде. Организация на *четвертом уровне* происходит с учетом необходимости четкого определения своего места в социальной иерархии, регламентации отношений с людьми. Это представляет для такого человека огромную важность, потому что позволяет

редуцировать неопределенность в отношениях, снять с себя необходимость делать выбор, нести ответственность, принимать решение. Вне иерархии, без защиты социальных ритуалов такой человек может чувствовать себя очень плохо: непереносимость малейшей напряженности в отношениях обусловливает восприятие реальной или воображаемой отрицательной оценки своего поведения другими (особенно «старшими» в иерархии) как катастрофы. Вспомним о развязке раннего рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника» о несчастном человеке, чихнувшем в театре на лысину генерала.

Неуверенность в себе, ощущение хронической неудачливости может породить зависть, мелочные счеты в отношениях, трудности в развитии индивидуальных привязанностей. Внутри самой иерархической структуры переживания четвертого уровня нарастают противоречия, эмоциональному контролю все труднее организовать человека, теряющегося при малейшем напряжении ситуации. Становится возможным переживание своей неспособности к жертве, нерешительности, трусости. Наращающее напряжение создает угрозу деформации смысловой иерархии уровней.

Типичными формами аутостимуляции в ситуации переживания хронической неуспешности, как известно, являются не только иллюзорное проигрывание успешного разрешения драматических ситуаций, но и использование различных стимуляторов, позволяющих пережить хотя бы временное снятие напряжения, освобождение от неуверенности.

Деформация системы смысловой организации сознания

Дальнейшее ослабление третьего уровня может привести к деформации сознания. В этом случае эмоциональный контроль сдает

свои позиции и ведущей адаптационной задачей становится защита от напряженности в отношениях с миром. Как и во всех других случаях деформации системы смыслов, формирование особой психопатической личности упрощает взаимодействие с миром и снижает внутренние противоречия, поскольку все уровни направляются на разрешение именно этой задачи.

В отсутствие эмоционального контроля *первый уровень* в какой-то мере восстанавливает способность к пластичной адаптации к обстоятельствам и помогает выйти из напряженной ситуации – уклониться от любой трудности, выбора, взятия на себя ответственности. *Второй уровень* вырабатывает средства организации существования, не требующего напряжения – стереотипы предсказуемой, размеренной жизни и до мелочей отслеживает их соблюдение. *Четвертый уровень*, не призывая к жертве, позволяет уклониться от со-переживания, ответственности, обязательности. Другие люди поэтому могут использоватьсь в целях собственной защиты, более того, за их счет субъект не только защищается от напряженности, но и самоутверждается. Исключительно сильная позиция в данном случае – принятие роли «большого ребенка» или больного, слабого, неприспособленного и трогательного страдальца. Положение «самого неприспособленного» или «самого несчастного» успешно компенсирует субъекту невозможность занять место самого сильного и позволяют ему активно манипулировать другими людьми.

Вспомним многих героев Ч. Диккенса, и в том числе известного мистера У. Доррита, знаменитого патриарха долговой тюрьмы Маршалси⁸⁷. Роль несчастного, беспомощного в своем благородстве человека позволяет ему эксплуатировать чувства других людей, существовать за счет их жертв. Характерно также, что при этом он

---

⁸⁷ Роман Ч. Дикенса «Крошка Доррит».

мелочно отслеживает проявление всех полагающихся ему знаков уважения и внимания, обеспечения комфорта, исполнения прихотей – то есть зримых свидетельств занимаемого им высокого места в иерархии сообщества. Его щепетильность в вопросах чести не знает границ, что не мешает ему, однако, именно в знак уважения к себе собирать приношения с обитателей и посетителей тюрьмы.

Известно, что в подобных случаях успешные стереотипы могут фиксироваться не только в поведении, но и на уровне демонстративных психосоматических реакций. Обморок, спазмы, потеря речи, невладение руками и ногами – все это действительно автоматически воспроизводится таким человеком в момент необходимости выйти из напряженной, рискованной ситуации, а это можно сделать, переложив ответственность на других людей.

В манипуляции же другими, как правило, проявляется исключительно трезвая изобретательность и учет реальных обстоятельств. В то же время в связи с упрощением межуровневых отношений набирает силу и развитие средств аутостимуляции: очерчивается стремление самоутверждаться за счет унижения других людей. И конечно, в случае полностью контролируемой ситуации унижаются самые близкие и преданные люди, привязанность которых заставит их понять, простить и принять унижение.

Аутостимуляция с помощью компенсаторных фантазий тоже меняет свой характер. Они начинают органично проецироваться в реальность и действительно меняют самоощущение субъекта, иллюзорное может начать постепенно вытесняет реальное. Снова возникает угроза нарушения баланса между приспособительным смыслом и саморегуляцией, то есть угроза распада смысловой структуры сознания.

Поломка системы смысловой организации сознания

При потере ведущим уровнем адаптивной функции происходит распад всей смысловой структуры аффективной сферы, и этот вариант распада может быть связан с третьей группой в нашей классификации детского аутизма.

Катастрофически слабый третий уровень, стремясь к сохранению доминирующей позиции в отношениях со средой, тоже может подойти к решению защитной стороны своей адаптивной задачи радикально: он попытается полностью исключить неопределенность из экспансии, обеспечить субъекту абсолютную гарантию выигрыша. Понятно, что адаптивного смысла такая экспансия уже не имеет. Субъект не выявляет границ возможностей, не обследует, не решает новые задачи, а в качестве аутостимуляции стереотипно воспроизводит решение старых, тех, в которых однозначно будет иметь успех. Он ригидно отстаивает свою программу действий, и малейшая попытка вывести его на действительный диалог со средой вызывает полную дезадаптацию.

Понятно, что в этих условиях практически полностью подавляется непосредственная реакция на происходящее, подавляется пластичность *первого уровня*. Это проявляется и в моторном развитии детей этой группы. Многочисленные клинические наблюдения говорят, что, имея развернутую речь и относительно высокие интеллектуальные показатели, они значительно более неловки в движениях, чем глубоко аутичные дети, и хуже чем они вписываются в пространство.

Второй уровень развивается в контексте сверхценной программы действий и, обслуживая ее, фиксирует аффективные стереотипы. Они могут не отражать индивидуальной избирательности, а формироваться в соответствии, например, с утверждаемыми принципами «здравого образа жизни».

Не могут в этих условиях развиваться и механизмы *четвертого уровня*. Другие люди механически включаются в программу собственных действий или воспринимаются как раздражающие помехи в ее реализации. Они могут быть важны также как зрители, сопререживающие победе субъекта и подтверждающие его успех. При этом проявление отрицательных эмоций приятно субъекту, может быть, даже более чем положительных, так как дает ему дозированное, контролированное переживание победы над опасностью: грозят, но ведь реально ничего не сделают, поэтому он тоже часто дразнит, эпатирует своих близких. Удовольствие связывается не с качеством, а с интенсивностью проявляемых ими чувств.

Активные взаимоотношения с миром подменяются аутостимуляцией, организованной третьим уровнем – она осуществляется в стереотипных формах с полностью контролируемым переживанием риска, проигрыванием ситуаций неприятных, страшных, социально неодобряемых. Распад смысловой структуры сознания в данном случае предстает как слом аффективного развития на третьем уровне организации поведения.

Таким образом, увеличение чувствительности уровня и в данном случае ведет от одаренности ко все более грубой дефицитарности. Мы проследили, как сначала все уровни системы пытаются подменить ущербный механизм экспансии, как его слабость нарушает скрепляющий систему баланс противодействующих тенденций, как патологический уровень постепенно подчиняет себе работу всей системы адаптации, и, наконец, как его проблемы возрастают до такой степени, что вынуждают сосредоточиться лишь на защите от отрицательных переживаний, результатом является полная потеря адаптивного смысла самого уровня и невозможность развития всей системы смыслов.

* * *

Подводя итог рассмотрению изменений конфигурации системы сознания в связи со спецификой в развитии третьего уровня, можно сказать, что и здесь выделяются особые типы одаренности. Акцентуация заставляет выносливый уровень стремиться преимущественно к расширению границ возможностей, в то время как слабый, чуткий уровень, наоборот, более сосредоточен на защите уже достигнутых позиций. При этом сильной стороной выносливого является исследование, свободное экспериментирование со средой, а чувствительного – ответственное сосредоточение на упорном целенаправленном разрешении отдельной задачи. Развиваются и разные формы аутостимуляции: если сильный получает возможность непосредственного тонизирования ощущением риска, то слабый стремится стимулировать переживание реального или иллюзорного успеха. Необходимо отметить, однако, что и в том, и в другом случае такая «однобокая специализация» приводит к трудностям в адаптации.

В первом случае это может обуславливать проблемы в обеспечении самосохранения, недоразвитие механизмов других уровней и, соответственно ослабление межуровневого взаимодействия; во втором – дезавтоматизацию процесса экспансии – трудности принятия решения, выбора. Следствием этого является нарастание жесткости в отношениях уровней, перегрузка уровней приспособления к постоянным условиям неадекватными для них проблемами адаптации к изменчивому миру. Все взятое вместе придает особую хрупкость системе смысловой организации.

Следует отметить, что и расшатывание, и хрупкость делают вероятными деформацию системы и очерчивание особых влечений⁸⁸. В обоих случаях, хотя и по разным причинам, возможно развитие зависимости от них субъекта. В итоге и слабый, и сильный уровни теряют свою адаптационную направленность.

Изменения системы сознания, связанные с акцентуацией в развитии уровня эмоционального контроля

1. Особенности развития системы сознания, обусловленные увеличением выносливости четвертого уровня

Под сверхвыносливостью четвертого уровня мы понимаем ярко выраженную потребность в эмоциональном контакте и, соответственно, устойчивость к пресыщению в нем, как и широкий диапазон приемлемого, приятного качества общения. Рассмотрим, как эти условия могут повлиять на развитие взаимодействия с социальной средой, формирование аффективных механизмов четвертого уровня.

Понятно, что выносливость, получение большого удовольствия от контактов с людьми способствуют развитию взаимодействия: открытости, способности хорошо себя чувствовать в широком кругу общения, испытывать симпатию к людям, сопереживать им и формировать дружеские связи; легко схватывать и усваивать прие-

---

⁸⁸ Деформация системы смыслов на третьем уровне в связи с разными полюсами акцентуации, по нашему мнению, может быть соотнесена с разными ипостасями проявлений истероидной личности. С одной стороны – это «демонический» типаж принципиального врага прошлого сообщества, борца и активного нарушителя его спокойствия; с другой – эксплуатирующий своих близких показательный «страдальц». И те, и другие испытывают влечение быть в центре внимания, оцениваться другими как исключительные личности как в своей силе, так и в слабости.

мы, навыки, стиль общения – естественно и безболезненно влияться в правильные формы социальной жизни. Можно сказать, что здесь раскрывается замечательная контактность и социальная пластичность субъекта, органичность его правильного поведения и чувствования.

Активность четвертого уровня проявляется не только в ярком положительном переживании ситуаций общения, но и в том, что ощущения неловкости, дискомфорта (от собственных оплошностей или неприятия другими людьми) не фиксируются, они быстро пропадают и выводятся из сознания субъекта. И здесь, как в случае других выносливых уровней, подкрепляется положительный и не подкрепляется отрицательный опыт. Таким образом, в области общения субъект не склонен фиксировать страхи, антипатии, формировать негативизм и не накапливает значительного отрицательного опыта – защитных стереотипов поведения. В связи с этим наиболее выраженные формы саморегуляции этого уровня также связаны не с защитной ее стороной, а с тонизированием – удовольствием непосредственного эмоционального контакта.

В то же время эта особая социальная пластичность, способность к непосредственному усвоению «хорошей» формы поведения делает не столь актуальным развитие иерархической структуры переживания. Отход от своих интересов, произвольная организация в этом случае происходит настолько легко и естественно, что не воспринимается субъектом как жертва. Синтонность сопереживания мощно модулирует оценку уровней индивидуальной адаптации, и отказ от собственных нужд происходит как непосредственное, само собой разумеющееся действие. Эмоциональному контролю здесь как бы и нечего делать – это органично правильные и хорошие люди.

Понятно также, что развитие индивидуальных форм адаптации других уровней в данном случае в большой степени подчинено социальным формам, непосредственно заданным в чувствах, требованиях окружающих людей, заложенным в принятых нормах и ценностях сообщества.

В этих условиях *первый уровень* может стать менее объективным в оценке интенсивности влияний среды. Впечатления, заданные извне как «хорошие», будут мало пресыщаемы, а, дистанция с «плохими» произвольно увеличится. Субъективная пластичность в отношениях со средой, индивидуальная дистанция серьезно корректируется аффективными установками других людей: к каким-то впечатлениям окружение просто не подпустит, а в какой-то области заставит потерять осторожность.

В отношениях же с людьми в этом случае дистанция будет очень короткой. Окружающие легко влияют на такого человека, вовлекают и удерживают его в поле своих переживаний, и он сам проявляет высокую преимущество и подражательность.

Второй уровень в своем развитии так же с легкостью фиксирует социальные формы, задаваемые индивидуальному аффективному стереотипу. Субъект легко присваивает опыт сообщества: ему искренне нравится то, что одобряют другие и неприятно то, что не принято в его кругу, а собственные склонности остаются неразработанными. Последствия этого могут проявиться даже на уровне психосоматики: такому человеку, при его внушаемости, должно лучше, чем другим, помогать лечение – уверенность в себе доктора, общее признание методов борьбы с болезнью.

Решение адаптивных задач *третьего уровня* также организуется под плотной опекой четвертого: экспансия направляется эмоциональным сопереживанием, и им же формируется уровень при-

тязаний. Переживание успеха должно совпадать с общим одобрением, общей радостью, а неудача не столь важна, если она не вызывает огорчения других. Индивидуальная экспансия, выход к действительно новым, неосвоенным областям жизни в данном случае тоже предполагает поддержку со стороны окружающих.

Синтонность в сопереживании позволяет такому человеку с помощью других многократно усилить ощущение своей успешности. Поскольку его успех в большой степени определяется реакцией людей, то он менее нуждается в разработке собственного уровня притязаний. Ориентированность на оценку извне позволяет уменьшить значимость индивидуального выбора, снять напряженность ситуации принятия решения. Собственно говоря, разработка индивидуального уровня притязаний не так важна, уверенность в собственных силах здесь тесно связана с верой в возможности своего окружения. Субъект воспринимает подъем и воодушевление окружения как глубоко личное переживание, потому что его сила выражается в общем единстве, и экспансия совершается в едином порыве сообщества.

Одаренность таких людей определяется, прежде всего, тем, что это, как уже отмечалось, чрезвычайно социально пластичные, то есть естественно, без усилий и рефлексий хорошие, правильные люди. Они получают много радости от общения, легко заражаются чувствами других, очень отзывчивы, и их сопереживание искренне и полноценно. Именно они наполняют живым чувством человеческие отношения, одушевляют общественную жизнь, наполняют искренностью социальные ритуалы, придают энергию порыву народного воодушевления и энтузиазма, и сами, более чем другие, способны в этом порыве к совершению подвига.

Это – в высшем смысле слова простые и ясные души, которых в полной мере могут оценить и полюбить лишь те, кто сами этими

достоинствами не обладают. Вспомним, например, отношение Николеньки к старшему брату Володе в «Детстве» Л.Н. Толстого: никогда ему не стать таким как он. Или как тоскуют по этой естественной эмоциональной цельности и простоте, несущие в себе черты авторского присутствия, герои произведений Томаса Манна.

Необходимо отметить, однако, что даже в случае усиления выносливости уровня, который и должен доминировать в нормально организованной системе сознания, тоже возможна степень его господства, создающая проблемы решению его собственных адаптационных задач и сохранению целостности всей системы сознания.

Гиперфункция четвертого уровня

Акцентуация в развитии системы сознания

Значительное усиление потребности в общении, развитие особых выносливости в контактах, как ни странно, могут создать проблемы в развитии зрелой произвольности, и они будут связаны именно с усилением эмоциональной пластичности субъекта.

Как уже обсуждалось, высокая синтонность в сопереживании, возможность непосредственно воспринимать и усваивать эмоциональное состояние другого человека может одарить субъекта способностью к заражению и подражанию, возможностью легко перенимать формы поведения. В то же время, эта легкость усвоения правильной социальной формы делает для субъекта не столь актуальным переживание жертвы своими индивидуальными устремлениями. Добровольное самоограничение не становится обязательным атрибутом внутреннего эмоционального контроля – непременным знаком присоединения к общим ценностям.

Под угрозой, таким образом, оказывается развитие иерархической структуры переживания, устойчивого объединения плюса и

минуса, их напряженной внутренней связи, которая и является внутренним механизмом произвольной организации поведения. В этом случае произвольная организация будет продолжать осуществляться, как в детстве – непосредственным слиянием с заданной извне социальной формой поведения, а устойчивая самостоятельная ориентация на систему ценностей и норм сообщества не будет развиваться, что и обусловит сохранение конформности.

Подобная социальная незрелость сохраняется и из-за того, что сверхсильная эмоциональная пластичность создает предпосылки для нарушения развития самобытных форм индивидуальной жизни. *Первый уровень* не разрабатывает свой стиль преднастройки к контактам со средой. В этом случае подавляется индивидуальная интуиция, способность понимания ситуации в целом, в том числе и возможность почувствовать фальшь в человеческих отношениях, что также поддерживает особую наивность таких людей. Трудность фиксации отрицательного опыта в общении обуславливает их непреходящую готовность доверять и доверяться.

Второй уровень не выполняет свою функцию индивидуального опредмечивания потребности. Аффективные стереотипы субъекта складываются не так, как это было бы нужно субъекту, а как это свойственно и удобно его близким, в форме, которую задают общие нормы. Отход от индивидуальных нужд, как мы уже говорили, не ощущается самим субъектом, но это расхождение между тем, что в реальности нужно и удобно его телу и сложившимися стереотипами может реализоваться в соматических расстройствах.

На *третьем уровне* полное совпадение индивидуально значимых задач с общими, следование в русле общей экспансии снимает с субъекта обязанность делать свой выбор, занимать собственную позицию. Индивидуальный интерес к чему-либо, внимание к облас-

ти, незначимой для других, в этом случае может субъективно оцениваться отрицательно. Однако наряду с недоразвитием механизмов индивидуальной экспансии повышается вероятность влечения в экспансию других, и, соответственно, появляется опасность стать невольной жертвой порыва массового энтузиазма.

Таким образом, увеличение выносливости четвертого уровня, так же как и чрезмерное усиление низших слоев, создает реальную угрозу обеспечению безопасности субъекта.

На этой основе развивается еще один *характерный инфантальный тип организации сознания*, нуждающийся в постоянной внешней поддержке. Мы уже говорили о возможности формирования сходного типа в ситуации сверхсильного первого уровня. Однако если в предыдущем случае постоянная внешняя организация и контроль требовались для противостояния пластиности первого уровня, ограничения импульсивности, артистической склонности субъекта воплощаться в формы всего происходящего вокруг и, заигрываясь, проявлять детскую необязательность и жестокость, то здесь мы имеем дело с иной ипостасью «детскости». Субъект в данном случае и не пытается «улизнуть», он активно нуждается в другом человеке, в заданной им многомерной форме индивидуальной жизни, дополняющей и уравновешивающей социальные правила, стремится ее принять.

Компенсирующей основой становится эмоциональная привязанность, придающая индивидуальному существованию субъекта не только форму, но и смысл. Усвоение формы сознания и системы смыслов другого человека разрешает проблему организации устойчивой индивидуальной картины мира и определяет характер всего адаптивного поведения субъекта.

Вспомним описанный А.П. Чеховым трогательный образ Душечки с ее отчаянной потребностью в эмоциональной привязанности, счастливым узнаванием себя в любимом человеке, служением и воплощением себя в формах его существования. При потере любимого она теряет не только внешние опоры, но и сам смысл, чувство жизни; но готова с появлением новой привязанности узнать, окжть и воплотить себя в новой форме.

В этом случае не только четвертый уровень обретает возможность ориентации на устойчивые ценности, но и все другие слои сознания субъекта получают полнокровную жизнь и даже развитие в структуре сознания близкого человека. Первый уровень (если эта структура позволяет), пластиично подстроившись, проявит интуицию в действии и в понимании происходящего, второй – разрабатывает жизненный стереотип, третий – не только примет заданные ему формы экспансии, но и усвоит соответствующий уровень притязаний («Мы с Ванечкой...»). И, соответственно, все уровни аффективной жизни окажутся в состоянии освоить необходимые формы саморегуляции, обеспечивающие активность и стабильность системы сознания.

Подобное сознание инфантильно и нуждается в постоянной внешней поддержке, поскольку устойчивая организация его системы смыслов не может развиваться самостоятельно при недостаточной сформированности индивидуального «противовеса» социальным воздействиям, каким являются механизмы индивидуального сознания первого, второго и третьего уровней. Наиболее полноценную компенсацию это сознание получает в развитии эмоциональной привязанности и усвоении форм аффективной жизни, структуры сознания близкого. Однако можно предположить, что в какой-то момент дальнейшее усиление эмоциональной пластиично-

сти сможет привести к уменьшению избирательности и способности к формированию прочной эмоциональной привязанности, а следовательно, к увеличению угрозы упрощения системы смыслов сознания, ее деформации.

Деформация системы

Можно предположить, что нарастание потребности в общении, удовольствия от общения как такового приведет к расширению возможного диапазона в контактах, а следовательно, к уменьшению эмоциональной избирательности и затруднению ее фиксации как компенсирующей привязанности. Система смыслов близкого человека перестанет быть той формой и средой, в которой осуществляется индивидуальная аффективная жизнь субъекта и развиваются противовес непосредственному социальному влиянию среды. Более того, потребность и выносимость в общении заставляют его стремиться к переживанию человеческой общности как таковой. В этих условиях структура смыслов упрощается и уплощается: субъект отождествляет себя со своей семьей, социальной группой, слоем, классом или нацией. Потребность в групповой общности начинает доминировать над всеми другими, наиболее значимым переживанием становится переживание общего воодушевления, что тоже рождает особую психопатическую конструкцию.

При упрощении структуры сознания сама ее иерархия здесь сохраняется, поэтому сохраняется целенаправленность системы; ее адаптивность даже повышается в сравнении с ее инфантильным типом⁸⁹. Организация поведения не осложняется внутренними оппозициями системы индивидуального сознания и формируется ис-

---

⁸⁹ Это мы отмечали и в других вариантах деформации системы смыслов.

ключительно интересами социальной группы, с которой отождествляет себя субъект. Все аффективные механизмы развиваются именно для этого, поэтому в русле достижения этих целей появятся одновременно как большая пластичность, чуткость, изворотливость, хитрость, так и усвоение и развитие необходимых навыков.

Опасность заключается в том, что человек, не принадлежащий к «своим», например, «классово чуждый», не будет в этом случае попадать под действие механизма эмоционального контроля. Снятие внутренних противоречий делает субъекта потенциально опасным для других людей – орудием семейных, классовых, национальных и других общественных интересов («верным сыном...» или «пламенным борцом за дело...»), поскольку частное сострадание или личная привязанность не смогут реально конкурировать со сверхценным переживанием общего воодушевления.

Понятно также, что сладость причастности к общему воодушевлению может стать причиной нарушения баланса функций реальной адаптации и саморегуляции, то есть возникновения угрозы сохранению целостности системы сознания. Эта угроза проявляется в очерчивании влечения субъекта к переживанию подобных порывов.

Усиление потребности в общении, повышение выносливости ведет ко все большему расширению диапазона возможных контактов, к грубому нарушению эмоциональной избирательности в общении и к потере ориентации на «хорошо» и «плохо». В этом случае ценным в общении будет, прежде всего, интенсивность общего переживания, а не его качество, поэтому появляется возможность отождествить себя с любой асоциальной группой. Кроме того, под угрозой оказывается и сама способность к постоянной групповой

привязанности-идентификации. Если же субъект не организуется с помощью усвоенной им извне постоянной формы сознания, то четвертый уровень и вся система сознания теряют свой приспособительный смысл.

Распад смысловой структуры означает для субъекта невозможность целенаправленной организации поведения и ставит под вопрос его самостоятельное физическое выживание.

Распад смысловой структуры

Удовольствие от непосредственного слияния, резонирования аффекту других людей начинает превалировать над стремлением к разрешению самих адаптационных задач. Все менее важным становится качество общего переживания – более значима его яркость, интенсивность, поэтому неудержимо проявляется влечение к аффективно заряженной толпе.

Субъект может стать игрушкой психического поля чужих аффектов. Необходимо подчеркнуть, что при этом не останется и самой устойчивой структуры этого поля: ни ценностей, ни личных привязанностей. Теряя индивидуальную избирательность, он просто растворяется в потоке аффектов, ситуативно принимая их форму и откликаясь на любое влияние по его силе, близости, вне зависимости от его эмоционального качества. При дезактуализации задач самосохранения и индивидуальной избирательности возникает реальная угроза безопасности самой жизни таких людей.

Таким образом, с нарастанием пластичности сначала нарушаются равновесие в разрешении адаптационных задач четвертого уровня: ослабевает внимание к организации отрицательного опыта, являющегося защитой от неподходящего качества контакта. Далее прослеживаются изменения в развитии иерархической

структуры переживания и конструкции всей системы смыслов. Угроза смысловой деформации возникает в связи с недоразвитием уровней индивидуальных аффективных смыслов, создающих в норме необходимый противовес эмоциональному сопереживанию. Отсутствие этого реципрокного «сцепления» становится причиной недоразвития механизмов произвольного эмоционального контроля.

В этом случае сначала возникает особая форма инфантилизма – развитие структуры сознания осуществляется при опоре на систему смыслов другого, близкого человека. Далее, по нарастанию потребности в общении можно выделить переход к формированию психопатической личности, ориентирующйся преимущественно на групповое сознание. Нарастающее влечение к переживанию групповых аффектов создает угрозу нарушения баланса адаптивной функции и саморегуляции, а это ведет к размытию смысловой структуры сознания. Субъект, как и в других обсуждавшихся нами случаях распада иерархической организации, просто растворяется в поле, в данном случае – в поле чужих аффектов.

2. Особенности развития системы сознания, связанные с увеличением чувствительности уровня эмоционального контроля

Увеличение чувствительности (уменьшение выносливости) четвертого уровня проявится в особенностях организации взаимодействия с людьми, в развитии индивидуальной избирательности, в формировании привязанностей, в отношении к общечеловеческим ценностям. Большая точность, чуткость в восприятии переживаний других людей, в определении качества человеческих контактов способствует сужению диапазона приемлемого общения, круга возможных «истинных» привязанностей и, наоборот, расширяет область неприемлемых и неприятных контактов.

Таким образом, и здесь, как и в случаях других чувствительных уровней, в решении адаптационных задач более актуальными могут стать мотивы ограничения и защиты. При этом речь пойдет в первую очередь не просто об общем увеличении дистанции в контактах с людьми и дозировании этих контактов (как в ситуации слишком чувствительного первого уровня), а именно о повышении индивидуальной избирательности в эмоциональных отношениях и об обостренном внимании к отрицательным реакциям других людей.

Сверхточность в оценке эмоционального качества контакта ограничивает возможность расширения круга общения, но помогает в развитии немногих глубоких привязанностей, в разработке и фиксации деталей индивидуального стиля общения. Это дает преимущество в развитии тесных личных связей, индивидуальных отношений, но в то же время делает субъекта более уязвимым и зависимым от близких, заставляет стремиться к сохранению постоянства в отношениях и особенно страдать в ситуации нарушения эмоциональной связи.

Чуткость в понимании чувств другого человека, внимание к его отрицательным переживаниям обусловливают естественную необходимость жертвовать своими интересами. Если человек выносил четвертого уровня часто совершает не свойственные ему действия просто так, «за компанию», легко заражаясь желаниями другого человека, то в случае обострения чувствительности субъект так же естественно совершает подобные поступки из деликатности и сострадания.

Глубокая индивидуальная привязанность, зависимость от сохранения личных связей способствуют развитию иерархической структуры собственного эмоционального переживания. Само при-

несение жертвы является для субъекта не только естественным действием, оно чрезвычайно значимо для него, поскольку служит еще и конкретным свидетельством эмоциональной связи с близкими, подтверждением положительной самооценки.

Таким образом, в отношениях с людьми над непосредственной радостью сопереживания, которой так одарены люди с выносливым четвертым уровнем, начинает доминировать страдательность и сострадание. Соблюдение баланса между своими и чужими интересами затрудняется теперь уже из-за слишком зоркого различения чувств и, прежде всего, боли другого человека. Именно переживание необходимости жертвы задает общий тон отношений с людьми. Это создает особые предпосылки для естественного принятия таким человеком культивируемых сообществом моральных ценностей, например, сознательного отказа от индивидуального блага ради общего дела. Если в случае слабого третьего уровня мы говорили о необходимости для субъекта найти свое место в иерархии человеческих взаимоотношений, то здесь для него крайне важным становится самоопределение в области общечеловеческих ценностей.

Переживание эмоциональной связи с идеалами сообщества позволяет такому человеку пережить наибольшее удовлетворение, он естественно руководствуется ими и в организации собственного поведения. Кроме того, в отношениях с ними субъект чувствует себя и в наибольшей безопасности – именно потому, что они вечны и неизменны в отличие от подверженных превратностям судьбы индивидуальных привязанностей.

Поэтому, хотя процессы эмоционального тонизирования в данном случае успешно осуществляются в общении с избранным кругом близких людей, однако, наибольшее удовлетворение, душев-

ный подъем связан для таких людей с принесением личной жертвы, со следованием велению долга, с осознанием личной связи с высокими моральными нормами сообщества, причастности его высоким идеалам.

Такая неординарная чувствительность неминуемо должна скаться на развитии механизмов других уровней, которые сверхактивно модулируются ею.

В этих условиях *первый уровень* не сможет обеспечить естественную пластичность в отношениях с миром, и прежде всего, потому что стремление к самосохранению подавляется потребностью в личной жертве. Переживание «так нужно», «так должно» нарушает формирование индивидуально удобной дистанции в отношениях с миром, что создает некоторый постоянный фон дискомфорта во взаимодействии со средой. В данном случае, однако, этот дискомфорт, свидетельствуя «хорошее эмоциональное качество» поведения, поддерживает высокую самооценку субъекта.

Точно так же и развитие механизмов *второго уровня*, формирование индивидуальной избирательности в контактах с миром, опредмечивание потребностей проявят сверхзависимость от оценки четвертого. Однако если в случае сильного четвертого уровня речь шла об излишней пластичности индивида в приятии вкусов других, об органичном подражании, усвоении чужой манеры жить, то в данном случае речь идет скорее о сверхстрогом контроле, о развитии аскетической нормы – ограничении телесного, индивидуального, принесения в жертву собственных желаний. С одной стороны, это создает дискомфорт, но с другой, подобное самоограничение также может стать для человека источником особого удовольствия и способом повышения самооценки.

Переживание *третьего уровня* также вынуждено строго корректировать себя в соответствии с оценкой чуткого эмоционального контроля. Индивидуальная экспансия, как и индивидуальная потребность, строго регламентируются и непосредственным сопререживанием неудовольствию другого, и общими нормами поведения, моральными ценностями. Ограничиваются не только экспансия в отношениях с другими людьми, но и общая тенденция реализации себя в мире: индивидуальная предприимчивость, возможность отступать от правила, экспериментировать, развивать свои способности. Взамен этому эмоциональным контролем выдвигаются требования скромности – стыдно настоять на своем, выделиться из ряда, сосредоточиться на переживании индивидуального успеха.

Вместе с тем, такой человек часто проявляет уникальные бойцовские качества там, где это связано с защитой другого, со служением общим идеалам. Однако стеничность в борьбе с препятствиями в данном случае связана не собственно с экспансией – стремлением к расширению собственных возможностей, но, прежде всего, с теми же механизмами эмоционального контроля – жертвенностью, терпением, служением долгу.

Таким образом, при ограничении возможности реализовать свою собственную манеру жить, установить удобную дистанцию, индивидуально определить потребность, разработать адекватный уровень притязаний, этот тип людей характеризуется и особой, присущей только им одаренностью. Она проявляется чуткостью к переживаниям другого человека, деликатностью в отношениях, способностью сострадать, развивать индивидуальные привязанности, радостно жертвовать для других своими потребностями, терпеливо и упорно следовать долгу. Можно сказать, что это тип праведника, человека долга, терпения, служения, что такие люди име-

ют особую способность к принятию общечеловеческих ценностей, направленность на служение идеалам.

И, как в каждом предыдущем случае, уникальная одаренность, заданная особыми параметрами одного из уровней, чревата возможностью возникновения дисбаланса внутри него и угрозой сохранению целостности и гармонии развития всей системы адаптации. В данном случае она связана с возрастающим давлением эмоционального контроля на индивидуальные аффективные смыслы.

Гипофункция четвертого уровня

*Акцентуация в развитии механизмов четвертого уровня
и нарастание дисбаланса системы*

При увеличении чуткости четвертого уровня в какой-то момент сопереживание становится слишком острым (в особенности это может быть связано с непосредственным ощущением отрицательных переживаний других), что создает фон постоянного эмоционального дискомфорта во взаимодействии, чувство постоянной неловкости и неуверенности.

Такой хронический дискомфорт может иметь серьезные последствия. Во-первых, теряется удовольствие от непосредственного общения, что приводит к дезавтоматизации процесса эмоционального взаимодействия с другими: к утрате непосредственности в контакте, к постоянной тормозимости, общей неловкости и тревоге, затрудняет выработку навыков контакта, удобной индивидуальной манеры общения. Во-вторых, возможна дезавтоматизация и самого механизма эмоционального контроля: появляется постоянная неуверенность субъекта в своей правоте, в своей ценности для других людей, ощущение непреходящей задолженности и вины перед ними.

Дезавтоматизация процесса общения может привести к общей неровности субъекта в контакте – порывистости и застенчивости, тормозимости. Неустойчивость личной дистанции создает впечатление его неловкости, даже неестественности в контакте, постоянных действий «невпопад». Неуверенность, неразвитость навыков общения способствует легкому навязыванию ему чужой манеры – неудобной дистанции, темпа, ритма общей жизни, привычек, вкусов, что утомляет его, усугубляет переживание дискомфорта, создает ощущение постоянного давления со стороны других.

Трудности проявляются и при выстраивании самостоятельной линии в личных взаимоотношениях. Субъект не может адекватно оценить свои поступки и часто необоснованно чувствует себя виноватым, идет на жертвы, о которых его никто не просит и главное – никто не ценит. Он ощущает свою неоцененность и ущемленность как постоянное пренебрежение и несправедливость.

Характерно, что пока такой человек бездействует, он достаточно точно оценивает складывающуюся ситуацию. Однако при попытке вступить в активное взаимодействие мгновенно теряет это понимание. Выйдя из ситуации общения, он опять оказывается способным адекватно оценить сложившееся положение, но возвращение в нее снова дезориентирует его, что ведет к повторению все тех же ошибок. Дискомфорт и тревога, дезавтоматизируя процессы общения, мешают субъекту реализовать в этой области свое интуитивное предвидение, способность решать новые задачи и использовать прошлый опыт.

Дискомфорт в эмоциональном контакте оказывает отрицательное влияние и на организацию психосоматических процессов: от «косого», недоброжелательного взгляда «подкашиваются ноги», «замирает сердце», «застревает кусок в горле». Известна также ог-

ромная зависимость вегетативных реакций от степени значимости ситуации общения, как и возможность фиксации боязни обнаружения этой зависимости, например, страх покраснения, способствующий дальнейшему нагнетанию трудностей контакта.

Более того, неуверенность в соответствии стандартам эмоционального качества, как нам кажется, может нарушить не только формирование самооценки, но и развитие адекватного образа собственного тела. Возможно, именно с этим во многих случаях связаны переживания дисморфофобии. Характерно, что они часто возникают у девочек подросткового возраста, особенно чувствительных к оценке их внешнего вида сверстниками. Известно также, что подобные переживания нередко связаны с ощущением избытка собственной «телесности» и могут привести к анорексии. Сама еда в этих случаях, как правило, отвращения не вызывает – девочки часто с удовольствием готовят и кормят других. Для себя же они стремятся к идеальной бесплотности, что тоже может рассматриваться как сверхжесткое подавление проявлений индивидуальной телесной жизни.

Особая ранимость в контактах, дезавтоматизация процессов общения заставляет субъекта, с одной стороны, оставаться в стороне от активного взаимодействия, с другой – пытаться постоянно дополнительно контролировать и перепроверять себя. Это может обусловить развитие тенденции к постоянной рефлексии. В быту мы часто говорим о «самокопании», «самоедстве» такого человека. Постоянная рефлексия нацелена здесь не только на реальное осмысление происходящего, но и все в большей степени становится средством саморегуляции – редукции дискомфорта и связывания страхов общения, а это, в свою очередь, может создать зависимость от складывающихся способов защиты от астенических переживаний.

Другим, более действенным средством саморегуляции становится обращение к высоким эмоциональным ценностям. Переживание субъективной связи с ними и тонизирует, и дает ощущение защищенности от превратностей жизни. Вместе с тем, это закрепляет опасность отстранения от реального взаимодействия с несовершенными в своих недостатках людьми.

Мы видим, таким образом, что увеличение чувствительности затрудняет разрешение адаптивных задач четвертого уровня, ведет к потере пластиичности во взаимоотношениях с людьми. Личные связи становятся все более избирательными, хрупкими, накапливается травматический опыт непонимания и потери привязанности. Это может послужить причиной фиксации в поведении отстраненной позиции мизантропа, нелюдима, активно отказывающегося от общения с людьми. В данном случае уместно вспомнить знаменитого героя Ж.-Б. Мольера, или характерный для романов Ч. Диккенса тип второстепенного героя (героини) – старого холостяка, угрюмого брюзги, нелюдима, даже отшельника, который при ближайшем рассмотрении оказывается чрезвычайно ранимым, безотказным человеком, не получающим удовлетворения от своих благородных поступков, боящимся подпустить к себе людей и привязаться к ним.

Дело, однако, не ограничивается нарастанием напряженности и болезненности в отношениях с другими людьми. Как и в случаях других слишком чутких уровней, малая выносливость четвертого может изменить всю систему организации сознания, которая в целом тоже становится слишком хрупкой и неустойчивой. Во всех предыдущих случаях мы связывали это преимущественно с авторитарностью четвертого уровня, пытающегося своими неадекватными средствами компенсировать недостаточность низших ме-

низмов. Теперь мы имеем дело с несколько иной ситуацией, когда страдает и сам высший уровень, и низшие инстанции, развитие которых блокируется строгими ограничениями эмоционального контроля.

Нарастающее неправомерное ущемление уровней индивидуальной адаптации уменьшает их вклад в саморегуляцию, в обеспечение полнокровной жизненной активности и устойчивости субъекта в отношениях с миром. Неустойчивость индивидуальной дистанции, ущемление собственных пристрастий, привычек, невозможность полного переживания победы, вечная отравленность ее укором сострадания проигравшему – все это в условиях болезненности самого человеческого общения становится фоном хронического дискомфорта, жизненной неудовлетворенности, что тоже может привести к деформации системы смыслов.

Деформация системы смысловой организации сознания

В этом случае деформация происходит в связи с катастрофическим выхолащиванием развития низших уровней индивидуальных аффективных смыслов и формализацией высшего эмоционального смысла.

Неразработанность индивидуального аффективного кода переживаний низших уровней оборачивается неразработанностью кодов непосредственного понимания другого человека, его комфорта и дискомфорта, желаний, страхов, стремления к успеху и горечи поражения, недоразвитием самого тела индивидуальной аффективной жизни, способного непосредственно резонировать переживанию другого человека. На каком-то этапе это может стать причиной формирования эмоциональной слепоты, эмоциональной тупости человека.

Это не означает, однако, что такой человек становится аморальным. Напротив, обеднение опыта непосредственного сопереживания может компенсироваться прямым и легким выходом к системе абстрактных общечеловеческих ценностей. Именно в контакте с ними человек получает возможность развития высокой самооценки, восстанавливает свою эмоциональную устойчивость, обретает радость насыщенной аффективной жизни. И здесь упрощение смысловой конструкции улучшает ее адаптивность и устойчивость, но формирует особый психопатический типаж, существующий за счет своего социального окружения, в данном случае эксплуатирующий его ценности.

Личная причастность к мощно заряженным ценностям позволяет субъекту окончательно освободиться от сверхтрудной для него задачи эмоционального взаимодействия с другими людьми. Холодность в непосредственном контакте может даже одобряться строгим эмоциональным контролем. Задачи служения вечным ценностям освобождают такого человека от укора сопереживания. Непосредственный дискомфорт растворяется в сиянии ценностей вечно-го добра и справедливости, он вполне оправдывается необходимостью жертвовать настоящим ради будущего всеобщего счастья.

Деформация системы смыслов в данном случае проявляется в ослаблении противовеса индивидуальных аффективных смыслов, что разрушает напряженную иерархию эмоционального переживания. Поскольку субъект отождествляет себя уже не с другим человеком, даже не с группой людей, а напрямую с абстрактной ценностью, он может жертвовать уже не своей, а чужой жизнью для утверждения высших моральных смыслов. Легко оправдывая, даже санкционируя лишения других людей, их страдание и уничтожение, такой человек руководствуется высшим долгом и поэтому не

берет на себя индивидуальной моральной ответственности за свои поступки. Таким образом, и в данном случае деформация смысловой иерархии снимает индивидуальные проблемы адаптации, внутреннюю напряженность системы, создавая при этом опасность для других людей.

Особое значение для организации взаимодействия с людьми имеет в этом случае выделение среди них врагов, людей, чуждых вечным идеалам или даже представляющих для них угрозу. Определение подобной оппозиции, определявшее врага нужно такому сознанию для переживания реальности и жизненности собственных нравственных ценностей. Если при деформации системы сильным четвертым уровнем мы обсуждали необходимость для субъекта принадлежности к группе людей, своим аффектом придающих внешнюю форму и смысл его душевной жизни, то в данном случае можно говорить о насущной потребности во вражеской группе, существование которой непосредственно определяет хорошее качество собственной внутренней жизни.

Проблемы поддержания активности тоже блестяще разрешаются. Во-первых, субъект получает неограниченную возможность тонизирования переживанием причастности к высшим человеческим ценностям. Во-вторых, переживание жертвования этим ценностям, подкрепляющее слияние с ними, создает условия активизации за счет отрицательных переживаний всех низших уровней, самих опасностей, лишений, препятствий агрессивной среды. Чем хуже, тем, в идеале, лучше и бодрее идти по пути к светлой цели. И конечно, как уже упоминалось, особое значение для этого типа саморегуляции имеет образ чужого, врага, вредителя (уже не телесному благополучию, а моральной идее), уничтожение, разоблачение которого служит здесь не только средством самоопределения, но и

саморегуляции. Возникает опасность формирования особых влечений к преодолению преград, к выявлению и уничтожению все новых и новых врагов, поскольку их узнавание становится наиболее мощным средством активации и мобилизации.

Таким образом, в данном, как и в предыдущих случаях, деформация смысловой системы сохраняет возможность целенаправленной адаптации субъекта к окружающему, снимает внутреннее напряжение и, упрощая, делает конструкцию более устойчивой. Она обеспечивает субъекту внутреннее равновесие, однако, за счет того, что трудности его смысловой адаптации становятся теперь проблемами других людей.

Это знакомый всем тип аскета, пламенного борца за абстрактные идеалы, вождя, ведущего массы в светлое будущее, борца за чистоту нравов, воплощение идеи. В более мягком варианте это, возможно, ханжа, терроризирующий маленькое сообщество своими нравственными совершенствами. Выхолащивание других способов саморегуляции способствует развитию аффективной зависимости субъекта от этих мощных средств и обуславливает постоянный поиск соответствующих впечатлений. Это очень опасно для окружающих. Если при смысловой деформации, вызванной слабостью других уровней, субъект стремится бесконтрольно использовать людей в своих низменных целях, то здесь важным для него может стать не только физическое, но и моральное уничтожение врага.

Понятно, что развитие этих тенденций все более увеличивает угрозу потери адаптивного смысла.

Поломка системы смысловой организации сознания

Поломка наступает в случае экстремального повышения чувствительности и снижения выносливости четвертого уровня, обрачивающихся сверхизбирательностью в контактах с другим человеком.

Задача обеспечения контакта решается здесь также самым радикальным способом: установлением и удержанием единственного, строго контролируемого по качеству контакта, то есть воспроизведенного в очень дозированной и предельно стереотипной форме. Таким образом, и сам контакт во многом теряет свой приспособительный смысл развития произвольного взаимодействия и усвоения социального опыта. В то же время, ввиду актуальности проблемы возникновения дискомфорта, отрицательных переживаний, чрезмерно возрастает роль механизмов четвертого уровня в саморегуляции, и не столько даже как средства эмоционального тонизирования, сколько в качестве защиты от отрицательных переживаний. Витально важным становится постоянное ободрение, одобрение, успокоение, похвала, побуждение близкого.

При этом зависимость от близкого становится настолько полной, что опосредует все моменты взаимодействия с окружающим и блокирует развитие собственных индивидуальных механизмов адаптации. Взаимоотношения с миром строятся только через близкого человека в рамках стереотипного контакта. Катастрофически не устанавливается собственная дистанция, не формируются собственные привычки в отношениях со средой. Третий уровень не может развить механизм экспансии, и любое затруднение, сбой в привычном стереотипе тормозит активность субъекта. Жизнь организуется строго по правилам, заданным близкими, они усваиваются в готовой форме и не могут редуцироваться, гибко применяться к обстоятельствам, поэтому субъект выглядит педантом, патологическим «занудой».

Иерархическая структура эмоционального переживания не может быть сформирована. Субъект останавливается на самых примитивных ранних формах слияния в миметическом заражении. Однако

если в норме на ранних этапах развития это уподобление в переживании организуется пластичным первым уровнем, позволяющим ребенку вместе с близким усваивать разнообразные формы отношений с миром и постепенно узнавать в них свои предпочтения, вырабатывать свою манеру отношений с миром, то здесь он жестко фиксирует заданные извне ориентиры. Произвольность поведения не развивается, потому что субъект не может активно присвоить способы самоорганизации и зависит от внешней помощи, от определенных ритуалом правильных форм жизни.

Активные отношения с людьми и соответственно с миром подменяются аутостимуляцией. Она принимает формы, характерные именно для приемов саморегуляции четвертого уровня: постоянного воспроизведения моментов стереотипного контакта с близкими, воспроизведения одних и тех же эмоциональных реакций, стимулирующих переживание защищенности, упорядоченности, безопасности.

Распад смысловой структуры предстает здесь как поломка системы организации поведения и сознания на четвертом уровне, которая может быть соотнесена с четвертой группой синдрома раннего детского аутизма.

Проследив изменения форм сознания и поведения, происходящие по мере увеличения чувствительности четвертого уровня, мы можем отметить те же тенденции смены преимущества, даваемого его особыми способностями, нарастающей дефицитарности до потери уровнем и всей системой адаптивного смысла. Необходимо, однако, отметить, что снижение выносливости в данном случае касается уровня, высшего в иерархии, и сосредоточение всей системы на разрешении его адаптационных задач оборачивается подавлением, недоразвитием низших механизмов – уровней индивидуальной органи-

зации сознания. Одним из последствий этого может стать «обескровливание», выхолащивание индивидуальной аффективной жизни, и прежде всего – недоразвития средств саморегуляции для поддержания индивидуальной стабильности в отношениях с миром.

Истощается и само переживание четвертого уровня, уменьшается радость непосредственного сопереживания, и увеличивается ценность принесенной жертвы. Это может привести к преимущественной ориентации на идеальные моральные ценности в ущерб развитию конкретных привязанностей, в ущерб взаимопониманию с окружающими людьми. И несмотря на то, что эмоциональный контроль, казалось бы, сохраняет свое доминирующее положение, мы можем и здесь говорить о нарастающей опасности смысловой деформации системы и потери ею адаптивного смысла.

Таким образом, и чрезмерная выносливость, и особая чуткость субъекта на уровне эмоционального контроля могут стать причиной нарушения развития механизмов организации индивидуальной аффективной жизни – противовеса, необходимого для сохранения целостности и управляемости всей системы сознания. В первом случае это происходит из-за высокой эмоциональной пластиности, во втором – из-за слишком сильного давления эмоционального контроля.

* * *

Мы рассмотрели лишь наиболее общие типы возможных конфигураций развития индивидуального сознания и связанные с ними преимущества и риски дезадаптации. Было показано, что выраженные акценты чувствительности и активности каждого из уровней создают предпосылки для развития взаимодополняющих типов индивидуальной одаренности, без каждого из которых немыслимо

существование человеческого сообщества. Вместе с тем, мы проследили и как разнонаправленные сдвиги в развитии каждого уровня при нарастании начинают определять свои собственные характерные линии патологического развития⁹⁰.

Полярно направленные отклонения в психической реактивности каждого уровня могут стать причиной возникновения трудностей, прежде всего, в разрешении его собственных адаптационных задач, но привести, в конечном итоге, к деформации и разрушению всей системы смыслов. При этом механизмы патогенеза и характер возникающей дезадаптации будут качественно отличны. Так, в решении задач самого дефицитарного уровня его *избыточная выносливость* затрудняет учет и использование отрицательного опыта; а *сверхчувствительность*, наоборот, выводит на первый план задачи защиты в ущерб обеспечению развития средств активного освоения среды.

Патологические механизмы деформации и распада системы смыслов тоже будут качественно отличны. *Чрезмерная активность одного из уровней*, подавляя возможность развития механизмов других, обусловливает размывание межуровневых отношений и ослабление иерархических связей. В первую очередь это может проявиться как особая незрелость, инфантильность струк-

---

⁹⁰ Здесь нам хотелось бы обозначить возможность рассмотрения в дальнейшем этих вариантов формирования конфигурации сознания в соотнесении с традиционно выделяемыми в клинике типами нормальной и патологической психической конституции. Определяя подход к проблеме аномальной конституции в детском возрасте, К.С. Лебединская (*Лебединская*, 1976) показывает, что, говоря о психической конституции в норме, клиницисты имеют в виду, прежде всего, склад темперамента, обусловленный особенностями психического тонуса и динамики нервных процессов; иерархию потребностей, связанных с инстинктивной сферой, и также понятие патологической психической конституции (психопатии) в клинической практике ассоциируется с аномалией темперамента, характера, сферы влечений и потребностей.

туры сознания; далее – стать причиной ее деформации – формирования устойчивой патологической конфигурации и затем – распада системы⁹¹.

Выраженное же *ослабление одного из уровней* ведет к сосредоточению всех других (и системы в целом) на разрешении его защитных задач. Это увеличивает их нагрузку и способствует развитию жесткости и хрупкости межуровневых отношений, что также может стать причиной деформации системы смыслов.

Таким образом, отслеживание процессов нарастания проблем дезадаптации позволяет развести две самые общие тенденции: угроза, исходящая от слишком активного уровня, реализуется, прежде всего, как особая незрелость, инфантильность в развитии системы сознания, нуждающегося для сохранения своей целостности во внешней опоре на сформированную систему смыслов другого человека⁹². И мы выделили четыре типа такой незрелости, излишней пластичности системы, обусловленной особенностями разных уровней сознания. Угроза же слишком чувствительного уровня может реализоваться в невротическом развитии личности, и мы можем выделить формы, различные в зависимости от заинтересованности разных уровней.

Мы пытались также выделить и охарактеризовать границы, обозначающие моменты патологических изменений структуры сознания. Причем хотелось бы обратить внимание, что переход от ин-

---

⁹¹ К.С. Лебединская (*Лебединская, 1976*) как значимые выделяет для себя положения Э. Крепелина и Э. Кречмера о незрелости эмоционально-волевой сферы как конституциональной основе психопатической личности, о патогенетической связи инфантилизма и психопатий, и опирается при этом на мнения О.В. Кербикова, В.В. Ковалева, М.И. Буянова и др.

⁹² Заинтересованность разных уровней определяет свои формы незрелости и невротического развития, и значит, требует разных форм психологической поддержки.

фантильной, или акцентуированной невротической личности к устойчивой психопатической конструкции не укладывается в процесс простого накопления и заострения патологических черт. Скорее он связывается нами с кардинальным изменением структуры сознания – с деформацией и упрощением его системы смыслов.

При этом полярно меняются и внешние и внутренние характеристики субъекта: снимаются внутренние противоречия дефицитарной системы смыслов, и внешне его адаптивность даже улучшается, но за счет других людей. В то же время это упрощение системы смыслов нарушает внутреннюю устойчивость системы сознания, даваемую балансом разнонаправленных тенденций, что создает угрозу ее распада – очерчивания устойчивых влечений (тонизирования или редукции напряжения) и нарушения баланса приспособительной функции и саморегуляции.

Таким образом, **акцентуация** в развитии системы сознания описывалась нами как проявление выраженного дисбаланса в разрешении уровнем задач защиты и выработки форм контакта с миром и необходимости дополнительных компенсаторных усилий для сохранения целостности и управляемости всей системы. **Деформация** – как радикальное упрощение системы смыслов – снятие необходимости эмоционального контроля и выход на первый план адаптивных задач дефицитарного уровня. **Распад** – как нарушение баланса между адаптацией и саморегуляцией и потеря системой своих адаптивных функций, возможности целенаправленной организации поведения.

Мы видим, что акцентуация в развитии каждого уровня приводит в своей крайней степени к парадоксальным результатам: усиление выносливости уровней, направленных на разработку индивидуальных стереотипов в отношениях с миром оборачивается по-

терей избирательности; увеличение выносливости к интенсивности и напряженности отношений с миром становится причиной нарушения интуитивного понимания ситуации и самой возможности активной экспансии. Во всех случаях при экстремальном повышении выносливости субъект превращается в пассивного раба внешнего поля – его структуры, чувственного удовольствия, захватывающего напряжения опасности или аффектов других людей.

Экстремальное повышение чувствительности в каждом случае приводит к радикальному ограничению контактов со средой, фиксации максимальной дистанции, избирательности в контактах со средой и людьми, стремлению к полной редукции напряжения. Слом может произойти на разных уровнях, но в каждом случае реальные адаптивные задачи подменяются задачами саморегуляции. При этом в зависимости от уровня этого слома искомые впечатления могут быть разными, но всегда должны находиться под полным контролем субъекта и воспроизводятся им с помощью стереотипной аутостимуляции. Как мы уже говорили, именно эта картина разноуровневых сломов, представленная ранним детским аутизмом, и позволила нам разглядеть необходимые уровни организации нормального сознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расставаясь с читателем, мы хотим поблагодарить его за терпение и попросить прощения за то, что путь рассуждений оказался таким долгим. В оправдание можем сказать, что считали своим долгом последовательно пройти основные повороты и ответвления мысли, открываяющиеся с той особой точки зрения на значение и функции аффективной сферы, на которую мы вышли благодаря работе с детьми с искаженным психическим развитием. В идеале, нам хотелось как можно более четко и полно отразить открываяющиеся перспективы. Качество, полнота осмысления поставленных вопросов всегда ограничена возможностями конкретного автора, и у нас нет иллюзии на тот счет, что нам удалось избежать сбоев и технических ошибок в их разработке. Вместе с тем мы уверены в объективной ценности основных выделенных ориентиров именно потому, что они найдены в ходе многолетней работы с особыми детьми и помогают нам в поддержке их психического развития.

Изучение трудностей развития детей с аутизмом позволяет более остро осознать возможности благополучной психики. Психическое со всей очевидностью предстает не как набор отдельных жизненно важных функций, а как живая, самоорганизующаяся система, одновременно разрешающая множественные разнородные и разноправленные задачи адаптации.

Адаптационная задача определяет характер аффективного переживания, которое организует в соответствии с адаптивным смыслом наше сознание и поведение. Механизмом аффективной организации является структура переживания. Выделяя ряд адаптивных задач, требующих все более активного взаимодействия с миром, мы находим, таким образом, и ряд аффективных механизмов, необходимых

для развития отношений с окружающим миром. И, как уже говорилось, прослеживание постепенных шагов усложнения структуры переживания дает возможность почти материального ощущения развития ткани психического.

Появляется возможность рассмотреть аффективную сферу как многоуровневую систему организации поведения и сознания, обеспечивающую разрешение внешних и внутренних задач (непосредственного взаимодействия с жизненными обстоятельствами и поддержание необходимого для этого уровня активности, аффективной стабильности в отношениях с миром). Систему, где каждый уровень обладает уникальным жизненно важным смыслом: направлен на разрешение своего класса задач и характеризуется особым адекватным ему типом аффективной ориентировки и организации адаптивного поведения, своей основной формообразующей психической функцией, вносит свой собственный вклад в процессы саморегуляции.

Выделенные уровни могут быть рассмотрены как последовательные шаги в активизации и усложнении взаимоотношений с миром, поэтому их системная организация приобретает отношения иерархии, то есть становится управляемой. В то же время, поскольку каждый из рассматриваемых уровней по задачам и методам их разрешения дополняет все остальные, низшие продолжают жить в высших не просто как подчиненная инстанция, но вступают в сложные отношения. Разнородность их адаптивных задач (прежде всего, ориентированность на приспособление к стабильным и к динамичным условиям жизни) формирует разнонаправленные тенденции, реципрокные взаимодействия уровней, придающие всей системе прочность и устойчивость.

Мы показали, что развитие и высших, и низших уровней сознания опирается на врожденные формы организации целесообразного

адаптивного поведения и проходит обязательный индивидуальный путь культурного развития. Начиная свое становление в единой системе переживания ребенка и близкого «пра-мы», индивидуальное сознание продолжает развиваться внутри, в теле изоморфного ему сознания культуры. В норме в системе культуры должны быть заложены уровни стимуляции, направленно адресованные всем уровням индивидуального сознания, ключи, запускающие необходимые аффективные механизмы переживания, дающие нам возможность узнатъ и принять конкретные, отработанные в человеческом опыте формы мироощущения, и присвоить культурные способы организации поведения. Так же и на всех уровнях индивидуального сознания должны быть заложены способы взаимодействия с уровнями культуры: от пластичного усвоения ее формы, «схватывания» ее стереотипов, разработки сюжетов до встраивания высших уровней в структуру избранных данной культурой норм и ценностей.

Таким образом, приходит понимание того, что мы существуем не только в теле своей культуры, но и одновременно на разных уровнях индивидуального сознания с разным самоощущением, с различной картиной окружающего мира, предполагающей даже разное переживание времени и пространства. При этом уровни не изолированы, а активно общаются, содействуют и противоречат друг другу, создают разные конфигурации согласия и противостояния, отвечающие конкретным требованиям встающих перед нами задач и обстоятельств.

Желание передать ощущение немыслимой красоты и изящества такой конструкции, единой, энергетически напряженной вертикали сознания и живой, почти птичьей суэты и разноголосицы его уровней, послужило одной из основных причин нашего упорного стремления продолжать эту работу. И понимая, что прорыв этой вертикали к развитию индивидуальной структуры высших ценностей про-

исходит, видимо, с помощью механизмов низшего уровня, то есть через обвал, растворение и новую кристаллизацию жизненного смысла, мы переживаем узнавание: это так, это должно быть так и уже даже многократно проживалось нами в сакральных культурных образах. И это ощущение узнавания⁹³ было крайне важно для нас.

Моменты усмотрения аналогий были для нас необходимыми вехами работы, как, например, неожиданное понимание того, что и в индивидуальном развитии, и в развитии систем культурного сознания становление механизмов, отвечающих за адаптацию к стабильным условиям жизни, видимо, должно предшествовать образованию механизмов, адаптирующих к динамичной среде. Именно эти моменты узнавания единой логики развития живой системы служили для нас знаком того, что мы не сбились с пути.

С целью проверить правильность хода рассуждений мы пытались, таким образом, спроектировать построенную модель в разные области психологического знания; выяснить, насколько она соотносится с привычными представлениями об аффективной сфере, как могут вписываться шаги ее становления в известные этапы психического развития ребенка и не противоречат ли они характерным возрастным феноменам, можно ли разглядеть выделенные нами варианты ее возможной акцентуации в характерных человеческих типах или в известных особенностях развития культурного сознания в разные исторические периоды.

Понимая, конечно, что читатель к этому моменту уже имел возможность сделать собственное заключение об успешности предпринятой проверки, мы хотим все же остановиться еще на некоторых аргументах, которые, по нашему мнению, могут свидетельствовать в пользу предлагаемой модели. Как нам кажется, в ходе представлен-

---

⁹³ Шпенглер говорит о том, что средством уразумления живых форм является аналогия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ных выше рассуждений было выявлено, что с ее помощью возможно осмысление в единой системе координат разработок разных, возможно даже внешне противоречащих друг другу психологических школ.

Разнородные заключения и факты в данном случае могут быть осмыслены как взаимодополняющие при учете того, что различные исследователи, изучая функции памяти, внимания или детской игры, рассматривая проявления страха или агрессии, обращаются при этом к разным уровням организации поведения и сознания. Представленная модель, как нам кажется, дает возможность систематизировать существующие разработки, определить белые пятна и стимулировать психологические исследования в тех направлениях, в которых они еще не велись.

Другой, не менее важный для нас аргумент касается возможностей, которые открывает этот подход для развития психологической диагностики и практической психологической помощи. Выделение этапов в развитии организации поведения и сознания, аффективных механизмов, которые должны быть сформированы ребенком для их успешного прохождения, позволяют поставить задачу определения аффективного возраста ребенка для выбора адекватных форм взаимодействия с ним. Понимание характера впечатлений, которые должны активно прорабатываться в каждый конкретный период детства, дает возможность направленно помогать эмоционально-волевому развитию ребенка, осуществлять профилактику его дезадаптации в кризисные возрасты и способствовать накоплению «запаса прочности», средств поддержания аффективной стабильности в отношениях с миром на протяжении всей дальнейшей жизни.

Появление в поведении ребенка конкретного симптома аффективных трудностей может расцениваться не само по себе, а в общей

логике становления системы, где нет ничего абсолютно хорошего или плохого, нормального или аномального. Настороживать может не сам по себе страх, агрессия, влечение или стереотипность в поведении, а лишь его (ее) неуместность в общем смысловом контексте на данном этапе развития. При этом как явно отрицательное может расцениваться только стойкое выпадение конкретного механизма из единой логики развития и взаимодействия уровней, его работа не на общую адаптацию, а «на себя» – на разрешение одной изолированной проблемы защиты или аутостимуляции. Поэтому принципиально важным становится общая направленность психологической помощи не только на разрешение отдельной трудности, но и на введение ее в общий смысловой контекст адаптации.

Важным для нас становится также понимание того, что патологическое развитие могут иметь как механизмы низших, так и высших уровней, работающие и на защиту и на освоение среды. Мы обсудили в предыдущей главе, что развитию полноценной системы адаптации могут мешать как влечения второго уровня, так и излишняя концентрация на эмоциональном сопереживании и даже сверхсосредоточение на моральных ценностях сообщества. В любом случае такое замыкание лишь на одном из важнейших направлений, несбалансированное противоположными тенденциями, может стать препятствием в развитии целостных форм адаптации.

И, может быть, замыкание на себе механизмов высших уровней даже более опасно, потому что они более активны и сложно организованы, именно им трудно что-то противопоставить. В связи с этим становятся очень понятны «Поздние мысли» К. Юнга (*Юнг, 1992, с.271-302*), который рассматривает зло как патологию души, ее одержимость. Он замечает, что даже так называемое добро, в которое «впадают», утрачивает свой моральный характер. «И не то что-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

бы оно сделалось худо само по себе, но только оно порождает дурные последствия, если в него впадают. Всякая форма хронического отравления есть зло – безразлично, идет ли речь об алкоголе, морфии или идеале» (*там же*, с.273).

Рассмотрение аффективной сферы как системы, где изменение на одном из уровней совершенно определенно отпечатывается и в особенностях развития других уровней, и в характере ее целостной конфигурации, позволяет подойти к более четкой диагностике нарушений эмоционально-волевого развития: к разведению первичных, локальных трудностей в разрешении адаптивных задач и ответа на них всей системы.

Появляется возможность более четко дифференцировать отклонения по их качеству и глубине – различать внешне сходные, но противоположные по сути нарушения, когда трудности в организации разрешения *одной адаптивной задачи* (отсюда их сходство) обусловлены *полярно разными обстоятельствами* – излишним снижением порога чувствительности или, наоборот, увеличением выносливости к витально значимым для ее разрешения впечатлениям. Это ведет к кардинально различным последствиям для всей системы адаптации: в первом случае – к нарастанию ее внутренней напряженности, ломкости конструкции, во втором – к размытию ее иерархических связей. Такая дифференциация позволяет четче развести и логику психокоррекционной работы, где в этих случаях могут стоять совершенно противоположные задачи укрепления иерархических отношений смыслов или развития их внутренних оппозиций.

В рамках данного подхода возможна также дальнейшая разработка психологических критериев перехода от индивидуальных отличий в развитии эмоционально волевой сферы к ее патологическим

изменениям. Представляется, что показателем приближения к этой границе может служить явная неспособность механизмов одного из уровней (всей системы в целом) самостоятельно справляться со своими адаптивными задачами, обуславливающая необходимость привлечения к их разрешению механизмов других, не столь приспособленных для этого, уровней (системы смыслов другого человека).

Глубина дезадаптации и при чересчур чувствительном, и при слишком выносливом уровне при этом может определяться совершенно определенными признаками: сохраняет ли система смыслов другого человека эффективность в организации дефицитарной системы, имеют ли взявшие на себя дополнительную нагрузку уровни способность полноценного осуществления своих собственных функций и соответственно нормальную иерархическую организацию; не меняется ли в связи с этим нормальная смысловая конфигурация системы, не становятся ли сверхценными адаптационные задачи неполноценного уровня; и, наконец, сохраняется ли сама ее целостность, не происходит ли редукция ряда адаптивных задач или нарушение баланса в разрешении задач реальной адаптации и саморегуляции.

Косвенная поддержка выделения именно этих признаков углубления психической дезадаптации содержится в работе А.М.Пятигорского (*Пятигорский*, 1973), который считает, что патологические проявления можно расценивать как микроизменения, если они идут в границах одного уровня сознания, и макро – если они ведут к изменению всей структуры психики. С помощью этих критериев он предлагает, например, различать степени дезадаптации: психопатии и психоза.

Мы уже отмечали, что подобное понимание нормы и патологии должно иметь прямые практические следствия в организации психокоррекционной работы. Оно задает профессиональному установку на

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

взаимодействие с целостным, живым образованием и предостерегает от излишней концентрации на разрешении отдельных аффективных проблем. Это важно, поскольку, по нашим наблюдениям, частный успех в устраниении отдельной трудности достаточно часто может стимулировать возникновение сходных проблем и даже обернуться дальнейшим углублением общей дезадаптации. И, наоборот, обращение к отработке совсем других, напрямую не связанных с наличествующей проблемой аффективных механизмов может дать продвижение к более конструктивным отношениям с миром.

Такая логика не удивляет, если помнить, что мы имеем дело с живой, сложно координированной системой. В этом случае упорное движение в одном направлении всегда в итоге должно приносить противоположный результат. Поэтому появляется необходимость различать оказание немедленной «скорой помощи» на страдающем уровне сознания и работу более длительную, более кропотливую по развитию противоположных тенденций в рамках того же и содружественного ему уровня и механизмов совсем других, реципрокных уровней сознания.

Так, например, при явной необходимости срочно справиться со страхами ребенка, первыми средствами их купирования будут, безусловно, попытки десенсибилизировать и связать их в ритуале защиты, нейтрализовать чувством эмоциональной связи с близкими. Однако, сосредоточившись лишь на разработке этих прямых первоочередных мер, мы будем, по мере успеха, развивать и зависимость ребенка от формируемых средств защиты и в итоге можем обострить его уязвимость к новым страхам. То есть мы рискуем, таким образом, запустить круговое движение, усугубляющее дисбаланс системы.

Этого, однако, не произойдет, если, сняв первую остроту проблемы, мы обратимся к развитию противоположных тенденций внутри

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

самого второго и содружественного ему четвертого уровней (к активной разработке положительных аффективных стереотипов, укоренению ребенка в чувственно и эмоционально приятной среде) и к стимуляции переживаний, запускающих механизмы реципрокных уровней, дающих большую свободу и гибкость в отношениях с миром. Вне этой работы, нацеленной в будущее, мы, справившись с одним страхом, вскоре встанем перед другой сходной проблемой и, упорно преследуя одну цель, можем оказаться продвинутыми в совершенно противоположном направлении.

Именно поэтому, завершая книгу, мы хотели бы остановиться на самом конкретном практическом заключении, важном, как нам кажется, для всякого, кто начинает работать с людьми, испытывающими аффективные трудности. Невозможно рассчитывать на изобретение в этой области какого-то особого приема, магической психотехники, позволяющей быстро и профессионально разрешать однотипные проблемы. Как уже обсуждалось, в этом случае быстрый успех легко обращается в свою противоположность, и подобная романтическая иллюзия дорого обходится и тем, кому помогают, и тем, кто пытается помочь. Представляется, что осознание законов работы с живым целым может лечь в основу построения программы индивидуальной психологической помощи, позволяющей выйти из круга болезненных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев Н.В. Чань-Буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. – 2-е изд. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. – 272 с.
2. Авдеева Н.Н. Привязанность ребенка к матери и образ себя в раннем детстве // Вопросы психологии, 1997, № 4.
3. Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и в доме ребенка. – М.: Смысл, 2003. – 150 с.
4. Алексеев В.М. Наука о Востоке. – М.: Наука, 1982. – 535 с.
5. Анохин П.К. Эмоции // Большая Медицинская Энциклопедия. – Т.35. – М.: Изд. Советская Энциклопедия, 1964. – С.425-436.
6. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 61 с.
7. Аристотель. Поэтика. – Л.: Академия, 1927. - 120с.
8. Арье Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 416 с.
9. Баенская Е.Р. О коррекционной помощи аутичному ребенку раннего возраста. // Дефектология. 1999. – № 1. – С.47-54.
10. Баенская Е.Р. Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием. Младший дошкольный возраст. – М.: Институт учебника «Пайдея», 1999. – 88 с.
11. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. – М.: Худ. лит., 1965. – 527 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

12. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
13. *Баженова О.В.* Диагностика психического развития детей первого года жизни. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1986. – 91 с.
14. *Бардышевская М.К.* Компенсаторные формы поведения детей 3-6 лет, воспитывающихся в доме ребенка: дисс. канд. наук: 19.00.04. – М.: МГУ, 1995.
15. *Бергсон А.* Творческая эволюция. // Собр. соч.: В 5 т. – М-СПб: изд. М.И. Семенова, 1914. – Т.1. – 331 с.
16. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. – М.: Медицина, 1947. – 255 с.
17. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.
18. *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 494 с.
19. *Боулби Дж.* Привязанность: пер. с англ. и вступ. статья Г.В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
20. *Бродский И.* Fondamenta deglinicurabili. // Октябрь. – 1992. – № 4. – С.179-205
21. *Брунер Дж.* Психология познания. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
22. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвигничество. // в сб. Вехи. Интеллигенция в России. Статьи 1909-1910 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С.43-84.
23. *Валлон А.* От действия к мысли. – М.: Ин. лит., 1956 – 238 с.
24. *Валлон А.* Психическое развитие ребенка. – М.: Просвещение, 1967. – 196 с.
25. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200с.

26. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия. // в сб. Само-сознание европейской культуры XX века. / сост. Р.А. Гальцева. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – С.130-153.
27. *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. – 336 с.
28. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. // Собр. соч: В 2 т. – М.: Наука, 1975-1977. – Т.1. Пространство и время в неживой и живой природе. – 1975. – С.75-173.
29. Вехи. Интеллигенция в России. Статьи 1909-1910 гг. М.: Молодая гвардия, 1991.
30. *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.
31. *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Советское радио, 1968. – 326 с.
32. *Выготский Л.С.* Вопросы теории и истории психологии. // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982-85. – Т.1. – 1982а. – 488 с.
33. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982-85. – Т.2. – 1982б. – С.6-361.
34. *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики. // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982-1985. – Т.3. – 1983а. – 366 стр.
35. *Выготский Л.С.* Проблема умственной отсталости. // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982-85. – Т.5. – 1983б. – С.231-256.
36. *Выготский Л.С.* Вопросы детской (возрастной) психологии. // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982-1985. – Т.4. – 1984. – С.243-385.
37. *Гезелл А.* Педология раннего возраста. – М-Л.: 1932. – 248 с.

38. Годовикова Д.Б. Особенности реакции младенца на "физические" и "социальные" раздражители // Вопросы психологии. – 1969. – № 6. – С.79-90.
39. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 406 с.
40. Гинзбург Л.Я. О старом и новом. – Л.: Советский писатель, 1982. – 329 с.
41. Глебкин В.В. Можно ли говорить «ясно» об интеллигенции. // Труды по культурной антропологии / Сост. В.В. Глебкин. М.: Вост. лит.: Муравей, 2002. – С.91-116.
42. Гурвич И.С. ред. Семейная обрядовость народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – 240с.
43. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
44. Данилова Н.Н., Крылова А.Л. Физиология высшей нервной деятельности. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1989. – 398 с.
45. Дети с нарушением общения. / Лебединская К.С., Никольская О.С., Баенская К.С., Либлинг М.М. и др. – М.: Проповедование, 1989. – 95 с.
46. Древнекитайская философия. // Собрание текстов.: В 2 т. – М.: «Мысль», 1972-1973. – Т.1. – 1972 – 363 с., Т.2 – 1973 – 384 с.
47. Журавский А.В. Представления о человеке в Коране и Новом завете // Труды по культурной антропологии / Сост. В.В. Глебкин. М.: Вост. лит.: Муравей, 2002. – С.117-127.
48. Иванов В.В. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики. // Труды по знаковым системам VI. // Уч. записки Тарт. ун-та. – 1973. – С.5-44.

49. Зейгарник Б.В. Теория личности К.Левина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 117 с.
50. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 281 с.
51. Зинченко В.П. От классической к органической психологии. // Вопросы психологии, № 5, 1996, – с.7-19, № 6, с.6-25.
52. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. – М.: Тривола, 1994. – 333 с.
53. Зинченко В.П. Пособие Осипа Мандельштама и Трубка Мардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 334 с.
54. История зарубежной психологии. 30-е -60-е годы XX века. / ред. П.Я.Гальперина. – М.: изд. Моск. ун-та, 1986. – 343 с.
55. Изард К. Эмоции человека. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 440 с.
56. Кон И.С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры. // В кн.: Социальная психология личности. – М.: Наука, 1979. – С.85-113.
57. Крейг Г. Психология развития, 7-е международное издание. С-Петербург-Харьков-Москва, 2000, Питер. – 992 с.
58. Лебединская К.С. Проблемы аномальной психической конституции в детском возрасте / В сборнике «Вопросы дифференциальной психофизиологии в связи с генетикой». – Пермь. 1976. – С.112-124.
59. Лебединская К.С., Никольская О.С. Дефектологические проблемы раннего детского аутизма. Сообщение 1. // Дефектология. – 1987. – № 6. – с.10-16.

60. *Лебединская К.С., Никольская О.С.* Дефектологические проблемы раннего детского аутизма. Сообщение 2. // Дефектология. – 1988. – № 2 – с.10-15.
61. *Лебединский В.В.* Нарушения психического развития у детей. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1985. – 167 с.
62. *Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. – 197 с.
63. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. – М.: "Атеист", 1930. – 337 с.
64. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Гаиз., 1937. – 518 с.
65. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 535 с.
66. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
67. *Лисина М.И.* Воспитание детей раннего возраста в семье. – Киев, 1983.
68. *Лисина М.И.* Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986. – 143 с.
69. *Лисина М.И., Мещерякова С.Ю., Сорокина А.И.* Эмоциональное развитие младенцев в общении // VI Всесоюзный съезд психологов. М., 1983, С.77-79.
70. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. // Избр. работы в 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т.1. – С.261-654.
71. *Лихачев Д.С.* Смех в древней Руси. // Избр. работы в 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т.2. – С.343-418.
72. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. // Избр. работы в 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т.2. – С.418-493.

73. *Лихачев Д.С.* О садах. // Избр. работы в 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т.3. – С.476-518.
74. *Лоренц К.З.* Кольцо царя Соломона. – М.: Знание. 1978. – 208 с.
75. *Лоренц К.* Агрессия. – М.: Прогресс, Универс. 1994. – 271 с.
76. *Лорка Ф.Г.* О воображении и вдохновении. // В сб.: Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – С.258.
77. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. // В кн.: А.Ф. Лосев. Философия, мифология, культура. – М.: Изд. Полит. лит., 1991. – С.21-186.
78. *Лосев А.Ф.* Основной вопрос философии музыки. // В кн.: А.Ф. Лосев. Философия, мифология, культура. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – С.315-335.
79. *Лосев А.Ф.* Античная философия и общественно-исторические формации. // В кн.: А.Ф. Лосев. Философия, мифология, культура. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – С.398-452.
80. *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах. // Труды по знаковым системам 2. // Ученые записки Тартуского университета. – 1965 – в.181. – С.210-216.
81. *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры. // Труды по знаковым системам VI. // Уч. зап. Тарт. ун-та. – 1973. – С.227-243.
82. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: Гнозис, изд. группа "Прогресс", 1992а. – 272 с.

83. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. // Собр. соч.: В 3 т. – Таллин: "Александра", 1992б. – Т.1. – 479 с.
84. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. // Собр. соч.: В 3 т. – Таллин: "Александра", 1993. – Т.3. – 480 с.
85. *Лотман Ю.М. Успенский Б.А.* Миф – имя – культура. // Труды по знаковым системам VI. // Уч. зап. Тарт. ун-та. – 1973. – С.282-303.
86. *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти. // А.Р. Лурия. Романтические эссе – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – С.12-94.
87. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1973. – 374 с.
88. *Мазитова Г.Х.* Развитие дифференцированных взаимоотношений с окружающими у младенцев. Автореф. канд. дисс. – М., 1977 – 22с.
89. *Мамардашвили М.* Вена на заре XX века. // Литературная Грузия. – 1991. – № 5. – С.207-224.
90. *Маритен Ж.* Ответственность художника. // В кн.: Самосознание европейской культуры XX века. / Сост. Р.А. Гальцева. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – С.171-207.
91. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М.: 1976. – 407 с.
92. *Мещерякова С.Ю.* Особенности «комплекса оживления» у младенцев при воздействии предметов и общении со взрослыми. // Вопросы психологии, 1075, 5.
93. *Мещерякова С.Ю.* Особенности аффективно-личностных связей со взрослыми у младенцев, воспитывающихся в семье и домах ребенка. // Возрастные особенности психического развития детей. / Под ред. И.В.Дубровиной, М.И. Лисиной – М., 1982.

94. *Мещерякова С.Ю.* Становление основ личности в младенческом возрасте. // Творчество и педагогика: Материалы Все-союзн. Научно-практич. Конф. (Секция V. Детство и творчество). М., 1988.
95. *Мещерякова С.Ю., Авдеева Н.Н.* Особенности психической активности ребенка первого года жизни. // Мозг и поведение младенца. / Под ред. О.С.Андронова. – М., 1993.
96. *Мид М.* Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
97. *Мухамедрахимов Р.Ж.* Мать и младенец: психологическое взаимодействие. – СПб.: Изд-во СПб. Ун-та. 2001. – 288 с.
98. *Небылицын В.Д.* Основные свойства нервной системы человека. – М.: Просвещение, 1966. – 383 с.
99. *Некдюдов С.Ю.* Заметки об эпической временной системе. // Труды по знаковым системам VI. // Уч. зап. Тарт. ун-та. – 1973. – С.151-165.
100. *Никольская О.С.* Приспособительное поведение новорожденного ребенка. – Неопубликованная работа, 1975. – 48 с.
101. *Никольская О.С.* Особенности психического развития и психологической коррекции детей с ранним детским аутизмом: дисс. канд. наук: 19.00.04. – М., 1985.
102. *Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Аутичный ребенок. Пути помощи. – М.: Теревинф, 1997. – 342 с.
103. *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. – М.: Вост. лит., 2004. – 304 с.
104. *Обухова Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995. – 360 с.
105. *Обуховский К.* Психология влечений человека. – М.: Прогресс, 1972. – 247 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

106. *Павлов И.П.* Рефлекс цели. // Собр. соч.: В 5 т. – М-Л., 1951-54 гг. – Т.3. – кн.1. – с.306-312.
107. Общение и его влияние на развитие психики дошкольников. / Ред. М.И.Лисиной, М., 1974.
108. *Павлов И.П.* Рефлекс свободы. // Собр. соч.: В 5 т. – М.-Л., 1951-54 гг. – Т.3. – кн.1. – с. 340 – 345 с.
109. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.
110. *Поливанова К.Н.* Психологический анализ кризисов возрастного развития. // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С.61-69.
111. *Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. – Москва: Издательский центр «Академия», 2000. – 184 с.
112. *Поршинев Б.Ф.* О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – 464 с.
113. *Поршинев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М.: Наука, 1978. – 213 с.
114. *Пригожин И.* Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
115. *Пропп В.Я.* Ритуальный смех в фольклоре. // Уч. записки ЛГУ / Серия «Филологические науки» . – 1939. – вып.3. – С.151-175.
116. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд ЛГУ, 1946. – 340 с.
117. Психология детей дошкольного возраста. / Под ред. Запорожца А.В., Эльконина Д.Б. – М.: 1964. – 352 с.
118. Принцип развития в психологии. / Под ред. Анцыферовой Л.И. – М.: 1978 – 368 с.
119. *Пятигорский А.М.* Психологическая система раннего Буддизма и некоторые семиотические проблемы теории совре-

- менной психиатрии. // Труды по знаковым системам YI. // Уч. зап. Тарт. ун-та. – 1973. – С.191-200.
120. Развитие общения у дошкольников. / Под ред. А.В. Запорожца, М.И. Лисиной. – М.: Педагогика, 1974. – 288 с.
121. Развитие ребенка. / Под ред. А.В. Запорожца – М.: Просвещение, 1968. – 190 с.
122. *Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жития. – М.: Искусство, 1990. – 604 с.
123. РОССИЯ/RUSSIA. Вып.2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм. // Материалы межд. конф. Непаполь, 1997. / Сост. Б.А. Успенский. М.: О.Г.И., 1999.
124. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
125. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
126. Русская интеллигенция. Истории и судьба: сборник. / Сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 1999.
127. Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. / Под. ред. И.С. Гурвича. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
128. *Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. – М.: Изд. Наука, 1975. – 149 с.
129. *Смирнова Е.О.* Развитие воли и произвольности в раннем онтогенезе. // Вопросы психологии. – 1990. – № 3. – С.49-57.
130. *Смирнова Е.О.* Теория привязанности: концепция и эксперимент. // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С.139-150.

131. Смирнова Е.О. Проблема общения ребенка и взрослого в работах Л.С. Выготского и М.И. Лисиной. // Вопросы психологии. – 1996. – № 6.
132. Смирнова Е.О., Кондратович И.А. Проявление некоторых особенностей в общении со взрослым у детей раннего и дошкольного возраста. Дошкольное воспитание, 1973, № 9. – С.18-21.
133. Сохина Т.В. Особенности поведения младенцев – воспитанников дома ребенка в ситуациях дискомфорта. // Автореф. канд. дисс., Москва, 2003. – 25 с.
134. Сохина Т.В. Особенности плача детей раннего возраста, воспитывающихся в разных условиях. // Материалы конф. «Ранняя психолого-педагогическая помощь детям с особыми потребностями и их семьям». – М.: Полиграф сервис, 2003. – с.308-323.
135. Стерн Д.Н. Межличностный мир ребенка. – С-Пб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. – 376 с.
136. Тейлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Изд. Полит. Лит., 1989. – 573 с.
137. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1961. – 536 с.
138. Теплов Б.М. Новые данные по изучению свойств нервной системы человека. // В сб.: Типологические особенности в.н.д. человека. / Ред. Б.М. Теплова. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1963. – С.3-46.
139. Тинберген Н. Поведение животных. – М.: Мир, 1969. – 192 с.
140. Толстой Л.Н. Война и мир. // Полн. собр. худ. произв.: В 15 т. – М.-Л.: Гос. изд., 1928-30 гг. – Т.7. – 1929. – С.154-155.

141. Толстой Л.Н. Анна Каренина. // Полн. собр. худ. произв.: В 15 т. – М.-Л.: Гос изд., 1928-30 гг. – Т.8, – 1928. – С.50-52, 175.
142. Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний. // Труды по знаковым системам VI. // Уч. зап. Тарт. ун-та. – 1973. – С.106-150.
143. Тургенев И.С. Отцы и дети. // Собр. соч.: В 12 т. – М.: Худ. лит. изд., 1954-58. – Т.3. – 1954. – С.167-372.
144. Уайт Б. Первые три года жизни. – М.: Педагогика, 1982.
145. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – М.: 1964.
146. Уланова Г.С. Я не хотела танцевать. // Театр. – 1985. – № 1. – С.113-129.
147. Ухтомский А.А. Принцип доминанты. // В кн. Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. – М.: Госиздат, 1925. – С.60-67.
148. Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л.: Наука, 1978. – 358 с.
149. Фигурин Н.Л., Денисова М.П. Этапы развития поведения детей в возрасте от рождения до одного года. – М.: 1949. – 104 с.
150. Флоренская Т.А. Катарсис как осознание. // В кн. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. – Тбилиси. – т.2. – С.562-570.
151. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М.: Издво «Правда», 1990. – 490 с.
152. Флоренский П.А. Обратная перспектива. // В кн. Философия русского религиозного искусства. / Ред. Н.К.Гаврюшин. – М.: Прогресс "Культура", 1993. С.247-264.
153. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.

154. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. // В кн. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. – С.202-309.
155. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. – М.: 1978. с.24-28.
156. *Фрейденберг О.М.* Что такое эсхатология. // В кн. Труды по знаковым системам. – т.2. // Уч. записки Тартуского гос. университета. – 1965. – вып.181. – С.512-514.
157. *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. – М.: Изд. полит. лит., 1980. – 831 с.
158. *Фрезер Д.Д.* Фольклор в ветхом завете. – М.: Изд. полит. лит., 1986. – 511 с.
159. *Хайнд Р.* Поведение животных. – М.: Мир, 1975. – 855 с.
160. *Хейдмятс М.* Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях. // В сб. Человек, среда, пространство. // Уч. записки Тартуского университета. – 1979. – С.129-161.
161. *Хейдмятс М.* Социо-психологические факторы формирования пространственной структуры жилой среды: Автореф. дисс. канд. психологических наук – М.: Ин-т психологии АН СССР, 1989. – 18с.
162. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988. – 539 с.
163. *Хейзинга Й.* Homo ludens. – М.: изд. гр. "Прогресс", "Прогресс-Академия", 1992. – 464 с.
164. Человек, среда, пространство. Исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. // Уч. записки Тартуского университета. – 1979. – 161 с.
165. *Чехов А.П.* Смерть чиновника. // Собр. соч.: В 12 т. - М.: Худ.лит., 1960- 64 гг. – Т.2 – 1960. – С.28-30.

166. Чехов А.П. Три года. // Собр. соч.: В 12 т. – М.: Худ. лит., 1960-64. – Т.7. – 1962. – С.452.
167. Чехов А.П. Моя жизнь. // Собр соч.: В 12 т. – М.: Худ. лит., 1960-64 гг. – Т.8. – 1962. – с.180.
168. Шматко Н.Д., Пелымская Т.В. Если малыш не слышит. – М.: Просвещение, 2003, 205 с.
169. Шмелев И.С. Лето Господне. Праздники – Радости – Скорби. – Москва: Моск. рабочий, 1991. – 572 с.
170. Шовен Р. Поведение животных. – М.: Мир, 1972. – 487 с.
171. Шпенглер О. Закат Европы. – Т.2. // В кн. Самосознание европейской культуры XX века. – М.: изд. полит. лит., 1991. С.23-68.
172. Шпенглер О. Закат Европы. – Т.1. Образ и действительность. – Новосибирск: ВО "Наука", Сиб. изд. фирма, 1993. – 592 с.
173. Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
174. Эриксон Е. Детство и общество – СПб.: Леносто, 1992. – 589 с.
175. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Гос. издат., 1924. – 96 с.
176. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Renaissance, 1991. – 304 с.
177. Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. – М.: Ренесанс, 1992. – 320 с.
178. Ainsworth M.D.S. The development of mother-infant interaction among the Ganda. // Determinants of infant behavior. / Ed by B.M. Foss, NY, 1963.
179. Ainsworth M.D.S., Bell S.M., Stayton D.J. Individual differences in stranger situation behavior of one-year-old. // The origins of human social relations. / Ed. By H.R. Schaffer. London, 1971.

180. *Asperger H.* Die autistischen Psychopathen. // in Kindesalter. Archiv fur Psychiatrie und Nervenkrankheiten. – 1944. – 117. – 76-136.
181. *Barnard K.E.* Nursing child assessment satellite training II. Learner Manual. Seattle, 1991.
182. *Berlyne D.E.* Conflict, arousal and curiosity. – New York: McGrow-Hill, 1960. – 350 p.
183. *Bowlby J.* Maternal care and mental health. // World Health Organization monograph, 1951. Ser. 2.
184. *Bowlby J.* The nature of the child's tie to this mother. // International journal of psychoanalysis, 1958. Vol. 39.
185. *Bowlby J.* Attachment and Loss. – N.Y.: Hogarth press, 1969. – Vol.I. 428 p.
186. *Bowlby J.* Attachment and Loss: Retrospect and Prospect. // American Journal oof Orthopsychiatry. – 1982. – 52. – P.664-678.
187. *Brazelton T.B.* Infant and mother, N.Y., 1982.
188. *Brazelton T.B.* Joint regulation of neonate-parents behavior. / In E.F. Tronick (Ed.), Social interchange in infancy: Affect, cognition and communication. – Baltimore: University Park Press, 1982. – P.7-22.
189. *Brazelton T.B., Koslofski B. & Main M.* The early mother-infant interaction. // In The effect of the infant on its caregivers. / M.Lewis & L.A. Rosenblum (Eds). – N.Y.: Wiley, 1974. – P.49-76.
190. *Brazelton T.B., Cramer B.G.* The earliest relationship. Parents, infants and the drama of early attachment. London, 1991.
191. *Bruner J.* 1975, From communication to language: A psychological perspective.// Cognition. – 1975. – № 3. – P.255-287.

192. Classic Reading in Autism. / Ed by Anne M. Donnellan. – N.Y.-L.: Columbia University, 1985, – 440 p.
193. Condon W.S., Sander L.S. Neonate movements is synchronized with adult speech. // Science, 1974, Vol.183.
194. Dawson G., Levy A. Arousel, Attention, and Socioemotional Impairments of Individual with Autism. // in: Autism: Nature, Diagnosis & Treatment. / Ed. by G. Dawson. – N.Y. – L.: The Guilford press, 1989. – P.49-74.
195. Fantz R.L. Puttern vision in the newborn. // Science, 1963. – 40. – 296-297 p.
196. Fantz R.L. Pattern vision in newborn infants. // In: L.J. Stone, H.T. Smith & L.B. Murphy (Eds.). – The competent infant. N.Y.: Basic Books, 1973.
197. Field T.M. Effects of early separation, interactive deficits and experimental manipulation on infant-mother face-to-face interaction. // Child development, 48, 1977, p.763-771.
198. Field T.M. Affective displays of high-risk infants during early interactions. / in: T. Field & A. Fogel (Eds.), Emotion and early interaction. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1982.
199. Field T.M. Attachment as psychobiological attunement: Being on the same wavelength. // In: M. Reite & T. Field (Eds.). – The psychobiology of attachment and separation. – New York.: Academic Press, 1985.
200. Field T.M. Infancy. Cambridge, 1990.
201. Field T.M., Woodson R., Grenberg R., Cohen D. Discrimination and imitation of facial expressions by neonates. // Science, 1982, vol.218.
202. Frith U. Autism. Explaining the enigma – Oxford: Basic Blackwell, 1989. – 204 p.

203. *Frith U.* Autism and Asperger Syndrome. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 247p.
204. *Harlow W.* Love in infant monkeys. // Scient. Amer. – 1959. – 200 p.
205. *Hermelin B.* Coding and the sense modalities. // in Early childhood autism. / Wing L. (ed). – Oxford.: Pergamon Press, 1976. – P.135-168.
206. *Hermelin B., O'Connor N.* Psychological experiments with autistic children. – Oxford: Pergamon Press, 1970. – 142 p.
207. *Hermelin B., O'Connor N.* Logico-affective states and nonverbal language. // in: Communicftion problems in autism. / E. Schopler, G. Mesibov (Eds.). – N.Y.-L.: Plenum Press, 1985, P.283-310.
208. *Hutt S.J., Hutt C., Lee D. & Ounsted C.* A behavioral and electroencephalographic study of autistic children. // Journal of Psychiatric Research. – 1965. – P.181-197.
209. *Kanner L.* Autistic disturbance of affective contact. // Nerrvous Child. – 1943. – v.2. – P.217-250.
210. *Klinnert M., Campos J., Sorce J., Emde R. & Svejda M.* Emotions as behavior regulators: social referencing in infancy. // In Emotion: Theory, research and experience. / R. Plutchnik & H. H. Kellerman (Eds.): New York: Academic Press. 1983. – Vol.2. – P.57-86.
211. *Lewin K.* A dinamic theory of personality. – N.Y.; L.: McGraw Hill, 1935. – 286 p.
212. *Lewin K.* Principles of topological psychology. N.Y.; L.: McGraw Hill, 1936. – 231 p.
213. *Malatesta C.Z. & Izard C.E.* The ontogenesis of human social signals: From the biological imperative to symbol utilisation. In

- N. Fox & R. Davidson (Eds.). The psychobiology of affective development. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1984.
214. *Mead M.* Twentieth century faith. Hope and survival. – NY.: Harper & Row, 1972. – 172 p.
215. *Needham J.* Science and Society in East and West. in The Grand Tiffraction, Eds L. Allen & Unwin, 1969, P.308-330.
216. *Papousek H. & Papousek M.* Early ontogeny of human social interaction: Its biological roots and social dimensions. // In Human ethology: Claims and limits of a new discipline. / M. von Cranach, K. Foppa, W. Lepenies & D. Ploog (Eds.). – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1979.
217. *Piaget J.* Play, dreams, and imitation. – New York: Norton, 1951. – 296 p.
218. *Ratner N., Bruner J.S.* Games, social exchange and the acquisition of language. // Journal of child development, 1978, 5, p.1-15.
219. *Rutter M.* Diagnosis and Definitions. // in: Autism: A reappraisal of Concepts and Treatment. / M. Rutter, E. Schopler (Eds). – NY-L.: Plenum Press, 1978, – p.1-26.
220. *Skinner B.F.* About behaviorism. – N.Y.: Khopf, 1974. – 256 p.
221. *Stern D.N.* The goal and structure of mother-infant play. // Journal of the American Academy of Child Psychiatry. – 1974. – 13. – P.402-421.
222. *Stern D.N.* The first relationship: infant and mother. Cambridge, 1977.
223. *Stern D.N., Hofer L., Haft W. & Dore J.* Affect attachment. The sharing of feelings states between mother and infant by means of inter-model fluency. // In Social perception in infants. / T.M. Field & N.A. Fox (Eds.). – Norwood, NJ: Ablex, 1985. – 249-268.

224. *Tronic E.Z.* Emotions and emotional communication.//American Psychologist, 1989, 44(2), p.112-119.
225. *Tronic E.Z., Als H., Adamson L. et al.* The infant's responset o entrapment between contradictory message in face-to-face interaction // Journal of the American Academy of child psychiatry. 1978, vol. 17.
226. *Watts A.* The Way of Zen. – N.Y.: Pantheon, 1957. – 236 p.
227. *Watts A.* The Spirit of Zen. – N.Y.: Grove Press, 1960. – 128 p.
228. *Wing L.* Early Childhood Autism. – 2 ed. – Oxford: Pergamon Press, 1976, – 342 p.
229. *Wing L.* Social, Behavioral and Cognitive Characteristics: An Epidemiological Approach. // in: Autism: A reappraisal of Concepts and Treatment. / M. Rutter, E. Schopler (Eds). – NY-L.: Plenum Press, 1978. – P.47-62.
230. *Wing L.* Language, social and cognitive impairments in autism and severe mental retardation. // Journal of Autism and Developmental Disorders. – 1981. – 11. – P.31-33.
231. *Wing L., Attwood A.* Syndromes of Autism and atypical development. // in Handbook of autism and developmental disorders. / D.J. Cohen, A.M. Donnellan (eds.). – N.Y.: John Wiley, 1987. – P.3-19.
232. *Zentall S.S. & Zentall T.R.* Optimal stimulation: A model of disordered activity and performance in normal and deviant children. // Psychological Bulletin. – 1983. – 94. – P.446-471.